

К.А.Акишев, К.М.Байпаков, Л.Б.Ерзакович

ОТРАР

В XIII-XV ВЕКАХ

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

К.А.Акишев, К.М.Байпаков, Л.Б.Ерзакович

ОТРАР

В XIII-XV ВЕКАХ

Издательство «НАУКА» Казахской ССР

АЛМА-АТА-1987

Акишев К. А., Байпаков К. М., Ермакович Л. Б. Отрар в XIII—XV веках. — Алма-Ата: Наука, 1987. — 256 с.

Излагается новый археологический материал, дающий возможность описать планировку кварталов и отдельных усадеб, исследовать развитие гончарного и стекольного дела, обработку металлов, строительных ремесел. Дается классификация керамики XIII—XIV вв. Ставятся вопросы о торгово-экономических связях Отрара, что позволяет выявить место и роль этого города в системе международных торговых путей.

Для историков, археологов, этнографов, а также для всех интересующихся историей республики.

Ответственный редактор

член-корреспондент АН Туркменской ССР

В. М. МАССОН

А $\frac{0507000000-153}{407(05)-87}$ 11.87

©Издательство «Наука» Казахской ССР, 1987

ОТ АВТОРОВ

В 1976 г. Южно-казахстанская комплексная археологическая экспедиция Академии наук Казахской ССР начала изучение слоев Отрара, хронологически более ранних по отношению к верхнему слою, датируемому XVII — первой половиной XVIII в. Во время предварительных работ в восточной части центральных развалин, охватывающих территорию цитадели и шахристана, был открыт массив застройки XVI в. В 1978 г. начались масштабные раскопочные работы, которые помимо центральных развалин захватили территорию рабада. Это давало возможность начать изучение доступного для раскопок верхнего слоя, предварительно датированного XIII—XIV вв.

В 1978—1979 гг. в непосредственной близости от центрального бугра на территории шахристана вскрыта общественная баня конца XIII — начала XV в. (раскоп IV). В 1979 г. на центральном бугре раскопан комплекс кирпичеобжигательной мастерской, включающий жилую застройку (раскоп III), а также вскрыты отдельные кирпичеобжигательные печи в разных частях предместья (раскоп II). В 1980—1983, 1985 гг. исследовался «квартал гончаров» в северной части рабада (раскоп I). При раскопках мастерских собран богатый керамический материал. Получены многочисленные данные о технологии производства, в частности об инструментарии гончаров, который включал костяные ножи — лощила, приспособления для сверления напярсел, набор наковаленок.

Изучение ранних слоев велось на небольшом участке в северо-западном углу раскопа III. На уровне слоев XII в. здесь была вскрыта значительная часть квартала, установлена стратиграфия культурных напластований, выделены пять строительных горизонтов, получено представление о жилом домостроительстве, материальной и духовной культуре горожан в канун монгольского нашествия и вплоть до XVIII в. Разведочные работы в южной части раскопа IV в 1981 г. выявили гребни колонн из жженого кирпича. Масштабные раскопки привели к открытию монументального сооружения XIV—XV вв. — соборной мечети.

Исследования мечети закончены, но продолжаются на прилегающих к ней участках.

В 1976—1978, 1985 гг. велись раскопки у северной городской стены Отрара (раскоп V), а также был сделан разрез всего разновременного массива городских стен. Параллельно исследовались памятники домонгольского времени в Отрарском оазисе — городища Куйруктобе, Кок-Мардан, зона кочевой округи оседло-земледельческого региона.

Изложение и систематизация материалов XIII—XV вв. является главной задачей данной книги. Полученные материалы открывают возможность для изучения таких вопросов, как застройка кварталов, характер городского жилища. Впервые получено представление о монументальном строительстве в городе в период после монгольского нашествия. Исследуются городские ремесла — гончарное, стекольное, обработка металла, ремесла, связанные со строительством. Ставятся вопросы, относящиеся к торгово-экономическим связям Отрара XIII—XV вв.

Введение к книге написано К. М. Байпаковым, К. А. Акишевым, глава I — Л. Б. Ерзаковичем, глава II — К. А. Акишевым (§ 1), К. М. Байпаковым (§ 2, 3), Л. Б. Ерзаковичем (§ 1), глава III и заключение — К. М. Байпаковым. Автор приложения — В. Н. Настич.

В подготовке иллюстраций к книге принимали участие Г. Б. Демченко (чертежи), О. В. Медведев (фотографии). Рисунки с изображением находок и керамики выполнены Р. Х. Ахметовым, А. Е. Горбатовым, Л. А. Туруловой, Т. В. Трифоновой.

Авторы выражают глубокую признательность С. М. Ахинжанову, Б. Х. Адильгирееву, А. О. Итенову, Т. И. Кулик, К. Н. Бурханову, Ю. А. Мотову, Е. А. Смагулову, Ю. И. Трифонову, В. И. Скрипникову, С. Ш. Тлеуову, Н. П. Егоровой, Н. А. Никифоровой, Н. Н. Нещерет и другим участникам раскопок за помощь в подготовке этого издания.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие средневековой городской культуры Южного Казахстана, достигшей своего расцвета в XI—XII вв., было прервано завоевательными походами татаро-монгольских войск в Среднюю Азию в 1219—1224 гг. Поход был продиктован интересами феодальной верхушки монгольского государства, стремившейся к подчинению новых богатых земель и эксплуатации их народов. Кроме того, он давал возможность на время приглушить классовые противоречия в монгольском обществе путем как бы всеобщего допуска к награбленным ценностям.

Когда в 1211 г. первые монгольские отряды вступили в Семиречье, глава карлуков Арсланхан и правитель Алмалыка Бузар признали себя подданными Чингисхана¹. Крупнейший в долине реки Чу город Баласагун сдался сразу, за что получил название Гобалык (Хороший город)². В 1218 г. Семиречье уже полностью находилось под властью монголов. В 1219 г. армия Чингисхана, усиленная ополчениями владельца карлуков Арсланхана и уйгурского индикута Барчука, вторглась на территорию Южного Казахстана³. Видимо, одним из первых был взят город Сайрам. В источниках сохранилось упоминание о применении монголами катапульт при штурме «города Сайлань»⁴.

Часть войска при штурме с Чагатаем и Угэдэем осадила Отрар. Подробный рассказ Джувеини о шестимесячной обороне Отрара заканчивается повествованием о трагической участи его жителей. Все укрепления города были разрушены, население вырезано, а ремесленники уведены в Монголию⁵.

¹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. 1. Кн. 2. С. 151.

² Бартольд В. В. Соч. М., 1963. Т. I. С. 468—471.

³ См.: Петрушевский П. П. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219—1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 123.

⁴ Bretschneider E. Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources // Fragments towards the knowledge of the geography and history of Central and Western Asia from the 13th. to the 17th. century. London, 1910. V. II. P. 250.

⁵ Juvaini. The History of the World-Conqueror by Ala-ad-Din Ata-Malik Juvaini. Transl from the text of Mirza Muhammad. Qazvini by J. A. Boyle. Manchester, 1958. P. 82—86.

Один за другим были захвачены города Сыгнак, Узгенд, Барчын-лыгкент (Барчкент), Ашнас, Дженд. Сыгнак сопротивлялся семь дней, после того как монгольский парламентар, предложивший сдать город, был убит. Население было целиком вырезано. Города Узгенд и Барчкент монголы захватили легко. Упорно сопротивлялся Ашнас, где верх взяли «бродяги и чернь», т. е. городские низы. Когда город пал, большинство его жителей было истреблено. Дженд, после того как его покинули войска хорезмшаха, сдался, но подвергся разграблению. Небольшой монгольский отряд захватил Янгикент. Источники упоминают еще один сырдарьинский город — Зернук, который был занят войсками Чингисхана и Тулуя без сопротивления. Несмотря на это, молодежь его монголы забрали в «хашар» — «толпу»⁶.

Перечень городов, завоеванных, по сообщениям авторов, монголами на территории Южного Казахстана, невелик, но археологические исследования свидетельствуют, что городов и поселений, подвергшихся опустошению, было гораздо больше. Резко сократилась численность населения: часть его была уничтожена физически, часть уведена в Монголию, многие погибли от голода и эпидемий. Нарушились традиционные экономические связи населения городов и кочевой степи, также жестоко пострадавшей в ходе нашествия.

Плано Карпини, спустя четверть века проезжавший через эти земли, писал об истребленных городах, разрушенных крепостях и опустошенных селениях⁷. К маю 1220 г. была захвачена территория Средней Азии до Амударьи, в ходе зимней кампании 1220—1221 гг. — Хорезм.

Все завоеванные территории были поделены между старшими сыновьями Чингисхана, в результате чего Южный Казахстан и Семиречье оказались политически раздробленными. Четких границ между улусами не было, и чагатаиды время от времени распространяли свою власть на низовья Сырдарьи, а джучиды расширяли свои владения за счет городов Средней Сырдарьи⁸.

Среди монгольских ханов и аристократии наметились две тенденции в отношении оседлого и городского населения. Одни стремились к децентрализации государства, выступали против оседлости и готовы были бесконечно грабить горожан. Другие вместе с основной частью местной знати, купечества и духовенства имели целью установление сильной власти, ограждение горожан и оседлых жителей оазисов от произвольных поборов, разорения, без чего была невозможна их усиленная эксплуатация. Выразителями последней тенденции являлись Мункэ-хан и купец-правитель Масудбек⁹. При Мункэ-хане были отменены ненормированные подати и налоги, регламентирован подушный налог, декретиро-

⁶ Бартольд В. В. Соч. Т. I. С. 481—484.

⁷ Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 127.

⁸ Бартольд В. В. Соч. М., 1963. Т. II. Ч. I. С. 72.

⁹ Гафуров Б. Г. Таджики. М., 1972. С. 457.

ван чекан золотых динаров¹⁰. В 1269 г. на берегах Таласа состоялся курултай, на котором царевичи обязались ограничиться фиксированными налогами с оседлого населения и горожан, избегать грабежей, не трогать пашен¹¹.

Введенная в 1271 г. денежная реформа Масудбека обеспечила государство серебряной монетой и создала предпосылки для развития городской жизни и денежной торговли¹². Дальнейшему экономическому подъему способствовала денежная реформа Кебек-хана в 1321 г.

Постепенное хозяйственное возрождение городов сопровождалось укреплением экономического и политического положения местной тюркской феодальной верхушки. Используя недовольство народных масс монгольским игом, тюркская феодальная знать в улусах Джучи и Чагатай боролась за установление своей политической власти. В результате в конце 50-х гг. XIV в. Чагатайдское государство распалось на несколько владений. Господство над районами Средней Сырдарьи захватили ханы Ак-Орды, а Семиречье вошло в состав Могулистана, сформировавшегося на территории Юго-Восточного Казахстана¹³. Правитель Могулистана Тоглук-Тимур-хан пытался распространить свою власть на юг Казахстана и Среднюю Азию, в связи с чем предпринял несколько походов. В своих притязаниях на эти земли он столкнулся с правителем оседло-земледельческой Средней Азии Тимуром, который, в свою очередь, осуществил несколько опустошительных походов в Семиречье¹⁴.

В 70-х гг. началась война ханов Ак-Орды с Тимуром. Поводом послужило бегство к Тимуру претендента на ак-ордынский престол Тохтамыш. Вначале Тохтамыш, заручившись поддержкой Тимура в борьбе за власть в Ак-Орде, действовал неудачно, но в 1379 г. он сумел утвердиться в Ак-Орде и Золотой Орде, после чего в 1387 г. выступил уже против Тимура. В ходе феодальных войн в первую очередь страдали города и оседлое сельское население, подвергавшееся разорениям и грабежам. В 1387—1388 гг. Тохтамыш послал в Мавераннахр войско, которое, соединившись с отрядом могулистанского эмира Камар ад-Дина, прошло через Сыгнак, осадило Сауран, разорило окрестности Ташкента, Сайрама, Самарканда и Бухары, ограбило Яссы¹⁵. Ответные действия Тимура, его походы в глубь Дашт-и Кипчака, в свою очередь, вылились в ограбление мирного населения Ак-Орды¹⁶.

Вновь борьба за сырдарьинские города разгорелась после смерти Тимура. Весной 1405 г. Отрар захватил шейх Нур ад-Дин и удерживал

¹⁰ Давидович Е. А. Денежное хозяйство Средней Азии в XIII в. М., 1972. С. 33—36.

¹¹ Бартольд В. В. Соч. Т. II. Ч. 1. С. 69.

¹² Давидович Е. А. Денежное хозяйство Средней Азии в XIII в. С. 96—114, 141—151.

¹³ Пищулина К. А. Юго-восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI в. Алма-Ата, 1977. С. 33—40.

¹⁴ Там же. С. 62—87.

¹⁵ СМИЗО. Т. II. С. 154, 157.

¹⁶ Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 339—361.

его четыре года, затем городом овладел Халил-Султан¹⁷. В 1410 г. могольские отряды под предводительством Шах-Джахана осадили Сайрам, Карасаман, Отрар¹⁸.

В 20-х гг. обострилась борьба за сырдарьинские города между Улугбеком и Бараком, и лишь помощь Шахруха сохранила власть первого над сырдарьинским регионом.

К середине XV в. города Туркестана подчинились кочевым узбекам Абул хайр-хана.

Как уже отмечалось, в середине XIII в. происходит оживление городской жизни на юге Казахстана и, хотя ее масштабы не идут в сравнение с тем, что было накануне, возрождаются города, восстанавливаются экономические связи районов, ряд городов вовлекается в орбиту международных торговых и дипломатических связей. В письменных источниках этого времени упоминаются сырдарьинские города Отрар, Зернук, Сауран, Яссы, Сыгнак. В маршрутке армянского царя Гетума I, следовавшего в 1256 г. через Южный Казахстан, названы города Пергант, Сухулхан, Уросохан, Қайкент, Хузак, Сыгнак, Харчук, Асон, Саври, Отрар, Зурнух¹⁹, в которых не трудно узнать Баркент (Берукет), Сугулкент, Уросоган, Кумкент, Сузак, Сыгнак, Карачук, Яссы, Сури, Отрар, Зернук. Создается впечатление, что оживление караванного пути, проходившего по северным склонам Каратау, способствовало подъему каратауских городов. К концу XIII — первой половине XV в. в источниках упоминаются города Кенджде, Чилик, Сюткент, Дженд.

Археологические исследования свидетельствуют о возобновлении в середине — второй половине XIII в. жизни на городищах Сайрам, Узунтобе, Караспан, Актобе, Отрар, Қуйруктобе, Туркестан, Сауран, Сыгнак, Сюткент, Қауған-ата, Майрам-тобе, Ак-Курган, Узгенд, Асанас, Джан-кала и Джанкент (рис. 1).

Темпы восстановления городских центров не были одинаковыми. Несмотря на разгром, быстро поднимались Кенджде, Отрар, Сауран, Сыгнак. Здесь чеканилась монета, проходили караванные пути. Сауран и Сыгнак, кроме того, являлись в XIV в. центрами Ак-Орды.

По поводу начала и определяющего момента в преодолении последствий монгольского нашествия существуют различные точки зрения. По утверждению В. В. Бартольда, поворотным пунктом в подъеме экономики Средней Азии и юга Казахстана явилась денежная реформа Кебека²⁰. Это мнение разделяют большинство авторов²¹.

Иного взгляда придерживается Е. А. Давидович. Она считает, что

¹⁷ Бартольд В. В. Соч. М., 1964. Т. II. Ч. 2. С. 80.

¹⁸ Там же. С. 93.

¹⁹ *Қиракос Гандзакеці. История Армении* /Пер. с др.-арм., пред. и коммент. Л. А. Ханларян. М., 1976. С. 224.

²⁰ Бартольд В. В. Соч. Т. II. Ч. 1. С. 152—153.

²¹ История народов Узбекистана. Ташкент, 1950. Т. 1. С. 339; Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв. М.; Л., 1960. С. 48—52; Массон М. Е. Исторический этюд по нумизматике Джагатайдов: (по поводу таласского клада монет XV в.) //Труды САГУ. Новая серия. 1950. Вып. 111. С. 78—100.

значение реформы Кебека (1321 г.) явно преувеличено, наиболее важной в Средней Азии, на юге Казахстана и в Семиречье была денежная реформа купца-правителя Масудбека, начатая в 1271 г. Поэтому «не вторую четверть XIV в., а последнюю четверть XIII в. можно считать временем, когда для частичного восстановления городской жизни и денежной торговли Средней Азии созрели прочные и достаточно благоприятные условия»²². Мнение Е. А. Давидович подтверждается материалами последних раскопок южноказахстанских городищ. Отрарская

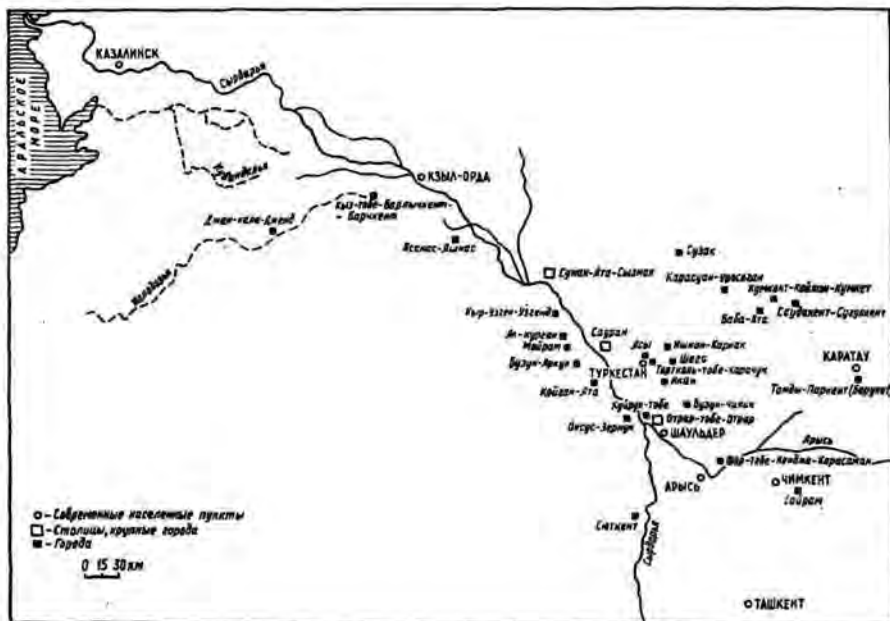

Рис. 1. Карта городов Южного Казахстана послемонгольского времени

кирпичеобжигательная мастерская начала функционировать в конце XIII в. Именно в это время в городе развернулось широкое строительство, потребовавшее большого количества строительного материала. В конце XIII в. из жженого кирпича здесь была возведена общественная баня, построена городская стена. К концу XIII — первой половине XIV в. относится начало новой застройки города. Однако прежняя планировочная схема в основных своих чертах сохранялась вплоть до XVII в.

Интенсивно начинает обживаться рабад. В восточной его части возникает «квартал» гончаров. Причем мастерские нижнего горизонта да-

²² Давидович Е. А. Денежное хозяйство Средней Азии в XIII в. С. 125.

тируются до 70-х гг. XIV в., а мастерские верхнего горизонта — последней четвертью XIV — первой третью XV в.

В подъеме экономики края и городской культуры бесспорно важную роль сыграл и тот факт, что в начале XIV в. юг Казахстана вошел в состав Ак-Орды — первого крупного государственного образования на местной этнической основе в послемонгольское время. Правители Ак-Орды, стремясь к восстановлению экономических связей кочевников и оседлого населения, сделали своей столицей город Сыгнак. В этот период, особенно при хане Ерзене, велось интенсивное строительство в Сыгнаке, Дженте, Сауране, Отраре, Барчкенте²³.

Стабилизация политической обстановки при ханах Сасы-Буке, Ерзене, Мубараке и Чимтае способствовала экономическому подъему городов. Об этом говорят слои XIV в., сохранившиеся почти на всех городищах, отождествляемых с известными в домонгольское время городами. Правда, прежний уровень развития городской жизни так и не был достигнут, и многие города, несмотря на некоторый подъем в XIV в., постепенно прекращают существование в первой половине XV в.

В Семиречье, судя по сообщениям послов, путешественников, положение в первые годы после монгольского нашествия было относительно благополучным. Города Янги-Балык, Янги-Талас, Кенжак, Баласагун в Таласской и Чуйской долинах²⁴, Ики-Огуз, Кайлак, Илибалык в Илийской долине становятся торгово-ремесленными и культурными центрами. Однако уже в середине XIII в. здесь начинается общий упадок земледельческой и городской жизни. В то время как сырдарьинские города Отрар, Сыгнак, Джентд возрождаются, семиреченские Тараз, Баласагун, Каялык гибнут. Причины гибели городской культуры в Семиречье различны, и помешать этому не смогли ни древние традиции оседлости, ни попытки сохранения городской культуры, предпринимавшиеся центральной властью, ни проходившие через Семиречье торговые и дипломатические пути. Большую роль сыграло то, что территория Семиречья оказалась политически разорванной на три части. Кроме того, сюда переселились большие массы кочевого населения, которое под покровительством верховной власти варварски относилось к горожанам и оседлому сельскому населению. В интересах кочевой знати под пастбища отводились земли, использовавшиеся под посевы, огороды, сады²⁵.

Такое отношение к оседло-земледельческим традициям вообще было характерно для монголов. К. Маркс отмечал: «Монголы при опустошении России действовали сообразно с их способом производства, пастбищным скотоводством, для которого большие необитаемые пространства являются главным условием»²⁶. Проезжавший через Илийскую долину в 1253 г. Вильгельм Рубрук писал: «...прежде там находилось много городков, но по большей части они были разрушены татарами, чтобы

²³ СМИЗО, т. II, с. 129.

²⁴ Бартольд В. В. Соч. т. II, ч. 1, с. 572.

²⁵ Бартольд В. В. Соч. т. I, с. 538.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 12, с. 724.

иметь возможность пасти свои стада, так как там были наилучшие пастбища»²⁷. О многочисленных развалинах в Чуйской долине сообщал в 1259 г. китайский путешественник Чандэ²⁸.

Непосильные налоги, дорожные поборы, различного рода повинности разоряли оседлое население. Не случайно в одном из указов Менгу-хана говорилось: «Насилия и притеснения достигли высшей степени, причем особенно доведены до крайности земледельцы множеством всякого рода тягот — взысканиями и бременем чрезвычайных налогов, так что польза, получаемая ими, не равнялась и половине взыскания (в виде повинностей)»²⁹.

Таким образом, упадок оседлой культуры в Семиречье начинается сразу же вслед за монгольскими завоеваниями, и если крупные города, будучи центрами транзитной торговли и ремесленного производства, в середине XIII в. еще внешне выглядят благополучно, то питавшая их земледельческая округа интенсивно разрушается, что и приводит вскоре к гибели самих городов³⁰.

Катастрофические последствия монгольского завоевания очевидны при оценке состояния городской культуры в Семиречье по археологическим данным³¹. В Таласской долине лишь немногим больше десяти поселений продолжали функционировать, два из них в низовьях р. Талас, остальные — в ее верховьях, в области Шельджи, где продолжалась интенсивная разработка серебро-свинцовых рудников³². В Илийской долине в XIII в. жизнь продолжается лишь в восьми городищах из шестидесяти шести³³.

Аналогичная картина запустения в еще большем масштабе наблюдалась и в Чуйской долине. Рашид ад-Дин назвал только два больших селения в области Чу: Тарсакент и Қаргалык. В источниках тимуридского времени упоминается лишь крепость Аспара. Археологическими исследованиями зафиксировано семь поселений, где жизнь функционировала и после монгольского завоевания. Однако и здесь прослеживаются явные черты упадка³⁴.

Окончательный удар по экономике Семиречья, который свел на нет все тенденции к восстановлению городской жизни, нанесли походы Тимура. Целью этих походов были не только грабежи, захват добычи, дезорганизация хозяйства и ослабление военной силы, но и прямой захват

²⁷ Вильгельм де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. Спб., 1911. С. 112.

²⁸ Бартольд В. В. Соч. Т. 1. С. 426.

²⁹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 141.

³⁰ Байпаков К. М. Периодизация городской и оседлой сельской жизни в Илийской долине // Бартольдовские чтения. Год 4-й. М., 1978. С. 8—10.

³¹ Ермаков Л. Б. Некоторые черты оседлой культуры позднего средневековья в Таласской долине // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С. 98.

³² Бубнова М. А. Добыча серебро-свинцовых руд в Шельджи в IX—XII вв. // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963. С. 242.

³³ Байпаков К. М. Городища типа «торткуль» // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978. С. 96.

³⁴ Ермаков Л. Б. О позднесредневековом городище Аспара // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968. С. 85—97.

новых территорий. Походы Тимура усугубили междоусобицы, способствовали общему экономическому и политическому упадку Семиречья³⁵.

Однако в ряде районов Семиречья оседлая культура сохранялась. Очаги ее оставались в Таласской долине, через которую проходил торговый путь, соединявший Южный Казахстан и Семиречье с Ферганой. В Таразе, Садыр-Кургане, Шарвашлыке отмечаются следы обживания в XVI—XVIII вв.³⁶ Так, известны коллекция керамики из раскопок городища Тараз, остатки построек XVI—XVIII вв.³⁷

Таким образом, несмотря на запустение городов, оседлое население здесь сохранялось, продолжая некоторые традиции городской культуры предшествующего времени.

---

³⁵ Пищулина К. А. Юго-восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI в. С. 80—87.

³⁶ Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941. С. 65; Ремпель Л. И. Археологические памятники в дальних низовьях Таласа // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. 1956. Т. I. С. 70.

³⁷ Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972. С. 201—202; Ермакович Л. Б. Некоторые черты оседлой культуры позднего средневековья в Таласской долине. С. 103—106.

I

Жилая застройка Отрара

Стратиграфия и хронология слоев

В ходе археологических работ на городище выявлен культурный пласт толщиной до 15 м. Материалы из верхних слоев позволяют выделить пять горизонтов в юго-западной части центрального бугра Отрара, охватывающей территорию древнего шахристана и цитадели (раскоп III) (рис. 2). Внутри горизонтов, как правило, обозначается несколько строительных периодов.

Ранний горизонт V характеризуется наслоениями мощностью до 1,3 м и тремя уровнями полов в пределах от —5,60 до —4,80 м. Хотя горизонт исследован не на всей площади раскопа III, ясно, что микростратиграфия культурного слоя этим не исчерпывается. Синхронность помещений прослеживается по поверхностям полов, из которых третий и кое-где второй имеют следы пожара. Однако завал в помещениях отсутствует. Поздний пол перекрыт мощными натечно-надувными слоями, особенно четко фиксируемыми в северо-восточной части раскопа, поскольку этот участок долгое время оставался заброшенным. Присутствие более поздних построек рядом со стенами заброшенных помещений свидетельствует о одновременности слоя на уровне горизонтальной стратиграфии.

Для строительных конструкций характерна регулярная кладка из плотного кирпича-сырца желтоватого цвета стандартного формата (40—45×20—22×10 см). Использовался также жженный кирпич размером 20—22×10—11×3,5 см. Стены тщательно несколько раз оштукатурены тонкими слоями обмазки. Жилые комнаты оформлены разновысокими суфами с обязательным тандыром и керамическим очагом-алтарем на полу в центре помещения. Важную роль в интерьере больших помещений играли невысокие перегородки, отделяющие хозяйственные и санитарные уголки, тамбурные входы, коридоры. Для санитарных помещений характерны керамические ванночки, снабженные системой слива через трубу (кубур) и колодец.

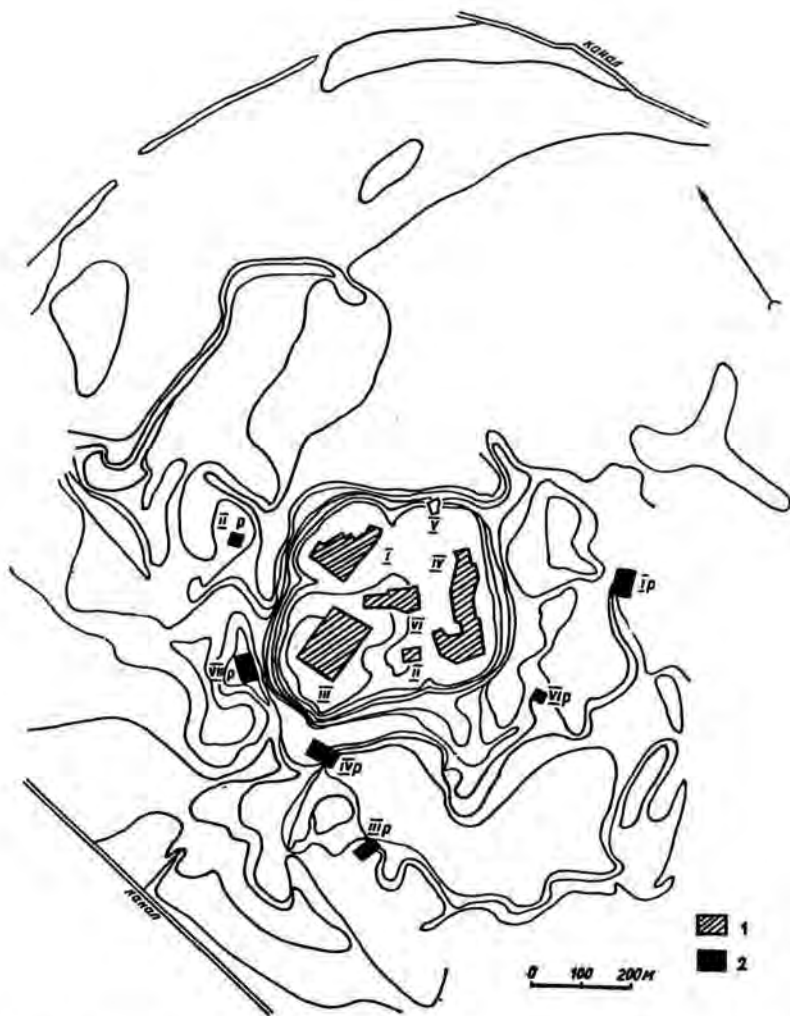

Рис. 2. План центральных развалин и рабада городища Отрар: 1 — раскопы на шахристане, 2 — раскопы на рабаде

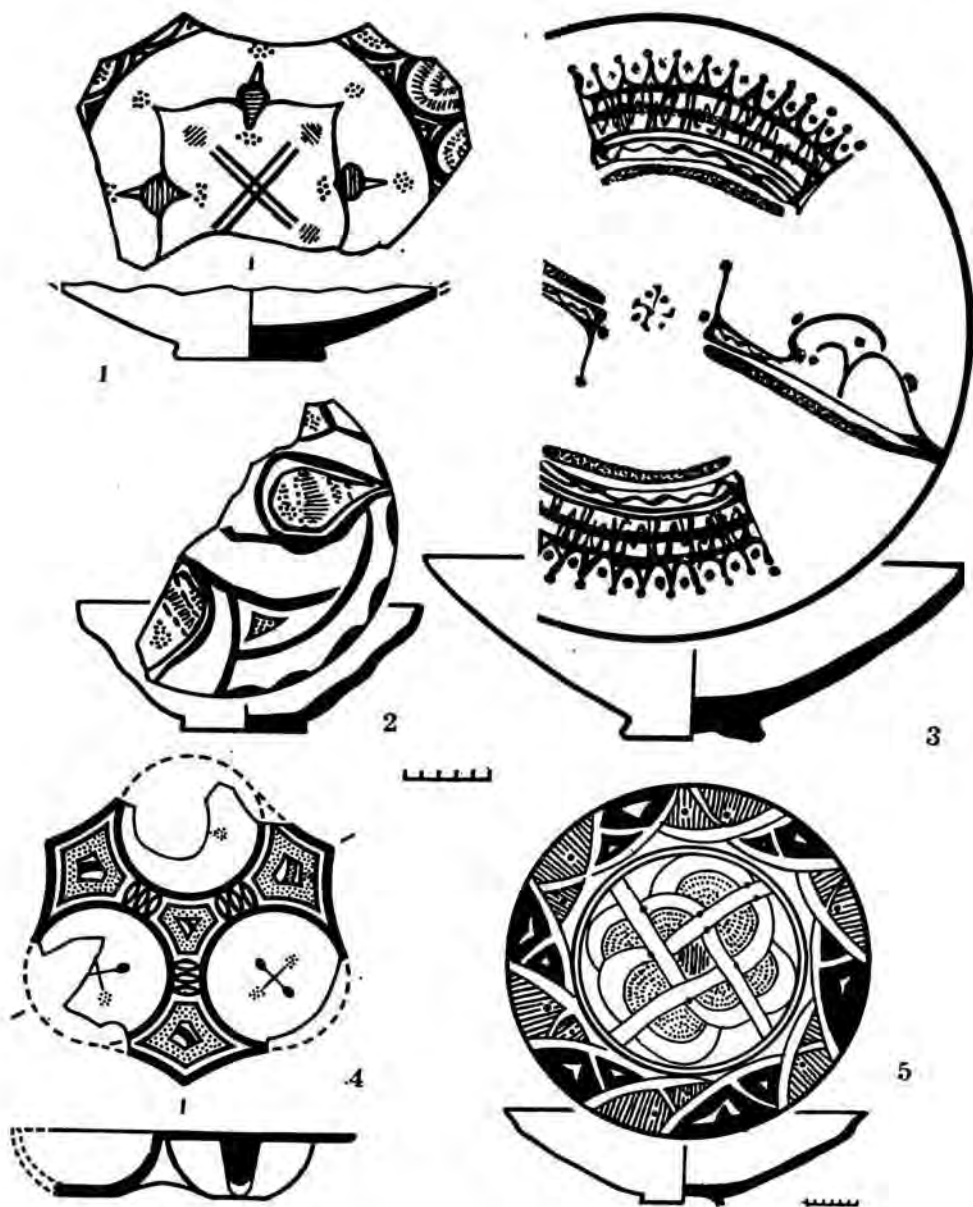

Рис. 3. Керамика горизонта V

Керамический комплекс (рис. 3) характеризуется конусовидностью открытых форм, гравировкой или росписью, подражающей гравировке по поверхности, локальным расположением орнамента, наличием разноцветных пятен на светлом фоне. На значительной части керамики отдельные элементы орнамента имеют темный фон и выделены гравировкой или росписью. Этот прием имитировал технику «резерва» (орнамент на фоне, с которого удален ангоб), распространенную в XI—XII вв. и в канун монгольского нашествия в Восточном Средиземноморье, Закавказье, Крыму. Перечисленные особенности комплекса характерны для керамики XII—начала XIII в. этого городища¹. Очень сходна с отрарской поливная керамика Карабулака XII в., датированная по монетам узгенского чекана последней четвертью XII в.² Поливная керамика V горизонта перекликается с комплексом керамики кирпичеобжигательной печи на рабаде Отрара, датированном монетами раннемонгольского чекана. Но для поздних комплексов характерно присутствие красноангобированной поливной посуды, которой нет в материалах V горизонта. Близкие аналоги есть в глазурованной керамике Шаша XII в.³

Среди твердо определяемых монет слоя есть саманидский фельс, две китайские монеты X—XI вв. и две монеты (бронзовая и серебряная) бухархудатского типа, находившиеся в обращении с IX по XII в.⁴ Преобладающие в количественном отношении монеты «караханидского облика» близки ферганскому чекану второй четверти XI в.⁵ Эти монеты встречаются среди одиночных находок, но особенно многочисленны вкладах. Один из кладов найден в квартале «Ж» (дом 3, помещение 51) под уровнем первоначального пола IV горизонта. Другой обнаружен в помещении 17 в углублении пола V горизонта. Сильное проседание пола на этом участке затрудняет стратификацию находки. Однако, несомненно, клад связан с поздними полами помещения — первым или вторым. Кроме того, клад оказался в помещении, вход в которое забутован, т. е. речь идет о заключительном этапе в жизни дома.

Оба клада представлены монетами, которые не только не дают точной даты слоя, но и сами требуют датировки. Существует предположение, что монеты «ферганского типа» находились в обращении до середины XII в. Представляется, что отрарские материалы позволяют уточнить по крайней мере верхнюю дату монет. V горизонт датируется по самым поздним монетам слоя — дирхемам Хасана б. 'Абд аль-Халика

¹ Акшиев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972. С. 102—104.

² Брыкина Г. А. Карабулак, М., 1974. С. 79. Рис. 45—52.

³ Брусенко Л. Г. Продукция гончарного ремесла Бинкета // Древности Ташкента. Ташкент, 1976. С. 107—111. Рис. 37.

⁴ Давидович Е. А. О среднеазиатских средневековых монетах в связи с датировкой археологических объектов // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 247.

⁵ Давидович Е. А. Реформа в Фергане — кризис денежного обращения в Семиречье (середина XI в.) // Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Культура и искусство Киргизии». Л., 1983. Вып. 2. С. 15—17.

(Кутлуг Билга-хан), правителя Отрара начала XIII в.⁶ Две монеты найдены в завале верхнего пола, а одна — в горелом слое в помещении 14, в алтаре на уровне пола 2. По всей вероятности, пожар произошел во время разгрома Отрара монголами в начале 1220 г. Если учесть, что выше уровня пола со следами пожара существовал еще один, верхнюю дату V горизонта можно обозначить серединой XIII в. Следовательно, монеты «караханидского облика» ферганского типа использовались как средство городского товарного обращения до монгольского нашествия, а скорее всего, и после него, вплоть до выпуска медных фельсов чагатаидского чекана в третьей четверти XIII в.⁷ Начальная дата обращения литых монет «караханидского облика» — вторая половина XI в. — как будто подтверждается стратиграфией находок. Во всяком случае, один экземпляр найден в раскопе III в небольшом шурфе, сделанном под уровень V строительного горизонта. Однако необходимы дополнительные стратиграфические данные и массовые серии монет.

Горизонт IV представлен слоем мощностью 2,3 м. Полы находятся на отметках от —4,75 до —2,80 м. Исследованиями охвачена значительная часть раскопа III. Разница между уровнями суф и полов раннего горизонта (V) и уровнем пола позднего горизонта (IV) минимальная, поскольку старые стены (а иногда и суфы) почти всюду срубались едва ли не до основания. Это обстоятельство, можно полагать, диктовалось прежде всего иными градостроительными принципами: вместо узкого переулка (около 1 м) по срубленным стенам прокладывалась довольно широкая улица, обе стороны которой застраивались домами с выходами на нее. Улица, таким образом, стала связующим звеном заново сложившегося квартала города. Генеральное направление основных стен и улицы сохранялось, но весь массив застройки, окружающей улицу, оказался передвинутым севернее.

Синхронность построек горизонта IV четко фиксируется по следам двух пожаров, которые отмечаются по всей площади не только раскопа III в юго-западной части центрального бугра, но и раскопа V на северной окраине городища.

Первый пожар был сильным: стены кое-где прокалены почти на всю толщину. После пожара следовал период запустения, очень непродолжительный, судя по натечно-надувным прослойкам в 2—3 см. Жизнь возобновилась на всем участке. О пожаре говорит только прокаленная обмазка пола или стен, так как почти всюду восстановительным работам предшествовала разборка завалов. Однако есть участки, где завал оказался забутованным и послужил платформой для нового строительного периода. Выяснилось, что на таких участках произведена полная перепланировка старой постройки (например, в доме I квартала «И»).

⁶ Кочнев Б. Д. Новые нумизматические данные по истории Караханидов второй половины XII — начала XIII в. // Киргизия при Караханидах. Фрунзе, 1983. С. 97—103.

⁷ Насич В. Н. К периодизации монетной чеканки Отрара и ее роли в денежном хозяйстве города и области // Ближний и Средний Восток: Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980. С. 163.

Стены выложены заново зеленовато-серым кирпичом, иногда вперемежку с коричневатым. Формат зеленовато-серого кирпича очень неустойчив: 38—40×20—21×8 см, 23×20×12—13 см, 22—25×22—25×12—13 см, 15—17×17—18×17—18 см, коричневатого — 40—42×20—21×11—12 или 26×14×14 см.

Второй пожар был не менее интенсивным, судя по образовавшемуся мощному завалу (до 0,8 м). Однако после продолжительного перерыва вновь обживается лишь несколько домов. В некоторых жизнь возобновляется не в полном объеме, закрываются проходы, отдельные помещения используются как скотные дворы.

Для строительных конструкций характерны кладка «на ребро» — вертикальная или с наклоном (наряду с регулярной кладкой), использование нестандартного зеленовато-серого кирпича-сырца. Причем такой кирпич использовался при строительстве старого шахристана, рабада, усадеб сельского типа. Для отмостки полов, ташнау, бортов суф применялся и жженный кирпич квадратной формы (25—27×25—27×5—7 см).

В жилых помещениях домов присутствуют угловые суфы. Но чаще суфа занимает все пространство помещения, кроме участка перед тандыром; очаговые площадки заглублены до уровня поддувала тандыра и либо одной стороной открыты в проход (тогда суфа приобретает п-образные очертания), либо имеют замкнутые очертания (в этом случае поверхность суфы и есть уровень пола). Полностью исчезают из обихода санитарные ванночки-ташнау, характерные для V горизонта. Ташнау приобретают вид колодца, перекрытого кирпичом с отверстием.

Керамический комплекс горизонта IV представлен поливной посудой. Для открытых форм (чаши, пиалы) характерны высокое полусферическое тулово с легкой выпуклостью у дна и поддон переходного типа от дисковидного к кольцевому. Росписи ангобами придавали рельефность орнаменту. Преобладает желтополивная посуда с полихромными росписями по светлому ангобу (рис. 4, 1, 2, 4; 5; 6; 7, 1, 5, 7; 8, 10). Для росписей характерно сочетание темно-коричневого и красноватого, часто с добавлением зеленого. Желтой поливой покрывали и красноангобированные сосуды со светлой росписью (рис. 4, 3). Использовались также бесцветные глазури с полихромными росписями по светлому или кремовому ангобу (рис. 7, 3, 4, 8; 9, 1, 2, 4; 10, 1—3, 5—7). В росписях встречаются сочетания коричнево-лилового, бирюзы, ультрамарина, черного, коричневого, зеленого.

Под прозрачной поливой попадает кашинный черепок, покрытый полихромными росписями (рис. 10, 1, 5, 6, 7), но эта категория находок чрезвычайно редка. Применялись бирюзовые глазури в росписи по светлому ангобу (рис. 9, 3; 10, 4) и по красноватому (рис. 11, 3). Однако красноангобированные сосуды как под желтой, так и под бирюзовой поливой не характерны для слоя.

Выделяется группа керамики, покрытая изнутри зеленой глазурью, а снаружи — желтой (рис. 7, 2, 6; 11, 4), украшенная полихромной росписью или гравировкой.

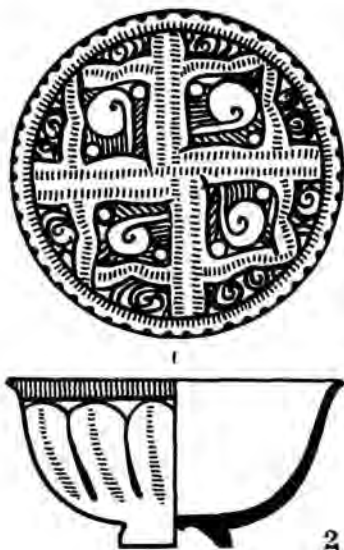
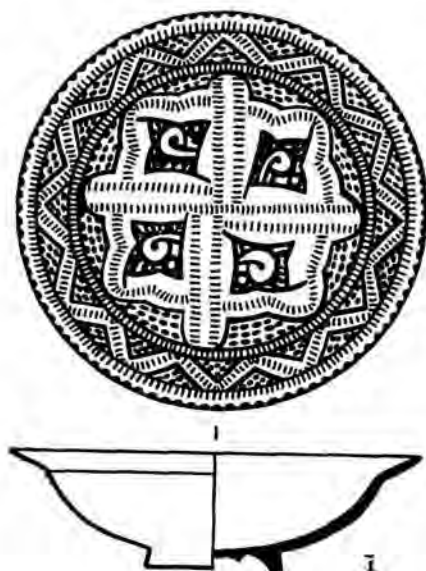

Рис. 4. Керамика горизонта IV *91081, 709*

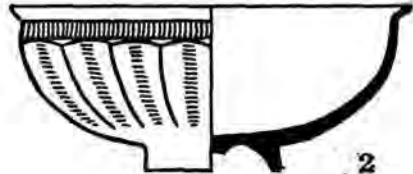
1

1

1

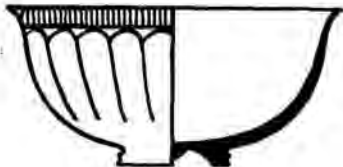

2

1

3

1

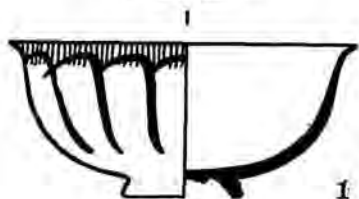

1

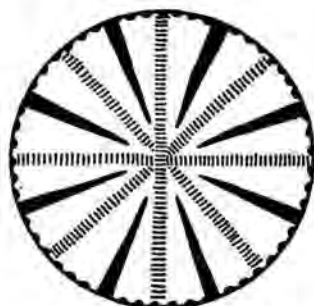
4

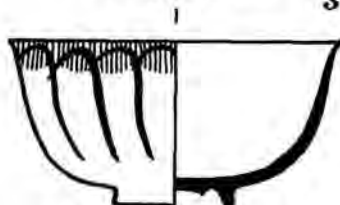
Рис. 5. Керамика горизонта IV $\gamma\upsilon$

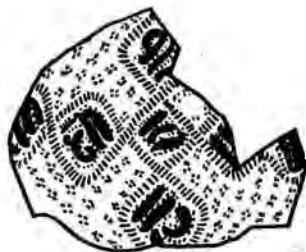
1

2

3

4

Рис. 6. Керамика горизонта IV

sk

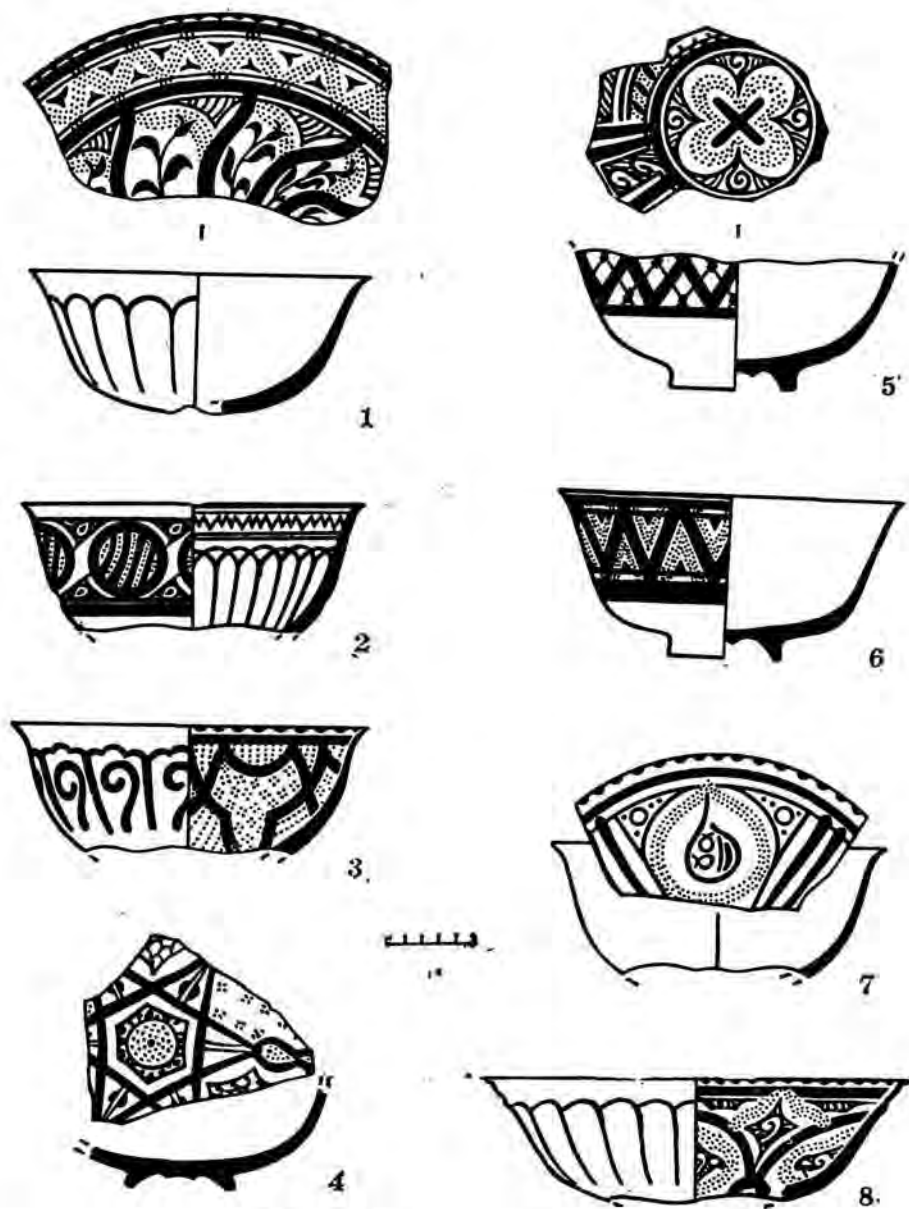
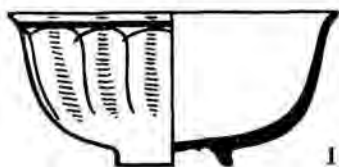

Рис. 7. Керамика горизонта IV

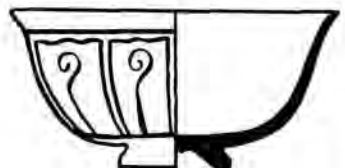
Рис. 8. Поливная керамика: 1—9 — рабада, раскоп III; 10—14 — шахристана, раскоп III, горизонт IV

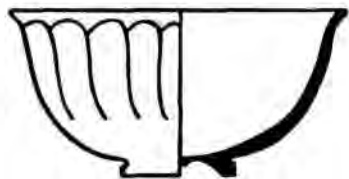
1

2

3

4

Рис. 9. Керамика горизонта IV

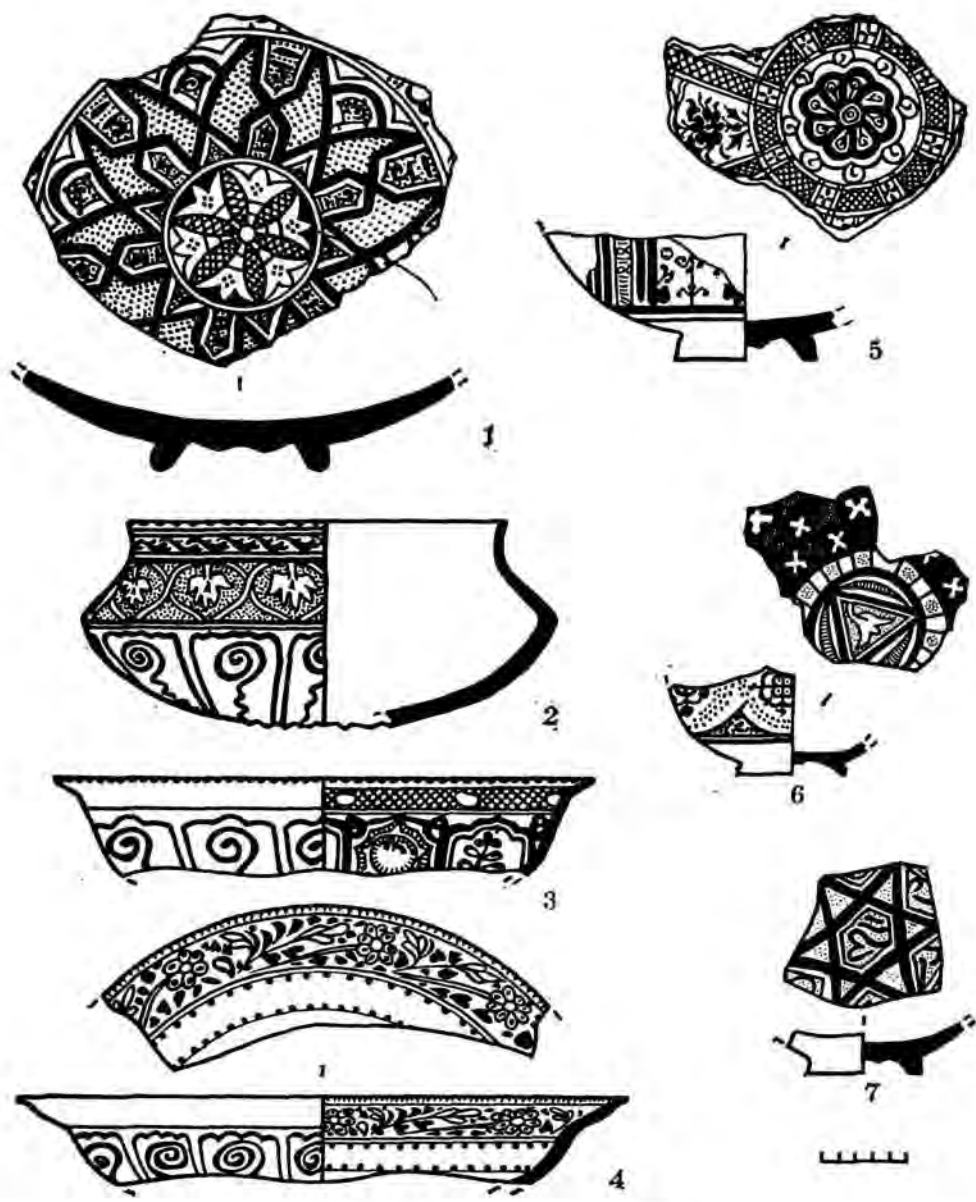
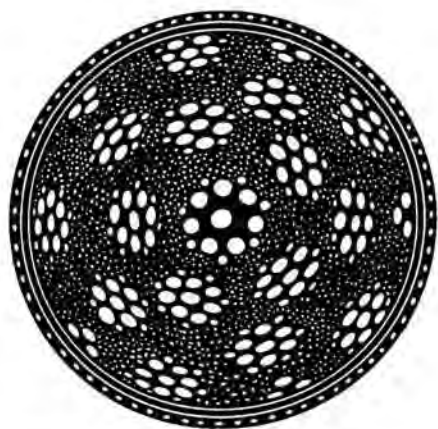
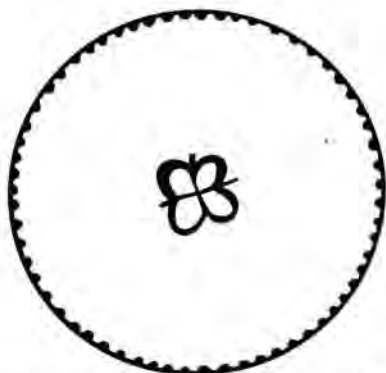

Рис. 10. Керамика горизонта IV

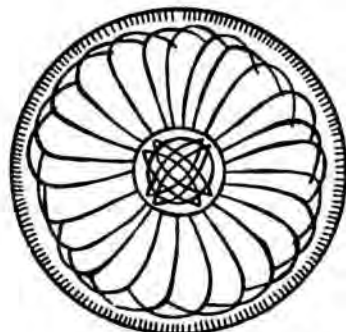
1

2

3

4

Рис. 11. Керамика горизонта IV

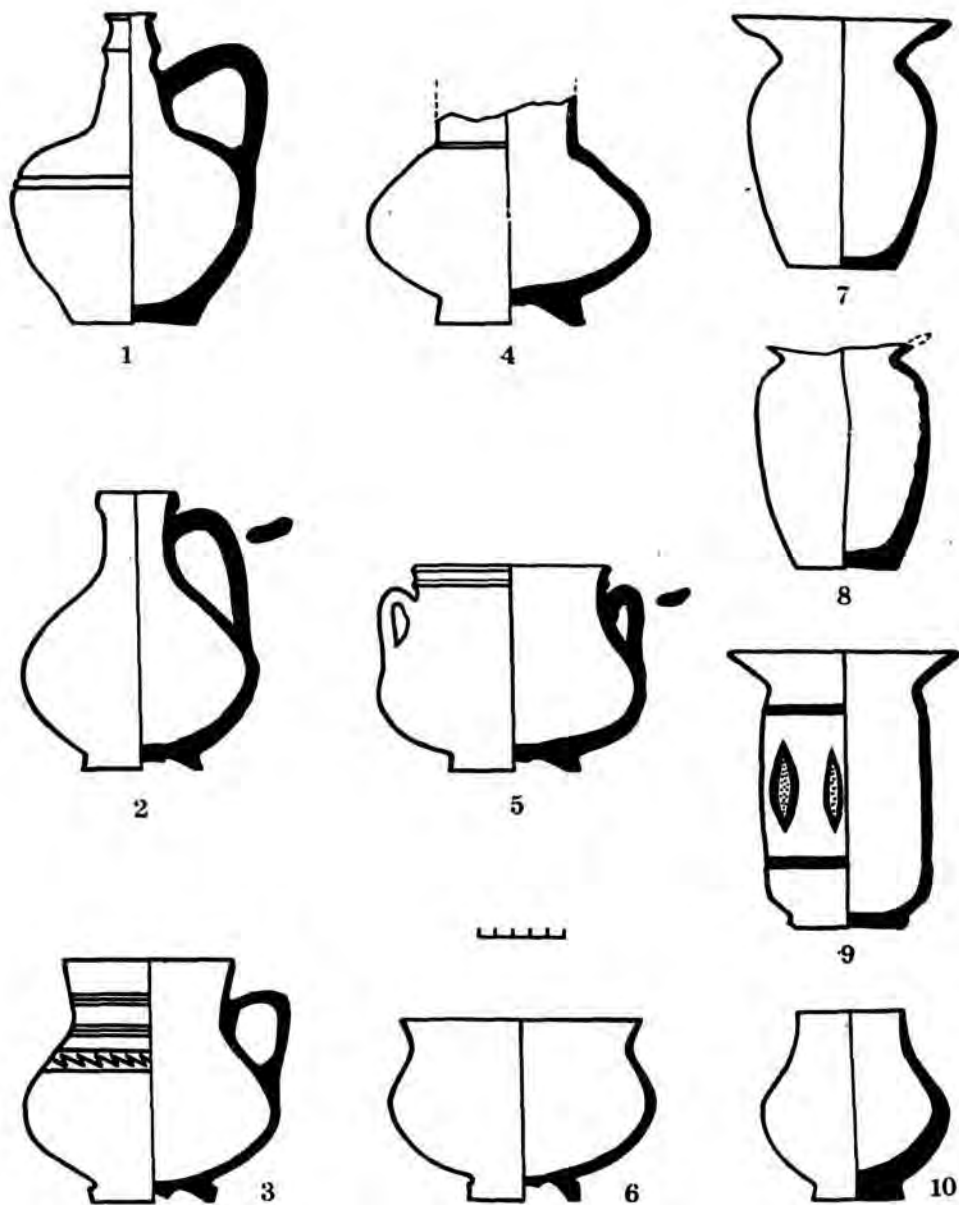

Рис. 12. Керамика горизонта IV

Закрытые формы (кувшины, горшки, чираги, туваки) также покрывались глазурями — бесцветными (рис. 8, 13, 14; 12, 7, 9) и окрашенными в бирюзовый (рис. 8, 12; 12, 4, 10), желтый (рис. 8, 10) и зеленый цвета (рис. 8, 11; 12, 1, 2, 8). Желтая и зеленая глазури использовались также на разных поверхностях одного сосуда (рис. 12, 3, 5, 6).

Преобладает геометрический орнамент. Поверхность открытых форм разбивали крестообразно или радиально и в каждый сектор вносили новые геометрические фигуры. Иногда вводили также элементы растительного орнамента.

В целом керамический комплекс IV горизонта хорошо известен по материалам городищ монголо-тимуридского времени, расположенных на Средней Сырдарье и склонах Каратау⁸. Однако монеты слоя дают более узкую дату, в частности клад из 25 серебряных монет Тимура и Халил-Султана, чеканенных в основном в Самарканде не позднее первого десятилетия XV в. Судя по стратиграфии участка, клад был спрятан незадолго до первого пожара. К слою «пожара I» можно отнести единичные медные монеты Тимура, найденные на полу, и монеты чекана Бухары 823 г. х. (1420 г.), обнаруженные в мусорных прослойках, образовавшихся в период между двумя пожарами.

Значительно больше монетных находок в слое, относящемся ко времени второго пожара. Они зафиксированы на полах помещений, в слое завала и ямах. Подавляющее число их относится к бухарскому чекану типа 832 г. х. (1428/29 г.), в том числе с надчеканом. На полу помещения 53 в доме I квартала «Ж» найдена монета 828 г. х. (1424/25 г.), а также серебряная монета Шахруха (20—30-е гг. XV в.).

Складывается впечатление, что события, повлекшие первый пожар, произошли в период правления Халил-Султана (807/1405—812/1409) или вскоре после его смерти. Второй пожар имел место во второй четверти XV в. или позднее, но в пределах второй половины столетия. В целом IV горизонт можно датировать последней третью XIV — второй половиной XV в. Находки здесь нескольких монет чагатайского и джучидского чекана не дают основания удревить дату слоя. Монгольские монеты встречены в кладке стен, в мусорной прослойке над уровнем раннего пола, в ямах позднего пола вместе с тимуридскими монетами. Некоторые явно вторичного использования, с пробитыми отверстиями. Не трудно заметить, что хронологический разрыв V и IV горизонтов составляет более полувека.

Отсутствие на раскопе III регулярной застройки монгольского времени не означает, что юго-западная часть старого шахрестана была полностью заброшена. Судя по находкам, какая-то часть населения продолжала обитать здесь. Например, в нижних слоях бадраба в доме 5 квартала «И» найдена керамика, которая на рабаде встречается вместе с раннемонгольскими монетами, а именно красноангобированные чаши с бирюзовой поливой по черной и светлой росписи (рис. 11, 1, 2),

⁸ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. С. 106—110. Рис. 67, 68.

мраморовидной поливой, иногда с гравировкой, чаши с темно-зеленой глазурью и гравировкой. Однако строительных конструкций монгольского времени на раскопе III не обнаружено.

III горизонт исследован на всей площади раскопа III. В раскоп вошла застройка вокруг двух улиц меридионального направления (кварталы «Ж», «И»), соединяющихся восточнее с магистралью широтного направления, образующей квартал «З».

Уличная сеть изменилась незначительно: улица квартала «З» продолжена в северном направлении через заброшенные постройки, а переулок-тупик в квартале «И» застроен двумя помещениями, органично вписавшимися в план многосекционного дома 9. Там, где жизнь продолжалась без перерывов, сохранились прежние границы домовладений (в квартале «И» дома 1, 3, 4). Большинство же домов отстроено заново, при этом старые стены, как правило, включаются в новую застройку. Полы располагаются на уровне от —1,90 до —1,40 м.

Судя по уровню полов, в этом горизонте существовало два периода строительства. Второй характеризовался незначительной перепланировкой помещений, в частности сменой местоположения тандыров в жилых комнатах, дымоходов, появлением ремонтных стен. Во второй же период некоторые дома забрасываются полностью или частично.

Жилая застройка характеризуется универсальным типом дома, где есть жилое помещение с суфой на всю площадь, кроме небольшого участка перед тандыром с непременным дымоходом, и хозяйственные помещения, в том числе зернохранилища. Заметно увеличилась площадь домов в целом и площади жилых помещений. Строительные приемы и формат кирпича IV и III горизонтов совпадают.

Важные изменения наблюдаются в керамическом производстве. Выходит из употребления желтая полива, но широко используется прозрачная глазурь (рис. 13, 1, 2, 4—13; 14, 1—12), значительно реже окрашенная в голубой (рис. 13, 3) и зеленый (рис. 14, 13). В росписях преобладает синий цвет и лилово-коричневый. Такая же цветовая гамма встречается в сочетании, иногда с применением приема гравировки. В росписях также используется в различных сочетаниях черный, бирюзовый, зеленый цвета. Интенсивно-синим цветом заполняется свободная от орнамента поверхность. Мотивы орнаментов преимущественно растительные, весьма реалистично передающие грозди винограда, гранат, цветочные бутоны. Чаши, блюда преимущественно на тонком кольцевом поддоне. Поливная керамика III горизонта характерна для большинства среднеазиатских памятников конца XV—XVI в.⁹

⁹ Пугаченкова Г. А. Глазурованная керамика Нисы в XV—XVI вв. // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1949. Т. 1. С. 400—417; Лунина С. Б. Новые сборы тимуридской керамики в Южном Туркменистане // Общественные науки в Узбекистане. 1969. Вып. 8—9. С. 88—93; Сухарев П. А. Два блюда XV в. из Самарканда // Труды Ин-та истории АН УзССР. Ташкент, 1947. Т. 1. С. 47—64; Пугаченкова Г. А. Самаркандская керамика XV в. // Труды САГУ. 1950. Вып. XI. С. 91—120; Вархотова Д. Художественная керамика XV — начала XVI в. из Ташкента // Общественные науки в Узбекистане. 1969. Вып. 8—9. С. 86—88.

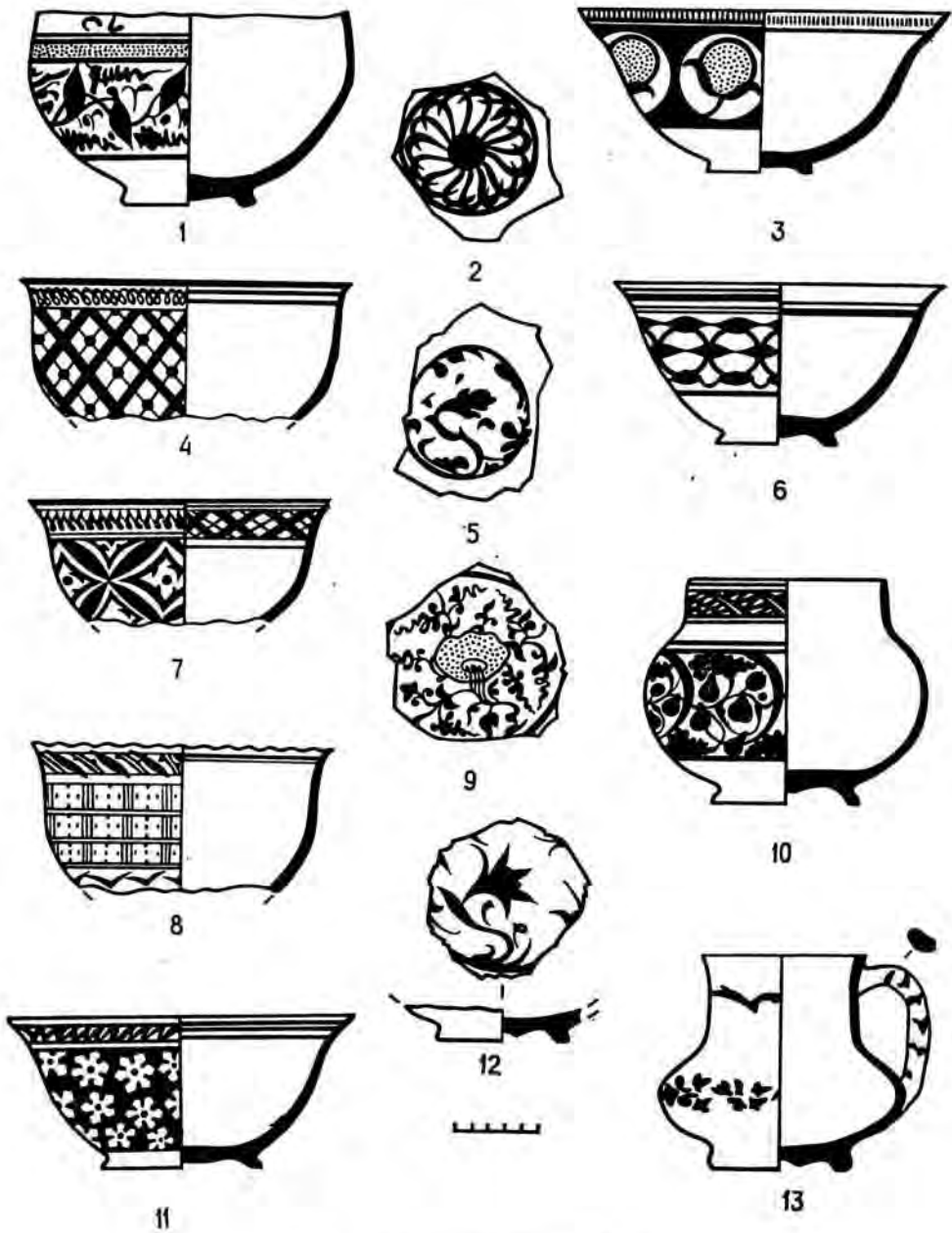

Рис. 13. Керамика горизонта III

Рис. 14. Керамика горизонта III

Монеты горизонта III представлены тимуридским чеканом с шейбанидскими надчеканами либо собственно шейбанидскими монетами Бухары, Самарканда, возможно, и самого Отрара. В обращении находилась и тимуридская медь. Важное значение для датировки горизонта имеют два клада монет. Один, насчитывающий 237 медных монет, найден в квартале «З» (дом 4, помещение 45). Стратиграфия клада позволяет отнести его к первому строительному периоду. По предварительному определению Р. З. Бурнашевой, в кладах отложились монеты тимуридского чекана Балха, Бухары, Карши, Самарканда, Термеза, Шахрухии, Хутталаяна второй четверти XV в. (читаются даты 832 г. х./1428—29 г. и 852/1448—49 г.), а также монеты с одним или двумя надчеканами (91 экз.) Хисара, Самарканда, Бухары, Андигана, Термеза, Шахрухии. Все они были изъяты из обращения не позднее последнего десятилетия XV в.¹⁰ Таким образом, горизонт III начал функционировать в поздне-тимуридский период. Жизнь продолжалась здесь и в XVI столетии.

На уровне II горизонта уличная сеть сохраняется, появляется лишь переулок между кварталами «Ж» и «И», переулок северного направления в квартале «И» становится почти вдвое шире за счет территории, занятой ранее помещениями дома 8. Полностью изменены границы домовладений и планы отдельных построек, но межквартальная линия глухих стен продолжает неукоснительно соблюдаться. Применительно к застройке горизонта II выявлено два строительных периода, различающихся уровнями полов (от $-0,80$ до $+0,10$ м).

Для строительных конструкций характерна комбинированная кладка: три ряда сырца, уложенного плашмя, чередуются с одним рядом кирпича, поставленного на ребро с наклоном. Размеры кирпича-сырца $35 \times 20 - 21 \times 8 - 9$ см, $30 - 32 \times 20 - 21 \times 8 - 9$ см. Широко использовался дерновый кирпич несколько меньшего размера ($29 - 30 \times 19 - 20 \times 9 - 10$ см), причем ряды дернового кирпича чередовались с рядами сырцовой кладки. Кирпич-сырец серого цвета, дерновый — коричневатого. Обмазка обычно двухслойная, с обильной примесью соломы.

Жилые дома в целом не отличаются от таковых III горизонта. Однако в центре жилых помещений на специальной глинобитной подставке, поставленной вплотную к суфе с противоположной от тандыра стороны устанавливается открытый очаг, квадратный в плане, с невысоким бортиком. В структуре многокомнатных домов выделяется помещение с полом, вымощенным жженым кирпичом, с односторонней суфой, на которой устраивается один-два открытых очага, восьмеркообразных в плане. Такие помещения, по-видимому, не имели сплошной крыши, над суфой устраивался навес. Для слива воды в полу устраивались сливные колодцы — ташнау.

¹⁰ Бурнашева Р. З. К вопросу денежного обращения Отрара XV в.: (По материалу клада медных тимуридских монет) // Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана: Тезисы докладов и сообщений научно-теоретической конференции. Алма-Ата, 1980. С. 144—148.

Керамический комплекс II горизонта сохраняет преемственность с более ранним, но растительные мотивы утрачивают реальные черты, композиция орнамента усложняется за счет геометризации построений. В росписях появляются тамгообразные значки — граффити.

Нумизматический материал горизонта чрезвычайно пестр. В большом количестве представлены тимуридские, шейбанидские монеты. Присутствие их в слое, датируемом XVII в., лишь подтверждает, что в денежном обращении многих среднеазиатских и южно-казахстанских городов позднего средневековья находилась ранняя медь. Однако наряду с тимуридо-шейбанидским чеканом в слое есть монеты, чеканенные в Саурани в конце XVI в., и монеты Туркестана и Ташкента с изображением хищника. Аналогичная медь, а также монеты с изображением птицы и рыбы хорошо известны покладам и одиночным находкам из раскопов I—V в слое II горизонта¹¹. Клады джанидского серебра и русские медные монеты царя Алексея Михайловича, чеканенные в 1655—1663 гг., позволяют датировать горизонт II ^{в XVI в.} XVI — второй половиной XVII в.

Постройки I горизонта сохранились чрезвычайно плохо, их существование подтверждается ямами и отдельными участками полов на отметках +0,20—+0,40 м.

Особенности застройки шахристана

Планировка города послемонгольского периода исследована на небольшом участке в юго-западной части шахристана, в северо-западной части раскопа III. Первоначально раскоп занимал площадь 7500 кв. м, участок охватывал территорию квартала «И» с внутриквартальной улицей и постройками по обеим ее сторонам и частично застройку соседних кварталов «Ж» и «З», примыкающих к кварталу «И» с южной и восточной сторон. По мере углубления площадь раскопа сокращалась.

На территории раскопа III выявлено пять строительных горизонтов.

V горизонт (рис. 15). Застройка вскрыта лишь в северной части раскопа III на площади чуть больше 300 кв. м. Нет сомнений, что здесь существовала плотная застройка, разреженная улицей широтного направления на южном участке. Восстановить планировку отдельных построек, установить систему связи с улицами пока не удастся из-за отрывочных сведений о планировке застройки квартала «И» в целом. Тем не менее уже сейчас прослеживаются связи между отдельными помещениями и возможные границы домовладений.

Дом 1 объединял по меньшей мере три помещения (1, 2, 3). Одно из помещений (3) — коридор шириной 1,2 м — прослежено на 6 м. С за-

¹¹ Подробно см.: Акишев К. А., Байпаков К. М., Ермакович Л. Б. Позднесредневековый Отрар. С. 174—180.

падной стороны коридора, вытянутого с севера на юг, находятся два помещения, одно из них (1) открыто частично, другое (2) — полностью.

Северная часть помещения 1 осталась под бровкой раскопа. В южной половине помещения обнаружены суфы высотой 0,5 м и шириной 0,75 м — у южной стены и шириной 1 м — у западной. Не исключено, что суфа была и возле восточной стены. В южную суфу ближе к юго-восточному углу вмазан тандыр с поддувалом. Диаметр тандыра по основанию 0,5 м. Очаг сильно разрушен и забит боем керамики, среди

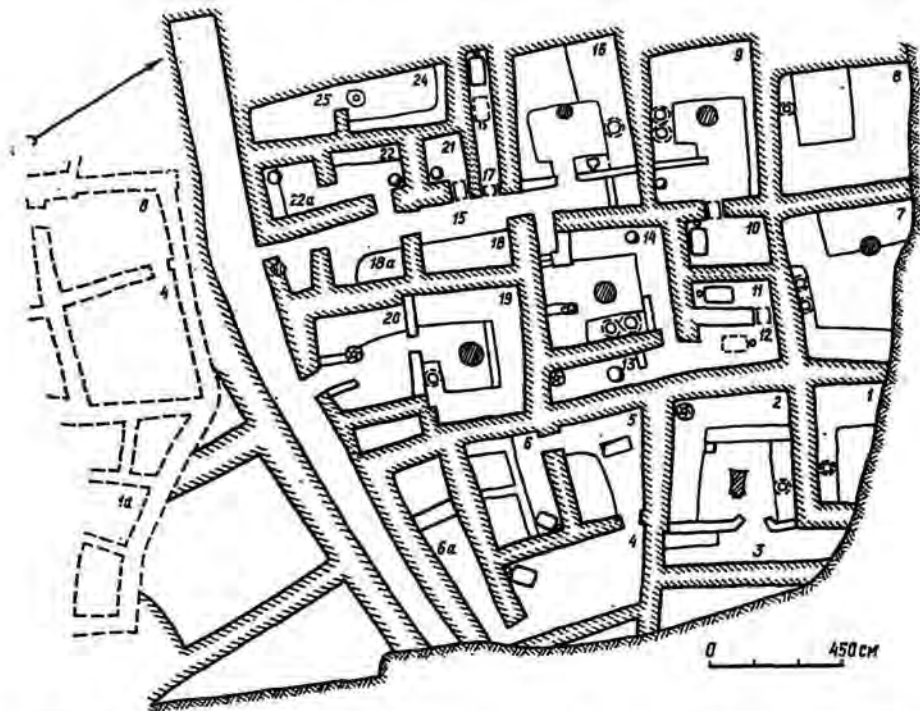

Рис. 15. Раскоп III. План V горизонта (пунктиром обозначен фрагмент плана IV горизонта)

которого выделялся крупный фрагмент дастархана караханидского облика. Юго-западный угол суфы разрушен поздней ямой диаметром 0,8 м. Яма расчищена частично, на глубину 1,8 м. На стенках ее хорошо видна желтая обмазка ранних полов. Всего в помещении насчитывается три уровня полов, отстоящих друг от друга на 18—20 см.

Помещение 2 размером 4,75×4 м характеризуется тремя капитальными стенами, сложенными из сырца размером 40×20×8—9. Передняя стенка, обращенная в коридор, представляет собой, скорее, перегород-

ку, сложенную на ширину одного кирпича (0,2 м). Перегородка явно не достигала высоты помещения, а лишь прикрывала его со стороны коридора. В ней имелся дверной проем шириной 1,2 м. Боковые концы стен перегородки загнуты внутрь помещения, удлиняя таким образом на 0,25 м проход в него. Причем ближе к помещению проход сужается до 0,6 м, что создает иллюзию полуоткрытой двери. Со стороны коридора к южной перегородке приставлена невысокая (0,3 м) суфа длиной 1,85 м и шириной 0,5 м.

Вдоль стен помещения расположена п-образная суфа. Справа от прохода у северной стены ширина ее составляет 0,55 м, а высота 0,4 м. Здесь находится тандыр диаметром 0,5 м по основанию с округлым (диаметром 0,1 м) поддувалом чуть выше уровня пола. Устье тандыра не сохранилось. У южной и западной стен высота суфы 0,6 м, ширина соответственно 1,1 и 1,25 м, причем здесь она имеет г-образную форму. К западному участку суфы примыкает ступенька высотой 0,3 м и шириной 0,5 м, а на стыке западного и южного бортов суфы находится еще одна ступенька размером 0,25×0,25 м и высотой 0,2 м. Таким образом, интерьер помещения 2 отличается пятью уровнями: пол, низкая ступенька, суфа с тандыром, высокая ступенька и, наконец, г-образная суфа слева и напротив дверного проема.

В юго-западном углу под уровнем суфы находился хум с сильно раздутым туловом, высотой 1,25 м, диаметром горловины 0,25 м.

В центре помещения уровень с полом вмазан керамический алтарь. Он выглядит как прямоугольное корытце размером 1,0×0,66 м, глубиной 10 см. Стенки толщиной 3 см слегка вдавлены внутрь, с восточной (узкой) стороны имеется выступ, напоминающий голову, размером 0,45×0,15 м. Последний направлен в сторону прохода и подчеркивает антропоморфные черты алтаря. Перед выступом находится сквозная лунка диаметром 0,12 м. В центре узких сторон имеются сдвоенные полукруглые налесты, на широких сторонах — сдвоенные вдавления. Поверхность алтаря, украшенная красным ангобом, покрылась тонким слоем белого пепла. Сильно закопчена и прогорела лунка и прилегающая поверхность алтаря. Под лункой обнаружена донная часть кухонного горшка. Такова характеристика помещений 1,2 и коридора по уровню пола 3 (сверху).

Выявлен небольшой участок первоначального пола, расположенного ниже пола 3 на 0,52 м. Их разделяет слой забутовки из строительного мусора, многочисленных фрагментов керамики, в том числе принадлежащих алтарю. Первоначальная планировка дома не выяснена.

Уровень пола 3 отмечен пожаром. Следы его сохранились на штукатурке стен, в обмазке пола. Однако завал в помещении отсутствует, как и в соседних.

Пол, отмеченный пожаром в доме 1, перекрывают еще два уровня глинобитных полов. Их разделяет прослойка лесса толщиной 3—4 см, иногда 10 см. Интерьер помещений в последний период жизни во многом остается неясным, поскольку стены XI—XII вв., как правило, срублены до основания. Установлено, что в помещении 2 у западной стены,

противоположной входу, была суфа шириной 1,15 м. У северной стены сохранились остатки тандыра. Алтарь пола 2 был поставлен вплотную к перегородке слева от прохода в помещение. Алтарь круглый, диаметром 0,52 м. Внутренняя поверхность покрыта красным ангобом, на сохранившихся участках дна заметны остатки штампованного орнамента в виде круглых многолепестковых розеток. Восточная часть алтаря выделена двумя симметричными полукруглыми выступами.

Рис. 16. Горизонт V, дом 1, помещение 2. Разновременные алтари

На уровне пола 1 также отмечен керамический алтарь. Он располагался с восточной стороны помещения в 0,32 м от перегородки и был скрыт под обмазкой нового пола. Алтарь также круглый, диаметром 0,61 м. Внутренние стенки высотой 10 см украшены непрерывной цепочкой полуовальных выступов со штампованным орнаментом. Восточная часть алтаря не сохранилась, но, судя по отпечаткам на дне, и здесь присутствовали полукруглые выступы (рис. 16).

Южнее глухой стены дома 1 находятся четыре помещения (4, 5, 6, 6а), которые объединены в единый комплекс — дом 2. Жилая часть дома, т. е. помещения с суфой и алтарем, видимо, осталась за пределами раскопа. Подсобные и хозяйственные помещения, занимающие площадь размером 8,5×7 м, связаны проходами и со всех сторон, кроме восточной, оконтурены глухими стенами. Проход в жилую часть дома был сделан, видимо, в восточной стене помещения 4.

Три помещения (4, 5, 6), примерно одинаковые по площади (соответственно 14,5, 11, 10 кв. м), соединены угловыми проходами. В северо-западном углу помещения 5 устроен погребок размером 0,65×0,3 м,

глубиной 0,4 м, со скругленными углами у северной стенки. Стенки по-
греба вертикальные, выложены кирпичом-сырцом в один ряд. Юго-вос-
точная часть помещения занята суфой высотой 0,25 м.

Два других помещения примечательны напольными ваннообразны-
ми сосудами с носиком-сливом, направленным в отверстие вертикально
поставленной керамической трубы. Сосуды прямоугольные в плане, с
округленными углами, размером $0,7 \times 0,55$ м и $0,85 \times 0,65$ м. Глубина их
6—7 см, толщина стенок около 2 см. Слив всех ванночек находится на
ужкой стороне, слегка наклоненной в сторону трубы — кубура. Перед
нами, несомненно, санитарные устройства — ташнау. В помещении 4
ташнау направлено носиком в юго-западный угол, в помещении 6 —
в северо-восточный. Не исключено, что они одновременны. Обмазка пола
не сохранилась, но, судя по расположению ташнау в помещении 4 — на
более низком уровне, устроено оно раньше.

В помещении 6 к южной стене, дальней от углового прохода, при-
мыкают два закрама размерами $1,75 \times 1,2$ и $1,3 \times 1,3$ м. Передняя стенка
закромов имеет толщину 0,2 м.

У южной стены дома находится еще одно помещение (6А), узкое,
чуть больше 1 м, и длинное — 6,5 м. Западная часть его отделена пере-
городкой и образует закрам размером $1,75 \times 1,6$ м.

Позднее планировка дома, видимо, не менялась, лишь незначитель-
но смещались стены.

Стены домов V горизонта, толщиной 0,7—0,9 м, сложены из жел-
того кирпича-сырца хорошего качества стандартного формата (40—
45×20—22×10 см). Растительные примеси незначительны, кладка впе-
ревязку. Кирпич размером $50 \times 21—22 \times 10$ см применялся при облицов-
ке внутренних стен: его ставили вертикально, на длинную сторону.

Оба описанных дома отделены от застройки квартала с западной
стороны спрямленной линией глухой стены. За стеной находится ряд
помещений, которые входили в состав различных комплексов. Один из
них, дом 3, видимо, раскопан полностью. Он включает два проходных
помещения (19, 20), открытых дверным проемом на улицу.

В глубине дома находится жилое помещение 19 размером $4,7 \times$
 $\times 3,35$ м. Здесь также выявлены три уровня полов, находящихся на рас-
стоянии 0,8 и 1 м друг от друга. На позднем полу обнаружен плотный
завал с натечными слоями, образовавшийся после запустения дома.
Пространство между полами забутовано строительным мусором с мно-
гочисленными фрагментами керамики. Вдоль всех стен помещения рас-
положена суфа. Ширина ее у южной стены 0,6 м. В 0,35 м от прохода
суфа обрывается, на краю поставлен тандыр диаметром по дну 0,5 м.
У восточной стены ширина суфы 1,15 м, у западной — 1,2 м и у север-
ной — 1,25 м. На последнем участке к суфе ведет ступенька высотой
0,2 м. Установить высоту суфы у различных стен не удалось из-за пло-
хой ее сохранности, несомненно лишь, что самый низкий участок с тан-
дыром у южной стены имел высоту около 0,4 м.

В центре помещения, ближе к северному борту суфы, на полу со-
хранилась круглая, слегка прокаленная лунка диаметром 0,5 м и глу-

биной 0,15 м. Здесь, несомненно, находился керамический алтарь. Он найден на полу 2 в переднем помещении 20. Здесь алтарь использовали как крышку хума, впущенного под уровень пола. У бывшего алтаря утрачена частично стенка и донная часть, но размеры «крышки» и лунки в помещении 19 на раннем полу совпадают. Никаких признаков алтарей в последний период существования дома (полы 1, 2) не обнаружено. Незначительно изменилась ширина суфы. В суфе у восточной стены установлен новый тандыр.

Передняя стенка помещения выглядит как перегородка, так как сложена на ширину кирпича (0,2 м). Дверной проем в середине ее соединял жилое помещение с передним, где имелся выход на улицу шириной 0,75 м. Размер помещения 20 3,3×3,1 м. Западный простенок его занят невысокой (0,2 м) суфой. У прохода на улицу суфа несколько шире, чем участок, примыкающий к перегородке жилого помещения. На углу широкой части суфы, почти вровень с ней, установлен хум с высокой горловиной (0,2) и диаметром венчика 0,28 м. Входная часть помещения 20 сделана в виде тамбура с короткими боковыми стенками (1,1 м), поставленными вплотную к передней стене помещения.

В жилом помещении на уровне пола 3 хорошо прослеживаются следы пожара.

Дом 4 г-образно огибает предыдущую постройку с западной и северной сторон. Это многокомнатная и многосекционная постройка, где коридор (15) проходом связан с улицей. По левую сторону коридора располагаются хозяйственные, подсобные помещения (17, 21, 22, 24, 25) и жилая комната (16), справа, в самом конце — жилое помещение (14).

Коридор длиной 15 м, шириной от 2,25 до 1,15 м в конце. Правая его сторона на широком участке двумя перегородками длиной 1,4 м разбита на три отсека. Первый, расположенный ближе к улице, шириной 0,8 м, примечателен очагом-камином. Последний глубиной 0,3, шириной 0,32 сохранился на высоту передней стенки — 0,17 м. Дно его на 0,1 м приподнято над уровнем пола, стенки выложены жженым кирпичом. Второй отсек шириной 2,6 м. Северо-восточный угол его занят невысокой суфой (0,2 м). Третий отсек шириной 3 м также занят суфой шириной 1,3 м и высотой 0,2 м.

На левой стороне коридора шесть нежилых помещений. Пять из них поставлены в два ряда (21, 22А, 22, 24 и 25), одно (17) вытянуто на всю ширину двухрядного блока помещений. Хозяйственное назначение этой части дома не вызывает сомнений. Все помещения крохотные, площадь их от 2 до 6 кв. м. Помещения 22 и 22А примечательны односторонними низкими суфами шириной 1,2 м. Везде есть ямы, в которых, видимо, хранили зерно. В помещении 24 отмечена узкая г-образная суфа. Неподалеку от прохода в соседнее помещение 25 на полу обнаружен верхний диск ручной мельницы.

Помещение 17 санитарное, с ванночкой ташнау у задней стенки. Размер ванночки 0,8×0,62 м (рис. 17).

Вход в помещение 14 размером 4,35×3,9 м предваряет небольшой тамбур (1,35×0,65 м), образованный капитальной южной стенкой и

перегородкой, сложенной на толщину одного кирпича. В проходе устроен порог в виде глинобитного валика со ступенькой, спускающейся на более низкий (по сравнению с коридором) уровень пола (0,2 м).

Суфа в помещении трехсторонняя, шириной у северной стены 1,1 м, у восточной — 0,6, у западной — 1,3 м, высотой 0,6 м. Восточный отрезок суфы не доходит до угла помещения на 1,35 м. К южной стене в 0,8 м от юго-восточного угла поставлена короткая перегородка, в которую вмазаны две круглые деревянные стойки диаметром 15 см. Перегородка и торцовая сторона суфы у восточной стены образуют крохотный участок, изолированный от остальной части помещения.

Рис. 17. Горизонт V, дом 4, помещение 17

Восточный участок суфы приспособлен для тандыра (диаметр дна — 0,6 м, устья — 0,5 м.). Тандыр дважды устанавливали на новом месте, передвигая в северном направлении. В центре помещения находился круглый алтарь диаметром 0,6 м, высотой 0,1 м. Северная его часть выделена полукруглыми выступами, направленными к центру, где расположена лунка диаметром 0,09 м. Лунка и северный участок алтаря сильно закопчены. Алтарь покрыт красным ангобом и украшен штампованным и прорезным орнаментом. По-видимому, к алтарю имеет отношение неглубокая ямка у северо-западного угла помещения (диаметр 0,3, глубина 0,35 м). Она заполнена такой же золой белого цвета, как и алтарь в доме I (помещение 2).

Поверхность суфы перед проходом постепенно понижается и выхо-

дит на уровень пола в соседнем помещении (13), который ниже на 0,35 м. Этот участок суфы отделен короткой перегородкой. Проход ведет в хозяйственную секцию, состоящую из трех крохотных помещений — 12 (2,7×1,45 м), 11 (2,7×0,8 м) и 13 (4,1×1,1 м). В центре первого установлено ташнау размером 1×0,75 м, глубиной 7 см. Ванночка сильно наклонена к северу, где располагались слив и кубур. Помещение 11, также санитарное, находится рядом, с западной стороны. Сосуд установлен ближе к южной стене и наклонен в эту же сторону. Ташнау явно разновременные: проход в помещение 11 забутован, а новая ванночка ташнау установлена в помещении 12 на более высоком уровне пола (0,4 м).

Справа от прохода в жилую секцию дома расположено помещение 13. Проход в него выделен перегородкой, за которой находится яма (диаметр 0,55 м, глубина 1,2 м), заполненная керамикой, костями, золой. В углу помещения стоял хум высотой 0,7 м с остатками зерна. По уровню пола 3 (сверху) сохранились следы пожара.

После пожара полы дважды наращивали, что повлекло некоторые изменения в интерьере помещений. В помещении 14 отмечены новые тандыры, алтарь оказался скрытым; в помещениях 12 и 13 полы были подняты до уровня суфы в жилом помещении. Последняя также ремонтировалась: наращивались борта, поднимался уровень. Хум в помещении 13 оказался по венчик вмазанным в пол, устье мусорной ямы наращивалось кладкой сырцового кирпича.

Еще одно жилое помещение — 16, размером 4,90×3,75 м, характеризуется тремя капитальными стенами толщиной 0,8 м и одной тонкой толщиной 0,25 м. Последняя выглядит как перегородка между помещением и коридором. Проход в помещение имеет ширину 0,8 м. Вдоль стен помещения расположена суфа высотой у северной и частично у западной стены 0,6 м, у южной стены и южной части восточной площадки — 0,35 м. Различна и ширина суфы: у южной стены — 0,5, у восточной — 0,7, северной — 0,8 м и у западной стены — 2,05 м. На северной стороне суфы располагался тандыр с диаметром дна 0,8 м, устья — 0,65 м, снабженный круглым поддувалом диаметром 0,15 м.

В помещении прослеживаются три уровня полов, на третьем сверху видны следы пожара, особенно заметные в центральной части помещения. Поднятие уровней полов сопровождалось ремонтом: обломками кирпича наращивалось устье тандыра, к западной стене приставлена ремонтная, за счет чего суфа стала уже, изменилась ширина прохода (0,6 м).

Последний уровень (3) пола примечателен алтарем, устроенным на суфе с северной стороны от перегородки (первоначально суфы здесь не было). Сохранился он плохо, особенно пострадала часть ближе к борту суфы. Алтарь установлен в специальном углублении размером 0,75×0,7 м, дно которого выложено одним рядом жженных кирпичей, а борт — тремя рядами. Кирпичи размером 23×23×8 см или половинного формата. Стенка алтаря возвышается над суфой на 4 см. Размер постамента из жженого кирпича 0,7×0,7 м, керамического алтаря, по-видимому,

0,5×0,5 м. С северной стороны имеется выступ шириной 0,25 м и высотой 0,08 м, придающий алтарю антропоморфные черты. В центре алтаря сделана лунка диаметром 0,08 м. По борту он украшен полукруглыми выступами, вокруг лунки — штампованным орнаментом в виде солярных знаков. Стены и дно закопчены, но не прокалены.

С северной стороны дома расположены помещения 7, 8, 9, 10. Последние два — жилое и санитарное — соединены проходом.

Помещение 9 размером 5,35×3,6 м интерьером очень напоминает помещение 16: четырехсторонняя суфа с разрывом у прохода с восточной стороны. Суфа сохранилась плохо, но ширина ее установлена: у западной стены — 1,7 м, у северной — 0,35, восточной — 0,5 и у южной — 0,8 м. Поставленный у южной стены тандыр оказался сильно разрушенным, но диаметр основания его выяснен — 0,7 м. В помещении существовало два уровня полов. Для позднего характерны ремонты, в частности рядом со старым поставлен новый тандыр.

В центре помещения сохранилась лунка для алтаря, диаметром около 0,6 м, глубиной 0,09 м. Дно ее слегка прокалено.

Перегородка, поставленная в 1,2 м от капитальной восточной стены, отделила часть помещения, образовав коридор или переднюю. Отсюда проход вел в жилую часть помещения (западная сторона) и санитарную комнатку (восточная сторона) размером 2,8×2 м. Справа от прохода ближе к углу установлена керамическая ванночка ташнау размером 0,8×0,6 м. Длинная сторона ее примыкает к южной стене, а слив обращен в сторону вертикально поставленного кубура в юго-западном углу. На позднем этапе проход в санитарное помещение был забутован.

Еще два помещения находились у северной бровки раскопа III.

Помещение 7 вошло в площадь раскопа частично, установлена длина южной стены — 5,05 м. За пределами раскопа оказалась северная сторона, где располагался вход в помещение. Вдоль трех остальных стен тянулись суфы различной ширины: у восточной стены — 1,1 м, южной — 0,7, у западной — 1,5 м. Два последних отрезка суфы не доходят до юго-западного угла на 1,75 и 1,35 м соответственно.

В южной суфе устроен тандыр с диаметром устья 0,5 м и основания 0,6 м, с крохотным поддувалом в 0,1 м от уровня пола. Тандыр переустраивался по меньшей мере два раза. Перестройка сопровождалась поднятием уровней полов, суфы. На первоначальном полу у западного борта суфы был установлен круглый алтарь диаметром 0,55 м. При перестройке он оказался под обмазкой нового пола и частично под новой суфой (рис. 18).

В помещении 8 размером 4,35×4,2 м вход обнаружить не удалось. П-образная суфа обращена открытой стороной к западной стене. Ширина суфы неодинакова: у северной стены — 1,9 м, у восточной — 1,6, у южной — 0,6 м. У последней стены был установлен тандыр. Хотя он сильно разрушен, определен диаметр его по основанию — 0,6 м. Суфы, стены, пол помещения тщательно и многократно обмазывались. Вдоль бортов суфы, выложенных сырцовым кирпичом, сделана неглубокая

впадина, особенно заметная на восточном отрезке. Никаких признаков алтаря не обнаружено.

Горизонт IV (рис. 19, 20). Площадь раскопа — около 1400 кв. м. Плотная застройка разрежена двумя улицами меридионального направления. На улицы открыты проходами жилые дома кварталов «Ж», «И», разделенных глухой стеной.

Дом 1 квартала «И» в плане представлял собой неправильный четырехугольник, напоминающий трапецию, площадью около 50 кв. м.

Рис. 18. Горизонт V, помещение 7

Передняя часть, открытая на внутриквартальную улицу и меньшая по площади ($4,2 \times 2,8$ м), занята помещением 2, остальная площадь — помещениями 1 и 2А. В жилом помещении 1 в 0,5 м от западной стенки поставлен тандыр с диаметром устья 0,36 м, дна — 0,57 м, высотой 0,45 м. Полностью сохранился венчик его шириной поверху 0,13 м. Топочное отверстие ($0,17 \times 0,17$ м) открыто в сторону очаговой площадки размером $1,6 \times 1,1$ м. Поверхность площадки глинобитная, в центре поставлен квадратный жженный кирпич с отверстием, закрывающий ташнау. Очаговая площадка оказалась в центре помещения, поэтому остальную часть его назвать суфой можно лишь условно: ее поверхность и есть пол. Причем уровень пола во всех трех помещениях одинаков. Дымоход тандыра направлен не как обычно в угол помещения или к ближней стене, а к северной стенке, до которой 2,15 м.

В северо-западном углу помещения 1 находится проход в неболь-

шое помещение 2А (3,25×2 м). Южная часть последнего отгорожена стеной в один кирпич: здесь находился заком. Весь дом, особенно его жилая часть, пострадал от пожара. Рядом с входом обнаружены кости человека, в том числе два черепа, один из них со следами рубящей раны. После пожара вся площадь дома была плотно забутована строительным мусором, пахсой. Появляются стены нового дома, причем второй строительный период заметно отличается от первоначального. Вместо трех помещений появляются два с четко разграниченными функциями: жилое и кухонное. Проход шириной 0,7 м в средней части фасада вел с улицы в помещение 2 размером 4,2×4 м. В юго-западном углу последнего с помощью г-образной стенки образован заком, а рядом с ним в глинобитной тумбе размером 0,75×0,7 м, высотой 0,5 м устроен открытый подковообразный в плане очаг. Очаг поставлен на угол тумбы, его стенки выложены битым жженым кирпичом, ровные края кирпичей обращены наружу и образуют гладкую поверхность; размер очага по устью 0,45×0,37 м, ко дну стенки его расширяются.

Северо-западный и юго-восточный углы помещения заняты невысокими глинобитными «столиками». Рядом с одним из них на полу найден раздавленный кухонный горшок. В помещении обнаружен также нижний диск каменной ручной мельницы, которую при необходимости, видимо, устанавливали на «столике».

В другом помещении дома всю западную половину, начиная от прохода, занимает суфа высотой чуть больше 0,2 м. У стены, противоположной проходу, борт суфы прогибается внутрь. Здесь обнаружен прокаленный участок пола. По-видимому, помещение с суфой обогревалось переносной жаровней.

Дом 2 примыкает с западной стороны к стене дома 1. Площадь его около 100 кв. м. Шесть помещений в два ряда вытянуты вдоль улицы, образуя план, по форме близкий к прямоугольнику. Здесь также прослеживаются два строительных периода, каждый из которых перекрывается слоем пожара. Со стороны улицы имелись два дверных проема. Один из них приводил в гончарную мастерскую, другой — в жилую половину дома.

Жилую секцию предваряет прихожая 3А (4,55×1,75 м), откуда проход в юго-восточном углу приводил в помещение 3 (3,2×3,2 м). Первоначальные его функции неясны. Возможно, к раннему полу имеет отношение яма глубиной чуть больше метра сразу за проходом. Однако в помещении два уровня: со вторым связан гандыр, находившийся в юго-восточном углу. Сохранился он настолько плохо, что неясно даже, с какой стороны была очаговая яма. Следующее помещение 5 (3,55×2,9 м) — основная жилая ячейка дома. В него ведет проход шириной 0,7 м, устроенный в углу, у северной стены прихожей. В проходе сохранились остатки деревянного порога и глинобитного пандуса в сторону очаговой площадки, вытянутой вдоль северной стены. На очаговой площадке размером 1,75×1 м нет следов мощения кирпичом и ташнау. Пол плотно утоптан. Борты углубления облицованы сырцом. Гандыр распо-

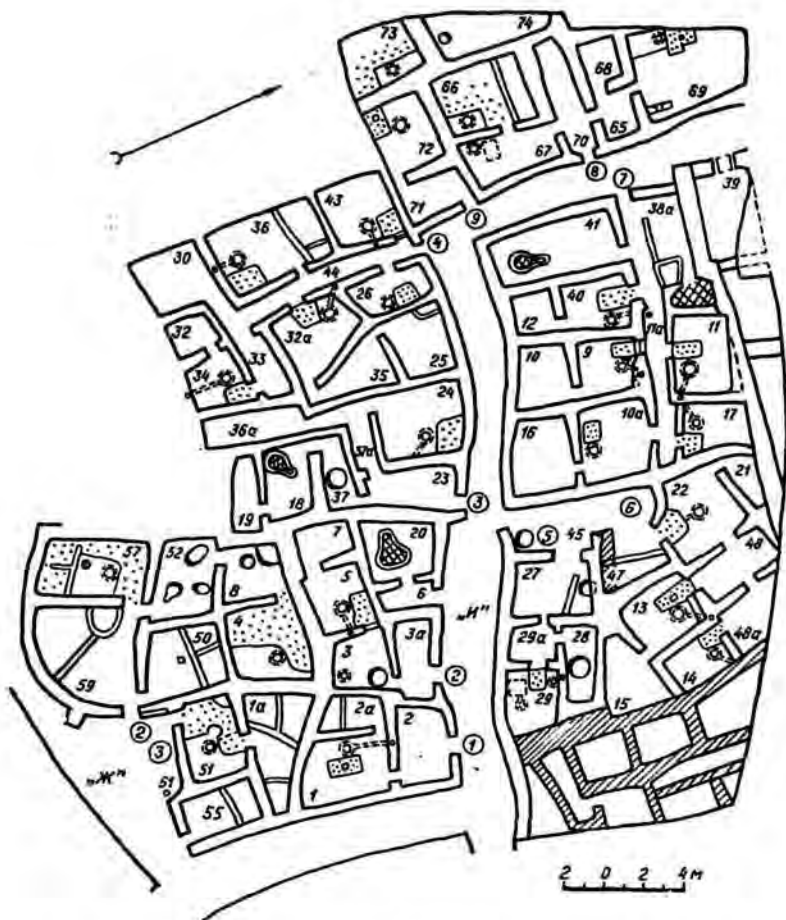

Рис. 19. План горизонта IV. Первый строительный период

ложен слева от прохода, на расстоянии 1,4 м от восточной стены, куда подведен дымоход.

Проход в юго-западном углу помещения приводил в последнее помещение секции — 7 (2,85×2 м). Назначение его определить трудно, так как оно совершенно пустое.

Северо-западный участок дома занимает керамическая мастерская из двух помещений. Одно из них (6) крохотное (2,85×1,2 м), предваряющее собственно мастерскую, другое (20) побольше (3,5×3,3 м). Находящаяся в последнем помещении печь сохранилась плохо, так как была разрушена при перестройках после пожара. Остались очаговая

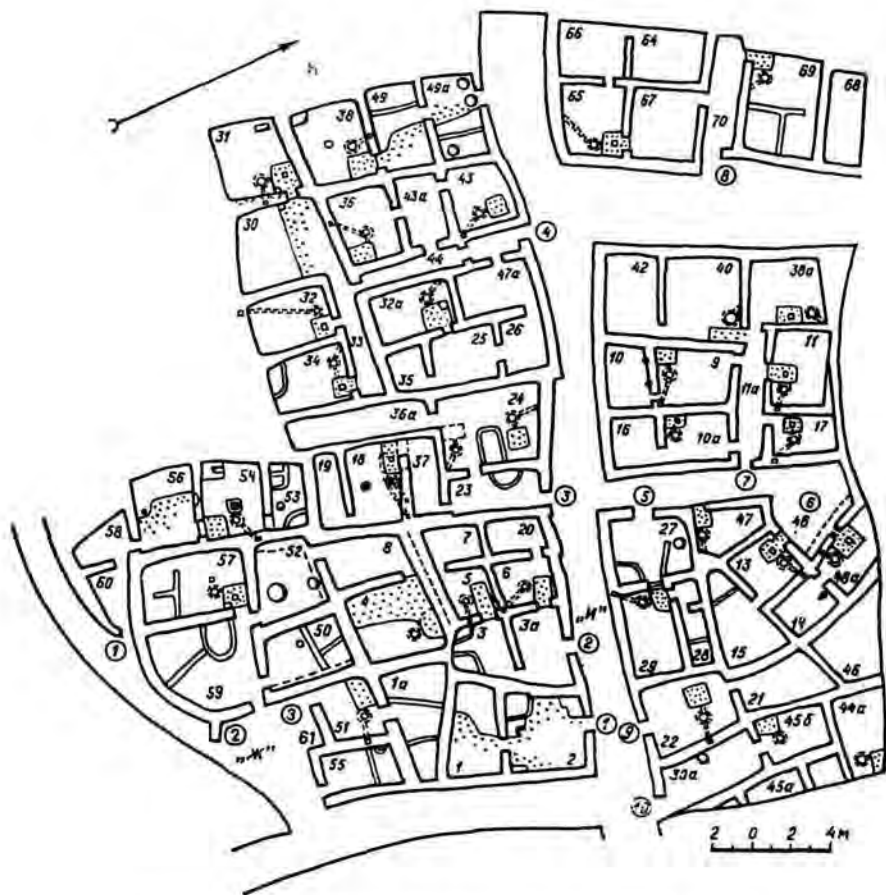

Рис. 20. План горизонта IV. Второй строительный период

камера и часть топки. Внутренние стенки печи сильно оплыли. Печь заполнена золой, угольными, ошлакованными кусками стенок. Длина ее 2,2 м, наибольшая ширина топочной камеры 1,9 м. Печь явно гончарная, но никаких находок, характеризующих ремесло, — инструментария, заготовок, сырья — не сделано.

После пожара дом полностью сохранил занимаемый участок, внутренняя планировка не изменилась, но была приспособлена под жилье. В доме появляются две жилые секции, каждая со своей передней — 3А и 3. Обе передние проходные, с самостоятельными проходами в жилую половину. Помещение 3 во второй жилой секции выполняло, видимо,

функцию не только передней, но и амбара, поскольку у южной стены, в углах, дальних от прохода, появляются закрома. Новый строительный период отмечен более высоким уровнем полов по всей площади дома. Новые полы скрывают остатки уничтоженной гончарной печи, помещение 6 становится жилым, его площадь увеличивается за счет помещения 20, где находилась печь (3,15×2,5 м). Слева от прохода ставится тандыр с дымоходом, подведенным к юго-восточному углу. Перед тандыром располагается очаговая площадка с глинобитным полом, открытым восточной стороной в проход.

Новый пожар уничтожил постройку. Каких-либо признаков восстановления дома не обнаружено.

Дом 3 включает одну жилую секцию и гончарную мастерскую. Связь со всеми помещениями дома осуществлялась через прихожую 23 (4,65×2,2 м) с двумя проходами в южной части: в коридор 37А и жилую секцию с помещениями 24 и 36А с западной стороны и в комплекс из трех помещений с мастерской — с южной стороны. Помещения 19 и 37 мастерской — узкие, прямоугольные в плане камеры без каких-либо деталей интерьера (размеры 4,2×1,35; 4,2×1,5 м). Они находятся по обе стороны собственно мастерской — помещения 18 (3,9×2,35), где в юго-западном углу находится печь, сохранившаяся на уровне топки. Она невелика: ее общая длина 2 м, топочная камера круглая, диаметром 1,5 м; топка находится с северо-восточной стороны, ширина устья 0,3 м, длина 0,5 м. Стенки топки ошлакованы. Заполнение состоит из золы, шлаков. Никакого гончарного инструментария здесь не найдено, но по форме это типичная двухъярусная печь для обжига керамики. В яме, расположенной в центре помещения 37, обнаружены фрагменты керамики, в том числе брак.

Жилая половина дома включает коридор и два помещения по обе его стороны: южное 36А (5,25×1,85 м), совершенно пустое, и северное 24 (4,7×3,9 м). Уровень пола в помещении и коридоре совпадает, а очаговая площадка в северо-восточном углу заглублена на 0,3 м. Тандыр устроен у южного борта ямы, а дымоход подведен наискосок к восточной стене.

После пожара дом восстанавливался без расширения общей площади. Изменилась лишь внутренняя планировка: на участке с мастерской появилась жилая секция из трех помещений — 18, 19 и 37. Прихожая 37 повторила план старого помещения, а жилое помещение (где была печь) расширилось за счет помещения 19. Угловой вход в жилое помещение открывается на площадку ташнау, к восточному борту которой поставлен тандыр. Хорошо сохранился дымоход, канал его подведен к ближайшему, северо-восточному углу.

Переделки коснулись и старой жилой секции. Площадь помещения 24 с тандыром увеличилась за счет ликвидации коридора 37А, так что из прихожей можно было сразу попасть в помещение. Тандыр с дымоходом и замкнутая очаговая площадка перед ним расположены на северной половине помещения 24, причем хозяйственная зона отделена от остальной части помещения перегородкой подпрямоугольных очертаний.

ний. Узкой стороной заком поставлен к восточной стене помещения, рядом с проходом.

После нового пожара дом сохранил жизнеспособность. Ремонту сопутствовала небольшая перестройка. В жилом помещении 24 старый тандыр был заброшен, а новый поставлен у южной стены, слева от прохода. В другом жилом помещении (18) новый тандыр поставлен рядом со старым, ближе к северной стене, проложен новый канал дымохода (также рядом со старым). Вместо углового прохода в помещение был прорублен новый в метре от западной стены. На суфе у южной стены устроен открытый очаг в виде лунки диаметром 0,25 м.

Дом 4 — многосекционная постройка в юго-западной части квартала «И». После двух пожаров площадь и планировка дома менялись. Оставались неизменными лишь два пересекающихся коридора. От дверного проема со стороны улицы берет начало коридор 44 меридионального направления, который по длинной оси рассекает постройку прямоугольного плана на две части с двумя жилыми секциями каждая. Длина коридора 10,2 м, ширина 1,1 м. Дальний конец его приводит в еще одну жилую секцию. Последняя отделена от остальной части дома коридором 33 широтного направления, длиной 6,5 м, шириной 1,35 м.

Сразу у входа в дом по обе стороны коридора находятся две однокомнатные жилые секции.

Помещение 43 размером 3,70×3,6 м имеет тандыр, устроенный слева от прохода, в котором сохранился деревянный порог. Дымоход подведен к ближайшей от тандыра восточной стене. Очаговая площадка глинобитная, без признаков ташнау, открыта в проход.

Помещение 26 по другую сторону коридора меньше по площади (4,1×2,1 м), а в плане выглядит как прямоугольник. Тандыр устроен напротив входа у восточной стены, перед ним — квадратная очаговая яма, примыкающая одной стороной к стене. Никаких признаков ташнау не обнаружено. Неясно также, был ли у тандыра дымоход. Очаг сохранился очень плохо.

Справа по коридору расположена односекционная ячейка — помещение 36. Общий размер его 5,7×3,7 м, однако собственно жилая часть невелика — 3,8×3,8 м, другая часть, хозяйственная, отделена перегородкой, по-видимому, не доходившей до потолка. Подобная планировка, где хозяйственная и жилая части не выделены в самостоятельные помещения, встречалась неоднократно. Тандыр и квадратная очаговая яма в юго-восточном углу помещения преkrасно сохранились. Борты ямы облицованы жженым кирпичом, пол глинобитный, сильно утопанный, дымоход напрямую направлен к ближней южной стене, его длина 0,5 м.

Четвертая жилая секция расположена на противоположной стороне коридора и включает помещения 25 (3,8×3 м), 35 (трапециевидное, 5×2×1 м) и 32А (неправильный четырехугольник, 4,5×3,7 м). Последнее помещение жилое, судя по тандыру с дымоходом слева от входа, направленным в северо-западный угол. Два других ничем не примечательны, лишь в северо-западном углу помещения 25 поставлен небольшой заком. Оба помещения явно хозяйственные.

Еще одна жилая секция находится в южной части дома. Она включает коридор 33 и три помещения: 30 (3,4×3,4 м), 32 (2,4×1,1 м) и 34 (2,9×2,8 м). Последние два соединены проходом. Помещение 34 — жилое, с тандыром справа от прохода. Дымоход длиной 1,75 м подведен к дальней, противоположной входу, — южной стене.

С западной стороны коридор открывается дверным проемом в помещение 30 размером 3,75×3,35 м. Предполагалось, что здесь находится еще одна жилая секция, поскольку помещение изолировано от остальной части застройки и имеет самостоятельный вход. Однако никаких признаков отопления здесь не обнаружено.

После пожара слева по коридору широтного направления появляются две жилые секции с самостоятельными выходами в коридор. Одна из них — помещение 34 — присутствовала в первоначальной схеме плана, под другую было перестроено помещение 32. Последнее увеличилось в размерах до 4,25×3 м. Вход в него со стороны коридора 33 (ширина проема 0,6 м) расположен на углу помещения. Сразу за проходом устроена традиционная очаговая площадка (1,2×1,1 м) с ташнау, а на борт суфы справа от прохода выведено устье топки тандыра. Дымоход подведен не к ближайшим стенам, как обычно, а к дальней от входа южной стенке, ближе к юго-западному углу. Длина дымохода 3,3 м, ширина хорошо сохранившегося канала, выложенного боем жженого кирпича, 15—17 см, глубина 12—13 см.

В помещении 34 тандыр остался на прежнем месте — справа от входа, но изменилось направление дымохода — он протянут до ближнего северо-западного угла. Очаговая площадка перед тандыром вымощена жженым кирпичом, под вымосткой устроено ташнау.

Справа по коридору 33 появляется еще одна жилая секция, которая занимает помещение 30 и новый участок на юго-западной окраине дома (помещение 31). Оба помещения проходные. В помещении 30 размером 5,05×4,5 м западный простенок занят суфой высотой 0,5 м, шириной у западной стены 2,35 м, у восточной — 3,4 м. Интерьер его напоминает дворик в домах XVII в. с навесом над суфой¹². Но в отличие от поздних домов, где открытая часть двориков, как правило, мостилась жженым кирпичом, а под ней устраивалось ташнау, здесь пол глинобитный, правда, хорошо утрамбованный, многократно обмазанный.

Угловой проход шириной 0,7 м соединял помещение 30 с помещением 31 размером 4,35×3,8 м. Дверной проем открывался на очаговую площадку, вымощенную жженым кирпичом, с ташнау в центре. Тандыр расположен справа от входа, в суфе высотой 0,45 м. Диаметр устья тандыра 0,45, дна — 0,6 м. Перед топкой тандыра в углу, образованном восточной стеной помещения и южным бортом суфы, поставлен глинобитный «стул». Дымоход подведен к восточной стене. Передняя стенка помещения примечательна не только колодцем дымохода. Напротив

¹² Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Позднесредневековый Отрар. С. 143.

тандыра в стене устроен камин с подковообразным в основании очагом и нишами по обеим сторонам. Сохранилось два ряда ниш, нижний устроен чуть выше уровня суфы. Высота их 0,22—0,25 м, ширина около 0,2 м, глубина 0,16—0,18 м.

В северо-западном углу помещения устроен погреб глубиной 0,5 м, устье которого длиной 0,8 м и шириной 0,3 м выложено сырцом.

После второго пожара жизнь в секции возобновляется. Помещение 31 дважды ремонтировалось, при этом уровень суфы повысился на 10—15 см, а планировка осталась прежней. Восстанавливаются и жилые секции с помещениями 36 и 43. Но если раньше они имели самостоятельный выход в коридор 44, то после пожара в северной части помещения 36 появляется прихожая 43А, откуда можно попасть в оба помещения. В свою очередь, помещение 43А проходом связано с коридором. Меняется положение тандыров. В помещении 36 тандыр и очаговая яма сдвинуты в юго-восточный угол, а в помещении 43 расположены рядом с восточной стеной. К тандырам подведены новые каналы дымоходов.

На левой стороне коридора вместо двух жилых секций осталась одна. Планировка ее приобрела более строгие черты: пять помещений поставлены в два ряда и соединены системой проходов. От входа со стороны коридора последовательно расположены помещения 47А (4×2,6 м), 26 (3×2,3 м), 25 (3,35×2,7 м), 35 (2×1,85 м). Ничего примечательного в их интерьере не обнаружено. В глубине секции находится жилое помещение 32А размером 4,25×2,8 м. Дверной проем приводит на очаговую площадку размером 1,5×1,4 м. Пол глинобитный, ташнау отсутствует. Прямо напротив прохода на суфе высотой 0,45 м находится тандыр с каналом дымохода, подведенным к северо-западному углу. Справа от тандыра, в углу очаговой площадки устроена глинобитная тумба. Поверхность ее ниже уровня суфы на 0,15 м.

После второго пожара дом не был брошен. Во всех помещениях отмечены следы ремонта, новые уровни полов. Помещения 38, 49 и 49А составляют еще одну секцию дома с самостоятельным выходом на улицу широтного направления. Этот участок не докопан до уровня первоначального пола. При сравнении планов дома двух строительных периодов нетрудно заметить, что первоначальная застройка здесь не могла быть связана планиграфической ситуацией с кварталом «И». Лишь после первого пожара появляется цепочка трех проходных помещений с выходом в переулок-тупик, образовавшийся на месте брошенного участка с домом 9.

В глубине секции находится жилое помещение 38 площадью 15 кв. м (4,25×3,6 м). Интерьер его традиционен: большую часть занимает суфа высотой около 0,5 м и лишь перед проходом в северо-восточном углу имеется небольшая квадратная в плане очаговая площадка без ташнау. Устье топки тандыра выведено на западный борт суфы, а дымоход напрямую подведен к ближней северной стенке. Очаговая площадка (1,2×1,15 м) с тщательно обмазанным глиной полом плотно утрамбована, без признаков мощения. Центр помещения отмечен неглубокой ямкой диаметром около 0,2 м с остатками дерева. Здесь явно находился

опорный столб плоских перекрытий. В юго-западном углу устроен погреб размером $0,9 \times 0,4$ м, глубиной около 0,5 м. Устье его выложено сырцовым кирпичом. Дверной проем шириной 0,6 м с деревянным порогом находится в северо-восточном углу. Уровень пола в дверном проеме повышается в сторону соседнего помещения 49 на 0,25 м.

Следующее помещение — 49 — размером $4,75 \times 2,6$ характеризуется перегородкой, поставленной на всю длину западной стены. Образованный таким образом закроем указывает на хозяйственное назначение помещения. Пол сделан на двух уровнях с разницей в 0,25 м. Низкий участок занимает восточную часть, примыкающую к входу в жилое помещение, высокий — западную. Высокий уровень сохраняется в проходе в следующее помещение 49А ($4,75 \times 2,7$ м) и в самом этом помещении. Правда, восточная часть помещения 49А приподнята еще на 0,25 м. В 1,4 м от восточной стены помещения 49А поставлена перегородка, образующая закроем. Границы высоких и низких участков подчеркнуты вымостками из жженого кирпича. Две ямы у северной стены, по-видимому одновременные, заполнены строительным мусором, костями животных, керамикой.

Второй пожар на участке с тремя помещениями был очень сильным. Особенно пострадали хозяйственные постройки. Огонь прокалил докрасна стену между помещениями 49 и 49А и общую западную стену. Пожар в помещении 38 был менее интенсивным. После пожара помещения были заброшены и использовались какое-то время для содержания скота, судя по обильным отложениям гумуса на полах. С правой стороны переуллка, открывающегося на внутриквартальную улицу с северной стороны, находятся два дома (5, 6).

Дом 5 включает помещения (27, 28, 29, 29А, 45), образующие в плане прямоугольник площадью 70 кв. м. Узкой стороной и входом дом обращен в переулок, длинная южная сторона, выходящая на улицу, представляет собой глухую стену.

В плане дома просматриваются две части. Первую, меньшую по площади, образуют айван (45), полностью открытый в переулок ($4,3 \times 1,3$ м), и прихожая (27) на всю ширину передней части дома ($4,2 \times 3,15$ м). В юго-восточном углу айвана устроена мусорная яма. В помещении 27 у северной стены находится бадраб глубиной 3,5 и диаметром до 0,8 м, отгороженный стенкой толщиной в один кирпич ($40 \times 20 \times 8$ см). С внешней стороны перегородки найдены следы открытого очага в виде лунки диаметром 0,3 м.

Вторую часть дома образуют жилое помещение 29 и хозяйственно-подсобные 28, 29А. Помещение 28, узкое и длинное, размером $4,35 \times 1,65$ м, примечательно ямой-зернохранилищем диаметром 1,2 и глубиной около 2 м.

Вход в помещение шириной 0,55 м находится в юго-западном углу, со стороны помещения 29А ($2,5 \times 2$ м). Последнее выполняло функции передней, откуда попадали в зернохранилище (28) и в жилую комнату.

Жилое помещение 29 невелико по площади — 10 кв. м. Вход шириной 0,8 м находится почти в центре передней стены. За входом имеется

небольшой (1,1×0,95 м) участок пола, окруженный суфой высотой 0,45 м. Тандыр поставлен слева от входа, причем устье топки сдвинуто к углу площадки. Диаметр устья 0,4 м, дна — 0,6 м. Поддувало размером 15×15 см, ширина перемычки около 20 см. Печь-тандыр снабжена дымоходом, подведенным ближе к северо-западному углу. Помещение неоднократно ремонтировалось, при этом уровень суфы повышен к восточной стене. Дважды обновлялся тандыр. Каждый новый очаг устраивали ближе к западному простенку помещения. Первоначально тандыр с заглубленным участком пола перед ним находился у южной стены. Он обнаружен под обмазкой суфы, сохранился плохо. Каких-либо следов дымохода не зафиксировано.

Дом 5 был уничтожен пожаром, а затем восстановлен. Территория домовладения осталась прежней, но планировка претерпела некоторые изменения. На месте айвана 45 и передней 27 появилось одно помещение площадью 14 кв. м, которое, однако, сохранило подсобные и хозяйственные функции: у северной стены за перегородкой по-прежнему функционировал бадраб, в юго-восточном углу был отгорожен заком, а в углу напротив находился открытый очаг. Площадь жилого помещения 29 была увеличена за счет прихожей 29А и достигла 13 кв. м. Проход в помещение сдвинут к северо-западному углу, а новый тандыр поставлен справа от прохода. Дымоход печки проложен в суфе и ведет к ближайшему углу. Зернохранилище 28 разделено стенкой на две части: крохотную переднюю неизвестного назначения и комнату с закомом. Полы несколько раз тщательно обмазаны. Для упора в пол перед перегородкой вмазан жженный кирпич.

Дом 6 расположен в глубине переулка, к северу от дома 5. Эта большая постройка общей площадью 120 кв. м из восьми помещений (13, 14, 15, 21, 22, 47, 48, 48А), входящих в состав трех жилых секций. В плане заметны шесть помещений, поставленных в два ряда. Они и образуют две секции; третья секция включает два помещения. Проходом в переулок открывается секция с помещениями 21, 22, 47. Последнее размером 5×3 м, видимо, айван с частично открытой передней стенкой. В восточной части айвана, прикрытой передней стеной, поставлена перегородка, образующая подобие закома. В кладке южной стены использованы остатки какой-то более ранней стены шириной 0,8 м.

За айваном находится помещение 22 размером 4,5×3,6 м, жилое, судя по остаткам тандыра, расположенного почти в центре и открытого топкой на заглубленный участок пола (1,5×1 м) перед проходом. Печь сохранилась плохо, диаметр по основанию 0,6 м. Никаких признаков дымохода не обнаружено.

Третье помещение секции — 21 — открыто частично. Его северная половина оказалась под бровкой раскола. Назначение помещения неясно.

Попасть в следующую секцию можно только через жилое помещение 22, что необычно, поскольку принцип изолированности секций в многоквартирных домостроениях выдерживался, как правило, неукосни-

тельно. Не исключено, что остатки тандыра в помещении 22 отражают какую-то более раннюю планиграфическую ситуацию, которую не удалось проследить. Вторая секция дома включает также три помещения (13, 15, 48), расположенные цепочкой.

Жилое помещение 13 размером 3,8×3,4 м расположено в передней части секции. Проход шириной 0,7 м сдвинут к северо-западному углу. Сразу за входом находится вымощенный жженым кирпичом участок пола размером 1,4×0,9 м. В центре вымостки находится кирпич с отверстием, закрывающий санитарное устройство — ташнау. Площадка с ташнау заглублена на 20 см относительно уровня пола в соседнем помещении 48, благодаря чему в проходе между помещениями появилась ступенька. В кладке стен из сырца применен жженный кирпич.

Большую часть помещения занимает суфа высотой 0,5 м. Тандыр диаметром 0,7 м по дну и 0,5 м по устью впущен в суфу слева от входа. Поддувало сделано в виде квадрата со стороной 0,18 м, толщина перегородки также 0,18 м. Дымоход, подведенный к ближайшему северо-восточному углу, перекрыт локальными сырцовыми кирпичами, образующими «оводчатое» перекрытие канала, что впервые отмечается в строительной практике Отрара. Рядом с тандыром к стене приставлена полочка на всю длину восточного пространства. Ширина полочки 0,25 м, высота 0,15 м. У южного борта суфы найден каменный жернов ручной мельницы (нижний диск) диаметром 0,5 м и толщиной 4 см.

В глубине секции расположено помещение 15, трапециевидное в плане, площадью 10 кв. м. Никаких примечательных деталей в его интерьере не отмечено, как и в передней комнате 48, предварающей вход в жилое помещение секции.

Через помещение 48 (4,3×2 м) попадали в третью жилую секцию, расположенную в глубине дома. Она состоит из передней 48А, большей частью оставшейся за пределами раскопа и недокопанной до первоначального пола, и жилого помещения 14 размером 3,35×2,4 м. Все помещение занимает суфа, кроме небольшого участка пола в северо-западном углу, где находится дверной проем шириной 0,55 м. Имеющийся здесь тандыр снабжен дымоходом, подведенным к стене ближе к северо-восточному углу.

Очень сильно пострадали от пожара помещения 14 и 15, в остальных помещениях пожар оставил следы лишь на отдельных участках.

После пожара дом 6 сохраняет занимаемую территорию, но план его существенно меняется. Первая жилая секция с проходным жилым помещением 22 перестраивается. В результате возведения передней стены и прохода в юго-западном углу айван 47 превращается в жилое помещение. Напротив прохода в суфе был установлен тандыр, перед ним оставлен небольшой участок пола. Таким образом, изолированная жилая комната получает самостоятельный выход в переулочек. Две другие секции с восточной и южной сторон открываются проходами в помещение 48 площадью 15 кв. м, напоминающее двор, которое появилось на месте помещений 21, 22, 48. Вторая жилая секция сохраняет свои

очертания. Появляется заком в западном углу помещения 15, который подчеркивает его хозяйственные функции.

Третья жилая секция выглядит совершенно иначе: жилая и передняя комнаты меняются местами. Жилое помещение 48А выглядит традиционно: за проходом шириной 0,7 м в середине передней стены открывается небольшой квадратный в плане участок пола с ташнау, вымощенный жженым кирпичом, а справа от прохода в суфе ставится тандыр. Он расположен почти вплотную к южному простенку, отчего горизонтальный участок дымохода составляет 0,2 м. Помещение 14 подверглось полной перепланировке в результате устройства нового глинобитного пола, скрывшего тандыр. Правда, слева от прохода под уровень пола заглублен небольшой открытый очаг грушевидной формы.

Дом 6 сильно пострадал от нового пожара. В результате оказалось заброшенным жилое помещение 47, был забутован, а затем и вовсе закрыт ремонтной стеной проход в жилое помещение 48А. Забутованным оказался и проход в помещении 15.

Дом 7 площадью около 200 кв. м имеет в плане форму прямоугольника, вытянутого с востока на запад вдоль внутриквартальной улицы. Вход находится с западной стороны дома, выходящей на улицу северного направления. От входа начинается коридор шириной чуть больше метра, пересекающий постройку на две неравные части. На южной стороне дома расположены три двухкомнатные секции, а на северной — две однокомнатные. Кроме того, в доме имелась гончарная мастерская.

Двухкомнатная секция в глубине дома состоит из помещений 10А и 16. Последнее размером 4×3,3 м ничем не примечательно. Другое помещение жилое, размером 4,75×3,2 м. Тандыр с очаговой площадки сдвинут к южной стене. Очаг сохранился плохо, фиксируется лишь основание диаметром 0,6 м. Через проход в середине северной стены секция соединялась с коридором 11А.

Напротив располагалась однокомнатная секция, состоящая из помещения 17 размером 3,5×3,15 м. Сразу за проходом в помещение находилась очаговая площадка с кирпичной отмосткой, занимающая восточный угол помещения. Тандыр, расположенный с западной стороны, сохранился значительно лучше, чем в двухкомнатной секции. Диаметр его в основании 0,6 м, в устье — 0,5 м. В суфе обнаружены остатки дымохода, направленного в ближайший от тандыра угол.

Так же расположены две другие секции дома. Двухкомнатная секция включает помещение 10 — видимо, хозяйственное, размером 3,75×2,6 м, ничем не примечательное, и помещение 9 — жилое, размером 3×2,9 м. В дверном проеме шириной 0,65 м устроен глинобитный порог. Уровень пола в коридоре выше, чем в помещении, на 0,3 м, поэтому в проходе сделана ступенька, укрепленная кирпичом. Участок плотного глинобитного пола невелик — 1,4×0,9 м. Вся остальную площадь занимает суфа высотой 0,45 м, многократно и тщательно обмазанная. Поверхность суфы местами укреплена жженым кирпичом, им же выложен восточный борт суфы, где находится тандыр. Диаметр основания очага 0,58 м, устья — 0,31 м. Хорошо сохранился ободок устья шириной 9 см.

Необычно устроено поддувало глубиной 0,2 м: на поверхности борта суфы оно выглядит как трапеция высотой 0,35 м, шириной по основанию 0,18 м, в верхней части 0,1 м. К боковине тандыра поддувало подведено трапециевидной фигурой, вершина которой сужается до отверстия диаметром 0,12 м. Тандыр снабжен дымоходом, канал которого подведен наискосок к ближайшей, северной, стене. В стене рядом с тандыром устроен камин, что потребовало утолщить стену до 1 м (обычная толщина стен 0,6—0,7 м). Камин выглядит как ниша высотой 0,77 и шириной 0,3 м, со стенками из жженого кирпича, округленная поверху. В основании камин устроен п-образный очаг, сложенный из кирпича-сырца. В верхней части камин сохранились остатки отверстия дымохода, который, по-видимому, имел общий с дымоходом тандыра канал, проложенный в стене.

Справа от камин в стене, сохранившейся на высоту 0,8 м, сделаны две разновысокие ниши: одна из них на уровне суфы (ширина 0,35, высота 0,23, глубина 0,25 м), другая выше суфы на 0,4 м ($0,35 \times 0,34 \times 0,25$ м).

Однокомнатная секция включает помещение 11 размером $4,35 \times 3,2$ м. Со стороны коридора в помещение ведет проход шириной 0,7 м со ступенькой, по которой спускались на более низкий уровень пола в помещении. Участок пола выглядит как подпрямоугольное углубление размером $1,5 \times 0,85$ м, вымощенное жженым кирпичом, с ташнау в центре. Все остальное пространство занято суфой высотой около 0,6 м. Тандыр (диаметр основания — 0,65, устья — 0,45 м) находится справа от прохода, на уровне пола сделано поддувало размером $0,2 \times 0,15$ м. Дымоход тандыра подведен к юго-восточному углу. Канал дымохода сохранился полностью: длина его около 1 м, ширина и высота — 0,2 м. Примерно такие же размеры имеет вертикальный отрезок дымохода в стене.

Еще одна двухкомнатная секция включает помещения 12 и 40 размером $2,35 \times 2,25$ и $3,5 \times 3$ м соответственно. Далее от прохода помещения 12 ничем не примечательно. Второе явно жилое: здесь есть тандыр в суфе слева от прохода. Интерьер помещения обычный: в проход открыта очаговая площадка размером $1,5 \times 1,25$ м, остальная площадь занята суфой с тандыром, снабженным дымоходом. Канал его подведен напрямую к передней стенке помещения.

И, наконец, последняя секция дома, выходящая фасадом на улицу. Два помещения ее — 41 и 38А — расположены по обе стороны коридора. Первое размером $6,75 \times 3$ м, второе — $4,85 \times 3,25$ м. В южной части помещения 41 найдены остатки печи, скорее всего гончарной, грушевидной формы с круглой топочной камерой диаметром 1,5 м и вытянутым устьем с южной стороны. Печь почти полностью снесена в ходе перестройки помещения, сохранились лишь участки стенок с сильным прокалом и шлаковыми отливами.

В помещении 38А у восточной стены, дальней от прохода, в юго-западном углу находится еще одна печь, в плане трапециевидная с закругленными углами, длиной 2,5 м и шириной в средней части 1,15 м.

Топочное отверстие выходит на западную сторону. Печь была заполнена рыхлой крупенистой массой желтоватого цвета. Анализ показал, что это зола для приготовления фритта — компонента глазури, полученная путем пережога солевыхосных растений.

Постройка пострадала от пожара, особенно ее южная половина, где расположены жилые секции с парными помещениями. После пожара дом был восстановлен, но с существенными перестройками. Прежде всего, общая площадь его сократилась с 200 до 160 кв. м, фасад был перенесен в сторону переулка, заканчивающегося туликом. План дома со сквозным коридором и секциями по обеим его сторонам сохраняется, но на месте гончарной мастерской и жилой секции с помещениями 12 и 40 появляются две изолированные жилые секции с выходом в коридор. Перестройка коснулась каждого помещения. В помещении 17 на уровне нового пола, который почти совпадает с уровнем старой суфы, но перекрывает заглубленный участок у топки тандыра, появляется тандыр, сдвинутый к западной стене.

Секция, расположенная по другую сторону коридора, сохраняет два помещения, но меньшей площади, а новый тандыр с очаговой площадкой сдвигается в юго-западный угол помещения 10А.

В помещении 11 уровень суфы поднят на 0,15 м, на эту же высоту нарощено устье старого тандыра, в глинобитной вставке в юго-восточном углу устроен новый канал вертикального отрезка дымохода. Выкружка суфы у стен укрепляется жёванным кирпичом, утолщается северная стена за счет ремонтной выкладки из кирпича-сырца.

Помещение 9 сильно пострадало от пожара, особенно участок у северной стены с тандыром и камином. Поэтому оно перестраивалось полностью. Возведены новые стены, причем увеличена площадь помещения, заново сделаны тандыр и очаговая площадка в дальнем от прохода юго-западном углу. Дымоход проложен вдоль южной стены и подведен к юго-восточному углу. В подсобном помещении этой же секции на уровне нового пола хорошо сохранились две деревянные стойки плоских перекрытий у северной стены, слегка утопленные в стену. Расстояние между ними 1,5 м.

Возникает новая жилая секция с помещением 38А размером 3,75×3,6 м. Проход со стороны коридора сдвинут к юго-восточному углу. Тандыр с прямоугольной очаговой площадкой и ташнау находится справа от прохода, у восточной стены, ближе к северо-восточному углу, куда подведен и дымоход.

Выделяется секция с помещениями 40 и 42А. Первое — жилое, размером 4,9×4 м, второе — хозяйственное, размером 4,6×2,9 м. Тандыр в помещении 40 находится у прохода, с правой стороны, а дымоход очага подведен к ближней, северной стене. Перед топкой оставлен небольшой участок пола, совпадающего по уровню с полом в коридоре.

Спустя небольшой промежуток времени квартал вновь был уничтожен пожаром. Сильно пострадал и дом 7, лишь небольшая территория в нем заново обживается. После забутовки дверного проема со стороны переулка заброшенными оказываются секции с помещениями 10А, 16, 17.

Коридор на уровне этих секций перегораживается глухой стеной. Закрывается проход в заброшенную секцию с помещениями 40 и 42. Жизнь возобновляется в помещениях 9, 11 и 38А. Помещение 9 существенно перестраивают: очаговую площадку с глинобитным полом выносят к проходу и открывают в него одной стороной, тандыр устраивают в суфе справа от прохода, канал дымохода протягивают через все помещение к вертикальному колодцу в юго-восточном углу, а проход в смежное помещение 10 закладывают кирпичом.

Продолжает функционировать помещение 11, здесь лишь наращивают уровни пола и суфы. В коридоре между помещениями 9 и 11 также повышают уровень пола. В доме появляется новый выход на улицу, на этот раз в помещении 38А. Чтобы помещение не было проходным, южную часть его отгораживают капитальной стеной и делают в ней дверной проем в образовавшийся коридор (длина 4,3 м). Планировка дома после второго пожара напоминает первоначальную схему с выходом через коридор на западную сторону и улицу северного направления.

Дом 8 находится на западной стороне улицы северного направления, напротив дома 7, и планировкой напоминает последний. Он также прямоугольный со сквозным коридором и жилыми секциями по сторонам. Площадь 140 кв. м.

По правую сторону коридора находится жилая секция с помещениями 65, 68, 69. Передняя часть секции занята помещениями 65, 68 подсобного назначения, площадью примерно 5 кв. м каждое. Большую часть секции занимает жилое помещение 69 площадью около 30 кв. м. Оно не докопано, поскольку северо-западный участок остался за пределами раскопа. Слева от входа находятся тандыр и очаговая площадка. Тандыр полностью сохранился и выглядит не совсем обычно благодаря размерам: высота его около 1 м, диаметр устья 0,32 м, дна — 0,55 м. Под высокий тандыр устроена и высокая суфа, правда лишь на участке с тандыром, в юго-западном углу помещения. Возвышение выглядит как тумба размером 2,15×1,35 м, к узкому краю которой и поставлен тандыр (рис. 21). Очаговая площадка тщательно вымощена жженым кирпичом. В центре ее находится ташнау. Уровень отмостки заметно понижается к сливному отверстию ташнау. Уровень суфы ниже уровня тумбы с тандыром на 0,39 м. Впрочем, термин «суфа» здесь очень условный, так как поверхность суфы это и есть уровень пола, совпадающий с передними помещениями, коридором и другими секциями. В юго-восточном углу отмечен погреб, устье которого имеет размер 1,35×0,45 м, глубина почти 0,5 м. Погреб разделен на две части поставленными на ребро сырцовыми кирпичами. Стенки и дно его вымощены таким же кирпичом.

Слева от коридора располагается еще одна секция. Она включает переднюю 67 размером 4,8×2,4 м и жилую комнату 66 размером 5×3,75 м. Обе проходные. В жилом помещении тандыр установлен в глинобитной тумбе размером 2×1 м. Северный сектор помещения отгорожен стенкой в один кирпич — здесь явно находилась хозяйственная зона. Секция подвергалась перепланировке. В бывшей передней 67 в

дальнем от прохода углу был поставлен тандыр, заглубленный под уровень пола, и устроена очаговая площадка перед ним.

После пожара дом восстанавливался, сохранилось связующее звено в его схеме — коридор (70), но расположение и интерьер отдельных комнат изменились полностью. По правую сторону от коридора находится помещение 69 площадью 20,5 кв. м. Вход в него сделан в самом конце

Рис. 21. Горизонт IV, квартал «11», дом 8, помещение 69. Центральный участок с тандыром и ташпау (вид сверху)

коридора. Ближе к дверному проему в юго-западном углу помещения расположена жилая часть с тандыром и очаговой площадкой, открытой в проход. В глубине помещения находится хозяйственная часть с двумя небольшими отсеками, имеющими общую переднюю стенку. Все хозяйственные перегородки явно не достигали потолка и были значительно тоньше (30—35 см), чем стены помещения (50—60 см). На полу зафиксированы остатки коричневатого гумуса. Вторая жилая секция значи-

тельно больше по площади и включает четыре камеры — 64, 65, 66, 67 размером 3,8×2,95; 4×3,45; 3,75×3,05; 4×3,4 м соответственно. По всей вероятности, стена между помещениями 64 и 66 также не достигала потолка, т. е. служила перегородкой (ее толщина 35 см) внутри большого хозяйственного помещения. Твердо устанавливается местонахождение жилого помещения 65. Его интерьер традиционен: открытая в проход очаговая площадка с ташнау и тандыр прямо против прохода. Примечательно, что дымоход протянут к дальней южной стене, ближе к юго-западному углу и выведен наружу. Длина дымохода в суфе около 3 м.

После второго пожара дом, по-видимому, был заброшен.

Дом 9 состоит из передней 71 (3,5×2,05 м) и жилой комнаты 72, поставленных в ряд. Вход шириной 0,7 м располагался на углу фасадной стены со стороны улицы. В жилом помещении (4,1×3,2 м) в юго-западном углу находится тандыр и перед ним — очаговая площадка, замкнутая стенами помещения. На полу найдены жженные кирпичи. Один из них, поднятый у западной стены, имел отверстие, а значит, перекрывал сливной колодец — ташнау. Никаких признаков дымохода не обнаружено, правда, и тандыр с прилегающим участком суфы сохранился очень плохо. На западной стороне домов 7 и 8, за глухой стеной находятся два помещения — 73 и 74. Оба раскопаны частично, так как большей частью остались за пределами раскопа. Помещение 73 жилое, судя по имеющемуся здесь тандыру в угловой суфе. Каким было соседнее помещение 74, установить не удалось. У южной стены его обнаружена ямка (диаметр 0,21 м, глубина 0,3 м) с кладом серебряных монет (25 шт.) раннетимуридского чекана. Судя по остаткам ткани, монеты лежали в матерчатом мешочке; часть монет слиплась. По форме ямы можно предположить, что здесь стоял горшок, под который и был закрыт клад.

После пожара участок квартала «И», занятый домом 9 и помещением 73, был заброшен.

В северо-восточном углу раскопа была выявлена не вертикальная стратиграфия, а горизонтальная, фиксирующая одновременное заселение смежных участков города. Дома первого строительного периода IV горизонта — 5 и 6 — были вплотную пристроены к заброшенному участку XI—XII вв. с западной стороны. Со стороны улицы южный участок был огорожен стеной, образующей единую «красную» линию фасадов на правой стороне улицы.

Заброшенный участок выглядит как блок из семи помещений (1—6А), занимающих площадь около 70 кв. м и известных по плану участка на уровне V горизонта. Поздние помещения фиксировались только по гребням стен, пространство между которыми было заполнено ритмично повторяющимися прослойками надувного лесса в 7—8 см и плотной желтой глины в 1—2 см. Эти прослойки выглядят как линзы, сильно вытянутые к центру, и напоминают глинобитные полы, но стерильность наслоений не оставляет сомнений в том, что заполнение помещений образовалось в результате запустения. Впрочем, можно отме-

тить и следы каких-то временных постояльцев: остатки кострища на «полу» одного из помещений.

Во второй строительный период заброшенный участок застраивается домами 9 и 10. Планы домов представляют собой цепочку из двух проходных помещений, однако жилые комнаты расположены по-разному: в доме 9 — в передней части, в доме 10 — в глубине постройки. По-разному расположены и тандыры. В доме 9 очаг с площадкой ташнау замкнутых очертаний находится почти в центре помещения, а в доме 10 — в углу помещения, слева от прохода. В последнем доме никаких признаков дымохода не обнаружено. В жилом помещении дома 9 хорошо сохранился канал дымохода, подведенный к свободной стене.

В доме 9 жилое помещение 22 размером 4,5×3,5 м, подсобное 21 — 4,5×2,8 м, в доме 10 жилое помещение 45Б — 3,85×2,7 м, переднее 30А — 5,2×2,9 м.

У западной стены помещения 30А находилась яма глубиной 1,2 м, с обмазанными глиной стенками. Пшеница, которой она была заполнена, сгорела при пожаре. Пожар явно поздний, уничтоживший постройки второго строительного периода на территории квартала «И». Ранний по времени пожар не оставил здесь никаких следов, так как участок был заброшен задолго до него.

С северной стороны квартала «И», по другую сторону глухой квартальной стены расположена цепочка из трех помещений, частично захваченных раскопом. Помещение 39 выходом обращено в сторону внутриквартальной улицы на западном участке застройки. Предполагаемый размер его 4,9×3 м. Ширина прохода со стороны улицы около 1 м. Проход оказался заложеным, и сделано это было до пожаров: на кирпичах закладки обнаружены следы огня, а на полу помещения — мощная прослойка золы, углей. Нужно сказать, что границы раскопа III на этом участке не совпадают применительно к двум строительным периодам. Объясняется это тем, что на северном срезе раскопа на этом участке происходили обвалы, и границы более раннего слоя вынужденно расширялись без фиксации поздних по времени строительных конструкций.

К югу от квартала «И» находится массив застройки квартала «Ж». Он расположен по обе стороны внутриквартальной улицы и раскопан частично. Выявлена планировка застройки на правой стороне улицы протяженностью около 20 м.

На пересечении внутриквартальной и магистральной улиц находится дом 3. Он включает айван 61, жилое помещение 51, амбар 1А и помещение 55, изолированное от дома глухой стеной, с самостоятельным выходом на улицу. Айван предваряет жилую часть дома и полностью открыт на улицу. Его ширина 4,75, глубина 1,4 м. У восточной стены айвана на уровне пола сохранилась опора из жженого кирпича квадратной формы для столбовой конструкции. В западной стене устроена ниша.

Вход в жилое помещение находится в юго-западном углу передней стенки. Справа от входа, на расстоянии 1,75 м, начинается г-образная суфа, которая занимает всю юго-восточную часть помещения. Ширина суфы у южной стенки 2,05 м, у восточной — 0,95 м, высота 0,45 м. Угол

суфы оформлен в виде полукруглого глинобитного выступа, который скрывал каменную плиту толщиной 0,16 м, размером 0,55×0,6 м. Этот участок фиксирует центр помещения и местонахождение опорного столба перекрытия. Северо-западный угол занят секторальной глинобитной тумбой высотой 0,75 м, где могла находиться ручная каменная мельница.

Чуть в стороне от опорного столба в суфу вмазан тандыр диаметром 0,42 по устью и 0,51 м по дну. Тандыр хорошо сохранился, и можно с уверенностью сказать, что дымоход у него отсутствовал.

В канун пожара помещение ремонтировали, причем уровень пола поднят до уровня суфы, но перед тандыром оставлена очаговая площадка размером 1,7×1,2 м. Именно этот уровень перекрыт слоем пожара с горелым деревом и камышом.

Прямо против тандыра находится проход в амбар 1А. В плане это неправильный четырехугольник с зауженной восточной частью и более широкой западной. Оба участка отгорожены тонкими перегородками, образующими закрома. На западном участке амбара, более широком, выделено два отсека закровов. Пол в амбаре чуть выше, чем в жилом помещении.

Передняя стенка помещения 55 (4,1×2,2 м) находится на одной линии с айваном, но проход в помещение самостоятельный, в юго-восточном углу. На расстоянии 1,25 м от северной стены поставлена перегородка толщиной в один кирпич, за которой на полу стоит глинобитный ящик размером 0,45×0,3 м. Пол плотный, с многократной обмазкой. Назначение помещения остается неясным, не исключено, что это лавка.

Дом пострадал от пожара, судя по прокаленной штукатурке и обмазке пола в жилом помещении и амбаре. Однако других следов пожара — рухнувших перекрытий, горелого мусора — в доме нет. Аналогичная картина наблюдается и на других участках раскопа: пожар фиксируется главным образом по прокаленности на штукатурке. Затем жизнь в доме возобновилась: заново оштукатурены стены, поднят уровень пола. Функции помещений не изменились, но интерьер жилой комнаты подвергся существенным переделкам. Пол был поднят до уровня старой суфы, за исключением северо-западного угла, отведенного для прямоугольной в плане очаговой ямы. Ближе к юго-восточному углу ямы поставлен тандыр с диаметром устья 0,42 м и дна — 0,53 м, высотой 0,49 м. Примечательно, что канал дымохода подведен к вертикальному колодцу в восточной стене.

Новый пожар практически уничтожил постройку. После этого жизнь здесь не возобновлялась. На полах остался 10-сантиметровый слой обуглившихся деревянных перекрытий, камыша с глиняной обмазкой, стропильный завал.

В северо-восточном углу помещения на суфе под завалом лежали два бронзовых зеркала. Судя по отпечаткам, они были завернуты в ткань и обращены лицевой стороной друг к другу.

Дом 2 находится западнее дома 3 и включает две жилые секции и подсобные помещения, вытянутые двухрядной цепочкой и образующие

в плане прямоугольник. В сторону улицы дом обращен узкой, глухой стороной, а вход поставлен у скругленного с улицы юго-восточного угла. По-видимому, вход в дом предварял айван, северная сторона которого была образована стеной дома 3, а южная — стенкой, выступающей за линию фасада на 1,2 м.

В двух жилых секциях дома по три помещения, два из которых подсобного назначения, третье — жилое. Со стороны улицы проход шириной около 1 м приводит в хозяйственное помещение 59, значительное по площади (около 20 кв. м). Юго-восточный сектор его отделен перегородкой, приставленной одним концом к южной стене, другим — к закрому со стенкой, овальной в плане. На плотном полу отложения гумуса перемежаются с глиняной обмазкой. Скорее всего, здесь держали скот, хранили сено.

С западной стороны помещение 59 соединяется угловым проходом с помещением 50 размером 3,8×3,5 м. У северной стены находятся два отсека закромов с общей передней стенкой, перед которой устроено ташнау. Помещение 50, скорее всего, выполняло функции амбара-зернохранилища.

В северо-западном углу помещения 59 имеется еще два прохода. Один из них, обращенный к западу, приводит в жилое помещение 57 размером 5,5×3,2 м. Хозяйственная часть здесь отделена перегородкой, поставленной в 2,3 м от южной стенки. К перегородке приставлена поперечная стеночка, образующая два крохотных закутка у южной стены. Большая часть помещения жилая. Суфа размером 2,15×2,15, высотой 0,46 м занимает угловое положение между восточной стеной и перегородкой. К углу ее поставлен тандыр без дымохода с диаметром устья 0,45 и дна 0,56 м. Рядом с перегородкой, на суфе, ближе к ее борту, находится открытый очаг в виде лунки диаметром 0,22 м. Пол в помещении 57 тщательно обмазан несколькими слоями глины.

Другой проход в помещение 59 обращен к северу, в сторону помещения 52 размером 4,25×3 м. В разных концах последнего сделаны три неглубокие (0,8—1,2 м) ямы, в устье неправильной формы. Назначение их выяснить не удалось.

Помещение 52 соединяется угловым проходом с помещением 8 размером 3,25×2,75 м. Здесь также имеется яма, но круглая в устье, диаметром 0,5 м. По-видимому, под уровень пола сюда когда-то был вкопан хум. В северо-западном углу яма с квадратным выходным отверстием глубиной 0,35 м напоминает погреб в жилых домах Отрара. Стенки ее выложены кирпичом-сырцом.

Жилое помещение 4 (размером 4,35×4,2 м) находится с восточной стороны помещения 8 и соединяется с ним угловым проходом шириной 0,8 м. Юго-восточный угол его занят суфой высотой около 0,5 м, размером 2,8×1,75 м. Узкая сторона суфы соединена глинобитной «скамейкой» шириной 0,65 м и длиной 1,1 м с северной стеной помещения. «Скамейка» чуть ниже поверхности суфы. На углу суфы поставлен тандыр без дымохода, диаметром 0,35 м по дну. Устья дымохода и поддувала не сохранились. Пол глинобитный, выкружки пола и суфы, суфы и стены

вымощены фрагментами жженого кирпича. Последние три помещения (4, 8, 52) образуют вторую жилую секцию.

После пожара дом 2 был восстановлен практически на той же территории с сохранением функций отдельных помещений. В некоторых незначительно передвинуты стены, и тем самым изменена первоначальная площадь помещений, переменился интерьер жилых комнат.

В помещении 4 расширена суфа за счет новой облицовки бортов жженым кирпичом (старая — сырцовая). Пол поднят на 15—20 см. После второго пожара урловая суфа была скрыта под новым уровнем пола. Новый тандыр устанавливается рядом со старым, ближе к восточной стене. Поддувало тандыра направлено в сторону очаговой ямы размером $1,5 \times 1$ м, глубиной 0,5 м, северной стороной примыкающей к стене. Тандыр сохранился плохо, признаков дымохода не обнаружено. Размер помещения 4 после пожара $4,2 \times 4,1$ м.

В помещении 8 применительно к новому уровню пола не отмечено каких-либо деталей. Только северная стена, общая для помещений 4 и 8, стала почти вдвое толще благодаря появлению ремонтной стены.

В помещении 52 к новому уровню пола имеют отношение две ямы. Одна из них — у северной стенки — предназначалась явно для хранения зерна: кое-где зерно прилипло к стенкам, обмазанным глиной. Устье ямы выложено двумя рядами сырцовых кирпичей.

Жилое помещение 57 размером $5,75 \times 3,4$ м в первой (со стороны улицы) жилой секции сохранило хозяйственную часть: за перегородкой, явно не доходившей до потолка (ее толщина около 0,3 м), расположены два крохотных закутка, сообщавшихся проходом. В жилой части пол поднимается до уровня старой суфы; в проход, расположенный в северо-восточном углу, открывается очаговая площадка ($1,7 \times 1,3$ м), тщательно вымощенная жженым кирпичом. В центре площадки устроено ташнау, перекрытое жженым кирпичом с отверстием. Тандыр находится в суфе слева от входа, очаг без дымохода. Рядом с очагом пристроен глинобитный «стул» размером $0,5 \times 0,3$ м, высотой 0,35 м — он занимает угол между стеной и бортом суфы. Поверхность его выложена битым жженым кирпичом. Суфа, образовавшаяся благодаря открытой в проход очаговой площадке, тщательно обмазана. Уровни суфы и пола в хозяйственной части помещения совпадают.

В центре помещения сохранился паз от колонны под прогоном перекрытия. Основание колонны было квадратным со стороной 20 см.

Уровни полов в помещениях 57 и 59 не совпадают: в последнем выше. Эту разницу скрывает высокий деревянный порог в проходе и глинобитный подъем к порогу со стороны очаговой площадки в помещении 57.

В хозяйственных помещениях 59 и 50 на новом уровне пола сохраняются перегородки закомов. В помещении 50 заметна ремонтная стена, приставленная с восточной стороны.

Второй пожар был сильнее первого. Особенно сильно пострадало помещение 57: на суфе лежали балки перекрытий, сгоревшая солома. Здесь же найдены гвозди, железная пряжка и крица. Обитаемая пло-

щадь дома сократилась: была заброшена секция с помещениями 48, 52. В последнем помещении вдоль северной и западной стен поставлен «футляр» новой кладки, закрывшей проход в секцию через помещение 52. Другая секция какое-то время еще была жилой, судя по новым обмазкам полов.

И, наконец, дом 1 в квартале «Ж». Постройку удалось исследовать только по уровню после второго пожара. Как выглядел дом первоначально, неизвестно. Можно лишь утверждать, что накануне второго пожара план его был примерно таким же, поскольку почти на всех стенах под штукатуркой сохранился ранний слой обмазки, сильно прокаленный.

Дом г-образный в плане, включает пять помещений — 53, 54, 56, 58, 60 размером соответственно $3,3 \times 1,85$; $4,3 \times 3,2$; $4,3 \times 3,3$; $3,5 \times 1,8$; $3,5 \times 2$ м. Назначение трех помещений в глубине дома определяется четко: амбар (53), жилая комната (54) и дворик (56). В амбаре три ларя: два в юго-западном углу ($0,7 \times 0,6$; $0,7 \times 0,6$ м), квадратных очертаний, и один в северо-восточном, прямоугольный в плане, но южная стенка его закруглена ($1,2 \times 0,6$ м). Перегородки сложены из сырца и имеют толщину 20—25 см. Проход шириной 0,65 м находится в углу у восточной стены. В полу у южной стены помещения 53, ближе к проходу зачищена ямка диаметром и глубиной 0,3 м, видимо, от стоявшего здесь сосуда большой емкости.

Порог в проходе деревянный, сохранился плохо. Остатки дерева обнаружены лишь в пазах щек с восточной и западной сторон. Пол в помещении 53 заглублен относительно уровня суфы в жилом помещении на 0,25 м, поэтому в проходе помимо порога есть глинобитная ступенька.

Интерьер жилого помещения 54 традиционен: большую часть его занимает суфа высотой около 0,4 м, участок пола размером $1,3 \times 1,3$ м находится перед проходом. Пол глинобитный, плотный, обмазанный в несколько слоев. Ташнау отсутствует. Прекрасно сохранился тандыр. Его устье диаметром 0,45 м обрамлено венчиком толщиной 2—3 см и шириной 9—10 см. Очаг глубиной 0,4 м по дну вымощен камнем, битой керамикой. Устье топки прямоугольных очертаний выведено на южный борт суфы, дымоход подведен к ближайшей восточной стене под небольшим углом.

С западной стороны тандыра на суфе находится открытый очаг. Дно его располагалось чуть ниже уровня суфы, края обрамлены глинобитным валиком высотой 5 см. Очаг квадратный, со стороной 0,55 м (рис. 22).

В юго-западном углу помещения устроен погреб, что характерно для домов Отрара того же слоя и более поздних. Глубина его около 40 см, впускное отверстие размером 60×20 см. Устье находится на специальной площадке размером $1,15 \times 1$ м, заглубленной на 8—10 см относительно уровня суфы. Углубление сделано явно для деревянной крышки.

Южной стороной очаговая площадка открыта в проход, который устроен в углу помещения, у восточной стены. Ширина его 0,6 м. В двер-

ном проеме имеются глинобитная ступенька и деревянный порог. Пол в помещении ниже, чем в соседнем (56), на 0,2 м.

Помещение 56 очень своеобразно. Западный простенок занят невысокой (0,3 м) суфой шириной 1,5 м. Суфа имеет своеобразный отросток — «скамейку», которая тянется вдоль южной стены (длина 0,8 м, ширина 1 м). В северной стене устроена ниша, которая сохранилась лишь на высоту стены — 0,4 м. У южной стены на суфе зафиксирован остаток деревянного столба перекрытия, диаметром 10 см. Пол имеет

Рис. 22. Горизонт IV, квартал «Ж», дом 1, помещение 54. Тандыр и открытый очаг на суфе

небольшой уклон к выходу, сделанному в юго-восточном углу. Этот дверной проем приводит в помещение 58, которое, в свою очередь, соединяется проходом с помещением 60. Назначение двух последних непонятно ввиду отсутствия деталей интерьера, находок.

Выход на улицу находится в помещении 60. Стены здесь толщиной до 0,4 м, тогда как в других помещениях — до 0,6 м. Возможно, в переднем помещении были перекрытия облегченного типа.

Находки горизонта IV. В материалах слоя помимо керамики присутствуют изделия из металла, стекла, кости и другого сырья, относящиеся к орудиям труда, предметам вооружения, инструментам.

Многие из них найдены под завалом позднего пожара в заброшенных домах. Среди находок железные котлы (рис. 23, 3—5), подковы (рис. 23, 8—10), скобы строительные и сундучные (?) (рис. 23, 12—17), проушное тесло (рис. 23, 20). Распространены хозяйственные ножи (рис. 24, 1—6, 8—10; рис. 25, 1—4, 7—11) и ножи специального назна-

чения: столярные, садовые (рис. 24, 7; рис. 25, 5, 6). Длина лезвий хозяйственных ножей 8,5—17 см, длина черешка до 4,6 см. На некоторых экземплярах сохранились остатки деревянных ручек (рис. 24, 4; 25, 7). Встречаются железные крюки, гвозди (рис. 26, 8—14), а также железные накладки с медными заклепками, которыми, возможно, обшивали деревянные изделия (двери, сундуки) (рис. 26, 15—18). Редкой находкой являются орудия земледелия: наконечники пахотных орудий (рис. 27, 3), лопаты (рис. 27, 1), кетмени (рис. 27, 2).

В слое позднего пожара найдены деформированные железные черешковые наконечники стрел и оборонительные доспехи — кольчуги. Можно полагать, что большинство наконечников было плоскими в поперечнике или в виде сплющенного ромба. Лишь два из них сохранили в поперечнике форму ромба или квадрата, характерную для бронебойных стрел. Одна кольчуга выполнена из железных колец диаметром 1,2 см, вторая кольчуга (бармица) сплетена из мелких медных колец.

Многочисленны находки предметов хозяйственно-бытового назначения, в частности медные кувшины, чаши (рис. 28, 1—11). Среди поделок из меди (рис. 28, 12, 13) имеются зеркала (рис. 29, 1—3, 5), кольцо со щитком, на котором выгравирована дата — 787 г. х. (1385/86 г.), и круглые весовые гирьки. Возможно, гирьками являлась также группа круглых свинцовых предметов диаметром 1,2 см, с конусовидной втулкой в центре, полый или сплюсненной. Аналогичные изделия в большом количестве найдены в средневековых городах Поволжья¹³. В Отраре подобные находки известны только по горизонту IV и найдены не в жилых домах, а на улицах или в помещениях, напоминающих торговые лавки.

Разнообразны изделия из камня-песчаника: сферические весовые гирьки, прясла, оселки. Встречаются изделия из стекла: цилиндрическая горловина графина (высота 16 см) и кружка из желтоватого стекла, нижняя половина которой орнаментирована стеклянными нитями (высота кружки 11 см, диаметр венчика — 10,5 см, дна — 9,2 см). Все медные крышки найдены во фрагментах (рис. 30, 3—5). Распространены предметы из кости: санитарные принадлежности детских люлек (шумек), проколки, накладки на лук (?), застежки от пут, костяные кольца с выступами для натягивания лука. Последние известны и по материалам Золотой Орды¹⁴.

В мусорных ямах нередко встречаются фигурки животных. Все они фрагментированы, покрыты поливой: прозрачной (рис. 31, 1), зеленой (рис. 31, 2, 6, 11), желтой (рис. 31, 5, 10, 12) — или красным ангобом (рис. 31, 4). Особенно выразительны две фигурки коней. На одной черной росписью и наклепом изображены грива и уздечный убор с налобным

¹³ Культура Биляра: Булгарские орудия труда и оружие X—XIII вв. М., 1985. С. 109—113. Табл. XLI; Федоров-Давыдов Г. А., Вайнер И. С., Мухамадиев А. Г. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959—1966 гг. // Поволжье в средние века. М., 1970. С. 163. Табл. 11—13.

¹⁴ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 25.

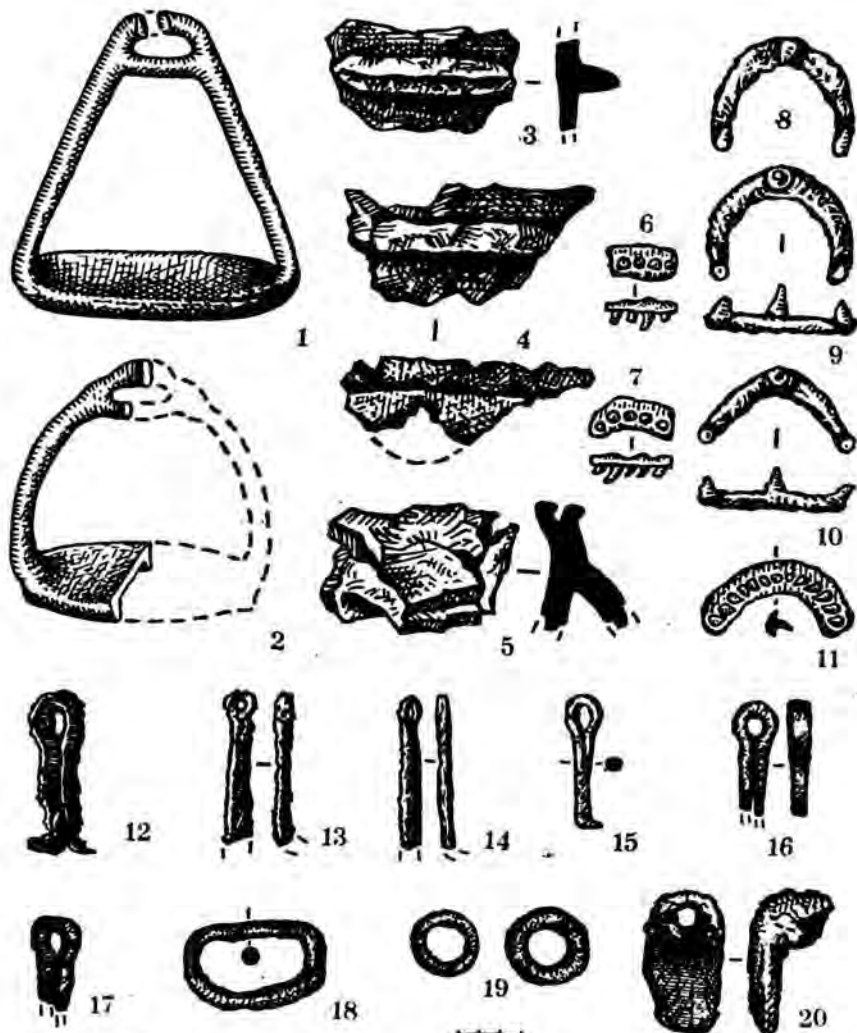

Рис. 23. Изделия из железа: 1, 2, 6, 7, 11, 18, 19 — горизонта III, 3—5, 8—10, 12—17, 20 — горизонта IV

фаларом (рис. 31, 1), на другой морда и грива животного отненены загустевшей зеленой глазурью (рис. 31, 2).

Уникальной находкой является фрагмент люстровой керамики (рис. 31, 3).

III горизонт (рис. 32) «унаследовал» от своего предшественника уличную сеть с двумя внутриквартальными улицами меридионального

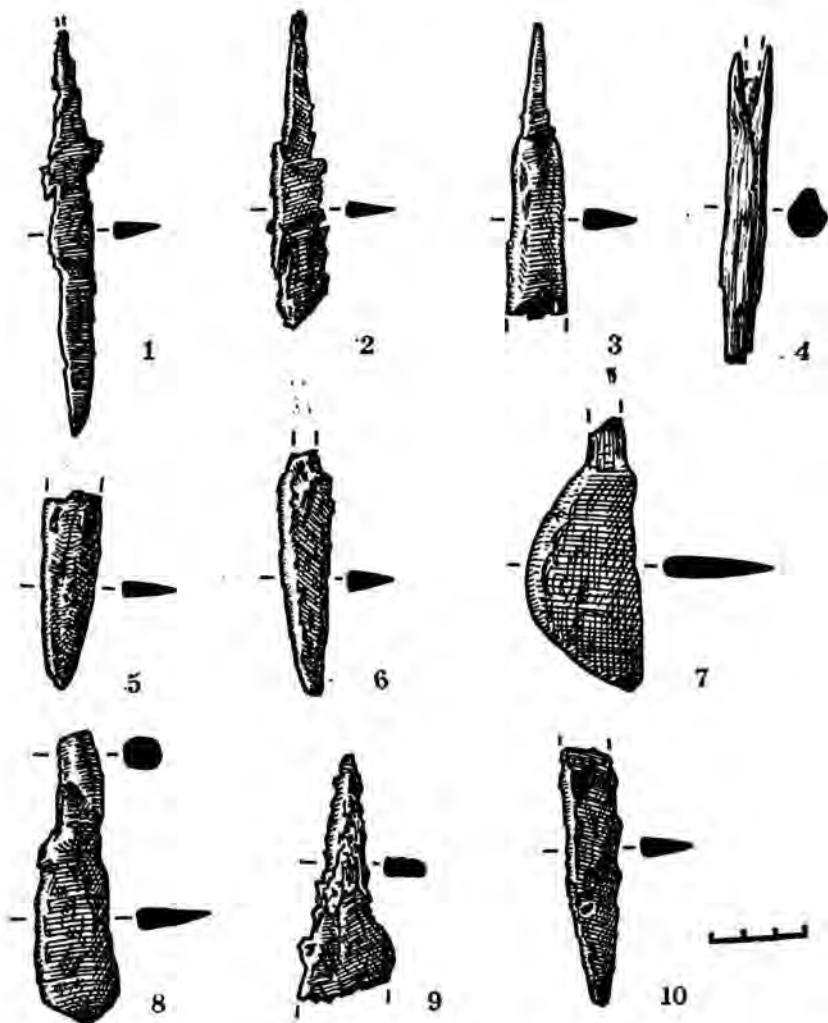

Рис. 24. Горизонт IV. Ножи

направления и боковыми ответвлениями. На некоторых участках совпадают стены домов. Например, в квартале «И» дома 1 и 4 повторяют планировочную схему домов IV горизонта, совпадают границы построек. Однако в целом планировка позднего горизонта изменилась: заметно спрямлена линия глухой стены между кварталами «Ж» и «И»; улица на восточной кромке раскопа получила продолжение в северном направлении; полностью перекроены участки заброшенных домов. На

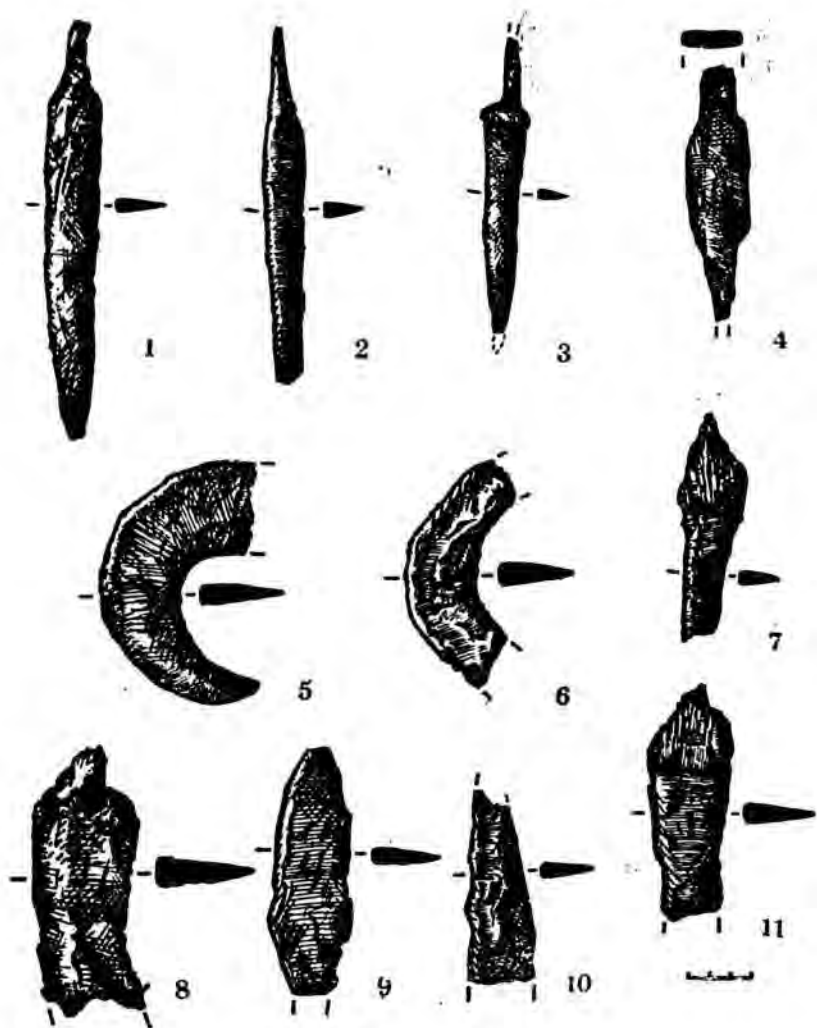

Рис. 25. Горизонт IV. Ножи

южном участке раскопа III в квартале «Ж» находились 4 домовладения.

Дом 1 стоит на пересечении двух улиц. Три его помещения — 9А, 8А, 8 — можно определить соответственно как айван (ширина 3,5 м, глубина 2 м), кладовую (3,5×1,3 м), в которой северный простенок занят закромом, и жилое помещение (6,55×3,75 м). Для интерьера последнего характерна печь-тандыр диаметром 0,55 м в западном секторе. Горизонтальный дымоход подведен к северной стене, а поддувало обра-

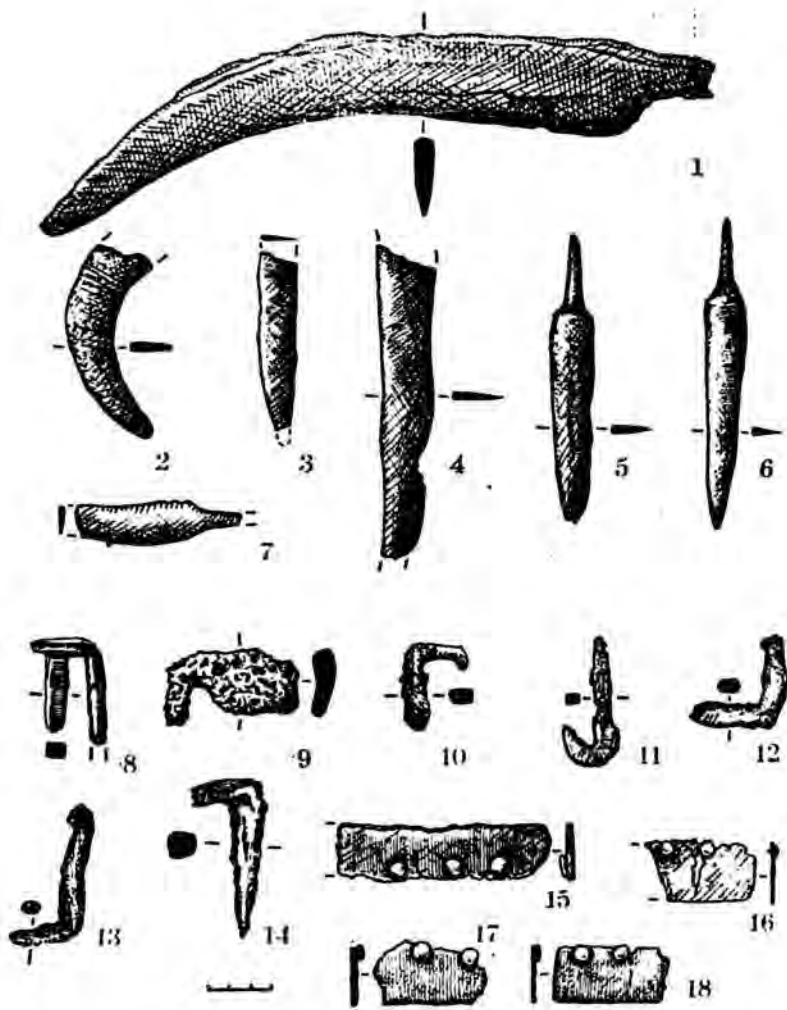

Рис. 26. Изделия из железа: 1—7 — горизонта III, 8—18 — горизонта IV

щено в сторону участка с ташнау в юго-западном углу. Жженный кирпич, которым была вымощена площадка с ташнау, почти весь выбран. Сохранилась каменная база опорного столба перекрытия у северной стены айвана. Это почти не обработанный массивный каменный валун прямоугольных очертаний ($1,2 \times 0,55 \times 0,33$ м) с пазом для опорного столба (25×15 , глубина 10 см). Домовладение невелико по площади (35 кв. м), и можно полагать, что опорный столб поддерживал балки

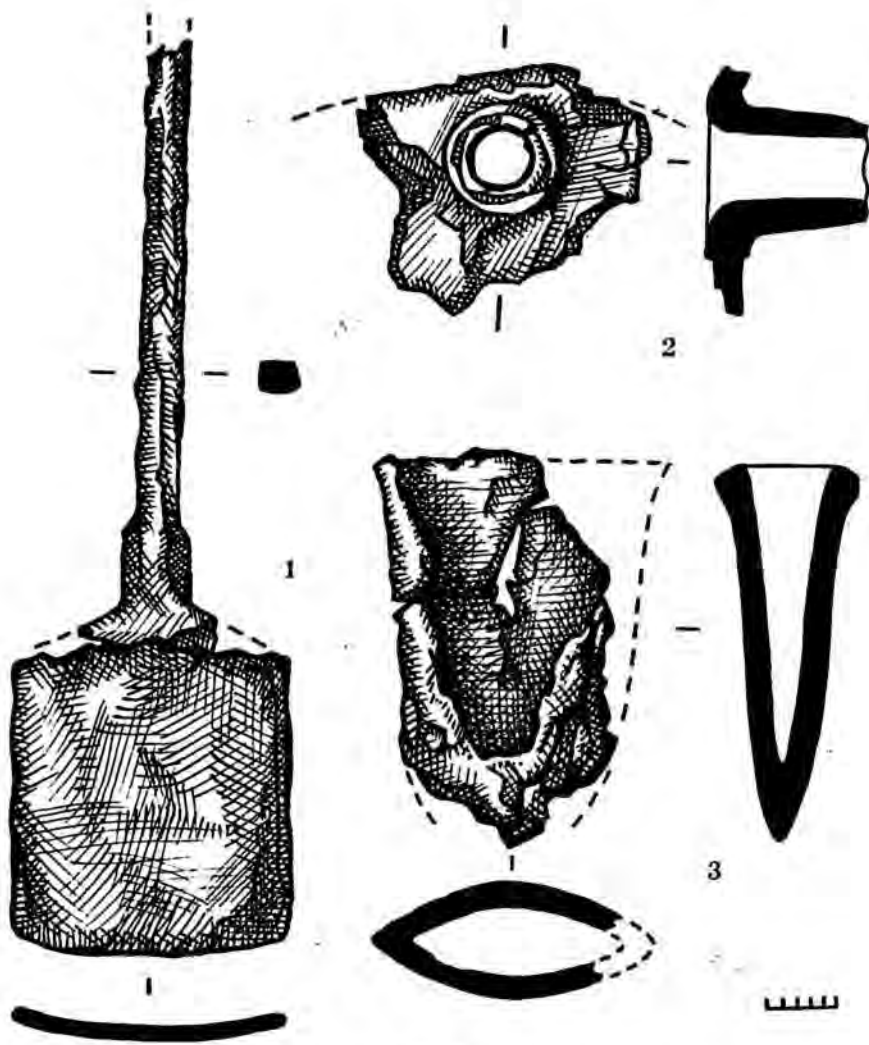

Рис. 27. Горизонт IV. Орудия сельскохозяйственного труда

перекрытия не только айвана, но и всего дома. На полу айвана обнаружен верхний диск ручной мельницы диаметром 0,82 м.

Дом 2 несколько больше по площади (46 кв. м), хотя состоит из двух помещений. Легко угадываются передняя — помещение 9, — открытая проходом в сторону улицы (6,9×2,7 м), и жилое помещение 7 (4,75×4,3 м). Печь находится на суфе прямо напротив дверного проема,

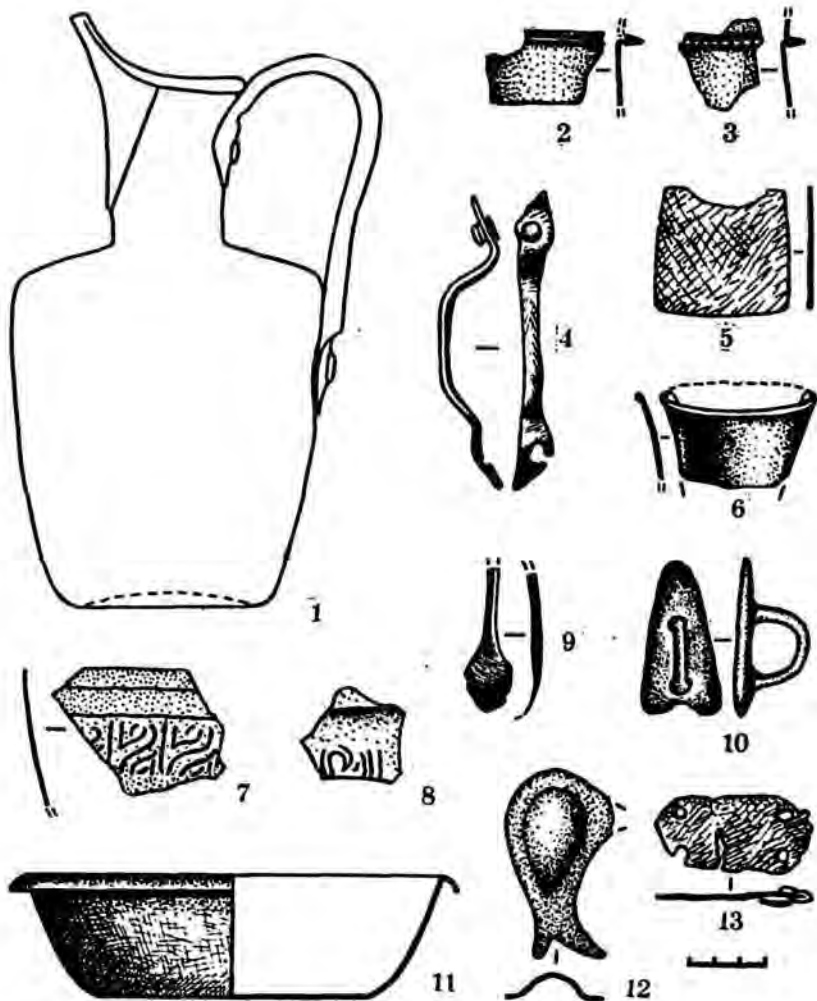

Рис. 28. Горизонт IV. Изделия из меди

соединяющего два помещения. Устье топки выведено на борт очагового углубления с ташнау, открытого в сторону прохода. Жженный кирпич на участке почти весь выбран, печь сохранилась плохо, но направление горизонтального отрезка дымохода определимо: он подведен к северо-восточному углу. Дом сильно пострадал от ям верхнего строительного горизонта, особенно помещение 9, план которого, по-видимому, был более дробным.

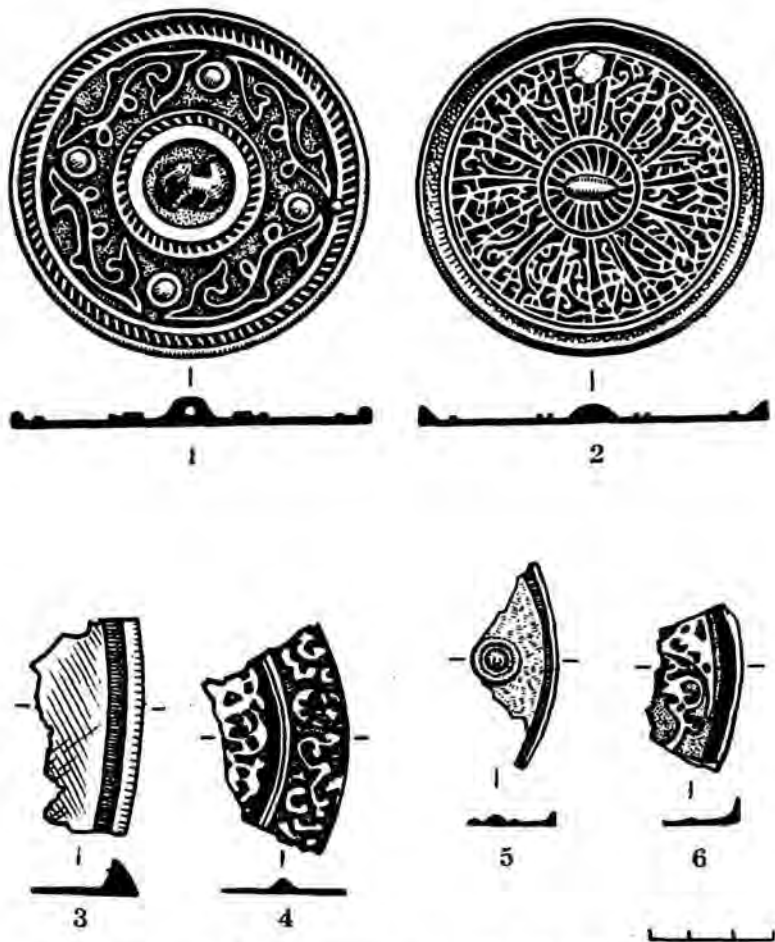

Рис. 29. Зеркала: 4, 6 — горизонта III, 1, 2, 3, 5 — горизонта IV

Дом 3 включает четыре помещения — 1, 11, 22, 23, расположенных попарно друг против друга. Ближе к улице расположены два помещения, связанные проходом: 23 (3,75×2 м) типа передней или входного тамбура и 22 (5,7×5,5 м), значительное по площади, но непонятное по назначению из-за отсутствия каких-либо деталей интерьера. На первоначальную планировку его указывают площадка с ташнау по уровню нижнего пола слева от прохода и остатки закрома в северо-западном углу. По-видимому, ранее это было жилое помещение.

Проход в северной стене помещения 23 ведет в жилое помещение 11 (5,05×4,55 м), из которого можно попасть в помещение 1 (5,15×2,85 м),

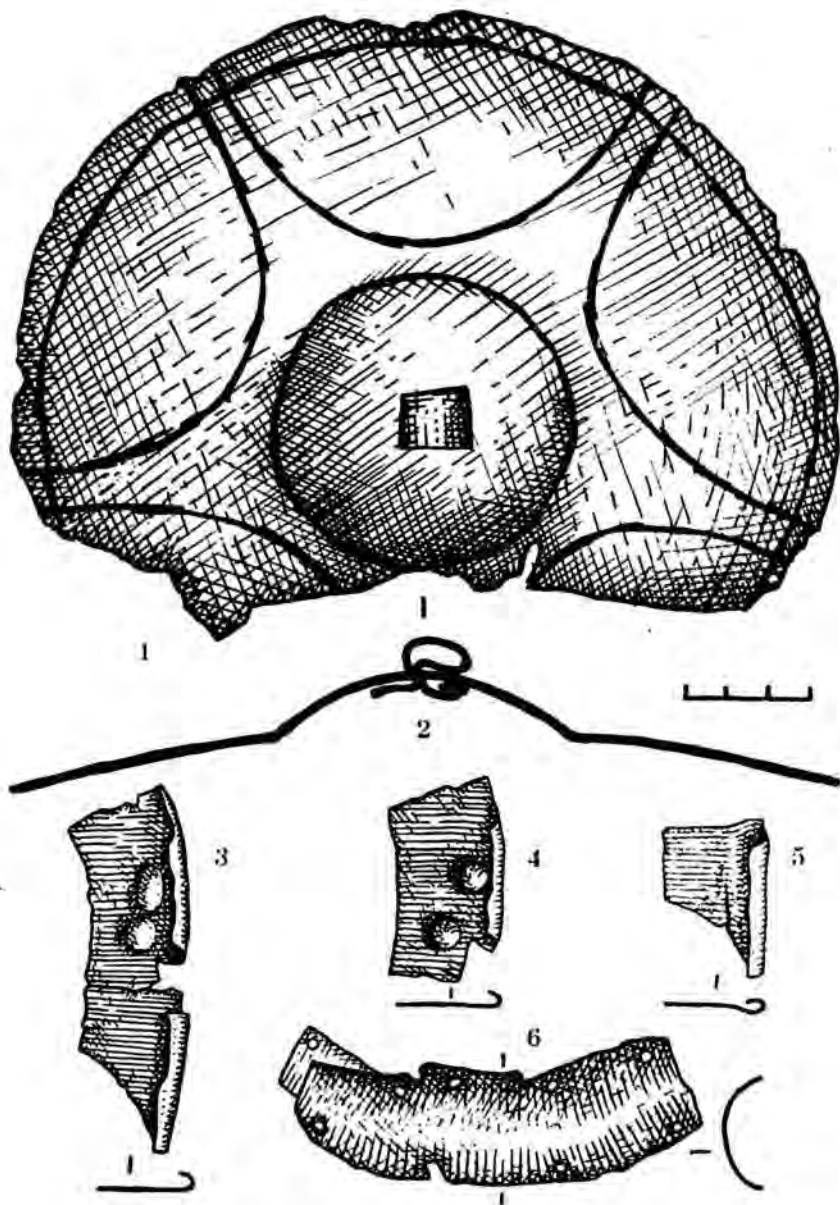

Рис. 30. Медные крышки: 1, 2, 6 — горизонта III, 3—5 — горизонта IV

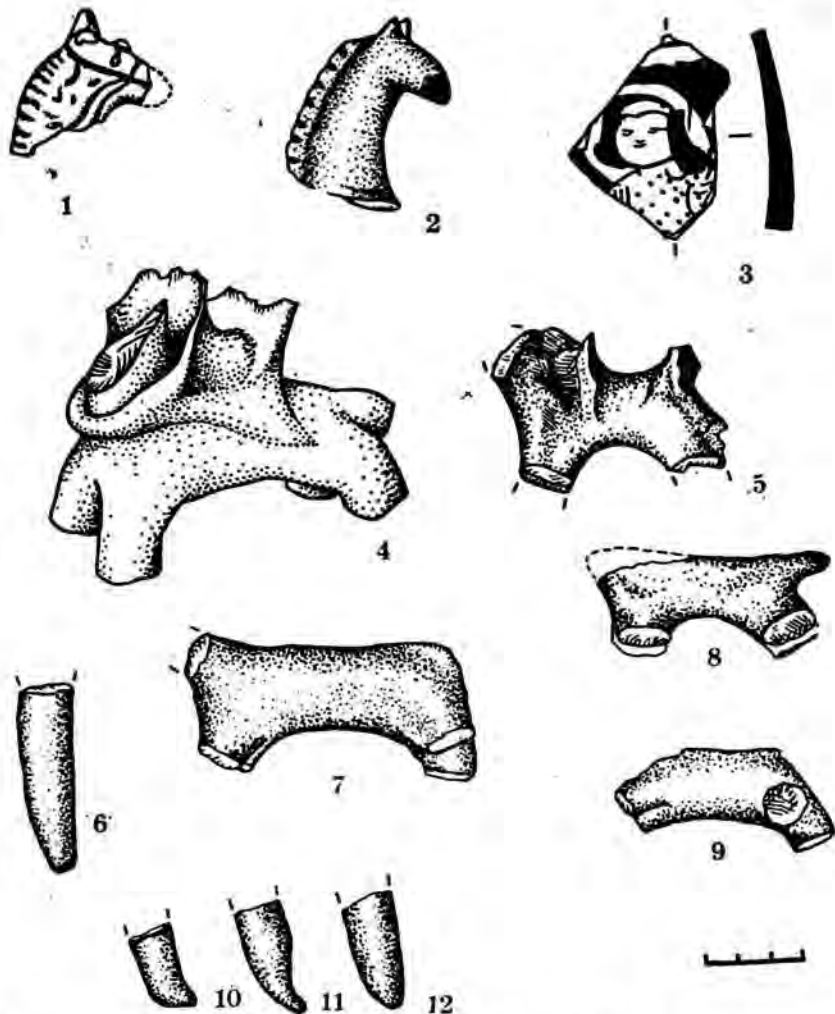

Рис. 31. Изделия из глины: 7—9 — горизонта III, 1—6, 10—12 — горизонта IV

Последнее примечательно деталями интерьера: северный и южный простенки заняты суфами высотой около 0,5 м. На северной суфе, ближе к северо-западному углу, находится яма для хранения зерна, судя по налипшим на стенки зернам злака. Диаметр устья ямы около 1 м, глубина 2 м. Ко дну диаметр ее увеличивается. Пол в помещении глинобитный, с многократной обмазкой.

Жилое помещение 11 традиционно: большую часть его занимает су-

Рис. 32. План горизонта III (пунктиром помечены поздние постройки)

фа, в юго-западном углу которой находится тандыр диаметром 0,6 м. Дымоход подведен к юго-западному углу. Устье топки выведено на южный борт предтопочного углубления с ташнау, открытого в сторону прохода в помещение 1. В проходе сохранился деревянный брус порога (углубление, вымощенное жженым кирпичом). В северо-западном углу помещения на суфе установлена глинобитная тумба, на которой хранилась, видимо, ручная мельница: она найдена рядом на суфе.

Дом некоторое время стоял заброшенным, судя по мощным натекам со стен. Жилое помещение сплошь усеяно золой, костями животных, фрагментами керамики.

К западу от дома 3 находится жилой комплекс, связанный проходом с переулком, который ответвляется от улицы в северном направлении и заканчивается тупиком. Участок также некоторое время был заброшен и использовался под свалку мусора.

Дом 4, включающий четыре помещения (26, 26А, 28, 35), сохранился очень плохо, как и большинство участков городища, которые прилегали к незастроенным пространствам — улицам или площадям. В доме, видимо, было две секции. Одна включала жилое помещение 26 (5,65 × 2,9 м), в юго-восточном углу которого обнаружены остатки печи, и переднее помещение 26А размером 5,7 × 2,55 м.

Жилое помещение 35 (4,5 × 4,1 м) во второй секции сохранилось очень плохо, так как изрезано многочисленными ямами верхнего горизонта. Суфа сохранилась удовлетворительно лишь на участке возле северной стены. Печь находится почти в центре. Перед ней — замкнутый участок с ташнау размером 1,8 × 0,9 м, заглубленный относительно поверхности пола на 0,35 м. Дымоход подведен к северной стене, ближе к северо-восточному углу. Канал дымохода неровный, неоднократно перекадывался, особенно в месте перехода горизонтального участка в вертикальный, где вследствие частых ремонтов образовался глиняный «на-рост».

Другое помещение секции — 28 (4,7 × 2,3 м) — служило амбаром: большую часть его занимали три закрома различной емкости.

На южной стороне улицы квартала «Ж» выявлено пять помещений, цепочкой вытянувшихся вдоль улицы. Два смежных помещения — 10 и 13 — образуют домовладение с самостоятельным выходом на улицу. Последнее размером 5,5 × 4,8 м открыто проходом в сторону улицы, каких-либо деталей интерьера не имеет. Помещение 10 явно жилое, размером 5,6 × 4 м. Большую часть его занимает суфа, лишь у прохода оставлен небольшой участок пола с ташнау, вымощенный жженым кирпичом. Тандыр установлен в суфе слева от прохода, а дымоход подведен к юго-восточному углу помещения.

В соседнем квартале «И» на южной стороне внутриквартальной улицы расположено 6 отдельных домовладений.

Дом 1 находится на пересечении улиц северного и западного направления и состоит из смежных помещений 6 и 19 размером 4,75 × 4,4 и 4,3 × 2,4 м соответственно. Помещение 19 служило прихожей, другое — жилое, с тандыром и очаговой площадкой замкнутых очертаний в центральной части. Дымоход подведен к юго-западному углу, где устроен вертикальный колодец, общий для дымохода печи в жилом помещении дома 1 соседнего квартала «Ж».

Дом 2 включает шесть помещений общей площадью 60 кв. м, поставленных в два ряда. Ближайшими к улице являются помещения 20 и 20А размером 3,15 × 2,25 м и 3 × 3,6 м соответственно. Первое помещение — передняя, с проходом на улицу, второе — хозяйственное, судя по

секторальному закрому в северо-восточном углу. В средней части южной стены передней сделан проход в помещение 5А размером 4,4×3 м. Юго-западный угол его занят треугольным в плане закромом. Судя по обильным отложениям гумуса коричневого цвета на плотном глинобитном полу, здесь содержался скот, а загром использовался, видимо, как кормушка. С западной стороны находится жилое помещение 5 размером 3,7×3,6 м. В нем углубление с ташнау расположено сразу за проходом, а поддувало топки печи диаметром 0,5 м выведено на южный борт суфы. Площадка с ташнау повторно выкладывалась жженым кирпичом, причем первоначально она была шире на 0,15 м, судя по кирпичам под ремонтным участком северной стены.

В доме существовали еще два небольших по площади помещения — 12 и 12А. Проходы в них не обнаружены, но они, видимо, входили в состав домовладения, так как вписываются в общий контур капитальных стен постройки. Помещение 12А отделено от помещения 5А перегородкой толщиной в один кирпич, очевидно невысокой. По-видимому, здесь хранили корм для скота. В доме заметны следы ремонта, связанного с повышением уровней полов, суфы в жилом помещении, появлением приставной стены в помещении 5А.

Некоторое время дом был заброшен, о чем свидетельствуют 6 мусорных ям в помещениях 5 и 5А, мощные прослойки золы и гумуса на полах.

Дом 3 состоит из переднего помещения 14 (4,9×2,8 м) и жилой комнаты 21 (4×3,3 м). В проходе между ними хорошо обозначен порог из двух рядов жженных кирпичей, поставленных на ребро. Сразу за проходом открывается крохотная площадка с ташнау, вымощенная жженым кирпичом. Печь диаметром 0,55 м впущена в суфу напротив прохода, а дымоход подведен к противоположной входу восточной стене.

В помещении 21 заметны следы ремонта площадки с ташнау. Первоначальная вымостка на уровне основания поддувала тандыра почти не сохранилась. Новый уровень площадки выше первоначального на 10 см. Обновлялись также борт суфы и ее поверхность.

С западной стороны дома 3 расположен жилой комплекс из пяти помещений — дом 3А. На улицу дом открывается узкой стороной прямоугольного в плане помещения 13 размером 5,5×2,9 м, у западной стены которого устроены три отсека загромов. В глубине жилого массива участок домовладения значительно увеличивается: здесь находятся по две пары помещений на параллельных осях. Все они связаны между собой проходами. Передняя пара помещений, скорее всего, хозяйственного назначения, так как в помещении 16 (4,4×2,75 м) есть загром прямоугольных очертаний у западной стены, а в помещении 1 восточный простенок занят суфой высотой 0,35 м, перед которой на полу устроена круглая глинобитная тумба диаметром 0,7 м и высотой 0,2 м, служившая, видимо, подставкой для каменного жернова ручной мельницы.

В глубине дома находится еще одна пара помещений — 3 и 17 размером 3,25×2,25 и 4,65×3,65 соответственно. Жилое помещение 17 традиционно: суфа по всей площади поднята до высоты тандыра (0,45 м). Последний диаметром 0,5 м поставлен прямо против прохода из поме-

щения 16. Канал дымохода подведен к ближайшей западной стене. Рядом с каналом дымохода расположена ниша шириной и глубиной 0,4 м, сохранившаяся на высоту 0,5 м. Ее края обрамлены глинобитным валиком. Узкий участок суфы (длина 1,5 м и ширина 0,3 м) вдоль западной стены помещения использовался как скамья, поверхность которой была вымощена жженым кирпичом и несколько занижена относительно основного уровня суфы. Кирпичи были обмазаны глиной, но обмазка сильно вытерта. В северо-восточной части помещения на суфе находится лунка открытого очажка. Помещение 3 — хозяйственное, с закомом на всю ширину северной стены. Жилое и хозяйственное помещения сообщались угловым проходом слева от тандыра.

В доме 3А также выявлены следы ремонта: в помещении 17 поднят уровень площадки с ташнау, обновлялись борт и поверхность суфы, дважды менялся тандыр, восточная стена утолщалась за счет приклада.

Дом 4 — большая постройка площадью 250 кв. м из шести жилых помещений (31, 32, 34, 36, 38, 43), трех хозяйственных (30, 41, 42) и двух коридоров (33, 44). Последние, расположенные на пересекающихся осях, составляют основу плана дома и объединяют в единое целое 7 помещений. Два помещения — 38 и 42 — имеют самостоятельный выход на улицу.

Вход в дом шириной 0,85 м находится в средней части фасадной стены. Он приводит в коридор 44 длиной 8,7 и шириной 1,55 м. Справа от входа в углу находится бадраб, диаметр устья которого 0,75 м и глубина более 2 м. На другом конце коридора в метре от прохода, по-видимому, был заком. Размеры его достоверно не установлены, но частично сохранилось заполнение из комочков хорошо отмученной ангобной глины белого и желтоватого цвета, а также сырье для поташа — мелкая непросеянная зола.

По обеим сторонам коридора сделаны два дверных проема. Ближайший к уличной двери приводит в помещение 41 размером 7,2×4 м, где у стены, справа от входа поставлены три отсека закомов (2,4×1,7 м; 1,55×1,45 м; 1,7×1,55 м). Первоначальная высота перегородок не установлена. В помещении зафиксировано три уровня полов, отстоящие друг от друга на 10—12 см.

На правой стороне коридора 44 второй проход ведет в секцию с двумя жилыми помещениями (36, 43), разделенными тамбуром или прихожей 43А (3,5×1,45). Проходы в жилые помещения расположены у дальней от коридора стенки прихожей. На южной стороне прихожей находится жилое помещение 36. Тандыр здесь поставлен ближе к восточной стене, а поддувало обращено в сторону очаговой площадки с ташнау в юго-восточном углу. Дымоход от тандыра первоначально был подведен к северо-восточному углу. После ремонта, когда установили новый тандыр, дымоход подвели к вертикальному колодцу в средней части северной стены (стена заново перекладывалась). На северной стороне прихожей находится помещение 43. Тандыр установлен здесь почти в центре, а поддувалом обращен к северной стене, где находится заглубленная на 0,45 м относительно пола очаговая площадка с ташнау. Первоначаль-

ный дымоход шел к юго-восточному углу помещения. После ремонта и тандыр, и дымоход остались на старом месте.

В дальнем конце коридора 44 дверной проем шириной 0,75 м с деревянным порогом вел в коридор 33, расположенный поперечно. Его длина 8 м, ширина 0,8—1,2 м. Коридор расширяется на восточном конце, где находится погребок размером 0,75×0,5 м и глубиной 0,3 м. Стенки его облицованы жженым кирпичом. Такие погреба уже встречались в домах Отрара. В отличие от «земляных», с узким впускным отверстием и расширяющейся книзу ямой эти погреба неглубоки (до 25—30 см), с ровными отвесными стенками и перекрывались деревянной крышкой.

Рядом с погребом находится проход в жилое помещение 34 размером 3,65×3 м. За проходом открывается небольшой участок пола с ташнау. Остальное пространство занято суфой, в которой напротив прохода установлен тандыр. Дымоход подведен к юго-восточному углу помещения. Тандыр обновлялся, дымоход также неоднократно ремонтировался, судя по плотному глинобитному наряду в углу помещения. В коридоре 33 перед входом в жилую комнату 34 была дверь. Она обозначена полуовальными в сечении глинобитными выступами, за счет которых держалась дверная коробка.

Вход в другую жилую секцию находится в западном конце коридора 33. Он также выделен глинобитными выступами для дверной коробки. Секция состоит из трех помещений (30, 31, 32), расположенных на одной оси. Из коридора попадали в среднее помещение секции — 30, по обеим сторонам которого расположены изолированные жилые комнаты 31, 32. Большая часть помещения 31 размером 4×3,9 м занята суфой, борт которой выложен регулярной кладкой из жженого кирпича (8 рядов). Высота суфы 0,6 м. Вымощенный жженым кирпичом участок с ташнау открытой стороной обращен в сторону дверного проема с деревянным порогом. Справа от входа находится узкая «скамья», поверхность которой слегка занижена относительно уровня суфы и вымощена жженым кирпичом. Слева от входа в суфу вмазана печь-тандыр с диаметром устья 0,56 м, дна — 0,72 м, высотой 0,56 м. Широкая сильно утолщенная закраина печи отогнута под прямым углом и вмазана под уровень суфы. Она необходима для плотного прилегания крышки, которой закрывали печь, когда пекли лепешки. Крышка найдена рядом с печью: это диск диаметром 0,65 м и толщиной 0,03 м с массивной грибовидной ручкой на высокой ножке. На южный борт суфы выведено поддувало высотой 17 см, шириной 12 см. Основание его находится на уровне вымощенной жженым кирпичом площадки ташнау. Горизонтальный дымоход подведен к ближайшей, восточной стене. Хорошо сохранился вертикальный колодец, по которому дым выводился наружу. Рядом со щекой прохода к южной стене помещения поставлена тумба размером 0,33×0,22 м, высотой 0,4 м, сложенная из кирпича-сырца. Повидимому, этот «стул» предназначался тому, кто поддерживал огонь в тандыре и камине. У северной стены помещения на суфе находилась сильно прокаленная лунка открытого очага диаметром 0,2 м.

Рядом обнаружена ямка, заполненная 74 мелкими фрагментами

поливной керамики — по-видимому, детский тайник, в котором хранились принадлежности игры в кумалаки.

На суфу вела ступенька высотой 0,2 м, сложенная из жженого кирпича в юго-западном углу борта суфы.

Очень интересно оформлена поверхность восточной стены. На одной оси с тандыром в стене устроен камин в виде ниши глубиной 0,42 м, шириной 0,58 м, сохранившаяся высота 0,82 м. Боковые стенки ниши обрамлены бортиками, выступающими на 0,2 м от поверхности стены. Огонь разжигали в подковообразном очаге диаметром 0,4 м, возвышающемся над суфой 0,2 м. Ширина топочного устья очага 0,1 м. Есть основания считать, что дым из каминя попадал в вертикальный канал дымохода тандыра.

По обе стороны каминя в шахматном порядке расположены небольшие ниши. Сохранились три ниши верхнего яруса и четыре нижнего, примерно одинакового размера — около 0,3 м по всем параметрам.

В проходе (ширина 0,7 м) из помещения устроен порог из трех рядов жженных кирпичей, поставленных на ребро. Проход соединяет жилую комнату с помещением 30 размером 3,9×2,9 м. Южную часть последнего занимает суфа высотой 0,52 м и шириной 2,2 м. В углу между бортом суфы и западной стеной находится тумба размером поверху 0,59×0,38 м и высотой 0,32 м. Все помещение тщательно оштукатурено два-три раза; пол ровный, очень плотный, неоднократно обмазанный.

В углу восточной стены помещения проход шириной 0,7 м ведет в третье помещенное секции — 32 (2,75×2,7 м). В проходе сохранился высокий (0,28 м) валик глинобитного порога, сразу за ним — прямоугольных очертаний площадка (1×0,8 м) с ташнау, вымощенная жженым кирпичом. Все остальное пространство занято суфой высотой около 0,4 м. Напротив прохода в суфу поставлен тандыр с дымоходом, подведенным к северной стене. В этой же стене ближе к северо-восточному углу находится ниша высотой 0,7, шириной 0,65 и глубиной 0,3 м. Все помещение и поверхность суфы также очень тщательно оштукатурены. Под глинобитным порогом был врыт низкий широкогорлый кувшин с утраченной ручкой, который выполнял, видимо, функцию оберега.

Еще одна секция дома двухкомнатная, с самостоятельным выходом на улицу. Она занимает северо-западную часть постройки. В глубине расположено жилое помещенное 38 (4,5×3,1 м). Площадка с ташнау обращена открытой стороной к угловому проходу. Печь уничтожена огромной ямой верхнего строительного горизонта, однако остатки горизонтального дымохода и прекрасно сохранившийся колодец вертикального дымохода в северной стене позволяют считать, что она находилась в суфе справа от прохода. Западный участок северной стены оформлен двумя неглубокими нишами шириной и высотой 0,3 м, расположенными чуть выше суфы. Назначение второго помещенного секции — 42 (6,1×4,4 м) — не вызывает сомнений: здесь хранилось зерно, фураж и, возможно, содержался скот. У торцовых стен его по обеим сторонам от прохода находятся крупные парные закрома, в юго-западном секторе возле стен поставлены кормушки — узкие длинные лари с невысокими пере-

городками (до 0,3 м). На полу обнаружены слоистые отложения коричневатого гумуса, поверхность пола без обмазки, но плотно сцементирована экскрементами. Создается впечатление, что на заключительном этапе жизни дома северо-западный сектор с помещениями 36, 38, 42, 43 был заброшен. Помещения забиты мусорными ямами, на полах — мелкий бой керамики, кости, строительный мусор.

Дом 5 включает два помещения — 48 и 49 размером $7,1 \times 3,5$ и $5,1 \times 4,2$ м соответственно. Первое, сообщающееся проходом с улицей квартала «И», ничем не примечательно. Второе — жилое, с тандыром в суфе слева от прохода, снабженным дымоходом, канал которого подведен к юго-восточному углу. В помещении заметны следы двух строительных периодов, на позднем этапе появились приставные стены, поднят уровень ташнау и суфы.

На северной стороне внутриквартальной улицы расположено шесть домовладений.

Дом 6 включает два помещения — 53, 54 размером $7,1 \times 4,15$ м и $6 \times 4,55$ м соответственно. Жилое помещение 53 находится в глубине дома. Сразу за проходом в середине восточной стены открывается очаговая площадка с ташнау, размером $1,75 \times 1,35$ м. Все остальное пространство занято суфой, в которой слева от прохода находится тандыр. Дымоход печки подведен наискосок к ближайшей восточной стене. К южной стене приставлены два вертикальных закрома размерами $2,25 \times 1,75$ и $1,9 \times 1,1$ м.

На позднем этапе помещение перестраивалось: тандыр с очаговой площадкой переставлен к западной стене, ближе к юго-западному углу, а закрома устроены у противоположной, северной стены. Уровень нового пола поднят до поверхности старой суфы, выше стал пол и в переднем помещении 54. Последнее выглядит как полуоткрытый дворик с суфой шириной 2,15 м в северном простенке и опущенной под уровень пола площадкой ташнау у противоположной, южной стены. В юго-восточном углу переднего помещения располагался дверной проем, ведущий на улицу.

Дом 7 находится с северной стороны предыдущей постройки. Он включает длинный коридор 57 ($7,5 \times 1,6$ м), который восточным концом открывается в переулочек северного направления и проходом в западной стене соединяется с помещением 56 ($3,7 \times 2,2$ м). Последнее выглядит как передняя перед собственно жилым помещением 55 размером $4 \times 3,7$ м. Интерьер жилой комнаты традиционен: суфа по всей площади, кроме небольшого участка перед дверью, где находится ташнау и куда подведено отверстие топки тандыра. Тандыр же находится справа от входа и снабжен дымоходом. В целом дом имеет г-образный план с коридором на продольной оси и двумя помещениями на поперечной.

На восточной стороне переулочка находится *дом 8* с помещениями 60, 61, 62. Первое представляет собой четырехугольник размером $4,5 \times 4,4$ м с выходом в центральной части передней стены на внутриквартальную улицу. Помещение примечательно двумя отсеками закромов, которые занимают весь восточный простенок.

На одной оси с уличной дверью находится проход в помещение 61 размером $5 \times 4,6$ м. Сразу за проходом находится площадка с ташнау размером $1,9 \times 1,26$ м, все остальное пространство занято суфой высотой 0,4 м. Тандыр находится слева от прохода, а дымоход подведен к юго-восточному углу.

Участок суфы с тандыром хорошо сохранился. Устье тандыра диаметром 0,54 м обрамлял венчик, отогнутый под прямым углом, шириной 0,18 м, толщиной 0,09 м. Диаметр дна тандыра — 0,7 м, глубина — 0,6 м. Дно, выложенное камнями, покрыто слоем золы толщиной 0,1 м. Стенки тандыра украшены глубокими прорезными узорами. Топочное отверстие, или поддувало, шириной 0,25 м, высотой 0,15 м, толщина перемычки — 0,3 м. Дымоход начинается чуть ниже венчика в виде отверстия диаметром 0,08 м. Длина дымохода, проложенного в суфе, около 1 м. Канал выложен жженым кирпичом. Вертикальный колодец дымохода в стене квадратный в плане, со стороной 0,14 м.

Сразу под обмазкой суфы неподалеку от тандыра обнаружен череп лошади. На суфе найдена медная крышка котла (9) диаметром 0,24 м, слегка выпуклая, с петлей в центре. На внешней поверхности ее имеется гравированный рисунок в виде ободка и цепочки из пяти полусфер, обращенных к центру (рис. 30, 1, 2). На площадке ташнау обнаружен нижний диск каменной ручной мельницы диаметром 0,48 м.

В середине северной стены помещения 61 находится дверной проем шириной 0,8 м, ведущий в кладовую (амбар) размером $5,2 \times 2,75$ м. Помещение отделены порогом высотой 0,1 м из поставленных на ребро жженных кирпичей. Сразу за порогом находится квадратное в плане углубление ($1,15 \times 1,15$ м) с ташнау, опущенное ниже уровня пола на 0,18 м. К узким сторонам помещения поставлено по паре закромов, перегородки которых сохранились на высоту до 0,5 м. К передней стене восточного закрома налипши зерна проса.

В последний период в доме 8 появились приставные стены, был обновлен тандыр и заново проложен канал дымохода, в амбаре площадка с ташнау передвинута в угол слева от прохода.

С восточной стороны к предыдущей постройке примыкает дом 8А. Планировочная схема полностью повторяет предыдущую. Впрочем, есть и небольшие отличия: в жилом помещении тандыр находится не слева, а справа от прохода, в амбаре не обнаружено признаков ташнау. Дсм также ремонтировали, при этом был поднят уровень полов и переставлен к западной стене тандыр. Очаговую площадку с ташнау соорудили с восточной стороны тандыра, в результате она оказалась почти в центре помещения. Размер передней 64 — $5,7 \times 3,9$ м; жилой комнаты 65 — $4,2 \times 4$ м; амбара 66 — $4,1 \times 2,9$ м.

Дом 9 — наиболее крупная постройка (250 кв. м) на северной стороне квартала «И». Она включает четыре изолированные многокомнатные секции, которые соединяются двумя проходными помещениями, расположенными на короткой оси прямоугольного плана постройки. В помещениях 70 и 71 размером $6,1 \times 2,5$ и $5,15 \times 3,15$ м соответственно каких-либо деталей внутренней планировки выявить не удалось. Смещен-

ность их к западной стене дома обусловила планировку отдельных секций: цепочка из трех помещений на западной стороне дома, поставленная параллельно проходным, и три цепочки на восточной стороне дома, перпендикулярно проходным помещениям.

Западная секция включает прихожую 67 (4,1×4 м), жилую комнату 68 (4,4×4,3 м) и амбар 69 (4,4×1,8 м). Для жилого характерен традиционный интерьер. В амбаре у боковых стен устроены закрома, а перед проходом — площадка с ташнау, заглубленная относительно уровня пола на 0,2 м. На обмозке стенок закромов найдены остатки злаков, по-видимому, проса.

Три другие жилые секции идентичны между собой: каждая включает прихожую, комнату с тандыром. Лишь секцию, расположенную в глубине дома, составляют три помещения — 71, 76, 77. Последнее использовалось, видимо, как кладовая или амбар, но никаких деталей интерьера здесь не обнаружено.

На участке прослежено два периода строительства. На позднем этапе менялось, главным образом, место расположения тандыра. В помещении 68 первоначальный тандыр находился напротив прохода, но- вый поставлен справа от него. В помещениях 73 (5,73×4,1 м) и 75 (5,5×3,15 м) с места справа от прохода он переместился в северо-восточный угол. В помещении 76 (4,9×4,1 м) устья топок двух одновременных тандыров выведены на площадку с ташнау, образованную у северной стены, но ранний тандыр находился с восточной стороны площадки, а поздний — с западной. Последний полностью сохранился: высота 0,45 м, диаметр устья 0,56 м, диаметр дна 0,8 м, ширина плоской закраины 0,1 м. Для позднего пола характерно повышение уровня на 0,15—0,2 м.

Дом 10 включает три помещения: 78 (4,4×4,2 м), 79 (5,15×4,85), 80 (5,6×2,15 м), — вытянувшихся цепочкой в глубь квартала. Все три прохода находятся на одной оси, проходящей через среднюю часть фасадной стены. В передней 78 устроено по одному отсеку закромов в углах задней стены, между закромами установлено ташнау. Помещение 79 — жилое, тандыр и углубление с ташнау находятся в центре его, а дымоход подведен к восточному отрезку задней стены. Помещение 80 — амбар с отсеками закромов на узких сторонах. У северной стены на полу найдена хумча с утраченной горловиной, на внутренних стенках которой сохранились остатки двухцветной краски: зеленой (внешний слой) и густого индиго (внутренний слой). На внешней поверхности сосуда заметны следы пребывания в огне. По-видимому, хумча использовалась для окрашивания тканей.

По восточной границе кварталов «Ж», «И» проходит улица широтного направления. Западная ее сторона образована глухими стенами домов в этих кварталах. Дома на восточной стороне улицы обращены на нее проходами и условно выделены в квартал «З». Здесь выявлено 4 домостроения.

Дом 1 состоит из прихожей 18 размером 5,4×1,65 м и жилой комнаты 25 размером 5,2×5 м. Тандыр находится слева от прохода, куда от-

крывается площадка с ташнау размером $2,2 \times 1,55$ м. Обычная для таких площадок вымостка из жженого кирпича здесь отсутствует. Тандыр почти вплотную придвинут к северной стенке помещения, но вертикальный колодец дымохода в стене прослеживается хорошо. С первоначальным периодом жизни дома связан клад медных монет (233 шт.), найденный под площадкой с ташнау. Во второй период уровни полов были подняты на высоту суфы, появились приставные стены. Тандыра в этот период в помещении не было, но функционировали очаг открытого типа (в виде углубления в полу) и подковообразный очаг, сложенный из жженных кирпичей, в юго-восточной части помещения.

Дом 2 включает три помещения, поставленных цепочкой. Уличная дверь на углу фасадной стены приводит в помещение 27 размером $6 \times 2,75$ м. В южном простенке поставлена суфа шириной 2,5 м. На суфе находится тандыр, сложенный из жженого кирпича. Он снабжен дымоходом, подведенным к восточной стене. Вертикальный колодец в стене использовался и для удаления дыма из тандыра в соседнем помещении 29 ($5,2 \times 4,9$ м). Здесь печь расположена в суфе справа от прохода, ее поддувало обращено на площадку с ташнау, открытой стороной обращенную в проход. Третье помещение дома — 37 ($3,25 \times 3,2$ м), — видимо, служило кладовой или амбаром.

Дом 3 состоит из двух проходных помещений — 39 ($5 \times 3,75$ м) и 40 ($3,6 \times 3,6$ м). Первое — жилое, с тандыром слева от прохода, дымоходом, подведенным к северо-западному углу. Другое помещение без каких-либо деталей интерьера.

В доме 4 удалось выявить планировку лишь одного помещения — 45 размером $5,1 \times 3,8$ м. Помещение примечательно тандыром, топка которого обращена на очаговую площадку (без традиционного ташнау), открытую в проход. Дымоход отсутствует. Тандыр сохранился полностью, диаметр его устья — 0,3 м, диаметр дна — 0,45 м, высота — 0,55 м. Дом проходом был открыт в переулок, ответвляющийся от основной улицы квартала «З» в восточном направлении.

Находки горизонта III. В материалах слоя значительное место занимают предметы, связанные со снаряжениями всадника и верхового коня: стремяна (рис. 23, 1, 2), подковы (рис. 23, 6, 7, 11), детали сбруи (рис. 23, 18, 19). Довольно частой находкой являются железные ножи различного назначения (рис. 26, 1—7): Есть железные наконечники стрел с черешком, сечение которых, плоское или квадратное, характерно для бронзовых наконечников. Чрезвычайно редки изделия из стекла, встречающиеся в виде мелких фрагментов, зачастую неясного происхождения. Несомненно к этому слою принадлежит найденная в дымоходе в стене дома XVI в. бутылка зеленоватого стекла высотой 36,5 см. Она имеет цилиндрическую горловину, воронкообразный венчик, обвитый стеклянными нитями, сильно раздутое тулово, вогнутое дно. Изделия из камня (песчаника, агальматолита, жадеита) представлены кубическими и сферическими весовыми гирьками, оселками. Встречаются медные крышки (рис. 30, 1, 2, 6). Одна из них с округлой выпуклостью в центре, диаметром 19,5 см. Найдены также два фрагмента бронзовых

зеркал с остатками надписей арабскими буквами. Одно диаметром 10 см (рис. 29, 4), другое — 11,5 (рис. 29, 6). Нередки находки изделий из кости различного назначения: трубчатые кости с отверстием для детских люлек, проколки, накладки, ложила и игральные кости с отверстиями для заливки металла, кольца с выступом для натягивания лука. Главным образом из мусорных ям происходят фигурки животных. Чаще это баран, покрытый голубой (рис. 31, 7, 9) или темно-зеленой глазурью (рис. 31, 8).

II горизонт (рис. 33, 34) обнажает застройку кварталов «Ж» и «И». Прослеживаемые здесь два периода строительства отличаются микро-стратиграфией и планиграфией отдельных участков. Характер застройки кварталов, известный по результатам работ 1973 г.¹⁵, удалось в значительной степени дополнить за счет данных о раннем периоде горизонта II. Кроме того, за счет расширения раскопа III в северном направлении выявлена планировка квартала «И» на северо-восточном участке, неизвестная ранее. Заново обследована улица квартала «И» на западном участке. Выяснилось, что улица заканчивалась здесь тупиком, но функционировал межквартальный промежуток южного направления, приводящий в квартал «Ж».

В южной части квартала «И» находятся три дома. Вход в *дом 1* ведет со стороны айвана 178, расположенного на углу постройки и открытого в сторону улицы. За айваном следует прихожая 173 (5,8×3 м), по обеим сторонам которой разместились две жилые секции. На длинной оси помещения находится проход в подсобное помещение 166 (6,35×1,65 м) типа кладовой. Справа от прихожей — жилая комната 173А (5,7×2 м) с тандыром в суфе справа от входа. С левой стороны прихожей — двухкомнатная секция с жилым помещением 172 (5,6×4,75) и амбаром 165 (4,5×2,5 м). Для интерьера жилого помещения характерна суфа с тандыром справа от входа и площадкой ташнау перед ним, а также глинобитная тумба квадратного плана в юго-западном углу. Ее высота около 0,5 м. Видимо, это подставка под каменную ручную мельницу. Рыхлое заполнение, облицовка рядом сырцового кирпича с внешней стороны делает ее похожей на закром. В центре помещения, в углу площадки с ташнау, на специальной подставке находится открытый очаг с глинобитным бортиком. В амбаре вдоль узких сторон сделано пять отсеков (у северной — два, у южной — три). Между ними у дальней от прохода стены устроена площадка с ташнау, опущенная на 0,2 м ниже уровня пола.

Во второй строительный период угловой айван был включен в застройку соседнего дома 2, а жилая комната 173А переделана в новый айван, полностью открытый в сторону улицы. Поднят уровень пола в передней части дома (помещения 166, 173, 173А).

Дом 2. Угловой участок фасада дома обрамляют крохотное помещение 192, напоминающее торговую лавку, и тамбур 185, через который

¹⁵ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Позднесредневековый Отрар. С. 60—64.

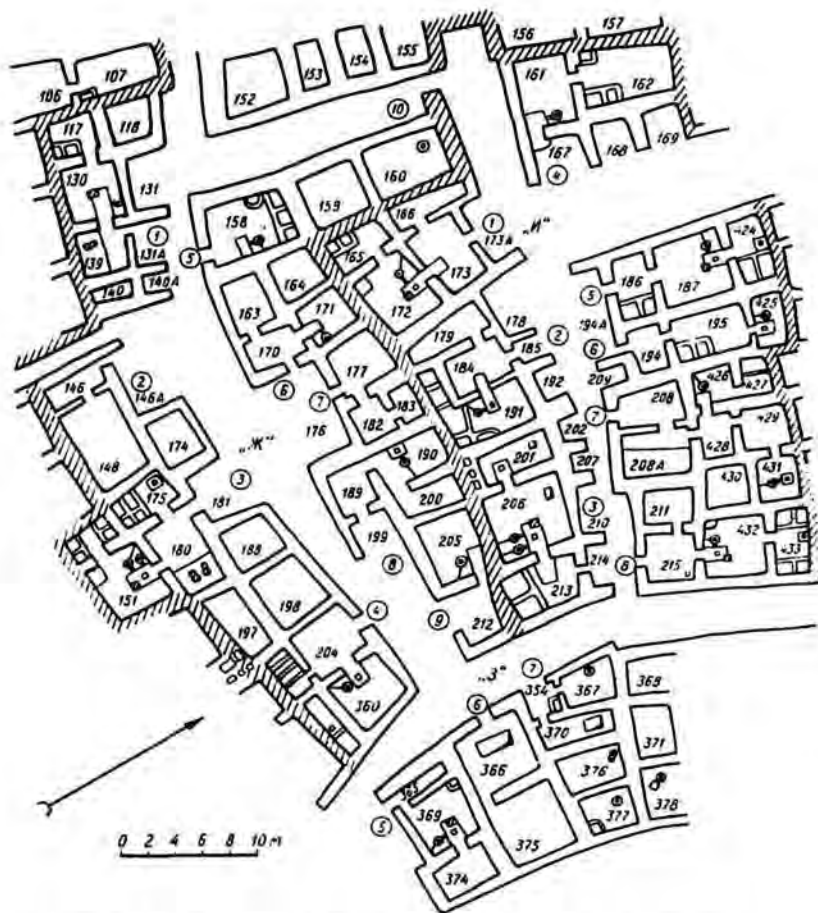

Рис. 33. Горизонт II. План первого строительного периода

попадали в прихожую 184 (4,85×3,2 м). По обе стороны прихожей находятся две жилые секции: справа — помещение 179, слева — помещение 191. Для обоих характерны тандыры с дымоходами. Кроме того, в жилом помещении 191 на очаговой стороне поставлены три отсека закрытых, еще два отсека находятся в узком простенке между глухой стеной соседнего квартала «Ж» и южной стеной помещения 184.

В результате ремонта уровень пола в помещении 184 достиг уровня суфы в жилых помещениях, но помещение 179 становится нежилым, а помещение 191 сохраняет свои функции. На северо-западном участке фасада дома на месте айвана соседнего дома появляется помещение 178. По-видимому, это лавка, не связанная проходом с домом.

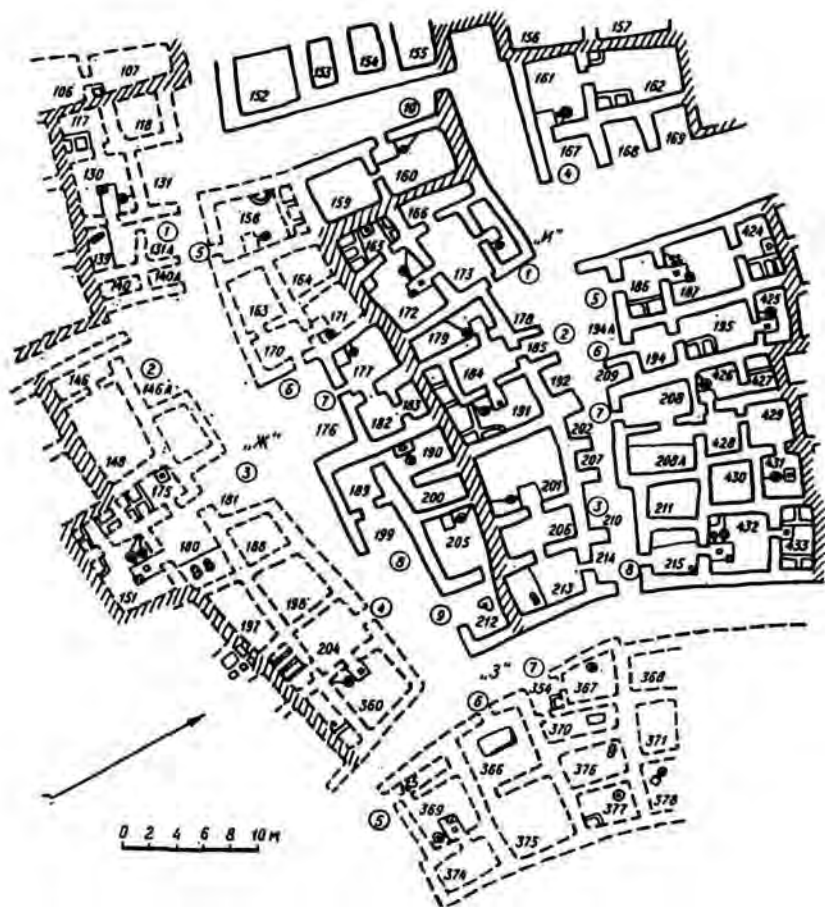

Рис. 34. Горизонт II. План второго строительного периода

Дом 3 представляет собой трехкомнатную анфиладу (помещения 201, 206, 213). Фасад дома длиной 16 м обрамляют крохотные помещения, также, по-видимому, лавки, и неглубокий угловой айван, через который попадали в переднее помещение 213 размером $5,8 \times 3,6$ м. У стены напротив входа устроена суфа высотой 0,3 м с земляным очагом восьмеркообразной формы. Следующее помещение — 206 — несколько меньше по площади, без каких-либо деталей интерьера. Последнее помещение дома — 201 — жилое, размером $6,6 \times 5$ м. Слева от прохода в центральной части передней стены находится тандыр, поддувалом направленный на площадку с ташнау, открытую в проход. Все остальное пространство занято суфой высотой 0,45 м.

Во второй строительный период внутренняя планировка дома существенно меняется. В помещении 213, ближайшем к выходу на улицу, появляется пара закровов, жилое помещение перемещается в центр постройки, занимая площадь старого помещения 206 и частично 201. Справа от прохода в суфе были установлены два тандыра разного диаметра (0,5, 0,6 м) с самостоятельными каналами дымоходов, подведенных к южной стене. В углу помещения сделан погреб. Еще одно помещение дома — 201 — хозяйственное, с погребом и двумя хумами. Последние наполовину впущены под уровень пола. Перед проходом находится площадка с ташнау.

Дом 4 находится на пересечении внутриквартальной улицы и переулка северного направления. Фасад его обрамляют три небольших помещения 167, 168, 169, открытых в сторону улицы. Два из них не связаны проходами с домом, а третье — на углу — имеет дверной проем, который приводит в жилое помещение 161 размером 5,7×3,9 м, с тандыром справа от входа. Второе помещение дома — 162 — хозяйственное, с закромами у передней стены по обе стороны прохода.

Во второй период планировка дома сохраняется, лишь площадка с ташнау, первоначально открытая в проход, приобретает замкнутые очертания, поскольку пол в передней части дома был поднят до уровня суфы и пола в помещениях 161, 162.

На северной стороне улицы квартала «И» находилось 4 домовладения.

Дом 5 включает четыре помещения, расположенные цепочкой в глубине квартала. На улицу он открывается айваном 194А, за ним следует помещение 186 — видимо, кладовая (5×2,75 м), примечательная парой ларей в восточном простенке. Следующее помещение — 187 — жилое, размером 5×5 м, с традиционными атрибутами. Тандыр расположен слева от входа, а дымоход подведен к ближайшему, юго-западному углу. На суфе, ближе к проходу, находится открытый очаг, квадратный в плане, оформленный глинобитным бортиком. Четвертое помещение дома (424) — амбар, прямоугольный в плане (5×2,8 м). В восточном простенке его поставлен загром с тремя отсеками, рядом с передней стенкой которого находится заглубленная площадка с ташнау.

В поздний период планировка и интерьер дома сохранялись. Однако с повышением уровня пола на 0,25—0,4 м в айване и кладовой тандыр с очаговой площадкой и ташнау перед ним пришлось перенести к дальней стенке помещения, а открытую сторону площадки ташнау повернуть к проходу в амбар, где пол остался на прежнем уровне.

Дом 6 в плане аналогичен вышеописанному: также цепочка из четырех помещений (209, 194, 195, 425), но со стороны улицы к дому примыкала, по-видимому, торговая лавка. Следующие два помещения не совсем ясны по назначению из-за отсутствия выразительных деталей интерьера. Впрочем, в помещении 195 (5,5×3,25 м) в юго-восточном углу стояли два закрома, что свидетельствует о его хозяйственных функциях. В глубине дома находится жилое помещение 425 (4,75×

×2,75 м) с тандыром в суфе слева от входа и площадкой с ташнау, открытой в проход. Тандыр снабжен дымоходом.

Во второй период интерьер дома остается прежним, но повышается уровень пола и суфы в жилом помещении.

Дом 7 состоит из девяти помещений, поставленных тремя цепочками. Назначение многих помещений и расположение проходов определить не удастся. Вход в дом со стороны улицы находится на углу фасадной стены и приводит в помещение 208. Проходом в восточной стене оно сообщается с помещением 208А, где устроена у восточной стены суфа шириной около 2 м. Помещение напоминает полуоткрытые дворики, характерные для домостроительства Отрара поры позднего средневековья. Два жилых помещения расположены в глубине дома. В помещении 426 тандыр находится против прохода, а дымоход подведен к юго-западному углу. Проходом с северной стороны помещение соединяется с амбаром (427). Другое жилое помещение — 431 — также примечательно тандыром, но площадка с ташнау устроена не у прохода, как обычно, а в центре помещения.

Выявить здесь признаки жизни в поздний период не удалось.

Дом 8 первоначально включал три помещения, вытянутых анфиладой в глубь квартала. Ближайшее к улице помещение 215 (4,25×3,75 м) можно квалифицировать как дворик, сплошь вымощенный жженым кирпичом, кроме участка у западной стены, где находится невысокая суфа шириной 1,25 м у северной стены и 1,6 м — у южной. Уровень пола заметно понижается к северо-восточному углу, где находится ташнау.

Следующее за двориком помещение 432 — жилое, размером 5,5×4,75 м. Сразу за входом находится углубленная относительно уровня суфы, занимающей почти всю площадь помещения, площадка с ташнау, также вымощенная жженым кирпичом. Слева от прохода в суфе устроены два тандыра, один из них диаметром 0,4 м, другой — 0,6 м. Дымоходы тандыров подведены к западной стене. Прямо против прохода у борта суфы находится открытый очаг округлых очертаний. В юго-западном углу помещения находится невысокая тумба, овальная в плане, которая, надо полагать, служила подставкой для ручной мельницы.

За жилым помещением следует амбар 433 размером 5,5×2,2 м. Закрома с парными отсеками расположены у противоположных торцовых стен. Сразу за проходом в полу сделано углубление прямоугольных очертаний с ташнау в центре.

На участке хорошо прослеживаются два строительных уровня. В амбаре на 0,15 м был поднят уровень пола и устроена новая площадка с ташнау — не в проходе, как раньше, а у северной стены. В жилом помещении также поднят уровень суфы и пола (площадка с ташнау) и оставлен один тандыр вместо двух. Дворик полностью выложен жженым кирпичом, появился проход в западной стене в помещении 211, которое первоначально относилось, видимо, к дому 7. Исходя из этого можно предположить, что соседний дом во второй период строительства был заброшен.

Два периода строительства выявлено и в соседнем квартале «Ж», однако площадь квартала не удалось обследовать полностью. Речь идет о домах 7, 8, 9, 10 на северной стороне улицы, примыкающих к глухой стене, которая разделяет два квартала.

Дом 7 трехкомнатный, с айваном в передней части. В юго-западном углу жилого помещения 177 размером 4,5×4 м устроен тандыр с площадкой ташнау, а дымоход от тандыра подведен напрямую к западной стене. Два других помещения — 182 и 183 — находятся с восточной стороны жилой комнаты. О назначении их судить трудно из-за отсутствия каких-либо характерных деталей интерьера. В поздний период дом, видимо, был заброшен.

Дом 8 четырехкомнатный. Одно из помещений (199) — айван, остальные можно определить как прихожая (189) перед жилой комнатой (190) с печью-тандыром у западной стены и амбар или кладовая (200). Все помещения дома занимают примерно равную площадь. Второй период характеризуется повышением уровня полов во всех помещениях.

Дом 9 включает два помещения. Одно из них — 212 — неполной передней стенкой напоминает айван (4,2×3,5 м). Примерно в метре от северной стены на полу айвана найден фрагмент верхнего диска каменной мельницы с отверстием в центре диаметром 0,18 м. Восстанавливается диаметр диска — 1,2 м. Он явно использовался вторично в качестве опоры плоского перекрытия. Другое помещение дома — 205 (5,25×4,4 м) — жилое, с тандыром и заглубленной относительно пола очаговой площадкой в северо-западном углу.

Новый период в жизни дома характеризуется повышением уровня пола в двух помещениях и устройством нового тандыра в жилой комнате слева от прохода. Канал дымохода подведен чуть наискосок к ближайшей восточной стене помещения 205.

Дом 10 расположен в переулке северного направления и включает помещения 159 (4,9×4,15 м) и 160 (5,9×4,25 м), соединенные угловым проходом. Последнее помещение — жилое, с традиционным тандыром в суфе слева от прохода. Сохранился дымоход, подведенный к западной стене. В поздний период дом был, видимо, заброшен.

I горизонт. От этого уровня сохранился небольшой участок дома в средней части раскопа, на северной стороне квартала «И». Он включает амбарное помещение с закромами и вкопанным по горловину под уровень пола двуручным хумом. Соседние помещения, в том числе жилое, сохранились очень плохо, и план в целом установить не удалось. Но присутствие горизонта хорошо фиксируется остатками каменных выкладок дна тандыров, участков с ташнау в различных местах кварталов «Ж» и «И», фрагментами стен. Самый поздний горизонт характеризуется немалым количеством ям — как мусорных, так и ям-хранилищ. Они явно никак не связаны с горизонтом II, поскольку нарушают конструкцию стен, разрушают тандыры. Но восстановить план застройки не удастся.

Своеобразие застройки рабада

Рабад исследовался локальными участками, где подъемный материал явно свидетельствовал о ремесленной специализации или указывал на существование монументальной постройки. Массовая застройка исследовалась лишь попутно.

Один из участков — раскоп III — расположен на южном берегу оттарского водохранилища, примерно в 0,5 км от центрального бугра го-

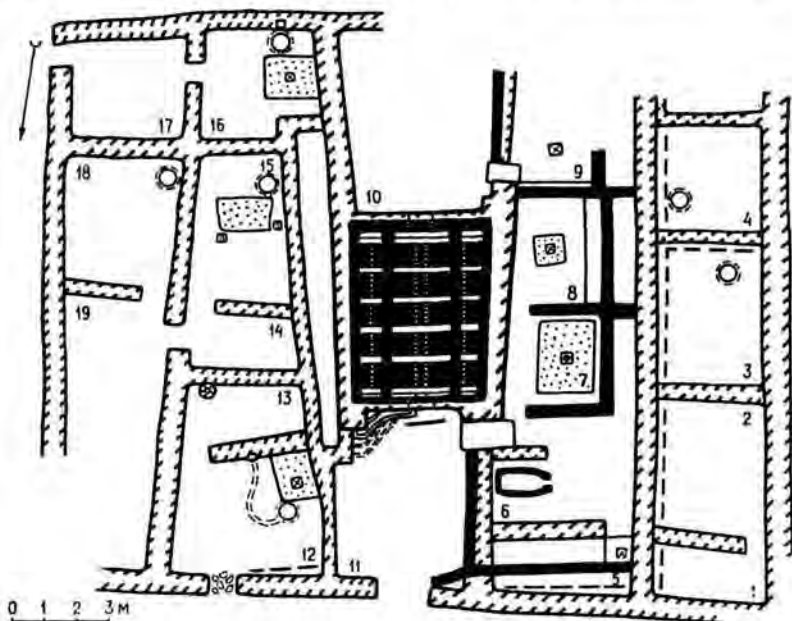

Рис. 35. План раскопа IV на рабаде (пунктиром обозначены стены второго строительного периода, жирной линией — конструкции из жженого кирпича)

родища. Он захватил холм округлых очертаний, высотой около 3 м и диаметром более 20 м, с остатками кирпичеобжигательной мастерской и единовременного массива застройки. Помещения, вплотную прилегающие к печи, имели, судя по отдельным деталям интерьеров, производственно-бытовой характер и были связаны с печью единой системой проходов. Жилые помещения образовали второй ряд застройки вокруг мастерской и обращены проходами (где они найдены) на улицу (рис. 35).

Почти повсюду удается проследить два периода строительства. Они выделяются уровнями полов, ремонтными стенами, мелкими переделка-

ми интерьера. Кроме того, вся застройка находится на двух уровнях, соответствующих двум камерам печи — жаровой и огневой. Низкий уровень образуют помещения 10 и 11 по обе стороны огневой камеры, причем уровень пола последней еще ниже почти на 1 м. Высокий уровень образуют производственные помещения, жилье и жаровая камера, под которой поднят по сравнению с полами окружающей застройки на 0,4—0,5 м. Отметки уровней полов — 13,46 м в помещении 10 и —13,59 в помещении 11; отметки полов соседних помещений колеблются в пределах от —12,4—12,8 (восточная часть застройки) до —12,15—12,3 (западная часть). По этой причине проходы из помещений 10 и 11, обращенные на запад, сделаны в виде пандуса. Огневая камера находится на отметке —14,47, жаровая —12,04¹⁶.

Помещение 11 размером 5,25×4 м вытянуто с севера на юг. На улицу открывается проходом шириной 1,5 м в центральной части фасадной стены. Помещение примечательно четырьмя воздуховодными каналами, расположенными в юго-восточном углу. Они берут начало у верхнего яруса застройки и почти вертикально в специальной глинобитной «подушке» подведены к лазу в топке первого яруса. Сложены каналы из фрагментов жженого кирпича. Сохранность их различна, не исключено, что они разновременны.

Передняя и восточная стены помещения сложены из кирпича-сырца. Западная стена первоначально была сложена как перегородка — на ширину одного кирпича. Позднее со стороны соседнего помещения была приставлена сырцовая стена ремонта.

Помещение 10, расположенное по другую сторону жаровой камеры печи, также вытянуто с севера на юг, размером 5,65×4 м, к югу расширяется до 4,5 м. Южная часть застройки сохранилась плохо, отсюда неясность с расположением прохода со стороны улицы.

Оба помещения имеют пандусные проходы в нежилую часть застройки с западной стороны печи. Пандусы в обоих случаях расположены на стыке стены помещения и угла печи. Пол пандусов слегка приподнят над полом помещений нижнего яруса (10, 11) и несколько заглублен относительно уровня полов в помещениях верхнего яруса (6, 9).

Пандусный проход из помещения 11 занимает промежуточное положение в цепочке проходных помещений верхнего яруса застройки. Эти помещения образованы двумя рядами капитальных стен, поставленных на расстоянии около 4 м друг от друга в меридиональном направлении, и поперечными перегородками, сложенными из ряда квадратного жженого кирпича и, скорее всего, не доходившими до потолка.

Справа от пандусного прохода расположено кухонное помещение 6 с счагом подковообразной формы, размером 1,75×0,95 м (наибольшая ширина), сложенным из жженого кирпича. Очаг поставлен у стены рядом с проходом, но отделен от него перегородкой. У дальней стены помещения также перегородкой выделен узкий отсек, предназначенный, видимо,

¹⁶ Все нивелировочные данные привязаны к единому реперу на бугре шахристана.

для хранения продуктов. У прохода в отсек (помещение 5) в полу имеется углубление с ташнау.

На участке хорошо прослеживаются два уровня полов. Для раннего характерен крупный тандыр диаметром по основанию около 1 м, а также жженный кирпич в кладке стен.

Слева от пандуса расположены два примерно равных по площади проходных помещения — 7 и 8. Проходы здесь сделаны в углах, на стыках перегородок и стены печи. Интерьер помещений очень близок благодаря присутствию ташнау, но различается в деталях. В помещении 7 площадка с ташнау, выложенная жженным кирпичом, имеет размер $2,3 \times 1,75$ м; центральный кирпич с отверстием для слива воды восьмиугольный в плане. Сама площадка сдвинута к перегородке с западной стороны для прохода вдоль восточной стены в соседнее помещение 8. Здесь площадка с ташнау значительно меньших размеров — $0,85 \times 0,85$ м, а справа вдоль перегородки поставлена суфа на ширину 0,5 м, борт которой облицован жженным кирпичом.

Между боковыми перегородками в двух помещениях и капитальной стеной с западной стороны оставлено место для двух отсеков шириной 0,75 м. Их назначение остается неясным.

Пандус по другую сторону топки печи, также приводящий на верхний ярус застройки, охарактеризовать практически невозможно ввиду плохой сохранности, но присутствие ташнау, фрагмент перегородки указывают на существование близких по составу производственно-бытовых помещений.

Застройка с западной стороны печи завершается цепочкой из четырех помещений, два из которых жилые, судя по присутствию тандыров. Эта часть застройки сохранилась на уровне пола или несколько выше, что затрудняет ее характеристику. Отметим лишь некоторые детали. По отпечаткам первоначальной стены и остаткам поздней стены, поставленной чуть в стороне, устанавливаются два периода строительства. Один из тандыров зафиксирован на уровне каменной выкладки пола, другой — в помещении 3. Последний сохранился лучше, на высоту 0,35 м, его диаметр по основанию 0,75 м. В заполнении очага обнаружены фрагменты железного котла. Реконструирована форма котла: в виде усеченной полусферы со слегка скругленным основанием. Такую же форму имеет и тандыр, но основание его плоское. Следовательно, котел закреплен в полости тандыра до того, как последний был вмазан в суфу или пол, а значит, котел являлся стационарным.

Восточная часть застройки сохранилась значительно лучше. Здесь выделены три жилые секции. Одна из них, двухкомнатная, обращена проходом на восточную сторону. Два помещения секции — 16 и 17 — примерно равны по площади (около 12 кв. м). В прихожей 17 каких-либо деталей интерьера не обнаружено. В помещении 16 в пол вмазан тандыр, открытый поддувалом на очаговую площадку с ташнау, заглубленную относительно пола на 0,6 м. Очаговая площадка тщательно обмазана глиной, узкой стороной поставлена вплотную к западной стене

помещения. Тандыр также вплотную придвинут к стене, но с южной стороны имеет дымоход, проходящий в стене, размером 0,15×0,2 м.

Еще один жилой дом расположен к северу от описанного и состоит из двух параллельных секций. В каждой есть помещение с тандыром, площадью около 13 кв. м. В одной из секций имеется два помещения — 14 и 15. Первое — прихожая, второе — жилое, отапливаемое тандыром, впущенным под уровень пола в дальнем от прохода углу. Устье топки тандыра подведено к углу небольшой прямоугольной в плане очаговой ямы. Ташнау отсутствует. На поперечной оси помещения сохранились отпечатки двух квадратных в основании (со стороной 0,25 м) деревянных опор перекрытия.

Вторая секция дома сохранилась плохо, и характеристика ее затруднительна. В юго-западном углу помещения 18 сохранились остатки тандыра, но очаговую яму обнаружить не удалось. Другое помещение — 19, — сильно вытянутое в северном направлении, по-видимому, имело более дробное членение. Внешний проход в дом обнаружить не удалось.

Еще один жилой дом имеет выход на северный фасад. Проход шириной 0,85 м сдвинут к северо-восточному углу помещения, пол в проходе вымощен камнями. За проходом открывается жилое помещение 12 площадью 16 кв. м. В юго-западном углу ниже уровня пола на 0,4 м находится вымощенная жженым кирпичом площадка с ташнау. У северо-восточного угла площадки поставлен тандыр, снабженный горизонтальным дымоходом шириной 10 см, сложенным из фрагментов жженого кирпича. Ложе канала изогнуто в виде знака вопроса и подведено к стене, отделяющей жилое помещение от кладовой (помещение 13). Передняя стенка помещения на уровне первоначального пола слегка сдвинута внутрь. Проход (ширина 0,8 м) находится на юго-восточном углу жилого помещения. В кладовой находится хум, врытый по горловину в пол.

Основная масса находок, в том числе керамики, происходит из жилых помещений и связана с последним периодом обживания комплекса. Изделия из железа представлены: фрагментом удила с неподвижным кольцом на конце, куда вдето подвижное кольцо диаметром 5 см; шарнирными клещами общей длиной 12 см, длиной губ 3 см, с округлыми кольцами на концах ручек диаметром около 1 см; шарнирными ножницами с округлыми кольцами (диаметр 3,2 см) на прямых ручках (общая длина около 17 см, длина лезвия — 8 см); скобами и заклепками различной формы; двумя черешковыми наконечниками стрел — с широкими треугольными лопастями и четырехгранным (рис. 36). Все находки датируются в очень широком хронологическом диапазоне и находят многочисленные аналоги в материалах средневековых памятников как кочевых народов, так и оседлых.

Почти все монеты (11 экз.) найдены на уровне пола или в завале верхнего периода строительства. Так, клад обнаружен под камнями на полу в проходе в помещении 12 со стороны улицы. Три медных дирхема представлены чингизидским чеканом Отрара третьей четверти XIII в. (год стерт). Аналогичные монеты обнаружены в помещении 13 и в завале печи в помещении 6, но на последней сохранилась дата — 662/1263—

64 г. Два чагатаидских дирхема, чеканенные в Алмалыке и Бухаре в 70-х гг. и последней четверти XIII в., оказались в помещении 3. Две монеты относятся к первой половине XIV в. — это фельсы чагатаидов, один из которых чеканен в Отраре. В целом монеты дают узкую дату — в пределах второй половины XIII — первой половины XIV в. Так же следует датировать и время постройки и функционирования производственно-жилого комплекса кирпичеобжигательной мастерской.

Почти вся поливная посуда представлена открытыми формами на глиняной основе (рис. 37, 4—7, 10). Это чаши и пиалы с высоким полуферическим туловом, для которого характерна мягкая выпуклость у дна, поддон переходного типа от плоского к кольцевому с выступом в центре.

Около половины всех находок относится к группе красноангобированной керамики (ангоб различных оттенков красновато-коричневого спектра) с однотонной рельефной росписью светлой краской под зеленой глазурью или двухцветной росписью (с добавлением зеленого) под желтой глазурью. Мотивы орнамента геометризированные, часто в сочетании с различными вариантами «вихревой розетки» в центре внутренней плоскости. На внешнюю поверхность, как правило, нанесен пояс арок (рис. 37, 7).

Вторую группу составляет зелено- и желтополивная посуда с подгрунтовкой из светлого ангоба, без росписей (рис. 37, 5). Есть единичные фрагменты с гравированным орнаментом. Встречается вариант, где сочетаются зеленая и желтая поливы на внутренней и внешней поверхностях. Как правило, такая посуда без орнамента или украшена по верхней поверхности пояском арок «с отвесом» под желтой поливой.

Выделяется также группа керамики с синей или черной росписью под голубой поливой. Есть вариант с кашинной основой и полихромной росписью черного, зеленого, синего цвета под светлой поливой, правда, он представлен единичными мелкими фрагментами (рис. 37, 4).

Светлополивная посуда открытых форм со спрямленной у дна стенкой представляет четвертую группу и характеризуется росписью тонкими линиями, имитирующими гравировку. На поверхности сосудов открытых форм разбросаны зеленоватые пятна расплывчатых очертаний (рис. 37, 10).

В неполивной керамике преобладают кувшины и кумганы, в том числе с росписью красновато-коричневыми ангобами на плечиках (рис. 37, 1—3, 8). Узкогорлые кувшины имеют характерный подтреугольный выступ под венчиком. В одном из ташнау обнаружен высокий кувшинообразный сосуд типа амфоры с двумя мелкими пластинчатыми ручками под венчиком. Сосуд явно привозной, с нехарактерной для керамики Отрара глиняной основой интенсивно-красного цвета в изломе.

Столовые горшки имеют слабовыраженный венчик; у кухонных горшков по венчику проходит налепной валик с насечками, ручки дугообразные, также с насечками. Кухонные крышки украшены орнаментом (рис. 37, 9). Тагоры — тазы большого диаметра со спрямленной стенкой тулова — непременно покрыты красноватым ангобом и налощены.

Рис. 36. Раскоп IV на рабаде. Находки: 1—10 — железо, 11—16 — медь, 17 — глина

Все отмеченные группы керамики характерны для комплексов раннемонгольского времени, происходящих из городищ Средней Сырдарьи и склонов Каратау¹⁷. В то же время четвертая группа явно продолжает традиции позднекараханидской керамики, а именно мотивы орнамента «вихревой розеткой» и красноангобированное лощение.

¹⁷ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. С. 106—110.

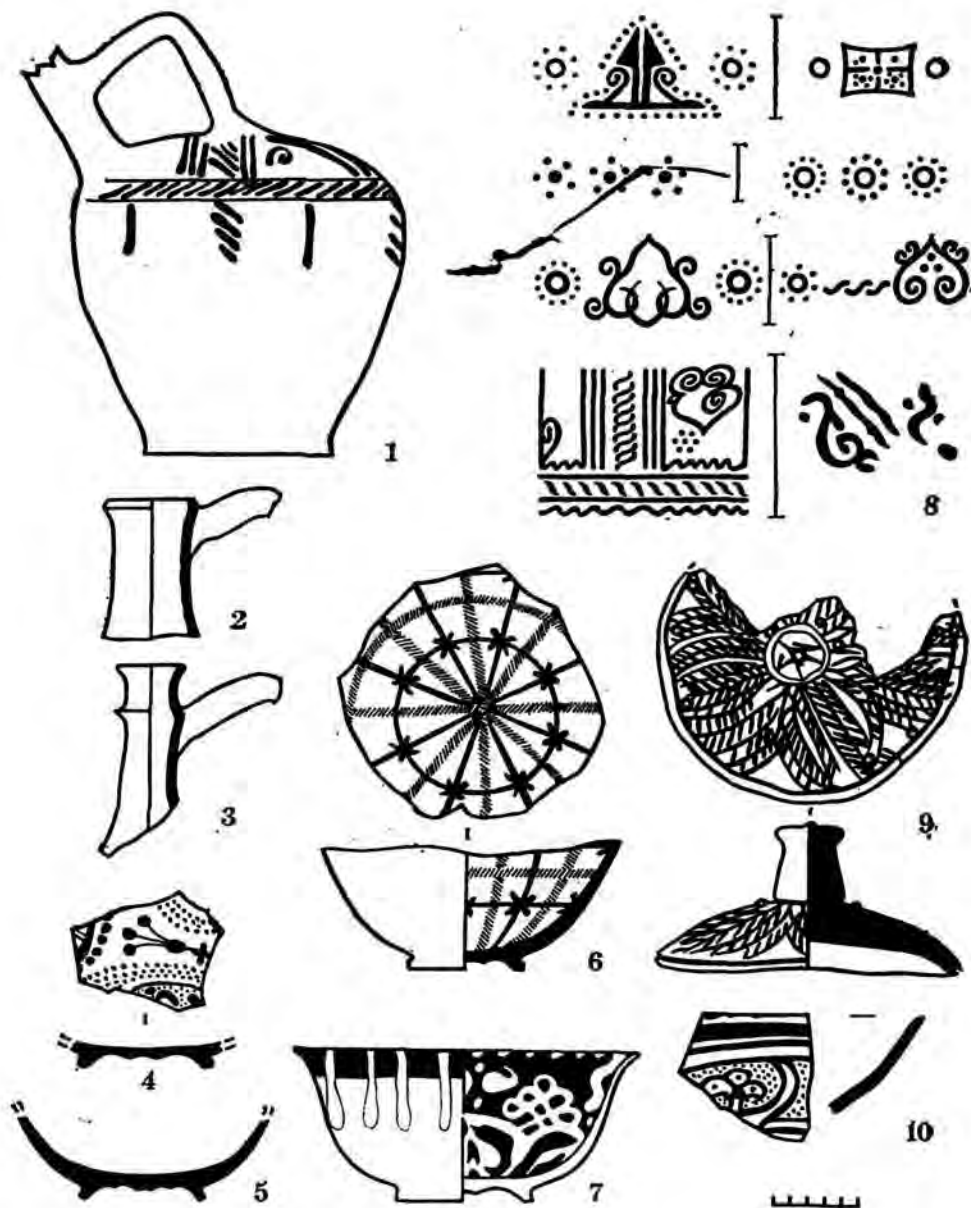

Рис. 37. Раскоп IV, рабад. Керамика из ям

Таким образом, планировочная схема жилых построек у кирпиче-обжигательной мастерской проста: цепочка из двух помещений или четырехчастная схема, вписанная в подпрямоугольный план. Однако внутренний облик жилищ различен, главным образом за счет установки тандыров — с дымоходом или без него. К тому же различно и устройство дымоходов — в зависимости от того, как поставлен тандыр — вплотную к стене или на некотором расстоянии от нее.

Еще один участок застройки периода послемонгольского нашествия расположен в восточной части пригорода Отрара, в 350 м от юго-восточного угла центральных развалин городища (раскоп I)¹⁸. Здесь выявлен квартал гончаров второй половины XIII — первой половины XIV в. Поскольку процессы, связанные с производством керамики, как установлено, протекали в жилых домах, последние будут охарактеризованы ниже. Обращает внимание однотипность застройки двух участков как в плане, так и в отдельных деталях интерьера. Наблюдается лишь некоторая усложненность деталями жилищ-мастерских гончаров. Но это обстоятельство вполне объяснимо спецификой построек.

Несколько иную картину представляет жилая застройка центральной части города (раскоп III). Здесь выявлены многосекционные дома, где основой плана был центральный коридор или два коридора на пересекающихся осях. Можно отметить тенденцию к увеличению площади домов, появление в интерьере жилых помещений угловых суф с тандырами без дымоходов и другие детали, неизвестные по жилищам на рабаде и шахристане и неполнотой сведений о жилище применительно к двум периодам: второй половине XIII — первой половине XIV в. и концу XIV—XV в. Наряду с этим нужно отметить основную тенденцию в эволюции отрарского позднесредневекового жилища: утверждением в качестве ведущей формы жилищ, отапливаемых тандыром с длинным дымоходом типа канов. Эти жилища являлись традиционными в домостроительстве населения юга Казахстана вплоть до недавнего времени¹⁹.

¹⁸ Байпаков К. М. Гончарное ремесло в позднесредневековом Отраре // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983. С. 17—28.

¹⁹ Ерзакович Л. Б. Жилище Отрара и некоторые этнокультурные и хозяйственные процессы на юге Казахстана в XIII—XVIII вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. С. 81—93.

Общественные сооружения

Соборная мечеть

Объект, получивший название мечети, расположен в юго-восточной части центрального бугра. Постройка обнаружена на южном участке раскопа IV, после того как в квартале «Ф» в доме 8 под северной стеной помещения 444А¹ обнажилась кладка из жженого кирпича. Стена дома XVII в. (II горизонт) окрывала лишь гребень кирпичной кладки. Шурфами была выявлена квадратная колонна со стороной 1,3 м, сложенная из квадратного жженого кирпича на ганчевом растворе с пазами на углах для вставок-гульдаста. Вскоре были обнаружены признаки других колонн, поставленных в определенном порядке. Стало ясно, что в толще культурного слоя находится монументальное сооружение из жженого кирпича.

Поверхность участка, занятого постройкой, постепенно повышалась от магистральной улицы, связывающей северные и южные ворота города, к крепостной стене. Нарастание слоя заметно и по отметкам полов в помещениях XVII в.: от —3,8 до —0,44 м, однако оно характерно лишь для наиболее поздних этапов строительства. Первоначальная ситуация здесь была иной.

Строительная площадка под мечеть тщательно снивелирована, полы имели отметки 4,47—4,48 м в южной части постройки; 4,39—4,44 м — в западной; 4,43 м — в восточной. Пол мечети представлял собой плотную обмазку без следов гумуса. Кое-где встречались лунки явно временных очагов, которые появились уже после того, как постройка перестала функционировать. Керамика и монеты отсутствовали, поэтому для датировки мечети важны материалы перекрывающего слоя.

Следующий горизонт — III — это жилые постройки, планировка которых полностью исказила первоначальные сооружения. Открытое пространство мечети со столбами было перегорожено стенами, а сами

---

¹ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ермакович Л. Б. Позднесредневековый Отрар. Алма-Ата, 1981. С. 109—125. Рис. 22.

столбы включены в конструкцию стен. Характерно, что на полах отсутствует слой завала, следовательно, в момент перепланировки здание еще хорошо сохранилось. В пользу такого предположения свидетельствуют отсутствие под стенами жилых помещений мусорных прослоек, кладка стен в основном из кирпича-сырца и кое-где из жженого, преимущественно битого. Заполнение суф в помещениях рыхлое, включающее кирпичную крошку, куски алебаstra, лесс.

Жилые помещения функционировали продолжительное время. Повсюду фиксируются два уровня полов, сопровождавшиеся надстройкой стен. Иногда старые стены срубали и ставили новые, менялось назначение помещений. У южной кромки участка на месте тупика появляется улица, направленная к крепостной стене. Не раз подновлялись суфы, тандыры и дымоходы, менялся интерьер. Однако в целом характер застройки двух строительных периодов горизонта одинаковый: жилой массив с обычными для позднесредневекового Отрара типами строений, где непременно есть комната с обширной суфой, в которую встроена печь-тандыр с дымоходом.

Уже в ходе ремонтов были разрушены перекрытия бывшей мечети. В кладке новых стен использовался целый кирпич. В центре помещений появляются кирпичные и каменные опоры столбов — характерный признак плоскостольных перекрытий. Над последним полом жилого горизонта обнаружен мощный завал из жженого кирпича. В этот период постройка окончательно разрушается. Стены и рухнувшие перекрытия заброшенного жилья растаскивают на кирпич, и лишь мощные опорные столбы некогда крытых галерей мечети, сцементированные ганчевым раствором, кое-где были включены в кладку поздних стен.

Хронология жилого горизонта устанавливается более определенно по сравнению со временем постройки мечети, прежде всего благодаря обилию медных монет², найденных в кладе помещения 7 (табл. 1) и лежащими одиночно (табл. 2).

Клад шейбанидских монет и одиночные находки этого же чекана позволяют датировать III горизонт XVI в. Присутствие же более ранних монет либо случайно, либо отражает особенности структуры денежного хозяйства южноказахстанских городов поры позднего средневековья, когда в денежном обращении находилась практически любая монетовидная медь³.

Керамический комплекс из жилых построек горизонта III в целом аналогичен керамике Отрара XVI в., известной по другим объектам, и находит прямые параллели в синхронных среднеазиатских коллекциях⁴. Для глазурованной керамики слоя характерны чаши на кольцевом поддоне с высоким туловом полусферической формы, блюда на массив-

² Определение монет принадлежит В. Н. Настичу.

³ *Ерзакович Л. Б.* Раскопки в восточной части Отрара: (к вопросу о стратиграфии и хронологии поздних слоев) // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980.

⁴ *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Позднесредневековый Отрар. С. 164—165.

Таблица 1. Монеты из клада

Инвентарный №*	Определение
0—80—23 м	Шейбаниды, Самарканд, 914/1508—09 г.
0—80—24 м	Шейбаниды, перв. четв. XVI в., с надчеканом
0—80—25 м	Шейбаниды, Бухара (?), 911/1505—06 г.
0—80—26 м	Шейбаниды, Самарканд, перв. четв. XVI в., с двумя надчеканами
0—80—27 м	Шейбаниды, с надчеканом
0—80—28 м	Остатки чекана, XVI в. (?)

* Дан по полевой описи.

Таблица 2. Одиночные находки монет

Инвентарный №	Место находки	Определение
0—80—14 м	Помещение 7, завал	Тимур, Самарканд, 80-е гг. XIV в.
0—80—19 м	Помещение 7, завал	Тимуриды, Бухара, тип 832/1428—29 г.
0—83—37 м	Помещение 7, на суфе	Тимур, Самарканд, 8XX г. х.
0—83—38 м	Помещение 7, заполнение суфы	Караханиды, сер. XI—нач. XII в.
0—83—39 м	Помещение 7, завал	Тимуриды, Бухара, тип 832/1428—29 г.
0—84—2 м	Помещение 20, на кирпичах ташнау	Улугбек, Самарканд или Бухара, тип 832/1420 г.
0—84—6 м	Помещение 20, на суфе	Шейбаниды, перв. пол. XVI в., надчекан Бухары
0—84—9 м	Помещение 21, пол 1	Шейбаниды, надчекан Отрара (?)
0—84—10 м	Помещение 38, завал	Сауран (?), конец XVI в.
0—84—12 м	Помещение 28, пол 2	Шейбаниды, Термез (?), два надчекана
0—84—11 м	Помещение 24, завал	Тимуриды, Бухара, тип 832/1428—29 г., с надчеканом конца XV в.
0—84—14 м	>	Шейбаниды, нач. XVI в.
0—84—14 м	>	Шейбаниды, с надчеканом
0—84—14 м	>	Шейбаниды, нач. XVI в.
0—84—15 м	Помещение 15, заполнение суфы	Хорезмшахи, Отрар (?), тип 613—614 г. х.
0—84—17 м	Помещение 16, заполнение суфы	Хорезмшах Мухаммад б. Текеш, Отрар (?), тип 607 г. х.
0—84—17 м	>	Сыгнак (?), XIV в. (767 г. х.?).
0—84—29 м	>	Шейбаниды, Самарканд, до 917 г. х. (?)
0—84—31 м	Помещение 15, завал	Тимуриды, XV в.
0—84—31 м	>	Шейбаниды, Бухара (?), перв. четв. XVI в.
0—84—32 м	Помещение 25, завал	Шейбаниды, надчекан Отрара (?)
0—84—34 м	Помещение 34, в дымоходе	Тимур, Самарканд, 806 г. х. (?)
0—84—26 м	Помещение 29, завал	Шейбаниды, перв. пол. XVI в.
0—83—11 м	Помещение 25, завал	Хорезмшах Мухаммад б. Текеш, первые два десятилетия XIII в.
0—83—13 м	>	Тимуриды, 87 (?) г. х.
0—83—12 м	>	Шейбаниды, перв. пол. XVI в., с надчеканом

ном кольцевом поддоне, горшки, тагоры, светильники. Поливы главным образом бесцветные, с подглазурной росписью кобальтом; встречаются и полихромные цвета. Росписи растительного характера, заметно стремление акцентировать внимание на каком-то одном мотиве: куст, ветка, ветка с листком, бутон розы. Сосуды с окрашенными поливами, чаще без орнамента либо украшены гравированными узорами.

Устройство новых стен на полах мечети для образования жилых помещений последовало за прекращением функционирования монументальной постройки. Высказанные соображения позволяют отнести это событие к началу XVI в., а датой постройки мечети считать конец XIV — начало XV в.

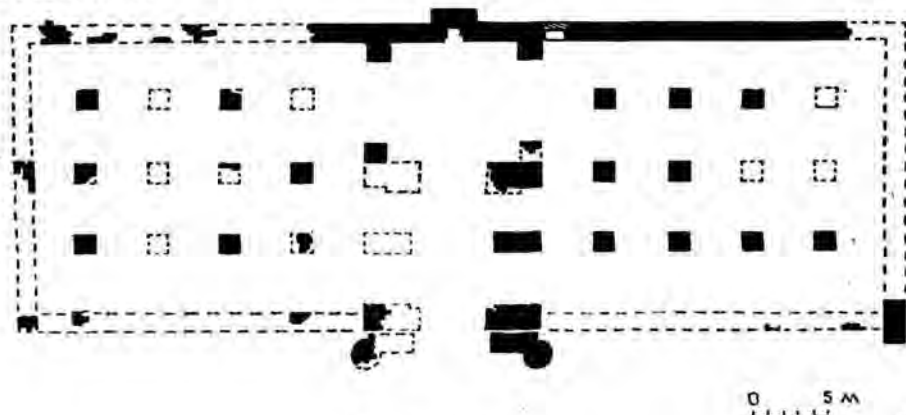

Рис. 38. План мечети

На основании сходства стратиграфии участка с мечетью со свитой слоев на раскопе III в юго-западной части городища слой с мечетью можно отнести к горизонту IV, датируемому концом XIV—XV в.

Постройка, размером 60×22 м, длинной осью вытянута по линии восток — запад (рис. 38). Вход в центре северного фасада оформлен в виде выступающего за линию стены портала с прямоугольными в плане пилонами размером $2,7 \times 1,35$ м. Пролет между опорами портала около 6 м. Западный пилон сохранился на высоту до 1,7 м, восточный почти полностью разобран на кирпичи. На углах портала были поставлены цилиндрические по основанию минареты диаметром 2 м (рис. 39). Внутри минаретов имелись винтовые лестницы, на которые попадали с внутренней стороны портала через входной проем шириной 1 м. Сохранились первые четыре ступеньки лестницы на западной стороне портала.

Фронтальная композиция здания включает четыре сквозные галереи, образованные тридцатью столбами квадратного сечения ($1,35 \times 1,35$ м), поставленными в три ряда. Проем между опорами перекрытия равнялся 3,7 м.

На оси входа находились два зала. Опоры перекрытий практически полностью разобраны. Сохранился столб прямоугольного сечения размером $3,3 \times 1,65$ м на западной стороне первого от входа зала. Частично сохранились два передних столба главного зала с михрабной нишей. Можно полагать, что столбы имели сложное сечение. Задние опоры выглядят как квадратные пилоны по обеим сторонам михраба.

В михрабной стене здания имеется дверной проем с высоким порогом, который открывался в сторону улицы и жилой застройки у крепостной стены города с южной стороны.

Стены мечети толщиной 1,35 м, углы главного фасада оформлены в виде пилястр.

Рис. 39. Общий вид мечети (на переднем плане — остатки западного минарета)

Как уже отмечалось, участок под мечеть был тщательно снивелирован. Основания столбов заглублены на 15—20 см в сплошной котлован, заполненный ленточной пахсой, в которую добавлены угольки в качестве изолятора от почвенных солей. Общая толщина лессового фундамента 1,1 м. Это традиционный способ предотвращения осадки монументальных построек, широко применявшийся в средневековой архитектуре Средней Азии и Казахстана⁵.

⁵ Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркестана поры рабовладения и феодализма // Труды ЮТАКЭ. М., 1958. Т. VI. С. 317—318; Она же. Зодчество Центральной Азии XV века. Ташкент, 1976. С. 16; Кочнев Б. Д. Средневековые загородные культовые сооружения Средней Азии. Ташкент, 1976. С. 49—50.

Несущие конструкции — стены, столбы, пилоны портала — сложены из жженого кирпича хорошего качества, квадратной формы со стороной 25—28 см, целого или половин. Кирпичи уложены строго регулярно — вперевязку — на ганчевом растворе. Кое-где на стенах сохранился тонкий первоначальный слой ганчевой штукатурки.

Интересным был архитектурный декор мечети, в котором, судя по находкам в жилых помещениях перекрывающего слоя, важную роль играли керамические облицовки: цветные глазурованные кирпичи и изразцы синего и голубого цветов, полихромные майолики в виде квадратных и прямоугольных плиток с орнаментальными и фантастическими зооморфными сюжетами в росписях. Основная масса глазурованной облицовки найдена в помещениях на месте зала и стены с михрабной нишей. Найдены фрагменты керамических решеток на окнах — панджара.

Перед нами именно соборная мечеть, а не квартальная. Об этом свидетельствуют ее размеры, характерные строительные материалы (жженный кирпич, изразцы, майолики), присутствие минаретов и мощного портала. Есть признаки, указывающие на существование еще одной монументальной постройки, расположенной напротив мечети, к северу от нее. Признаки ансамблевой застройки юго-восточного района города свидетельствуют о ведущей роли этого участка в структуре общегородской застройки Отрара рубежа XIV—XV вв.

Отрарская соборная мечеть относится к постройкам столбно-купольного типа, хорошо известным в средневековой архитектуре Средней Азии⁶. Столбовые конструкции сближают отрарскую мечеть с куйруктобинской, хотя последняя построена значительно раньше, в X в., и является собой ранний этап в развитии типологии столбовых мечетей⁷.

Можно полагать, что перестройка участка с мечетью в жилой квартал не была рядовым событием в жизни города. Духовные учреждения, «святые места» (мечети, медресе, мазары) веками сохраняли неприкосновенность имущества и доходов с него, жалованных вакуфными грамотами Известна, например, вакуфная грамота Гимура мавзолею Ходжи Ахмеда Ясеви и некоторым другим мазарам в г. Туркестане. Последующие правители города подтверждали, как это было принято, вакфы мазара⁸. Несомненно, в жизни Отрара произошли какие-то важные перемены, связанные со сменой власти. Мечеть функционировала, скорее всего, недолго, поскольку никаких следов ремонта, нового уровня пола здесь не прослеживается.

После общегородского пожара здание использовалось как временное укрытие, судя по остаткам кострищ и гумуса, а затем было перестроено

⁶ Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX — начало XX в.). Ташкент, 1980. С. 108—112.

⁷ Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI — начало XIII в.). Алма-Ата, 1986. С. 139.

⁸ Пищулина К. А. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVII веках // Казахстан в XV—XVIII веках. Алма-Ата, 1969. С. 8.

но под жилье. Перепланировать здание было несложно: строители соединили столбовые конструкции стенами. Столбы оказались на углах жилых помещений, поскольку мечеть к моменту перепланировки сохранилась полностью, в том числе и арочно-купольные перекрытия. Стены были поставлены быстро и небрежно, кирпичи уложены без перевязки, на глиняном растворе, обмазка стен грубоватая, из серой глины с обильными органическими примесями.

Участок был разделен глухой стеной по линии длинной оси бывшей мечети на две части: жилые дома на южной половине оказались расположенными по обе стороны переулка, появившегося на месте галереи мечети (помещения 18—21, 11, 12, 16, 22, 23), а дома на северной стороне — открытыми проходами в сторону старой улицы квартала «Ф». Перед нами традиционная планировочная ситуация позднесредневекового Отрара с частями двух кварталов, расположенных по обе стороны глухой стены.

Со стороны квартала «Ф» сюда выходили 3 дома.

Дом 1 включает шесть помещений: 6, 7, 8, 13, 14, 15, — поставленных двумя цепочками. В каждом ряду находилось по одному жилому помещению (7 и 15) с традиционной суфой, занимающей почти все пространство, тандыром у входа и очаговым углублением, одна сторона которого открыта в сторону двери, и по два подсобных. Секция в глубине дома выделяется большей площадью жилого помещения (7) — 25 кв. м, крупным тандыром (диаметр устья 0,7 м) и камином в восточной стене, дымоход которого явно совпадал с дымоходом тандыра. По обеим сторонам жилого находятся подсобные помещения. Назначение одного из них (6) остается неясным, другое помещение (8) — амбар с закромами по обе стороны от прохода.

Жилое помещение 7 проходом в восточной стене с выделенным порогом соединяется с помещением 14. Последнее занимает важное место в схеме плана, так как проходом в восточной стене оно связано с тамбурным помещением, а последнее — с улицей. Проход в южной стене помещения 14 приводит в другое жилое помещение — 15 площадью 15 кв. м. Помещение перестраивалось по уровню верхнего пола, тандыр был перенесен от двери в юго-западный угол.

С западной стороны дома находятся два крохотных, ничем не примечательных помещения (2, 3) и айван, открытый в сторону улицы. Эти постройки появились не в момент первоначальной перепланировки, а позднее, на уровне позднего пола. Отсутствие каких-либо признаков отопления, местоположение строений на пересечении улиц позволяют предположить, что перед нами лавки или мастерские.

Дом 2 — пятикомнатный (помещения 24, 25, 27, 28, 28А). Планировкой напоминает предыдущий: также две цепочки комнат, — но два больших по площади помещения с тандырами (24, 25) находятся на одной, западной, стороне дома и разделены глухой стеной, а восточная сторона образована тремя проходными помещениями, два из которых (27, 28) связаны проходами с жилым помещением 24, находящимся в

глубине дома. Третье (28А) представляет собой входной тамбур, общий для двух жилых секций и открытый проходом на улицу с западной стороны.

Еще один дом (3) имеет выход на ту же улицу, но с южной стороны. В доме три, а возможно, и четыре помещения (29, 30, 31, 32), образующих в плане квадрат. Постройка производит странное впечатление, так как жилое помещение 31, единственное в доме, по площади меньше остальных (12 кв. м). Наиболее примечательно помещение 29. Это четырехстолпный зал площадью 30 кв. м. Три его стены сырцовые, а западная сложена комбинированным способом с применением жженого кирпича. Последняя стена закрывала винтовую лестницу западного минарета. Полы тщательно обмазаны и заметно наклонены к середине помещения.

Ряды домов стоят по обе стороны переулка, заканчивающегося тупиком, в южной части бывшей мечети. Здесь пока трудно оценить планиграфическую ситуацию в полном объеме из-за незавершенности раскопок, поскольку на некоторых участках выявлены зондажем только столбы мечети. Один из домов включал помещения 32, 33, 34 и 35, где помещение 34 — жилое, с тандыром у южной стенки, а помещение 33 — коридор, куда открывались проходами помещения, расположенные по обе стороны от него: с запада — жилое (34), а с востока — помещение с узкой суфой у южной стены. Таким был дом в последней период существования. Первоначально коридор и жилые помещения составляли единую жилую камеру. Где находился тандыр — неясно, но под поздней обмазкой суфы обнаружен дымоход, направленный к северной стене помещения. Именно здесь сохранилось цементированное ганчем звено кирпичей от уплощенно-купольного перекрытия мечети.

В тупик с трех сторон открываются проходами помещения 20, 22, 23. Все они жилые, с неизменными тандырами и дымоходами в суфе и стене. С уровнем верхнего пола связана перепланировка. Южная и северная стены в помещении 23 почти полностью были сдвинуты к югу на 0,75—0,8 м, благодаря чему оказался заложенным тандыр в помещении 22, а в юго-восточном углу помещения 23 почти полностью — за исключением двух нижних рядов кирпичей — был разобран столб мечети.

Хорошо прослеживается планировка дома, включающего помещения 4, 9, 11, 16. Последние цепочкой вытянуты вдоль северной стороны переулка. Два помещения дома (4,9) появились на уровне позднего пола. Назначение их остается неясным. Отметим мощную каменную базу центрального опорного столба плоских перекрытий в помещении 4, для чего был использован нижний диск мельницы диаметром 0,8 м.

Два жилых помещения — 11 и 16 — смежные. Чтобы среднее помещение с общим для дома выходом на улицу не было проходным, параллельно фасадной стене дома поставлена перегородка. Благодаря такой несложной конструкции появился коридор (помещение 12) с проходом во все части дома, в том числе и нежилою.

Застройка горизонта уже характеризовалась нами⁹. Остановимся лишь на наиболее интересных деталях микростратиграфии участка, важных для понимания жизни города в целом.

Любопытные данные получены при раскопках дома 8 квартала «Ф» по уровню горизонта II. В последний строительный период дом представлял собой трехкамерное жилище с вытянутыми цепочкой вдоль улицы помещениями. Определенно выявлена жилая комната (444А), амбар (445А) и помещение для скота (444)¹⁰. При дополнительной зачистке выяснилось, что первоначально в доме была мастерская гончара, а интерьер помещения выглядел иначе. Жилая комната с тандыром, имеющая выход на улицу, была меньше по площади за счет увеличения площади помещения 445А — здесь находилась гончарная печь, от которой сохранилась ладьевидная огневая камера. Рядом с печью зафиксирована яма диаметром 0,7 м по устью, сильно расширяющаяся книзу. Помимо отходов гончарного производства, печных припасов, инструментария гончара, сырья для производства глазури в ней обнаружены куски белого кварца (всего около 5 кг), квасцы в железной чашечке, поташ в виде небольших округлых комочков, сформованные, но не обожженные гончарные изделия — чаши, светильники-чиряги, иногда уже покрытые ангобом и подготовленные для росписи и обжига, ангобная глина белого и зеленоватого цвета, железная лопаточка с обломанной ручкой, две лопатки лошади с сильно сработанными краями, керамический брак в виде поливных чаш, блюд, несколько десятков трехлапчатных подставок-сипая различных размеров. Кроме того, в яме найдены заготовки сырой глины в виде цилиндрических болванок диаметром 14,5, высотой 8 см и диаметром 12, высотой 10 см, слегка сдавленных сверху и снизу. Здесь же найдены терка для растирания квасцов или красок, изготовленная из прямоугольной плитки малоразмерного жженого кирпича, фрагменты гончарных столиков из глины, каменная ручная мельница в обломках, фрагменты медных изделий и небольшие брусочки меди.

Перечисленные находки отражают практически весь процесс керамического производства, вплоть до обжига.

Иначе выглядело и помещение 444 в первый строительный период. В центре его находился круглый деревянный столб диаметром 18 см, по окружности выложенный фрагментами жженого кирпича. Пол тщательно обмазан слоем глины толщиной до 6—7 см. Выкружка пола укреплена жженым кирпичом. Выяснилось также, что северная стена помещения, точнее, центральный ее участок, сложен в основном из жженого кирпича квадратного формата со стороной 25—27 см и фрагментированного. По-видимому, на этот участок опирался центральный прогон. Позднее, на уровне позднего пола, жженный кирпич оказался «спрятан» в ремонтный футляр из сырца стандартного для Отрара XVII в. размера: 35×18×8, 25×18×8 см.

⁹ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Позднесредневековый Отрар. С. 109—125.

¹⁰ Там же. С. 115—116.

Назначение помещения 444 в гончарной мастерской не вполне понятно. Судя по тому, что оно самое крупное, площадью 22 кв. м, здесь хранили готовую продукцию или сушили полуфабрикаты.

Существенно изменилось представление о доме 6, находящемся по другую сторону улицы квартала «Ф». В последний период это была двухкамерная постройка с жилым (434) и хозяйственным (435) помещениями. Теперь выяснилось, что первоначально здесь также располагалась мастерская гончара. Со стороны улицы к дому примыкало еще одно помещение (434А), в котором у западной стены находилась гончарная печь. Печь была двухкамерной, причем обжиговая камера оказалась заполненной слипшимися, сильно деформированными глазурованными чашами. В юго-западном углу помещения обнаружено около десятка чаш диаметром 17 и 26 см по венчику, находившихся на разных стадиях изготовления. Здесь была готовая к обжигу и покрытая светлым ангобом продукция, сосуды, находившиеся в процессе формовки (не готов кольцевой поддон). Найдены также подставки-сипая. Таким образом, вырисовывается еще один район гончарного производства города конца XVI—XVII в. с четырьмя мастерскими.

Баня

В микрорельефе пригородной части отчетливо выделялись многочисленные бугры. В направлении одного из них шло ответвление подземного тоннеля с проложенными в нем водопроводными трубами. Забор водопровода находился как раз напротив южного склона бугра¹¹. Здесь же располагались две ямы, из которых местные жители брали жженный кирпич. Обломки его до сих пор громоздятся отдельными кучами по площади бугра. В связи с этим возникло предположение о наличии на данном месте монументального сооружения. Раскоп IV, заложенный в 200 м западнее южного въезда, площадью 1000 кв. м, ориентированный по линии север — юг, подтвердил предположение.

Верхние слои сооружения на глубину до 1,5 м были нарушены мусульманскими захоронениями. Северо-восточная ориентировка, вытянутое положение погребенных, отсутствие вещей, выложенные из сырцового кирпича склепы-сагана, размер кирпича позволяют считать, что раскапываемый участок рабада начал использоваться под кладбище уже в XVI в. Погребения перемешали культурный слой, поэтому невозможно точно датировать остатки строительных конструкций и получить о них целостное представление.

Ближе к юго-восточному углу раскопа на глубине 0,7 м расчищены топчаные камеры двух гончарных печей. В их заполнении собрано небольшое количество керамики. Среди поливной керамики преобладают чаши, покрытые желтой, светло-коричневой, темно-коричневой и зеленой

¹¹ Грошева В. А. Водохранилище средневекового Отрара // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976. С. 37.

глазуриями. Неполивленная керамика представлена узкогорлыми кувшинами, тагорами и горшками. Обнаружено также несколько фрагментов архитектурного декора: изразцы, покрытые голубой глазурью, резная терракота с голубой поливой. Поднято несколько медных монет плохой сохранности.

На глубине 1,5 м от дневной поверхности вскрыты остатки бани, состоявшей из нескольких помещений, топки, серии резервуаров для воды и системы подпольного отопления (рис. 40). К сожалению, баня почти вся разобрана. Ее начали разрушать, видимо, уже в XVI в., выбирая жженный кирпич, который широко использовался в жилых и хозяйственных постройках XVI—XVIII вв. На центральном бугре городища нет ни одного дома, в котором не был бы использован жженный кирпич из более ранних построек.

От бани сохранилась лишь система отопления, куски стен, фрагменты вымосток полов и отдельные детали. Однако общая планировка ее выявляется достаточно четко по уровню нижнего (второго) строительного горизонта (рис. 41).

Это монументальное сооружение, крестообразное в плане. Общий размер его по наружному обводу составляет 17 м с северо-востока на юго-запад и 15,5 м с северо-запада на юго-восток. Вход находился в юго-восточной стене со стороны южных ворот Отрара. На расстоянии 5 м от него в восточном направлении шла дорожка из прямоугольных жженных кирпичей размером $22 \times 11 \times 4$ см. Уложены они таким образом, что образуют рисунок в виде плетения.

Справа от входа находился комплекс самой бани, слева — двор и 10 помещений¹².

Помещение 1 площадью 13,1 кв. м служило раздевалкой: здесь оставляли нательную одежду и получали набедренную повязку — люнги. В Средней Азии такие помещения называли люнги-хана¹³.

Центральный восьмигранный зал бани, как и везде в восточных банях, служил паровой и массажной. В зале не мылись. Обычно в центре его, в нишах у стен и беньюарах устраивали суфы для массажа. В отрарской бане наличие суф можно лишь предполагать. Площадь зала около 22 кв. м.

Помещения 4 и 8, площадью 7,2 кв. м каждое, служили беньюарами. Из центрального зала открываются входы в помещения для мытья (5, 6, 7). Температура в моченных была различной. Более жаркие назывались иссыг-хана (горячие), менее жаркие — саук-хана (холодные). Градация температур в помещениях является особенностью восточных бань. Ибн Сина писал о банях: «Первая комната охлаждает и увлажняет, вторая согревает и увлажняет, третья согревает и высушивает»¹⁴. Число и размещение помещений для мытья варьируется: бывают одно горячее и два прохладных помещения, или наоборот; случается, что го-

¹² Характеристика бани дается по плану второго строительного горизонта.

¹³ Воронина В. Л. Об узбекских банях // СЭ. 1951. № 1. С. 119.

¹⁴ Абу Али Ибн Сина. Канон врачебной науки. Ташкент, 1954. Кн. 1. С. 196, 198.

Рис. 40. Общій вид раскопа IV на рабаде. Вид с юга

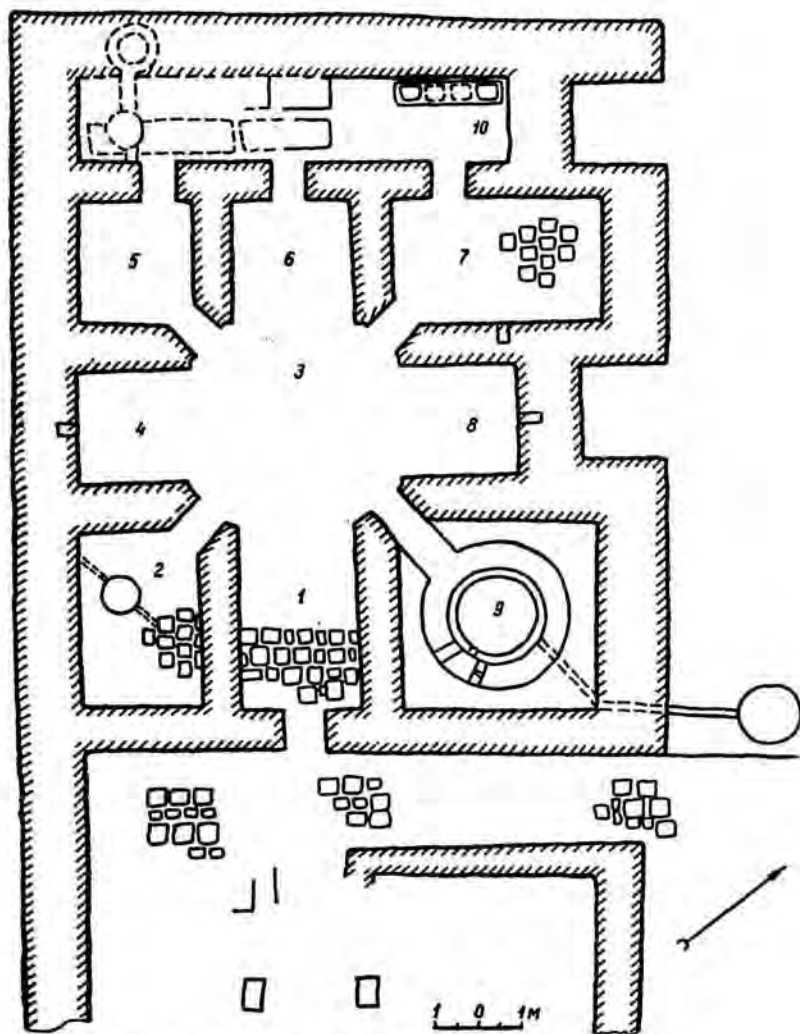

Рис. 41. План бани по уровню второй половины XIV—XV в.
(с элементами реконструкции)

рячая комната находится в центре, а холодные по краям, или же две горячих рядом, а холодная с краю, но, как правило, моечных комнат три¹⁵. В оттарской бане горячих помещения было два — 5 и 6 (площадь каждого 7,2 кв. м). Они располагались рядом: одно в западном углу, другое — по центру, тогда как прохладное находилось в восточном углу.

В пользу такого утверждения свидетельствует их расположение относительно топки — наиболее «горячего места» в системе отопления бани. Помещения 5 и 6 находились над той частью отопительной системы, куда жар поступал сразу же из топки, а затем уже под полы других помещений.

В моечном помещении 7 площадью 15 кв. м участок пола в северном углу выложен глазурованными кирпичами размерами $26 \times 26 \times 5$ и $26 \times 14 \times 5$ см. На голубом фоне вымостки по диагонали сделан свастикообразный белый узор. Площадь вымостки 1,2 кв. м.

Помещения для мытья посредством проемов сообщались с помещением 10, где находились котел для горячей воды, две цистерны для холодной воды и четыре небольших резервуара. Помещение имело площадь около 20 кв. м.

Топка была вынесена за пределы помещения и находилась сразу же за стеной у восточного угла. Она представляет собой коническую яму глубиной 1,17 м, диаметром вверху 0,8 м, внизу — 1,3 м. Устье размером $0,7 \times 0,7$ м расположено на уровне основания. Сверху топка, видимо, закрывалась глиняной крышкой.

От топки идет жаропровод. Вначале он обогревал железный котел, от которого сохранились куски боковин и гнездо диаметром 0,85 м, сложенное из жженных кирпичей. Котел был вмазан в основание цистерны, которая не сохранилась. Рядом с цистерной для горячей воды находились две цистерны для холодной воды. Они расположены по центру помещения и представляют собой разделенный стеной резервуар размером $2,7 \times 2$ м по внешнему обводу.

Стены цистерны и перегородка сложены из жженого кирпича ($28 \times 28 \times 5$), поставленного на ребро, скреплены и обмазаны водонепроницаемым раствором — кыром. Толщина стены в четыре кирпича, сохранившаяся высота — 0,3 м. Если предположить, что высота стен цистерны была 0,9 м (при большей высоте было бы неудобно набирать воду из цистерны), то общий объем холодной воды в бане составлял более 6 кубометров.

Четыре резервуара для воды находились у стены в северном углу. Собственно, это был один резервуар, разделенный на отсеки длиной 0,5 м, шириной 0,4 м и высотой до 0,3 м каждый. Стенки резервуара сложены из жженого кирпича размером $28 \times 28 \times 5$ см и обмазаны со всех сторон кыром. Определить назначение резервуаров позволяет их явное сходство с резервуарами афраснабской бани IX в. и нисийской

¹⁵ Воронина В. Л. Об узбекских банях. С. 120.

бани XII в.¹⁶ Аналогичные резервуары отмечены и в средневековых банях Херсонеса¹⁷. Г. А. Пугаченкова предполагает, что подобные резервуары содержали щелок и ароматические настои. Это вполне вероятно, если учесть, что Ибн Сина, описывая воздействие бани на организм, называет несколько употребляемых при купании растворов. Некоторые из них получали путем кипячения растений, золы, серы. Применяли также железистые, соляные, кварцевые и купоросные растворы, отвары из шпорника, ягод лавра.

Помещение 9 площадью 20 кв. м, видимо, служило для отдыха после банных процедур. Здесь же мыли ноги, перед тем как одеться. В центре его находится хауз — круглый резервуар для воды диаметром 1,8 м. Толщина его стенок, обмазанных кыром серого цвета, 0,2 м, сохранившаяся высота до 0,3 м. Вокруг хауза на расстоянии 0,5 м идет суфа шириной 0,25—1 м и высотой 0,4 м. Таким образом, между суфой и бассейном имелся узкий проход, в котором устроен резервуар. Он наполнялся водой через отверстие в стене и освобождался от воды при помощи желоба, ведущего в сточную яму за пределами помещения. Пол в помещении был выложен жжеными кирпичами (25×25×5, 32×15×5, 40×40×5 см), скрепленными кыром.

В восточных банях, как правило, предусматривалось место для совершения намаза. Иногда для этой цели использовалась одна из лоджий центрального зала, ориентированная на юго-запад. В ней обычно устраивался михраб¹⁸. В отрарской бане роль молитвенного зала выполняло, скорее всего, помещение 2, сообщавшееся с центральным залом, площадью 10,8 кв. м. Пол его выложен голубыми изразцами различного формата, на кыре. Изразцовая вымостка сохранилась лишь в северной части комнаты. В центре находился круг диаметром 0,8 м, заглубленный на 5—6 см. Края его выложены голубыми изразцами. К отверстию в середине круга подведена керамическая труба диаметром 10 см, которая сообщалась с подпольной системой отопления. Следовательно, комната для намаза обогревалась сухим горячим воздухом.

Система отопления, водоснабжения и канализации в отрарской бане такова. Вода в баню поступала по водопроводу из гончарных труб, проложенному в подземном туннеле. Остатки нескольких водопроводных линий зафиксированы в самом туннеле и в месте водозабора на дне водохранилища. Водопровод действовал в X—XV вв. В цистерны вода, видимо, подавалась ответвлениями от водопровода. Нагревалась вода с помощью котла, вмazanного в днище цистерны. Котел, заполненный водой, являлся основным «греющим элементом». Вода не растекалась в комнаты по системе труб, ее подавали через специальные проемы в стене, которая отделяет моечные от помещений с цистернами.

¹⁶ Шишкина Г. В. Городской квартал VIII—IX вв. на северо-западе Афраснаба // Афраснаб. Ташкент, 1973. С. 133; Пугаченкова Г. А. Архитектурные памятники Нисы // ТЮТАКЭ. Ашхабад, 1949. Т. 1. С. 243—244.

¹⁷ Якобсон А. Л. Средневековые бани Херсонеса // СА. 1946. Вып. VIII. С. 264, 296.

¹⁸ Воронина В. Л. Об узбекских банях. С. 120.

Сточная вода по желобкам стекала в каналы в стенах и далее в поглощающие колодцы. Один из таких желобов был открыт в стене помещения 9. Он обложен жженым кирпичом и соединен с арыком, по которому стекала вода в поглощающий колодец диаметром 1 м. Последний, расчищенный на глубину 2 м, заполнен рыхлой, комковатой землей зеленоватого цвета. Отрарская баня отапливалась одной топкой, находившейся за ее пределами и, видимо, закрытой навесом.

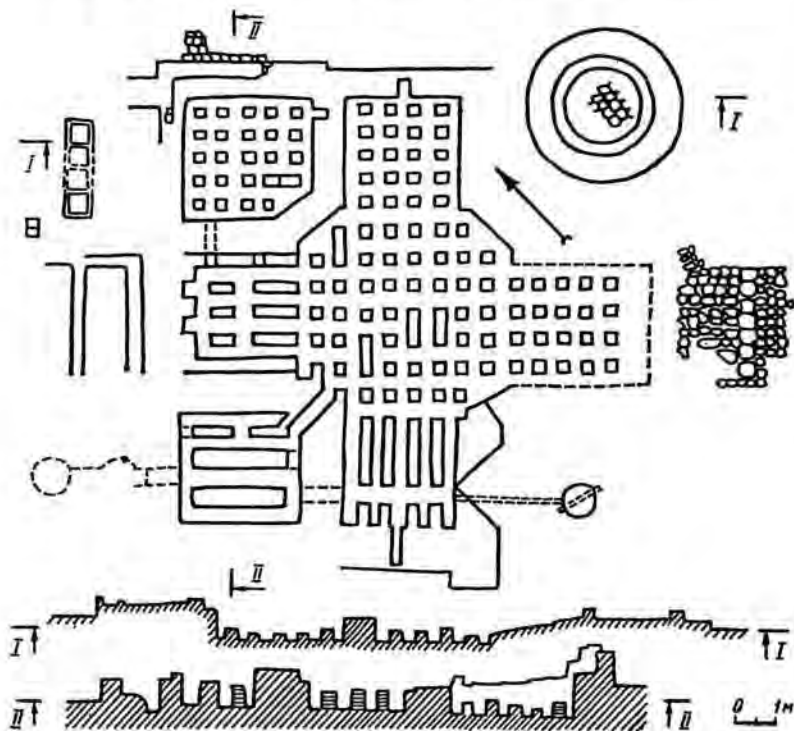

Рис. 42. План отопительной системы бани

Под полом бани была проложена система жаропроводящих каналов (рис. 42). От топки один канал проходил под полом и через отверстие диаметром 20 см подводил жар к системе жаропроводов помещения 5. Здесь жар системой каналов направлялся по трем магистральным направлениям, которые разделялись под прямым углом в центре подполья. Одно шло к помещениям 4 и 2, другое — к помещениям 6 и 7.

Первый канал имеет ширину 0,5 м, второй — 0,4 м. Каналы, прямоугольные в сечении, формировались из жженого кирпича, положенного плашмя в одну строчку несколькими рядами. Таким образом, толщина направляющих барьеров зависела от формата кирпича. Магистральные

каналы имели двускатное перекрытие из двух положенных с наклоном кирпичей. Сохранился отрезок такого канала длиной 0,5 м.

Жаропровод соединял помещение 5 с центральным залом. Сюда же поступал основной жар из подполья помещения 4, причем система направляющих барьеров устроена так, что жар отсюда направлялся в центр по шести каналам. В подполье помещения 4 стояли 8 барьеров, по два в четыре порядка. Кирпичные барьеры, расположенные у внешнего края, имели длину 0,5 и 1,7 м.

Из подполья помещения 4 жар поступал в помещение 2 по дымогарным трубам, одна из которых подходила к центру помещения. В подполье помещения 6 жар поступал из канала, идущего из подполья помещения 5. Шесть барьеров, поставленных по три в два порядка, создавали систему из семи каналов. Короткие барьеры имели длину 0,5 м, длинные — 1,3 м.

Помещение 7 обогревалось жаром, который шел по магистральному каналу через подполье помещения 6. Жар здесь свободно циркулировал между столбиками. Всего столбиков 24, каждый из них образован стопкой кирпичей, в основе которой находился один кирпич.

При помощи свободной циркуляции жара между столбиками (всего 31) обогревался и центральный зал. Есть здесь и направляющие барьеры, длиной 0,5 м. Из шести барьеров два находятся в центре подполья.

Помещение 9, видимо, как и помещение 2, обогревалось при посредстве дымогарных труб.

Температура в бане регулировалась путем открытия или закрытия вертикальных дымоходов, сделанных в толще наружных стен. В отрарской бане обнаружено три дымохода в серединах северо-западной и юго-восточной стен.

Архитектурный облик отрарской бани может быть восстановлен лишь при сопоставлении плана и остатков ее конструкций с другими средневековыми восточными банями.

Снаружи, скорее всего, находилась группа из 9 куполов, среди которых возвышался купол центрального зала, придавая всей постройке характерный вид. Видимо, они перекрывали все помещения, кроме одного, где находились резервуары для воды. Причем центральные помещения и серединный зал перекрывались, по всей вероятности, «кольцевыми куполами, а угловые — куполами «балхи».

Полы были выложены из плит жженого кирпича размером 40×40×10 см. В центральном зале они, видимо, были глазурованы. Судя по остаткам вымосток, голубой и бело-голубой глазурами были покрыты полы в помещениях 2 и 7.

Вдоль стен помещений устраивались суфы, аналогичные суфе в помещении 9.

К числу интересных деталей интерьера помещения 9 следует отнести резервуар-хауз. Если учесть, что помещение предназначалось для отдыха, то хауз играл центральную роль в оформлении помещения, создавая соответствующий настрой.

В существовании бани отчетливо выделяются два строительных периода. Вначале она имела размер 13,5×16,5 м, а все помещения, кроме центрального, были одинаковы по площади — 7,2 кв. м.

Второй период характеризуется некоторыми перестройками. Внешняя юго-восточная стена бани была отодвинута на 2 м, а юго-западная — на 1,5 м. Соответственно увеличились площади помещений 1, 2, 7 и 9 — до 13; 10,8; 15 и 20 кв. м. Пол в помещении 2 выкладывают глазурованным кирпичом поверх обычной кирпичной вымостки из квадратных плит размером 40×40×10 см.

Подполье помещения 7 было изолировано от отопительной системы, магистральный жаропроводящий канал, по которому шло тепло, наглухо заложен жжеными кирпичами. Соответственно, видимо, изменилось и назначение комнат для мытья. Если первоначально помещения 5 и 6 служили горячими моечными, а 7 — «холодной», то теперь помещение 5 осталось горячей моечной, а 6 стало «холодной». Расширенная комната 7, вероятно, стала местом отдыха. Пол ее выкладывают полихромными поливными плитами, образующими геометрический узор. Изменения произошли в интерьере помещения 9: в центре его располагают открытый бассейн и площадку для мытья ног, а вдоль стен — суфы.

Такая планировка, нарушенная выборкой кирпича и поздними захоронениями, сохранилась к моменту раскопок.

Керамический материал бани сильно перемешан и не может быть подразделен на хронологические комплексы, связанные с двумя строительными горизонтами. Неполivная керамика представлена обломками хумов, тагор, кувшинов, кружек. Керамика станковой работы отличается стандартизацией типов посуды и орнаментации на ней.

Поливная керамика представлена чашами типа кесе, блюдами, чирагами. Есть посуда, покрытая прозрачной поливой поверх белого ангоба и росписями красного и черного цветов. Для большой группы керамики характерны красная, желтая и зеленая поливы. Керамика с желтой поливой поверх светлого ангоба расписана зеленым и коричневым, темно-коричневым и коричневым. Мотивы орнамента геометрические, построения его меридиональные и лучевые от центра чаши.

Распространена керамика, покрытая темно-зеленой поливой и подглазурной росписью. Снаружи до середины тулова чаши расписаны коричневыми аркадами. Встречена посуда, у которой одна сторона покрыта зеленой, а другая — желтой поливой.

Большая группа керамики покрыта прозрачной поливой поверх темно-красного и коричневого ангоба. Орнамент растительный, геометрический или сочетающий те и другие элементы. Такая керамика характерна для XIII—XIV вв.¹⁹

Другая группа характеризуется голубой или синей поливой, росписью черной краской. Росписи растительного или геометрического плана. Такая керамика была распространена в Отраре в XIV—XV вв.

¹⁹ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972. С. 104—110.

Привлекает внимание блюдо, покрытое с обеих сторон темно-синей поливой и подглазурной росписью. Оно имеет пологие стенки и отогнутую под прямым углом закраину, кольцевой поддон. Диаметр блюда 27 см. На внутренней стороне имеется орнамент, выполненный темно-фиолетовой краской. В центре изображена восьмилепестковая розетка, от которой отходят восемь радиальных линий. Каждый из восьми секторов заполнен мелкими растительными побегами и крупными цветами, обрамленными заштрихованными треугольниками и полосами. Вся ком-

Рис. 43. Блюдо с надписью

позиция замкнута в круг, образованный двойной линией. Затем идут две полосы, на одной из которых сделана надпись, а другая, крайняя, содержит орнамент из стилизованных арабских букв в резерве (рис. 43).

Надпись выполнена почерком талик ранней разновидности. Отмечено влияние почерка сульс, широко распространенного во второй половине XIV — начале XV в. — время, к которому по ряду почерковых признаков можно отнести изготовление блюда. Текст переводится так:

[По желанию] твоему да исполнятся все твои дела
Да будет бог хранителем твоего престола

Вечер наступил. Ты мой возлюбленный в мире...

Ввиду того, что утрачено более половины блюда, трудно сказать, какой из бейтов (двустихий) был первым. По стилю стихи представляют собой фольклорную благожелательную надпись (I бейт) и любовную лирику (II бейт), возможно, в суфийском плане, отождествляющем возлюбленного с богом. Язык очень живой, разговорный, но утрированно архаизированный, что характерно для фольклора. Обращает на себя внимание малое количество арабских заимствований, что, возможно, говорит о более древнем происхождении стихов²⁰.

При раскопках бани найдены 22 медные монеты, все плохой сохранности. Две монеты определить не удалось, остальные распределяются так: к XIII—XIV вв. относятся 13 монет, две из них, возможно, принадлежат чекану Сыгнака XIV в., остальные чеканены в Отраре во второй половине XIII—XIV в., в Бухаре, Алмалыке в XIII—XIV вв. Чекан двух может быть отнесен к XIV—XV вв., чекан четырех — к XVI—XVIII вв. Одна монета предположительно датирована XII в.

Таким образом, керамический и нумизматический материал позволяет отнести время постройки и функционирования бани ко второй половине XIII—XIV в. Видимо, в начале XV в. баня была разрушена, на ее месте появляются постройки и гончарные печи. В XVI—XVIII вв. этот участок горизонта был занят кладбищем.

Как известно, в восточном городе баня занимала видное место в ряду общественных сооружений. После мечети она была самым посещаемым местом. «...Баня на Кавказе, как и на всем Востоке, — предмет особой заботы и градоправителя, и цеховых организаций, и отдельного богача, устроившего баню для себя и для своих друзей. Потому что баня служит не только для омовения, но и для укрепления сил, поднятия упавшего настроения, для отдыха, для встречи и дружеской беседы с приятелями, для встречи и разговора о купле и продаже, о торговой сделке и для показа мастерства в шахматы или нардах»²¹. Бани являлись также своеобразными лечебными заведениями. Врач IX—X вв. Закария ар-Рази, описывая влияние бани на организм человека, рекомендовал, поскольку омовения ослабляют животную, духовную и природную силы, украшать бани хорошей живописью, которая исцеляет от меланхолии и облегчает груз забот²².

О популярности бань у населения свидетельствуют многочисленные характеристики бань и описания банных эпизодов в средневековой литературе. Существовали даже своеобразные правила посещения бань²³.

²⁰ Чтение, перевод и датировка надписи принадлежат В. Шуховцову.

²¹ Орбели И. Баня и скоморох XII в. // Памятники эпохи Руставели. Л., 1938. С. 159.

²² Большаков О. Г. Ислам запрещает // Наука и религия. 1967. № 7. С. 41.

²³ Кабус-намэ. М., 1958. С. 113—114; Болдырев А. М. Очерки из жизни гератского общества на рубеже XV—XVI вв. // Труды Отд. Востока Гос. Эрмитажа. 1947. Т. IV. С. 336; Вамбери Г. Очерки жизни и нравов Востока. СПб., 1887. С. 120—130.

Бани являлись доходными заведениями, и поэтому знатные горожане и высшая знать стремились к покупке и постройке бань. Их возводили в оживленных городских районах, вдоль торговых дорог, на рынках и рядом с ними. В Отраре, например, бани находились неподалеку от городских ворот.

В Средней Азии первые бани появились, видимо, не ранее VIII в., проникнув, как полагают исследователи, из районов Средиземноморья²⁴. Существует мнение об их более раннем появлении в Средней Азии²⁵, но археологическим материалом это пока не подтверждается. Высказывается мысль и об ином центре происхождения бань, а именно древневосточном²⁶.

В IX—XII вв. велось интенсивное строительство бань в городах Средней Азии и Казахстана. Несколько бань обнаружено на Афрасиабе²⁷, известны бани в Нисе²⁸ и Ахсикете²⁹, на городище средневекового Тараза³⁰.

В самом Отраре раскопаны и изучены две бани XI—XII вв. Одна из них, по планировке аналогичная описываемой бане, т. е. крестообразная, находится на территории северного рабада. Длина ее 11,5 м по линии север—юг и 16 по линии восток—запад. Аналогичны набор помещений, устройство отопления при помощи подпольных дымоходных каналов, система вывода сточных вод. Водоснабжение здесь несколько отличалось: оно осуществлялось с помощью колодцев, облицованных жженым кирпичом. Вторая находилась под баней XIII—XV вв., со смещением к востоку. Зондажными раскопками удалось обнаружить топку и емкость для горячей воды в виде прямоугольной в плане цистерны со стенками и дном из жженого кирпича, обмазанными несколькими слоями кыра. В центр пола был вмазан железный котел, устье которого выходило на уровень дна цистерны, а дно и стенки были опущены в топку. Баня на основании монет и комплекса керамики датируется XI—XII вв.³¹

Среднеазиатские бани домонгольского времени, по крайней мере те, о планировке которых можно судить не только в общих чертах, отличались от того типа бань, к которому относятся оттарские. Например,

²⁴ *Большаков О. Г.* Город в конце VIII — начале XIII в. // *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1972. С. 387.

²⁵ *Булатов М. С.* Ибн Сина и некоторые вопросы архитектуры и градостроительства // *Общественные науки Узбекистана.* 1967. № 7. С. 30.

²⁶ *Воронина В. Л.* Об узбекских банях. С. 116.

²⁷ *Шишкина Г. В.* Городской квартал VIII—IX вв. на северо-западе Афрасиаба. С. 143.

²⁸ *Пугаченкова Г. А.* Архитектурные памятники Нисы // *ТЮТАКЭ.* Ашхабад. 1949. Т. 1.

²⁹ *Ахраров И. Е.* Археологические исследования городища Ахсикет в 1960 г. // *Общественные науки Узбекистана.* 1962. № 8. Рис. 2.

³⁰ *Бернштам А. Н.* Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата. 1941. С. 54—57. А. Н. Бернштам датировал баню XI—XII вв. Однако более убедительной датой ее является конец X—начало XI в. (См.: *Пугаченкова Г. А.* Архитектурные памятники Нисы. С. 245).

³¹ *Байпаков К. М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. С. 141—144.

баня Тараза отлична по своей планировке от более поздних бань Средней Азии и может быть сопоставлена с баней Каср-ал-Хейр ал Гарби³².

Бани Афрасиаба IX—XI вв. также отличаются по планировке и техническому устройству. Одна из них, в западной части городища, состояла из 13 небольших помещений, каждое из которых имело индивидуальное отопление, суфы и резервуары для воды. Горячая и холодная вода доставлялась в котлах³³. Аналогичная баня, датированная X в., раскопана в восточной части Афрасиаба. Объясняя устройство и особенности афрасиабских бань, исследователи обычно ссылаются на слова Ибн Сины о том, что «лучшая баня — та, где топку печи разжигают сообразно натуре тех, кто хочет в нее зайти»³⁴.

Тип бань, к которому относится отрарская, на наш взгляд, сложился в конце XI—XII в. В XIII—XIV вв. бани с крестообразной планировкой получают широкое распространение в городах Поволжья, Крыма, Кавказа. Наиболее близки отрарской бани Булгара, известные как Белая и Красная палаты, относящиеся к XIV в.³⁵

Сходство болгарских и отрарских бань поразительно, что, впрочем, характерно вообще для такого рода сооружений, широко распространенных и в позднее время. Причину такого явления следует искать в специфике самого сооружения, наиболее рациональный тип которого был выработан в средневековье и сохранился до наших дней.

Время сложения типа бань, к которому принадлежит отрарская, не определяется однозначно. В. Л. Воронина полагает, что тип бань, сложенных из жженого кирпича, со строго последовательным соединением помещений и градацией их температурного режима возник в Средней Азии в XIV в., после того как страна оправилась от разрухи, вызванной монгольским нашествием³⁶. Однако материалы Отрара свидетельствуют о более раннем появлении таких бань, а именно в конце XI—XII в.³⁷ Во второй половине XIII в. в Отраре строились бани, продолжающие архитектурно-планировочную традицию домонгольского времени.

Мавзолей

Западнее городища, на расстоянии 1 км от него бессистемно расположено несколько бугров, одинаковых по форме и незначительно отличающихся размерами. Расстояние между буграми от 10 до 100 метров.

³² *Большаков О. Г.* Город в конце VIII — начале XIII в. С. 308. Рис. 1, 2.

³³ *Гулямов Я. Г., Буряков Ю. Ф.* Об археологических исследованиях на городище Афрасиаб в 1967—1968 гг. // Афрасиаб. Ташкент, 1969. Вып. 1. С. 273—276; *Шшикина Г. В.* Городской квартал VIII—IX вв. на северо-западе Афрасиаба // Афрасиаб. Ташкент, 1973. Вып. 2. С. 127—143.

³⁴ *Абу Али Ибн Сина.* Канон врачебной науки. С. 196.

³⁵ *Смирнов А. П.* Волжские болгары. М., 1951. С. 210—223. Табл. XIII.

³⁶ *Воронина В. Л.* Бани — хаммам у народов Советского Союза и зарубежного Востока // Архитектурное наследство. М., 1983. С. 145.

³⁷ См.: *Байпаков К. М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. С. 141—144; *Маньковская Л. Ю.* Типологические основы зодчества Средней Азии. С. 108—112.

Один из них имел вид возвышенности овальной формы (18×20 м), выгнутой с востока на запад, высотой 1,5 м. Западная часть основания разрушена при проведении оросительного канала. В разрезе виднелись кирпичи из обожженной глины. Расчистка выявила остатки западной стены длиной 7 м, шириной 80 см. Высота кладки в северном ее конце составляла 40 см, в южном — 5 см (рис. 44).

В дальнейшем были раскопаны остатки стены и северо-восточный угол здания. Стены не имели фундамента, их основание находилось на глубине 1,5 м от вершины бугра. Сложены они из кирпича квадратной формы, желтого и красного обжига. Размеры кирпича 25×25×5, 26×26×5, 27×27×5 см. Чаще всего использовался кирпич 27×27×5 см, реже всего — 25×25×5 см. Кирпич клали плашмя, скрепляли раствором из жидкой глины желтого цвета. Сохранившаяся высота стен от 5 (один кирпич) до 96 см, ширина 80 см (3 кирпича). Наибольшую высоту имел северо-восточный угол — 61—96 см. Различная высота стен объясняется тем, что еще в древности они были разобраны на кирпич.

Расчистка показала, что стены являются остатками здания квадратной в плане формы (длина южной и северной стен — 10,7 м, западной и восточной — 10,4 м), ориентированного по сторонам света с небольшим отклонением (15°) к востоку. Здание носило культовый характер. Отсутствуют хозяйственные сооружения (очаги, тандыры), незначительны находки керамики, в основном поливной. Здесь располагался мазар.

Раскопки дали интересный материал о мусульманских захоронениях в склепах. Склепы сложены из сырцового кирпича размером в основном 20×40×8 см, изредка 19×39×8 см. Скрепляющим раствором служила жидкая глина. Толщина стенок склепа — один кирпич, сохранившаяся высота — 25 см. Кирпичи клали плашмя. Склепы имели прямоугольную форму, у некоторых боковые стены слегка выгнуты и сужены к головной и ножной частям. Длина склепов от 1,5 до 2,2 м, в зависимости от роста погребенного. Ширина варьируется от 0,8 до 1 м. Ориентированы они по линии Ю—С с незначительным отклонением к З.

Характер перекрытия склепов из-за их разрушенности проследить не удалось. Установлено, что кирпичи в боковых стенах клали строго вертикально, без напуска внутрь.

Склепы располагались одиночно и рядами, иногда параллельными, соприкасаясь короткими стенками. Сооружены они на глубине от 0,3 до 1,7 м от вершины бугра, некоторые на уровне основания стены, вдоль нее.

Обряд погребения везде одинаков. Погребения произведены на паховой площадке толщиной 20 см. Все захоронения одиночные, за исключением одного, где погребены женщина и ребенок. Умершие лежали в вытянутом положении, на спине. Руки согнуты в локтях, кисти рук находятся на локте. У одного погребенного кисти положены на грудь, у двух кисть левой руки лежала на локте, кисть правой — на груди. Все погребенные головами направлены на С, некоторые — лицом на запад. Вещи отсутствуют.

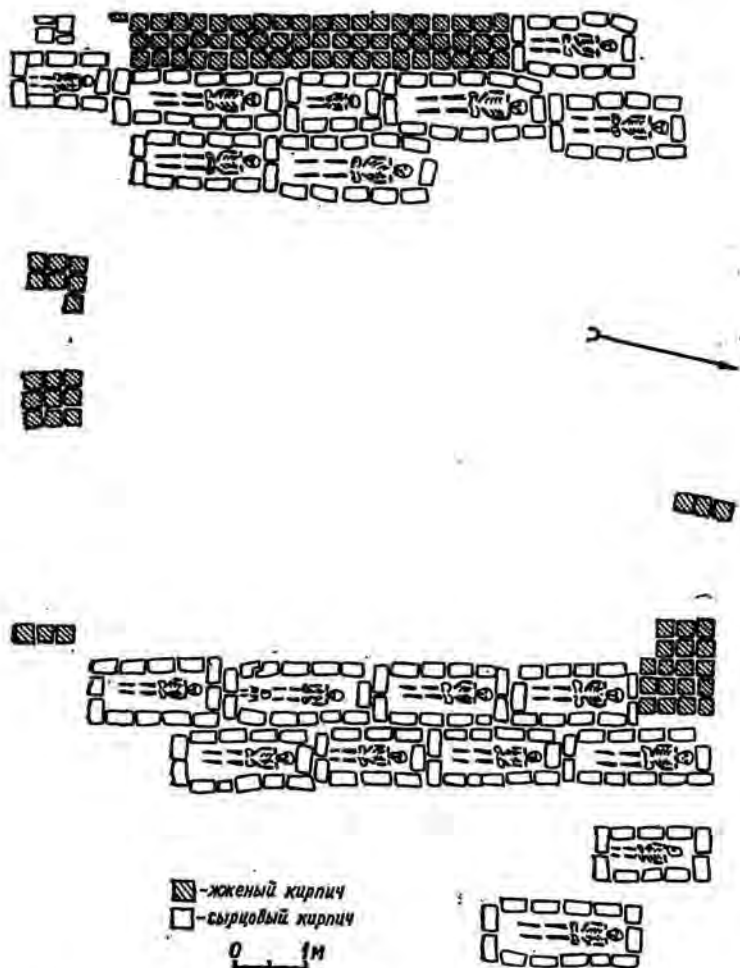

Рис. 44. План мавзолея

Всего раскопано 20 захоронений. Они располагались вокруг здания и в квадрате стен. Очевидно, кладбище было устроено на месте разрушившегося мазара, которое считалось священным.

Фрагменты поливной керамики характеризуются красным ангобом и поливой зеленого и красного цветов. Встречается керамика, покрытая синей глазурью. Датируется мавзолеем XIII—XIV вв.

Городские ремесла, торговля,
сельское хозяйство

Гончарное ремесло

«Квартал гончаров» находится в 250 м от южных ворот центральных развалин. В микротопографии этой части городища различались плоские бугры, расположенные вдоль извилистой ложбины, которая оказалась оплывшим руслом канала XIII—XV вв., подававшего воду из водохранилища в восточную и северо-восточную части пригорода. Раскопы, заложенные на буграх вдоль канала, выявили комплексы гончарных мастерских и жилья при них в двух строительных горизонтах.

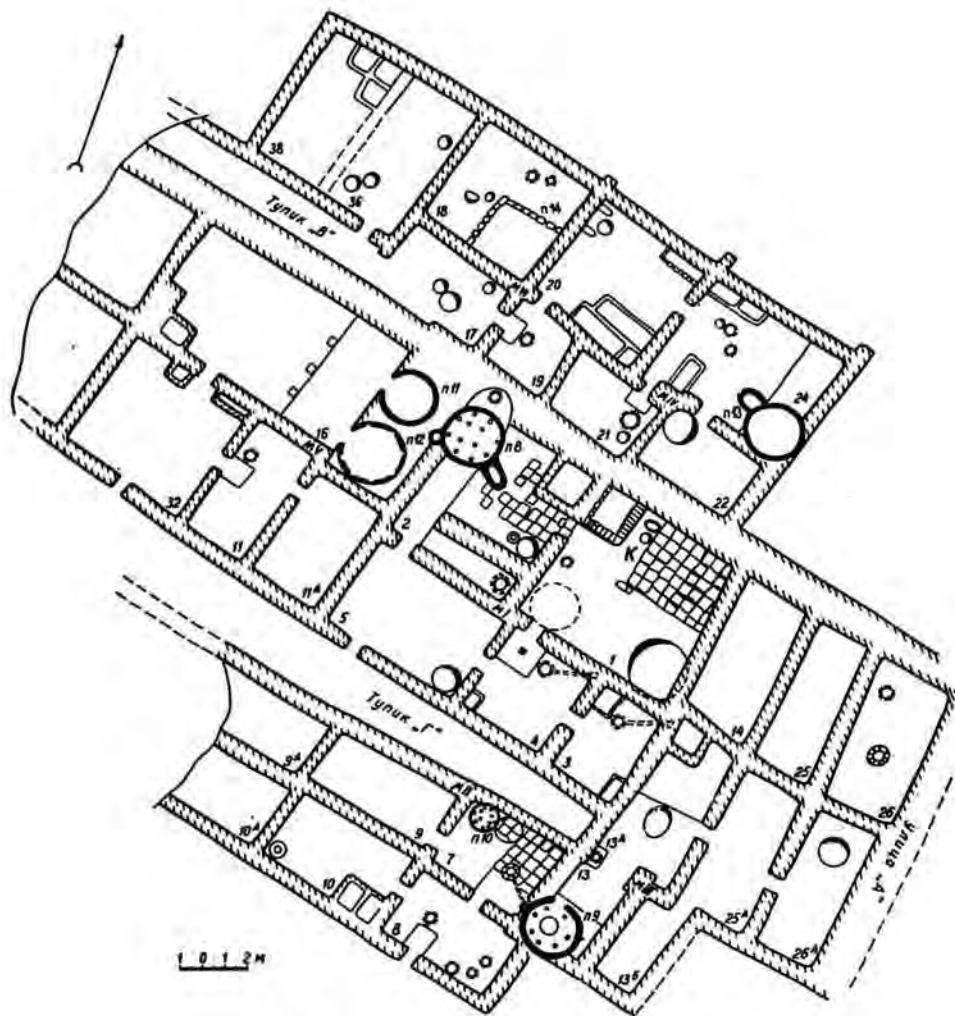
В нижнем строительном горизонте полностью открыто II мастерских (рис. 45, 46). На полях, в завалах собрано значительное количество монет, главным образом джагатаидских дирхемов, чеканенных в Отра-ре, Алмалыке, Бухаре, Таразе во второй половине XIII — первой половине XIV в. Своеобразна коллекция керамики, относящаяся, по нашей классификации, к XIII—XIV вв.

Мастерская 1, состоящая из двух помещений, вместе с жильем имеет площадь 157 кв. м, из них 89 кв. м занимает производственная часть (рис. 47, 48). Первое — большое производственное помещение квадратной формы размером 6,8×6,8 м. Северо-восточный его угол отведен под кладовую для хранения производственного сырья, возможно ангобной глины. Кладовая имеет вид отсека прямоугольной формы, размером 1,6×1 м. Северная стена кладовой толщиной 1 м является общей с южной стеной помещения 2. Она обложена квадратным жженым кирпичом или его обломками, образующими как бы опалубку. Сама же стена сложена из сырцового кирпича. Она является одновременно стеной двух отсеков хранилищ. Обе кладовые были облицованы кирпичом размером 24×24×5 см.

Южная стенка кладовой была сложена из сырцового кирпича на высоту 55 см от пола, выше — из обломков жженого кирпича. К сожалению, сохранился только один ряд кладки. Толщина южной стены кладовой 55 см.

Короткая восточная стена кладовой является частью общей восточ-

○ — тандыр; П — гончарная печь;
 К — колодець; Я — яма

Рис. 45. План квартала гончаров. Мастерские 1—6

Рис. 46. Общий вид раскопа гонимарной слободы. Часть мастерской 1

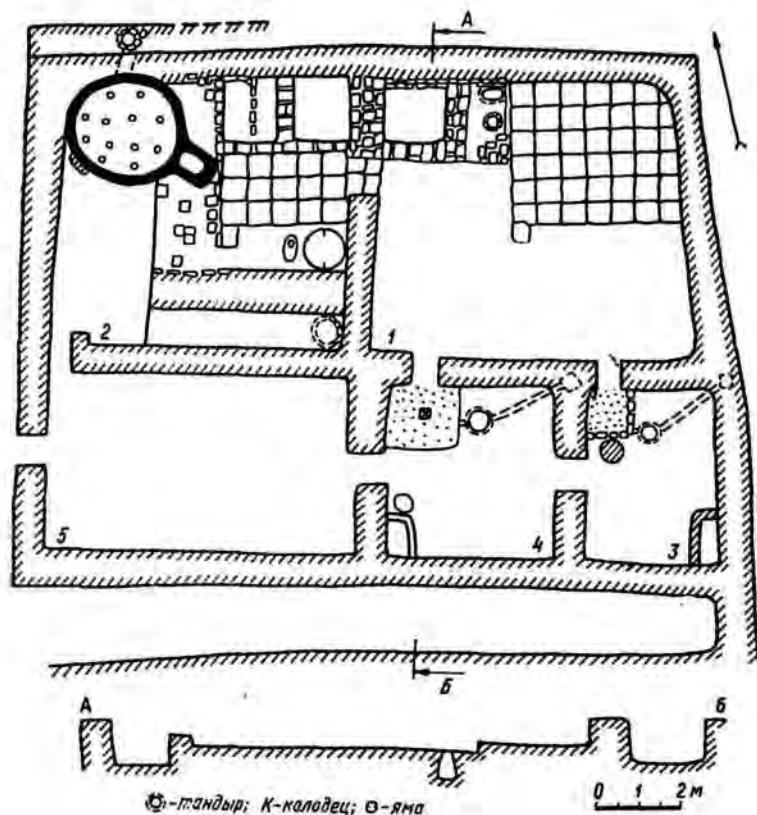

Рис. 47. План мастерской I

ной стены комнат 1 и 2. Она сложена из сырцового кирпича размером $30 \times 24 \times 8$ см и имеет толщину 80 см. Западная стена кладовой толщиной 45 см также сложена из сырцового кирпича и одного ряда обожженного. В ней сделан узкий проход (ширина 40 см) в кладовую. Порог дверного проема возвышался на 35 см над полом. Общая же сохранившаяся высота стен кладовой 70 см. Все стены и пол ее, кроме облицованной кирпичом северной стенки, хорошо обмазаны толстым слоем глины и покрыты слоем алебастра—кыра. К южной стенке кладовой примыкал вымощенный квадратным жженым кирпичом участок, занимавший примерно четвертую часть всего помещения 1. Вплотную к южной стенке кладовой и восточной стене помещения располагались колодец и овальное керамическое корытце, углубленное до уровня пола и предназначенное для слива воды (рис. 49). Длина корытца 65 см, ширина — 40 см, глубина — 30 см.

Колодец располагался в 40 см к Ю от южной стены кладовой и в

Рис. 48. Вид на мастерские 1—3. Площадка для вымеса глины

Рис. 49. Мастерская I. Колодец и корытце

75 см к западу от восточной стены помещения I. Отверстие его диаметром 30 см плотно закрыто глиняной крышкой и жжеными квадратными кирпичами. Толщина крышки 5 см, диаметр 60 см. Устье колодца обложено обломками жженого кирпича и обмазано сверху слоем глины. По краям его лежали два квадратных жженных кирпича ($25 \times 25 \times 5$ см), на которые становился человек, набиравший воду. Колодец расчищен на глубину 6 м. Узкое входное отверстие постепенно расширялось к основанию, достигнув 80 см в диаметре. В водоносный слой был впущен хум без дна. Выше него колодец облицован жженым кирпичом, связанным прочным раствором черного кыра толщиной 3—4 см.

К площадке, где находились колодец и корытце, с юга примыкала вымостка из квадратного жженого кирпича размером $25 \times 25 \times 5$ см. Впечатление такое, что вначале была сделана квадратная площадка, непосредственно примыкавшая к емкости и колодцу, размером $1,5 \times 1,3$ м, потом ее расширили. Площадка, вероятно, служила для сушки керамики перед обжигом.

Пол юго-восточной части помещения плотно утрамбован и обмазан толстым слоем глины серого цвета и, видимо, являлся площадкой для вымеса глины. С северной стороны он ограничивался краем вымостки, с западной стороны — одним рядом квадратного жженого кирпича.

В центре помещения в пол был вмазан подпрямоугольной формы плоский камень (33×25 см). Он завершал собой северо-западный угол вымостки. Это база столба, служившего опорой перекрытия помещения.

Юго-западный угол помещения обмазан плотным слоем глины, но пол здесь осел, образовав круг диаметром 2 м. После вскрытия под слоем глиняной обмазки толщиной от 3 до 7 см обнаружена мусорная яма, заполненная битой керамикой, преимущественно неполивной, кусками шлака и большим количеством золы. Она имела подпрямоугольную в плане форму и размер 2,5×1,2 м, глубину 1,6 м. Ко дну яма несколько расширялась, особенно в сторону южной стены комнаты, а с юго-восточной стороны имела глубокую нишу, также уходящую под стенку. Видимо, под яму использовалась топочная камера старой, заброшенной гончарной печи. После заполнения яму засыпали, спланировали и замазали толстым слоем глины.

В массе керамики преобладали водоносные кувшины и кумганы. Тесто сосудов хорошо прокалено, звонкое, в изломе красного цвета. Встречается также неполивная керамика серого цвета, но хорошего обжига. Интересны фрагменты двух больших глазурованных тагор, покрытых поливой зеленого и грязно-зеленого цвета. На внутренней поверхности одной из них сделана роспись красноватым цветом по грязно-зеленому фону. Сюжет росписи — летящий гусь (лебедь?), лошадь, скачущая галопом, и, видимо, человек.

Еще одна яма диаметром 60 см, глубиной 30 см находилась у северной стены, перед проходом из комнаты 1 в комнату 2.

Стены помещения 2 имеют разную толщину: восточная — 70—80 см, южная — 85, западная — 60 см. Все они хорошо оштукатурены желтой глиной. В западной стене, на расстоянии 85 см от северо-западного угла имелся узкий проход в помещение 4, которое примыкало с запада к мастерской и относилось к жилой части дома. Ширина прохода 55 см. Место порога на уровне пола комнаты 2 вымощено обломками кирпича, переходящими в вымостку ташнау комнаты 4.

Второе помещение в мастерской площадью около 40 кв. м имело подквадратную в плане форму. В северном углу его находилась гончарная печь. Стены постройки, сохранившиеся на высоту 70—80 см, сложены из сырцового кирпича серовато-зеленого цвета размером 28×20×15 см. Встречены кирпичи трапециевидной формы. Толщина стен различна: восточной — 85 см, западной — около 1 м, южной — 0,8—1,1 м. Изнутри они обмазаны толстым слоем глины, кое-где встречаются следы побелки алебастром. Вся южную половину помещения, начиная от устья топки печи, занимала площадка, вымощенная жженым кирпичом размером 25×25×5—6 см. На некоторых кирпичах имеются параллельные неровные бороздки, сделанные пальцами по еще сырой глине. Кирпичи плотно пригнаны друг к другу. Насчитывается 10 рядов с юга на север и 8 рядов с запада на восток. Вымостка доходила до устья топки гончарной печи.

Юго-восточный угол помещения 2 отведен под квадратную в плане яму, врезанную в пол, обложенную жженым кирпичом. Размер ямы

Рис. 50. Мастерская 1. Место для установки гончарного круга

1,4×1,35 м, глубина 0,6—1 м. Стены ямы выложены кирпичами квадратной формы, лежащими плашмя так, что видны их торцы, причем очень небрежно, часто из бракованного кирпича, отчего восточная стена получилась вогнутой. Дно также выложено квадратным кирпичом. Яма использовалась, вероятно, для складирования каких-то компонентов производства.

В юго-западном углу, между краем вымостки и западной стеной комнаты 2, в хорошо обмазанный и утрамбованный пол, покрывающий все пространство комнаты 1, кроме вымощенной центральной ее части, врезана яма круглой формы диаметром по верху 90 см, по основанию — 1,1 м, глубиной 50 см. Вероятнее всего, перед нами место для гончарного круга (рис. 50). Об этом свидетельствует другое небольшое углубление овальной формы (68 см с В на З и 40 см с Ю на С) в 10 см к северу. В центр его вмазана нижняя половина водоносного кувшина диаметром 30 см. Здесь, скорее всего, держали воду для смачивания рук при формовке сосуда. Перед гончарным станком находилась широкая (до 1 м) тумба длиной 2 м, куда ставили вылепленные изделия. Юго-восточная часть помещения перекрывалась кровлей, опиравшейся на столб, а часть с печкой оставалась открытой. Это был дворик с айваном.

Дверной проем (ширина 1 м) в помещении 2, ведущий в помеще-

ние 1, находился прямо посередине общей стены. Со стороны комнаты 2 к нему примыкала вымостка из квадратного кирпича. Последняя располагалась ниже (на 10 см) порога, сделанного в дверном проеме. Порог подпрямоугольной формы, выложен обломками каменных жерновов, квадратным кирпичом, поставленным плашмя и на ребро. Ширина порога равна толщине южной стены комнаты 1 (1 м), причем в сторону этой комнаты порог переходит плавно, пандусом. Кирпичи, вмонтированные в порог со стороны комнаты 1, обмазаны толстым слоем глины.

Печь (8), устроенная в северо-восточном углу помещения 2, была двухъярусной, округлой в плане. Уже при зачистке четко оконтурились края пода и остатки стен обжиговой камеры толщиной от 2 до 5 см. Стены выполнены из обожженной глины, в центре беловатой, а к внешней и внутренней сторонам прокаленной до красноты. Диаметр обжиговой камеры 2 м. При выборке и зачистке грунта внутри расчищена хорошо обмазанная и прокаленная площадка пода. Под гончарной печи хорошей сохранности, с продухами, через которые поступал горячий воздух снизу в обжиговую камеру.

В поду имелось 12 жаропроводов, 8 из них шли по внешнему краю круга на расстоянии примерно 40—50 см друг от друга. Диаметр отверстий, пробитых по краю пода, достигает 50—55 см, в то время как диаметр четырех отверстий, пробитых в центре пода печи, 20—25 см, что естественно, поскольку свод топочной камеры, наружная часть которой является подом обжиговой камеры, был сферическим.

Приблизительно одна треть пода печи разрушена. Огневая камера устроена в яме, обложенной сырцовым кирпичом размером 20×6×6 см. Кирпич такого формата изготавливали только для печи. Огневая камера немного расширяется к основанию, приобретая колоколовидную форму. Глубина камеры 1,6 м, средний диаметр 1,6 м. На дне ее обнаружен слой золы толщиной 15 см.

Топочное отверстие, сделанное в юго-западном секторе печи, имеет вид арки, заглубленной в стену на 50 см и возвышающейся на 1 м от дна камеры. Ширина топочного отверстия изнутри 40 см, высота 45 см. Дно топочного прохода хорошо обмазано и, как и его щеки, сильно прокалено и ошлаковано. С внешней стороны топочное отверстие имело выступы из сырца и булыжника. Длина правой щеки 45 см, левой — 67 см. Пол между выступами выложен квадратным, сильно потрескавшимся кирпичом. Ширина топочного отверстия с наружной стороны 60 см, высота 45 см.

В северо-западной части печи находилось еще одно топочное отверстие, которое было заброшено после того, как стены огневой камеры покрылись слоем шлака. С внешней стороны топка имела арочный контур шириной 45 см, высотой 40 см, обрамленный выступами из сырцового кирпича и булыжника. Для выхода дыма сделано окно в юго-восточной части топки в виде овального отверстия размером 30×40 см, выложенного обломками кирпича.

С западной стороны к мастерской примыкал дом гончара. В общей стене имелись дверные проемы, соединявшие жилую и производствен-

ную части комплекса. Дом состоял из двух помещений и двора, расположенных анфиладой (линейная планировка) (см. рис. 47).

Комната 3, прямоугольная в плане, площадью 14,7 кв. м, занимает крайнее южное положение. В восточном углу имеется тандыр с дымоходом и площадкой ташнау. Посредством ташнау помещение соединялось с помещением 2. Тандыр диаметром по венчику 55 см, глубиной 40 см вмазан в суфу, которая занимала $\frac{3}{4}$ помещения. Внутренние стенки тандыра покрыты узором из четырех рядов прямых линий, чередующихся с четырьмя рядами зигзагообразных (всего 5 ярусов). Топка, расположенная в северной части тандыра, изнутри имела полуовальную форму, снаружи — прямоугольную. Высота ее изнутри 25 см, ширина 16 см; с внешней стороны соответственно 25 и 14 см. Отверстие дымохода пробито в южной части тандыра. Дымоход длиной 1 м, шириной 15—16 см проложен в суфе и направлен под углом 30° в юго-восточный угол комнаты. Со всех сторон он обложен обломками жженого кирпича, положенными плашмя, а сверху закрыт кирпичом. Размер суфы 2 м с востока на запад и 1,5 м с юга на север.

Площадка ташнау перед тандыром, размером $1 \times 1,5$ м, с одной стороны ограничивается южной стеной комнаты 4, с другой — западной стеной комнаты 2, с третьей (западной) — стенкой из 7 рядов кирпича.

Западная стена (ширина 45 см) комнаты 3 сложена из половинок квадратного жженого кирпича ($27 \times 27 \times 5$ см). Сохранились 4 ряда кладки. Продолжение этой стены в северо-западной части комнаты 3 характеризуется уже кладкой из сырцового кирпича. Из сырцовых кирпичей сложена и северная стена комнаты 3, общая с комнатой 4, толщиной 60—65 см.

В юго-западном углу комнаты 3 имеется прямоугольный заком размером $1,1 \times 0,55$ м, со стенками толщиной 15 см. На дне его обнаружена медная монета плохой сохранности. Суфа покрыта плотным слоем глины.

Помещение 4 размером $4,5 \times 4$ м характеризуется тандыром. Площадка ташнау перед ним размером $1,15 \times 1,3$ м вымощена квадратным жженым кирпичом размером $26 \times 26 \times 5$ см. Посередине положен кирпич с отверстием в центре. Стены, возвышающиеся над площадкой ташнау, выложены в 4—5 рядов кирпича (толщина кирпича 6 см) и являлись торцами обширной суфы, обмазанной слоем глины толщиной до 5 см. Тандыр диаметром 55 см, глубиной 40 см вмазан в суфу. Стенки его изнутри покрыты параллельными прямыми и волнистыми линиями. Топка, расположенная в северной части тандыра, сильно прокопченная, имела высоту 18 см, ширину 8 см и глубину 23 см. От тандыра к юго-восточному углу комнаты 4 под углом идет дымоходный канал, проложенный в суфе. Длина канала 1 м, ширина 13 см. Сверху он был обложен квадратным кирпичом размером $25 \times 25 \times 5$ см, поставленным на ребро, и перекрыт также кирпичом. Канал в юго-восточном углу комнаты 4 выходит в стену вертикальным колодцем. Толщина восточной, общей с комнатой 2, стены — 65—70 см, северной и западной — 70, южной — 60 см.

На дне ташнау, в тандыре и около дымохода собрана керамика, в основном неполированная, кухонная, обычных образцов. Интересен фрагмент тонкостенного керамического котла с выступающей ручкой, серого цвета.

Двор (помещение 5) имел размер 6×3,5 м. Поверхность хорошо утоптанного пола в нем золистая, с кусочками угля. В трех ямах для мусора, выкопанных в полу, найдена керамика, кости животных. В южной части двора сохранились остатки круглого сооружения, выложенного половинками обожженного кирпича. Диаметр его 50 см, глубина 30 см. Из дворика, скорее всего, имелся проход непосредственно в помещение 2: следы его удалось проследить в восточной стенке двора.

Вторая мастерская расположена западнее, через переулочек шириной 1,5—2 м.

Мастерская 2 площадью 67 кв. м также состояла из производственной части и жилья. Бесспорно производственными были помещения 7 и 9.

Помещение 9 — длинное, узкое, размером 3,2×5 м. Наличие неглубоких ям в полу позволяет предположить, что в одной из них размещался станок. На этом же участке найден инструментарий мастера — набор грибовидных наковаленок, костяное ложило, каменные песты. Помещение соединялось проходом с помещением 7 площадью около 15 кв. м. Последнее, скорее всего, айван. Оно было перекрыто навесом лишь в южной части, тогда как северная, занимавшая треть двора, оставалась открытой. Здесь в северо-восточном углу находилась двухъярусная печь с диаметром топки 1 м, глубиной 0,7 м. В обжиговой камере диаметром 1,1 м пробито 15 продухов. Печь заглублена в пол, так что лаз в топку находился на глубине 0,6 м. Перед лазом выкопана яма с вымощенным жженым кирпичом дном. Свод обжиговой камеры, видимо, был купольным и возвышался над уровнем пола мастерской почти на 1 м. Дым из топки выводился через трубу-колодец, проложенный в стенке.

Южная часть двора была вымощена жженым кирпичом и составляла чуть больше 2 кв. м. Западнее площадки устроены два тандыра. Первый, диаметр которого 0,7 м и глубина 0,5 м, сохранил плоский венчик. Топился тандыр сверху, дым выводился по каналу длиной 1,2 м, соединенному с вертикальным колодцем в стене. Второй тандыр находился на 0,5 м южнее, у самой стенки. Оба служили для сушки изделий перед обжигом. На площадке вверх дном стояли 7 широкогорлых, еще не обожженных двуручных горшков, лежала штампованная фляга, а в нише стены — 6 покрытых красным ангобом чирагов.

Дворик соединялся с жилым помещением 8. Из четырех расчищенных тандыров три имели общую площадку ташнау и, видимо, использовались в производственных целях. Четвертый находился в юго-западном углу. Помещение соединялось с помещением 10 площадью 17,2 кв. м, где также находился тандыр, рядом с ним — загром, а в углу — хум.

Находки керамики в этой мастерской свидетельствуют о стремлении мастера к производству мелких форм — горшков и чирагов. Кроме

ладьевидных чирагов, найденных на площадке перед печью, в мастерской подняты два светильника. Один из них изготовлен в виде чашечки на полой конической ножке. Второй высотой 30 см имел башнеобразную форму; верхняя часть его не сохранилась. Тулово покрыто красным ангобом, прорезным и прочерченным орнаментом. Элементы его — ромбы, кресты, точечные вдавления и овальные фигуры, волнистые линии, а также насечки на напелных манжетах. Мастер изготавливал также характерные глазурью фигурки баранов. Одна из них длиной 10 см имеет характерную горбоносую морду, рога; ноги фигурки отбиты. Полива коричневая с белой подглазурной росписью, видимо, имитирующей завитки шерсти.

Мастерская 3 площадью 75 кв. м примыкает южной стороной к магистральной улице рабада. В ней можно вычленить производственную часть, где имелось два помещения, и жилую, состоящую из трех помещений.

Помещение 13а площадью 18,6 кв. м предназначалось, по аналогии с вышеописанными мастерскими, для приготовления глиняной массы. К сожалению, интерьер помещения разрушен.

В северо-западном углу помещения 13 площадью 9 кв. м находилась печь. Топка ее имеет глубину 1 м, диаметр 1,9 м. Диаметр обжиговой камеры 2,2 м, сохранившаяся высота стенок 0,5 м. Лаз в топку диаметром 0,7 м располагался на поверхности двора. Дымоход был выведен из топки в стену и имел вид желоба диаметром 0,3 м, устье которого было обложено специально сформованным кирпичом. В стене сохранилось овальное отверстие для загрузки. В поду печи имелось 7 продухов, расположенных по периметру, а в центре — отверстие диаметром 0,7 м (рис. 51).

В северо-восточном углу мастерской сохранился прямоугольный заком размером 1,7×2 м и высотой 0,5 м. Восточная часть помещения была закрыта навесом, западная открыта в сторону печи. В завале расчищены остатки опорных деревянных столбов.

Интерьер жилых помещений (13б, 25а, 26а) смыт, поскольку они расположены на склоне. При расчистке помещения 25а в завалах на полу обнаружены остатки разрушенного тандыра.

Мастерская 4 площадью 110 кв. м жилой частью примыкает к производственной части мастерской 1; их разделяет общая стена. Мастерская традиционно делится на две части. В производственном отсеке три помещения. В помещении 20, перекрытом навесом, площадью 30 кв. м, находилась гончарная печь, открытая сверху. Печь сохранилась плохо, от нее остался развал стен обжиговой камеры и аморфная полуразрушенная топка. Кроме гончарной печи здесь расчищено два тандыра, служивших для сушки изделий. Второе помещение мастерской, смежное с описанным выше, имеет площадь 25 кв. м. Поверхность пола плотная, однако весь интерьер помещения разрушен поздними постройками. Ямы, заполненные браком и боем, дали массовый материал водоносных кувшинов и сосудов с боковым сливом: они составляют 80% всей керамики из производственных помещений.

Рис. 51. Мастерская 3. Печь

Жилая часть состоит из двух помещений и дворика, расположенных по оси. Помещение 19 имело выход во дворик 17, соединявшийся с тупичком «В». У выхода во дворик располагалась площадка ташнау размером $1 \times 1,2$ м. Вся остальная площадь комнаты 19, около 10 кв. м, была занята суфой. Тандыр вмазан в край суфы, рядом с площадкой ташнау. Дымоход его не сохранился ввиду плохой сохранности суфы и стен.

Помещение 21 площадью 11 кв. м соединялось с производственными помещениями. Выход из него вел в помещение с печью. Помещение 22, скорее всего, выполняло роль кладовой, где могло храниться топливо для гончарной печи.

Мастерская 5 состоит из четырех помещений, из которых два жилых, одно является кладовой и одно отведено под мастерскую. Общая площадь мастерской 114 кв. м. Под навесом находилась территория площадью 58 кв. м. На открытой южной части двора располагались две гончарные печи, от которых сохранились топочные камеры. Диаметр одной 1,2 м, другой — 1,3 м. У ошлакованных стен топки последней печи сверху сохранились желоба от воздухоподводящих каналов. Помещение 11а площадью 6,4 кв. м выполняло роль кладовой для хранения топлива.

Жилая часть включала помещения 11 и 32 площадью соответственно 17 и 33 кв. м. В первом имелся вмазанный в суфу тандыр с дымоходом, перед ним — площадка ташнау, вымощенная кирпичом. Площадка соединялась проходом с тупичком, выходившим на магистральную улицу. В помещении 32 у входа, соединявшего производственную и жилую части мастерской, расширен заком размером $0,5 \times 1$ м.

Мастерская 6 расположена севернее мастерской 4 и связана с магистральными улицами общим с ней тупичком. Площадь ее 80 кв. м.

Производственная часть состоит из одного помещения (18) площадью 36 кв. м. В северной части его, перекрытой навесом, располагалась вымощенная жженым кирпичом площадка с тандырами. Со всех сторон, кроме той, что примыкала к стене мастерской, площадка огорожена стенкой высотой 0,4 м из сырцового кирпича, с обмазкой, на которой сохранились следы прокала. Видимо, здесь сушили керамiku перед загрузкой в печь. Самой же печи в мастерской нет. Рядом с площадкой у северо-восточной стены находится отгороженный стенкой отсек размером $1,5 \times 2,5$ м, видимо, предназначенный для хранения запаса топлива. В части помещения, закрытой навесом, находились две ямы диаметром 0,7 и глубиной 0,4 м. Скорее всего, они предназначались для установки гончарных кругов. В северо-восточном углу расширено два тандыра.

Жилые помещения 36, 38 характеризуются наличием суф с вмазанными тандырами и закомов. Тупичок, куда выходили мастерские 1 и 6, возможно, имел навес, поскольку здесь обнаружены хумы, хозяйственные ямы, использовавшиеся как хранилища различных компонентов сырья.

Мастерская 7 раскопана частично, вскрыто лишь одно помещение, видимо, производственного назначения. На полу его найдено большое количество ошлакованных кусков, оставшихся от гончарной печи.

Комплекс гончарных мастерских (8—11) был раскопан рядом с вышеописанным (рис. 52). Это был плоский бугор, примыкающий к каналу, соединявшему два отгарских водохранилища. От группы вышеописанных мастерских (1—7) он отстоял на расстоянии 50 м к западу, ближе к центральным развалинам городища. В целом же, бесспорно, это участки одного и того же предместья, заселенного гончарами.

Мастерская 8 представлена тремя производственными помещениями (3, 7, 8).

В углу помещения 3 площадью 62,3 кв. м находились две построенные впритык одна к другой гончарные печи. От двухъярусной печи 20 сохранился под и стены на высоту 0,4 м. Диаметр пода 1,85 м. Стены обжиговой камеры выложены из прямоугольного сырцового кирпича и обмазаны толстым слоем глины. Толщина стен в основании — 0,5 м. Под действием высокой температуры обмазка и кирпичи прогорели на толщину до 10 см. В поду пробито 12 продухов, из них 8 расположены кольцом у стенок, 4 составляют внутреннее кольцо. Диаметр всех продухов 15 см. Топочная камера представляет собой куполообразную яму глубиной 1,4 м, шириной в основании 1,6, вверху — 1,2 м, выкопанную в культурном слое и обложенную сырцовым кирпичом, который оплавился и покрылся стекловидной коркой шлака зеленого цвета. Камера имеет диаметр меньше, чем под, чтобы образовавшиеся заплечики-выступы (длина 0,3 м) держали под печи. Загрузочный люк топочной камеры сделан в виде овального лаза диаметром 0,45 м с внутренним уклоном. Прямо над ним находился загрузочный люк обжиговой камеры (рис. 53).

Печь 21 сохранилась хуже: ее южная часть разрушена печью, относящейся к верхнему строительному горизонту, причем в качестве топки верхней печи была использована топка печи 21. Печь двухъярусная (см. рис. 53). Диаметр обжиговой камеры определить не удалось, поскольку задняя часть камеры была срезана еще в древности. Сохранился участок пода печи с пятью продухами. Огневая камера — грушевидная в плане, длиной 2 м, шириной 1 м, глубиной 1,3 м. Лаз в топку ведет с площадки, несколько заглубленной относительно общей поверхности пола двора. Ширина лаза 0,4 м. Рядом с двором находятся производственные помещения 7 и 8, сырцовые стены которых возведены на фундаменте из жженого кирпича размером $26 \times 26 \times 5$ см. Таким же кирпичом вымощены полы помещений 7 ($2,8 \times 5$ м) и 8 ($5 \times 3,5$ м).

Мастерская 9 раскопана частично, вскрыт двор площадью 44 кв. м с двумя гончарными печами в юго-восточном углу, от которых сохранились топочные камеры, грушевидные в плане. Топка печи 22 имеет длину 2,5 и ширину 1,7 м, печи 23 соответственно 1,7 и 1,2 м, обе глубиной 1,5 м. С площадки внутрь топок идут наклонные лазы диаметром 40 см.

Мастерская 10 имела два производственных помещения, одно из которых с печью в углу частично перекрыто двором. Помещение 1 площадью 37 кв. м, видимо, являлось частью большого помещения, включавшего и помещение 2. Последнее, на наш взгляд, было двориком размером $2,5 \times 5$ м, в углу которого находилась гончарная печь. В целом

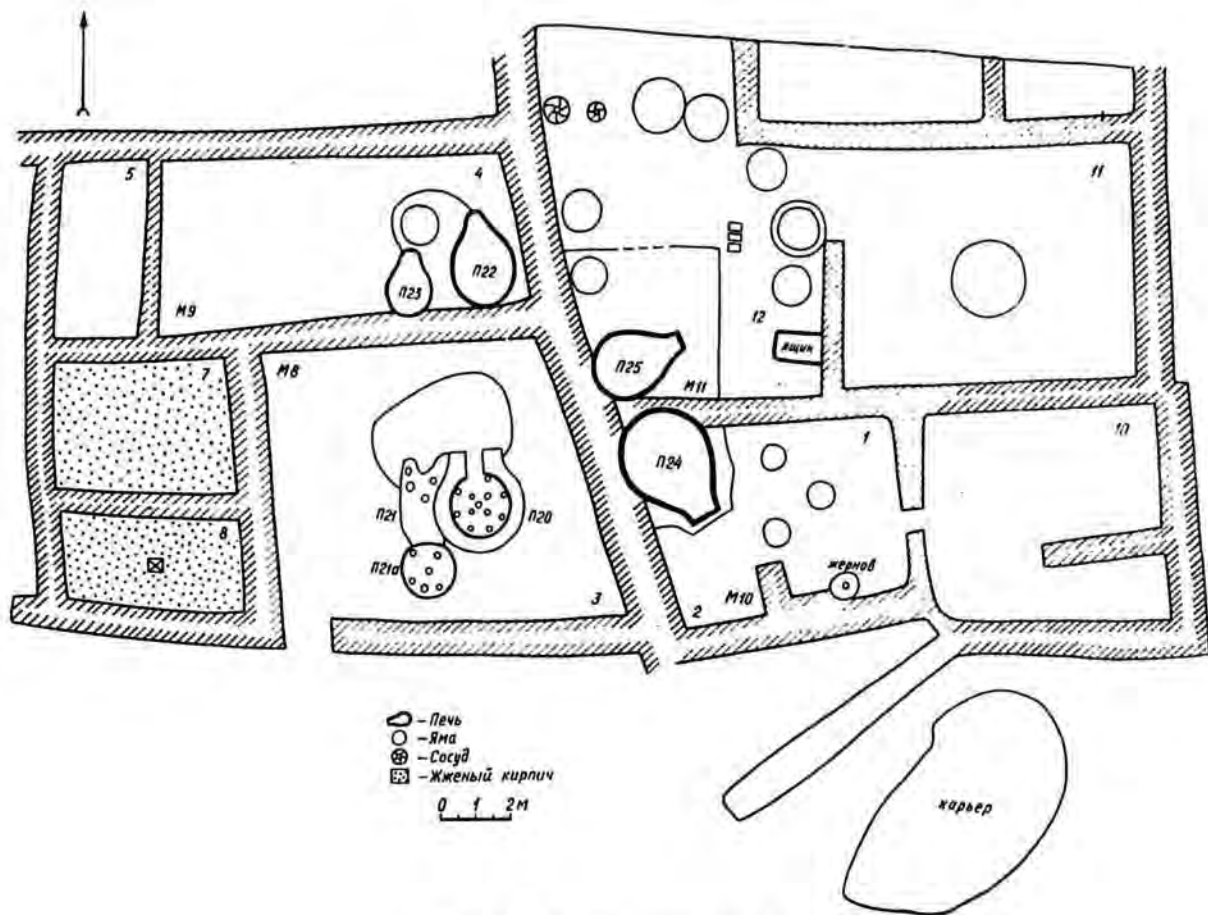

Рис. 52. План мастерских 8—11

помещения 1 и 2 составляли обширный двор площадью 35 кв. м (5 × 7 м), часть которого (помещение 1) была перекрыта навесом. От гончарной печи в северо-западном углу сохранилась лишь топка. Остатки стен и перекрытия обжиговой камеры рухнули вниз и частично заполнили обжиговую камеру. Судя по топке, печь (25) имела овальную форму. Топка грушевидная в плане с несколько вынесенным лазом. Наибольший диаметр печи 2 м, наименьший — 1,85 м, глубина — 0,6 м.

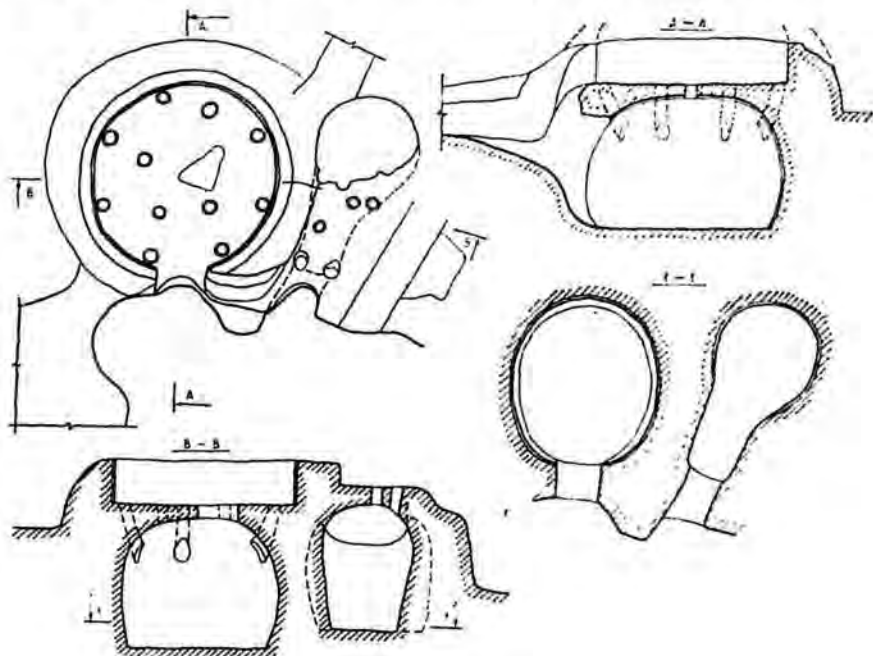

Рис. 53. План печей 20, 21

У южной стены помещения, ближе к юго-восточному углу находилась жернов (лежак) диаметром около 0,5 м, предназначавшийся, скорее всего, для размельчения стекловидной массы при приготовлении глазури.

Помещение 10 размером 6,5 × 6,7 м, соединенное с двором проходом, на наш взгляд, также входило в состав производственных. Стены его, изнутри неоштукатуренные, сохранились на высоту до 0,6 м. Помещение делилось на две части перегородкой, которая доходила до середины помещения, видимо, отгораживая кладовую. Жилая (юго-восточная) часть мастерской не сохранилась, поскольку находилась на склоне бугра, обращенном к каналу, и сползла вниз. Кроме того, этот участок позднее был занят кладбищем, и для постройки склепов кирпич выбирали из стен.

Интересно, что рядом с мастерской, восточнее ее, находился карьер, откуда брали глину для посуды. Сохранилась овальная в плане яма длиной 7,5 и шириной 4 м, врезанная в лессовый материк на глубину до 2 м. Карьер функционировал в XIII — первой половине XIV в. и, после того как был заброшен, его использовали для свалки битой и бракованной посуды. Здесь собраны черепки поливных чаш, неполивных горшков, кувшинов, тагор, тарелок. Особенно много керамики, покрытой коричневой, зеленой, розовой, болотной поливой поверх красного ангоба.

В мастерской 11 вскрыта лишь производственная часть, состоявшая из двора с гончарной печью (помещение 12) и помещения 11. Судя по остаткам суф, вдоль двух сторон двор был перекрыт навесом, лишь южный угол его оставался открытым. Здесь находилась гончарная печь, от которой сохранилась топочная камера, грушевидная в плане, длиной 2,7 м и шириной 2 м. Глубина топки 1,6 м.

Навесы над суфами опирались на балки, которые, в свою очередь, поддерживались деревянной колонной, находившейся приблизительно в центре двора. Сохранилась база колонны из трех жженных кирпичей. На суфах расчищена серия ям.

В центре помещения 11 площадью около 55 кв. м (8,2×6,7 м) расчищена яма диаметром 2 м и глубиной 1 м, заполненная рыхлой землей, костями домашних животных. Пол помещения серого цвета, без обмазки.

Жилой комплекс мастерской находился западнее, за границей раскопа.

Мастерские верхнего строительного горизонта и связанные с ними жилые постройки лучше сохранились на раскопе II, расположенном южнее раскопа I, на берегу водохранилища. Стены здесь сохранились на высоту 0,3—0,4 м, иногда они представлены лишь нижним рядом выветренных кирпичей. Датируются мастерские второй половиной XIV — началом XV в.

На участке удалось выявить две мастерские (рис. 54).

Мастерская 12, наиболее крупная из раскопанных, насчитывала четыре гончарные печи, расположенные в частично перекрытом дворике. Производственная часть мастерской состояла из четырех помещений: 10, 10а, 11 и 12.

Помещение 12, из которого выход вел на улочку «Б», проходившую по берегу водохранилища, видимо, служило айваном. Размер его 4×2,5 м. Из айвана попадали в производственное помещение 11 площадью 22,5 кв. м (4,5×5 м). По уровню верхнего пола, размытого и поэтому прослеживающегося лишь на отдельных участках, никаких остатков интерьера не сохранилось. Лишь в западном углу зафиксировано основание тандыра диаметром 0,4 м.

Второе производственное помещение — 10 площадью 68 кв. м — характеризуется наличием перегородки длиной 3,5 м, которая отделяет помещения 10 и 10а. Видимо, часть помещения за перегородкой была перекрыта навесом. На полу здесь расчищены два закрома: один, овальный, — в восточном углу, другой, в виде прямоугольного углубления,

обложенного обломками жженных кирпичей, — ближе к перегородке. Две трети помещения, точнее, двора, занято четырьмя гончарными печами. Устья трех из них (4,5 и 6) выходят на общую площадку, печь 7 стоит особняком.

Лучше сохранилась двухъярусная печь 5 (рис. 55). Топка ее имеет диаметр 1,8 м, глубину 1,5 м; диаметр пода обжиговой камеры 2,1 м. В нем было 13 продухов. Топочное отверстие диаметром около 40 см выделено двумя стенками, стоявшими на предтопочной площадке. От печей 4 и 6 остались лишь стояжировые камеры диаметром 2,5 и 1,5 м, глубиной соответственно 1,5 и 1,2 м.

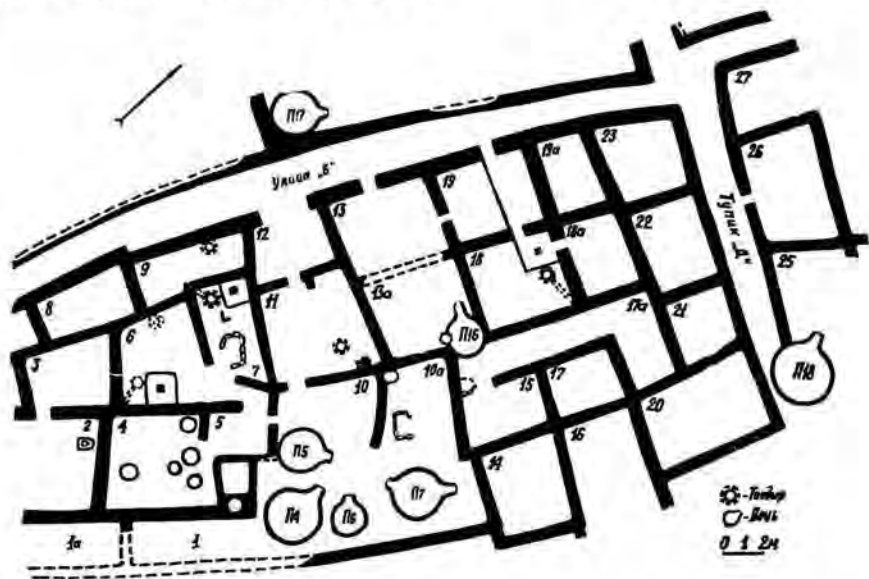

Рис. 54. План мастерских 12, 13

Печь 7, овальная в плане, имеет топку диаметром 2 м, глубиной 1,3 м.

Помещения 4 и 5, видимо, также носили производственный характер. Помещение 5 служило своего рода тамбуром, соединявшим жилую (помещение 7) и производственную (помещение 10) части мастерской. Размер его 2,7×2,2 м. Отсюда проход вел в помещение 4 площадью 25 кв. м. В полу помещений расчищена серия ям, видимо, выполнявших какие-то производственные функции. Весь юго-западный угол комнаты 5 занимает глиняный ящик размером 1,5×2,2 м, стены которого сложены из одного ряда сырцовых кирпичей и изнутри обмазаны. Ящик служил для хранения каких-то компонентов гончарного производства.

Жилая часть мастерской состояла из двух помещений с тандырами (6 и 7) и помещения 9, примыкающего к улочке. Помещение 7 — прямо-

угольное в плане, размером 2,5×5 м. В восточном углу его находится тандыр с дымоходом. Перед тандыром с южной стороны расширены остатки площадки ташнау. Через ташнау имелся выход на айван (12). В центре помещения сохранились остатки ящика из жженого кирпича.

Помещение 6 также жилое, с тандыром в северном углу и площадкой ташнау перед ним. Общая площадь помещения 16 кв. м.

Помещение 9, примыкающее к улочке, сохранилось плохо, входа проследить не удалось.

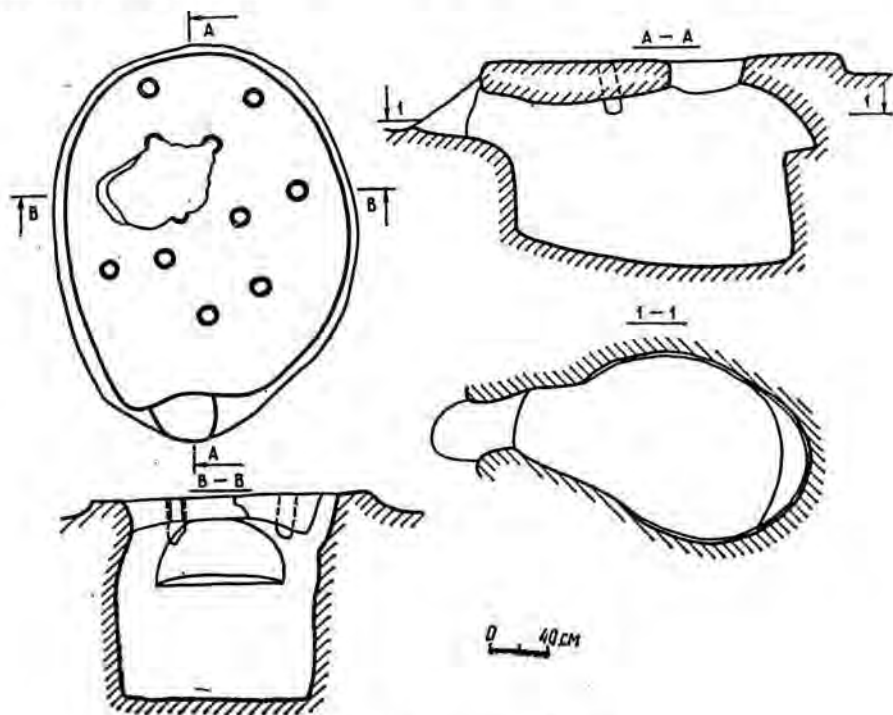

Рис. 55. Мастерская 12. Печь

Мастерская 13 примыкает к описанной выше с южной стороны. В ее составе четко выделяются производственная часть из двух помещений и двухкомнатный домик.

Производственное помещение 13, куда попадали с улочки квартала «Б», прямоугольное в плане, размером 5,7×3,6 м. В помещении 13а площадью 16,6 кв. м находилась гончарная печь (16) в юго-западном углу. От нее сохранилась лишь топка, грушевидная в плане, диаметром 1,7 м, глубиной 1,6 м.

Дом имел свой выход на улочку и соединялся проходом с мастерской. Помещение 19 — это крытый с одной стороны дворик площадью

14,7 кв. м. Под крышей находилась суфа. Рядом с двориком, через стенку, располагалось помещение 19а — видимо, кладовая. Помещение 18 площадью 17,2 кв. м — жилое, с тандыром и горизонтальным дымоходом, выведенным в угол дома к вертикальному колодцу. Перед тандыром устроена площадка ташнау, через которую сообщались жилое помещение и дворик. Рядом находилось еще одно помещение — 18а размером 2,7×3,7 м, которое служило кладовой.

Остальные вскрытые на раскопе помещения, вернее, их остатки, не удастся скомпоновать в отдельные комплексы в силу их плохой сохранности.

Был прослежен тупик «Д», отходивший от улочки «Б». Сюда выходил вход помещения 26. В расчищенном рядом помещении 25 находилась топочная камера гончарной печи 18, диаметром около 3 м, с выделенной топкой.

Большой интерес представляет *гончарная мастерская* на центральном бугре Отрара (раскоп V).

Стратиграфия на этом участке городища прослежена с начала XVIII в. до XIV. Выявлено 6 строительных горизонтов. Постройка мастерской связана с пятым горизонтом.

Хронология этого строительного горизонта устанавливается благодаря находке в нем клада серебряных монет. В составе клада представлены монеты чекана различных монетных дворов государства Тимуридов конца XIV — первой трети XV в. Судя по самым поздним монетам клада, этот горизонт следует датировать второй половиной XIV — серединой XV в. Пятый строительный горизонт датируется, по нашему мнению, второй половиной XIV — первой половиной XV в. На уровне последнего горизонта вскрыт комплекс построек, ограниченный глухими стенами, идущими в северо-восточном, меридиональном направлении и четко отделяющими комплекс от соседней застройки.

Помещения группировались вокруг внутриквартальной улочки, которая ответвлялась от магистральной, проходившей на расстоянии 20—25 м от крепостной стены. Внутриквартальная улочка (22), протянувшаяся в меридиональном направлении на 10 м, соединялась под прямым углом с улочкой-коридором (21), объединявшим помещения 20, 23, 1 и дворики 4 и 24 (рис. 56).

Выделяются три дома, связанные внутриквартальной улочкой шириной 1,5 м и коридором шириной 1 м.

Дом 1 состоял из жилого помещения 3 и примыкающего к нему двора с печью для выжигания золы с целью приготовления поливы. Помещение 3 — квадратное в плане, размером 3,7×3,7 м. Площадка ташнау размером 1,6×1,55 м размещалась в юго-западном углу, через нее и вход в стене помещения сообщалось с двором и далее с другими домами. Тандыр располагался у восточного борта суфы и имел высоту 50 см. Размер устья топки 15×10 см. Перед топкой в полу сделана выемка глубиной 15 см.

Помещение погибло в результате пожара, причем рухнувшая на су-

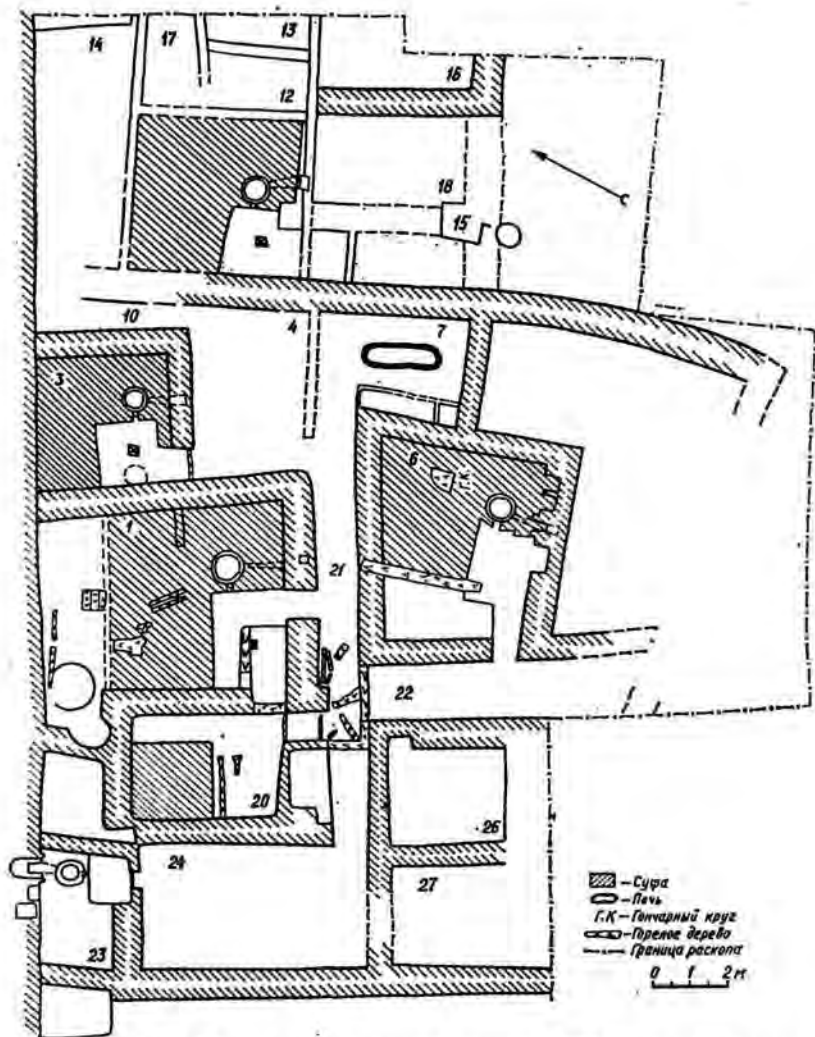

Рис. 56. План раскопа V по уровню второй половины XIV — первой половины XV в.

фу кровля «законсервировала» расположение предметов на суфе и ташнау. Северная часть суфы была покрыта тростниковой циновкой. Здесь же расчищены куски обугленной ткани, иногда с прослойкой ворса (куски ковра или алаши), а также костяная пластинка с орнаментом в виде прочерченных кружков, части венчика деревянной чаши, боковина и венчик еще одной деревянной чаши с резным орнаментом, обломки изделий из дерева. На суфе, ближе к тандыру находились брон-

зовая цилиндрическая чернильница с тремя дырочками для подвешивания и керамическая чернильница, покрытая обгоревшей темно-синей поливой. Железные обломки (гвозди, заклепки, крючки, обкладки), скорее всего, были деталями деревянного сундучка. Керамика представлена кувшином, покрытым зеленой поливой, лепным горшком и желтополивленными чашами. Интересен фрагмент арабского текста, написанного на бумаге и сохранившегося благодаря медным окислам лежавшего на ней зеркала. Здесь же обнаружен бронзовый медальон с рельефными изображениями всадника на одной стороне и дракона — на другой.

Рис. 57. Мастерская на центральном бугре, помещение 7. Печь и закрома для ангобов

Двор делится перегородкой на две части площадью 12 кв. м (4) и 7,3 кв. м (7). По всей вероятности, часть двора (4) была перекрыта навесом и являлась своеобразным айваном дома 1. Перекрытие доходило до перегородки. Вторая часть двора была открытой. Здесь расчищена овальная печь (рис. 57) для приготовления поташа (ишкара) — необходимого компонента глазури.

Печь представляет собой вырытую в культурном слое яму длиной 2 м, шириной 0,5 м, глубиной 0,6 м. Стенки ее обмазаны толстым слоем глины, обгоревшей и частично оплавившейся. Печь заполнена белым кристаллическим порошком, образовавшимся при сгорании солянки. Технология приготовления глазури была непростой. Сначала получали поташ из золы солянки. Затем поташ толкли и растирали на камне. На 30 кг порошка добавляли 15 кг песка и полтора ведра воды. Тестооб-

разную массу скатывали в шарики величиной с грецкий орех, которые клали в тигель и помещали в обжиговую камеру. При высокой температуре шарики расплавились, а охлаждаясь, застывали в виде стекловидной массы темно-зеленого цвета. Ее толкли в порошок, разводили до густоты сметаны с добавлением толченого кварца, затем полученную массу наносили на поверхность изделия. После обжига на изделии образовывался слой глазури¹.

Рядом с печью у северо-восточной стенки помещения 6 находились ящики для хранения ангобных глин. Стены ящиков глинобитные, толщиной 20 см, сохранившаяся высота 0,4 м. Внутри их зафиксированы остатки ангобных глин красного и зеленого цвета.

Дом 2 — однокомнатный, с выходом на внутриквартальную улочку. Комната (6) имела трапециевидную в плане форму, размер 5,5×3,5—5 м. Суфа занимала почти все помещение, за исключением западного угла, где находилась вымощенная жженым кирпичом площадка ташнау размером 2×1,7 м. В центре ее находится кирпич с отверстием, перекрывающий дно хума.

Тандыр диаметром 60 см вмазан в край суфы. Топка выходит на площадку ташнау, а дымоход длиной 1,2 м расположен под прямым углом к ней. В южной стене на уровне суфы и ташнау устроена серия ниш, в которых были найдены сформованные, но не обожженные сосуды. На суфе же обнаружена часть деревянного гончарного круга (рис. 58).

На поверхности суфы и на площадке ташнау расчищен слой пожара: остатки кровли из камыша, опорная балка и десятки черепков сосудов, часть которых покрыта поливой, но не обожжена. Создается впечатление, что в доме жил мастер, который расписывал керамику, покрывал глазурью, производил сушку изделий до обжига.

Дом 3 состоял из жилого помещения и небольшого помещения с суфой в северо-западном углу. Жилое помещение размером 5×6,2 м почти все занято суфой. Тандыр диаметром 60 см расположен ближе к восточному углу. Длина дымохода 1,2 м, размер площадки ташнау — 2,5×1,7 м. Вход в помещение шел из коридора 21. Еще одним проходом помещение сообщалось с комнатой 20. Помещение горело дважды: удалось проследить два уровня пола и поверхности суфы. На уровне суфы расчищены остатки деревянных жердей от перекрытия. На вымостке ташнау сохранился обломок колонны, поддерживающей кровлю. Часть помещения размером 6,5×1,7 м, примыкающая к городской стене, была отделена тонкой перегородкой. В западной части отсека расчищен завал от гончарной печи и обнаружены куски шлака, прогоревшего пода, обожженные докрасна сырцовые кирпичи обкладки. Обжиговая камера разрушена серией хозяйственных ям верхних строительных горизонтов. На уровне нижнего пола и поверхности суфы перегородка не зафиксирована, а площадь помещения составляла 31 кв. м. На уровне нижней

¹ Екимова В. В. Гончарное производство в Хивинском районе // Труды ХАЭ. М., 1959. Т. IV. С. 347.

Рис. 58. Мастерская на центральном бугре, помещение 6. Остатки гончарного круга суфы были обнаружены обломок бронзового зеркала со сценой «гона зверей» и круглый бронзовый медальон диаметром 3,3 см с ушком и выступом внизу. В плоскости медальона сделано отверстие диаметром 1,5 см. Лицевая поверхность медальона покрыта завитками растительного орнамента.

Помещение 20 размером 2,7×3,7 м соединялось проходами с помещением 1 и коридором 21. В проходах сохранились гнезда от деревянных брусьев-порогов.

Дом 4 состоял из помещения с тандыром (23) и двора. Вход в него вел из коридора 21, причем у входа коридор расширялся. В этом «кармане» размером 1,7×1 м и была устроена суфа. Двор размером 3,5×6 м имеет неоштукатуренные изнутри стены, плотный серого цвета пол с прослойками натеков, что свидетельствует о том, что он был открыт

сверху. Помещение с тандыром площадью всего около 4 кв. м. От тандыра диаметром 50 см, вмazanного в суфу, отходит короткий дымоход (50 см). Он подведен к вертикальному колодцу, пробитому в крепостной стене. В месте стыка устроена ниша шириной 50 см и глубиной 60 см с плечиками-уступами, на которые ставился котел. Рядом в крепостной стене почти на уровне суфы устроены две ниши (шириной 50 см и глубиной 50 см и 1 м). Интересно, что одна из них наполовину была закрыта тонкой глиняной перегородкой. Площадка ташнау перед тандыром вымощена жженым квадратным кирпичом. Размер ее 1,7 × 1,2 м.

Сравнение отрарских гончарных мастерских и описанных этнографами свидетельствует о близости их устройства и оснащенности, доходящей до тождества. К примеру, мастерская кишлачного бая Хорезма, потомственного усто, имеет площадь 41 кв. м. Производственное помещение темное, с одним оконцем, через которое подавали глину. Рядом с окном находился гончарный станок, установленный в яме длиной 2 м и шириной 1,7 м. Станок состоял из двух кругов на вертикальном стержне. Нижний, вращаясь, вращал верхний круг для формовки изделий. Круги деревянные, диаметр нижнего 85—95 см, верхнего — 18—25 см. Стержень, на котором крепились круги, был изготовлен из твердого дерева, обычно карагача, и заканчивался металлическим острием, упирившимся в камень. Системой реек станок удерживался в вертикальном положении. Рядом устанавливали котел с водой и клали мокрую тряпку для очистки рук от глины². Аналогичным образом оборудованы и отрарские мастерские, где найдены круглые ямы для установки гончарного круга, рядом вкопаны сосуды для воды. Деревянные части кругов не сохранились, лишь в сушильне мастерской XIV — начала XV в., расположенной на центральном бугре Отрара, на полу расчищена четверть круглого деревянного изделия диаметром около 1 м (см. рис. 58). Возможно, это остатки нижнего круга. Крупные каменные обломки жерновов, скорее всего, использовались в качестве опор гончарных станков.

В углу хорезмской мастерской рядом с входом устраивали навес для сушки изделий, рядом находилась площадка для вымеса глины. Печей в мастерской обычно две — зимняя в помещении и летняя во дворе. У гончаров, изготавливавших разнообразную мелкую посуду, летних печей было две. Наиболее интенсивно гончары работали зимой, за исключением самого холодного месяца, тогда как летом они занимались еще и сельским хозяйством³. Разделение печей на летние и зимние прослежено и в крупных мастерских Отрара (кварталы «Л» и «У»), относящихся к XVII в.

Начиная с позднего средневековья до нового времени набор гончарных инструментов оставался неизменным. Это глиняный черепок (в Отраре встречены и костяные пластины) для выравнивания краев сосудов, нож, грибовидные наковаленки различных размеров, каменные ладье-

² Екимова В. В. Гончарное производство в Хивинском районе. С. 351—352.

³ Там же. С. 352.

видные сосуды для плавки поливы, пестики для размельчения глазури. Мало изменился и характер печного припаса ⁴.

Как известно, основной фигурой феодальной эпохи считается мелкий ремесленник — владелец средств производства и сам непосредственный производитель продукции. Несмотря на целый ряд феодальных повинностей, свободный ремесленник являлся, видимо, центральной фигурой ремесла ⁵.

По мнению исследователей истории феодального общества в странах Востока, индивидуальное производство экономически самостоятельного мелкого товаропроизводителя — ремесленника, работавшего в своей мастерской на базаре или дома, выполнявшего операции по изготовлению изделий (собственными силами или при содействии членов семьи) с помощью собственных средств производства (сырье) и орудий труда, в крайне ограниченных масштабах возникло еще в древних городах и, вытесняя частично несвободный труд из сферы производства, расширяло их экономическую и социальную структуру, основанную на натуральном и кооперативном ремесле. Только в средневековом городе мелкотоварное ремесло становится преобладающим ⁶.

Наряду с мелкотоварным производством сохранялось и натуральное ремесло, которое концентрировалось в казенных мастерских — корхана. О натуральном ремесле средневековых городов Ирана, Индии достаточно подробно сообщают письменные источники ⁷.

Известно о подневольных ремесленниках золотоордынских городов, причем есть и археологические подтверждения наличия корхана на Царевском городище (Сарай-Берке): раскопками выявлены богатые аристократические усадьбы и при них землянки подневольных ремесленников ⁸.

Отраслевые мастерские дают представление об индивидуальном производстве самостоятельного товаропроизводителя — гончара, работавшего в своей мастерской при доме ⁹. Наблюдается концентрация ремесла как в центральной части города, так и в пригороде, где существуют отдельные кварталы гончаров. В расположении гончарных мастерских

⁴ Екимова В. В. Гончарное производство в Хивинском районе. Рис. 8, 18; Джабаров И. М. Новые материалы к истории гончарного ремесла Хорезма // *Керамика Хорезма: ТХАЭЭ. М., 1959. Т. IV. Рис. 9; Он же. Ремесло узбеков Южного Хорезма в конце XIX — начале XX в. // Занятие и быт народов Средней Азии: Труды Института этнографии. Новая серия. Л., 1971. Т. ХСVII. Рис. 10.*

⁵ Пигулевская Н. В. К вопросу о городах Ирана в раннем средневековье // *СВ. 1955. № 6. С. 76.*

⁶ Ашрафян К. З. *Феодализм в Индии. М., 1977. С. 117.*

⁷ Там же. С. 118—119.

⁸ Федоров-Давыдов Г. А. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959—1966 гг. // *Поволжье в средние века. М., 1970. С. 70—71.*

⁹ Керамическое производство, требующее долговременного стационарного оборудования, находилось при жилой усадьбе. Миенне С. Б. Луниной о проживании керамистов вне мастерских (Лунина С. Б. *Ремесло в средневековом Мерве: (к периодизации развития) // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979. С. 172*) вряд ли справедливо. Думается, что раскоп, вскрыв мастерские, не захватил жилье.

сохраняется преемственность. Слобода гончаров существует на одном месте со второй половины XIII до середины XV в. (два строительных горизонта); прослежена преемственность в расположении квартала керамистов на центральных развалинах. Рядом с мастерской XVII в. расчищена гончарная печь.

В среде ремесленников наблюдается имущественное расслоение, что заметно по размерам мастерских, количеству печей, степени использования в интерьере домов дорогих строительных материалов, например жженого кирпича. Среди раскопанных в пригороде мастерских второй половины XIII — первой половины XIV в. выделяются своими размерами 1 и 5, тогда как усадьба-мастерская 2 по занимаемой площади меньше их втрое. К числу состоятельных относился гончар, мастерская которого расчищена на территории центрального бугра.

Хозяева больших мастерских — сами непосредственные производители — могли иметь одного или нескольких учеников и подсобных рабочих. Известно, что в Самарканде XVI в. в ремесленной мастерской были заняты мастер (усто), ученик (шагирд) и рабочий (коргар)¹⁰. Мастеру подчинялся подмастерье (халпа, ширик, зирри-заст — закончивший срок обучения ученик, имеющий опыт самостоятельной работы)¹¹. По мнению М. Е. Массона, мастера, подмастерья и ученики существовали уже в XI—XII вв.¹²

Одной из наиболее сложных является проблема цеховой организации ремесленников. По мнению А. Ю. Якубовского, ремесленники городов Средней Азии были объединены в цеха уже в X в.¹³ По утверждению О. Г. Большакова, раскопанные в Мерве мастерские XII — начала XIII в. свидетельствуют о появлении небольших мануфактур, где вместе с подсобными рабочими было занято не менее 10 человек¹⁴. С. Б. Лунина по материалам тех же раскопок Мерва предполагает существование здесь товарищества (кооперации) двух мастеров-керамистов. Такая форма объединения являлась, считает она, ступенью в переходе к цеху¹⁵. Первые же упоминания о цехах в Средней Азии встречены в источниках XIV—XV вв.¹⁶

Материалы раскопок Отрара дают основание предполагать наличие

¹⁰ *Беленицкий А. М.* Организация ремесла в Самарканде в XV—XVI вв. //КСИИМК. 1940. VI. С. 46.

¹¹ *Джаббаров И. М.* Новые материалы к истории гончарного ремесла Хорезма. С. 380; *Пикулин М. Г., Шамансурова А. Ш., Рашидов Р. Т.* Ремесло и мелкая промышленность Афганистана. Ташкент, 1966. С. 55.

¹² *Массон М. Е.* Городища старого Термеза и их изучение //Труды УзФАН СССР. Серия 1. Вып. 2: ТАКЭ 1936 г. Ташкент, 1940. С. 97.

¹³ *Якубовский А. Ю.* Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. //ИВИА. Л., 1932. Ч. 1. С. 33. *В. С. Д.*

¹⁴ *Большаков О. Г.* Город в конце VIII — начале XIII в. //Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 283—284.

¹⁵ *Лунина С. Б.* Гончарное производство в Мерве X — начала XIII в. С. 407.

¹⁶ *Беленицкий А. М.* Из истории участия ремесленников в городских празднествах в Средней Азии в XIV—XV вв. //ТОВГЭ. Л., 1940. Т. 11. С. 190; *Якубовский А. Ю.* Феодалное общество Средней Азии и ее торговля с Восточной Европой в X—XV вв. С. 51.

здесь и товариществ, и цеховых объединений. Уже отмечалось объединение мастерских пригорода второй половины XIII — первой половины XIV в. в пары. Например, мастерские 4 и 6, 1 и 5 имели общие тупички, через которые осуществлялась связь с магистральными улицами. Предполагаемые тупички с навесами могли выполнять роль своеобразных общих кладовок. В полной изоляции каждой такой пары мастерских, замкнутости их в массиве аналогичной застройки можно усматривать наличие родственных отношений между мастерами (мастер-отец и отделившийся мастер-сын)¹⁷. Однако не исключен и корпоративный смысл такой застройки, вызванный к жизни объединением двух мастеров, как это было в Мерве.

Более высокая степень организации, возможно цеховая, наблюдается в Отраре в квартале гончаров конца XVI—XVII в. Большинство жителей квартала было связано с гончарством. Крупная мастерская с четырьмя печками, как было отмечено, принадлежала трем домовладельцам. Они, видимо, являлись совладельцами. Кроме них еще по крайней мере две семьи владели двумя мастерскими¹⁸. Очевидно, мы имеем пример ремесленной специализации городского квартала, в таком случае предположение, что «каждый квартал (махалля) в городе был занят определенным ремеслом»¹⁹, приобретает силу факта. Но такое совпадение в Отраре XVII в. — единичный случай. Наряду с концентрацией гончарного ремесла отмечено расселение гончаров в других кварталах города. Что же касается квартала гончаров, то ремесленники его, скорее всего, были объединены в цех, подобный тем, что известны по сохранившимся цеховым уставам — рисоля, Уставы содержали освященные религией правила передачи знаний от учителя к ученику и как бы благословляли свыше институт ученичества. С этим институтом были связаны тайны, которыми окружалась вся рецептура производства. Ремесленники Хорезма, принадлежавшие к одной профессии, называли себя «улпагар», что означает «товарищество по профессии». Главой цеха считался калантар, избравшийся на цеховом собрании. В Фергане и в Самарканде старшина цеха назывался бобо и аксакал²⁰. Обычно калантар выдвигался из состоятельных гончаров. Так, калантаром кишлака Каттабаг в Хиве был потомственный усто, влиятельный и богатый бай Гаджи-Палван. Он наблюдал за работой мастеров, следил за техникой производства, выступал в базарной торговле как аксакал ряда гончаров, регулировал отношения между мастерами и подмастерьями²¹.

¹⁷ Исследователи гончарного и других ремесел отмечают их семейный характер. (См.: *Екимова В. В.* Гончарное производство в Хивинском районе. С. 376.)

¹⁸ *Байпаков К. М.* Гончарное ремесло в позднесредневековом Отраре // *Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии*. Алма-Ата, 1983. С. 28—32.

¹⁹ *Очерки истории СССР*. М., 1953. Ч. I. С. 501; *Сухарева О. А.* Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976. С. 288—289.

²⁰ *История народов Узбекистана*. Ташкент, 1947. Т. II. С. 32; *Пецерева Е. М.* Из истории цеховых организаций в Средней Азии // *КСИЭ*. 1949. Вып. VI. С. 34.

²¹ *Джаббаров И. М.* Новые материалы к истории гончарного ремесла Хорезма. С. 379—385; *Екимова В. В.* Гончарное производство в Хивинском районе. С. 348—349.

Традиции и обычаи цехового строя, зафиксированные рисолы, выработывались столетиями и, бесспорно, существовали у гончаров позднесредневекового Отрара.

Судя по интерьеру, наличию двух тандыров, дом 4 в квартале гончаров в Отраре как раз мог принадлежать калантару, который одновременно являлся и старостой-аксакалом квартала²².

Анализ произведенной в мастерских Отрара керамической продукции, главным образом из ям, заполненных браком и боем, а также керамики, по ряду обстоятельств не доведенной до кондиционного состояния (необожженной; расписанной, но не обожженной; керамики из обжиговых камер), позволяет наметить пути специализации мастеров. Она, по мнению некоторых исследователей, должна была существовать уже в домонгольское время. Это подтверждается выделением специализированных гончарных печей, вниманием ремесленников только к определенным видам изделий и разделением труда внутри крупных мастерских²³.

На Отраре в мастерской 1 квартала керамистов 92% всей производимой керамики составляли водоносные кувшины и кумганы. В мастерской 2 мастер специализировался на производстве двуручных горшков средних размеров и чирагов; в мастерской 3 изготавливалась штампованная керамика — фляги, а также поливная посуда; в мастерской 4 выделяли водоносные кувшины и поливную керамику. Наблюдается кооперация двух расположенных рядом мастерских 4 и 6 в производстве посуды. В производственной части последней мастерской на том месте, где обычно располагалась печь, находилась площадка для активной сушки изделий, использовалась специальная жаровая система. Может быть, здесь осуществлялся промежуточный процесс производства — сушка изделий и передача полуфабрикатов в мастерскую 4. По этнографическим материалам известно, что существовала группа гончаров, работавших начерно, изготавливавших керамику без поливы, тогда как разрисовка, покрытие поливой и восстановительный обжиг производились другими мастерами²⁴. В пользу такой специализации мастерской 4 свидетельствует и большее, чем в других мастерских, количество фрагментов необожженных сосудов.

Помимо основного ассортимента в каждой мастерской, видимо, для собственных нужд, изготавливались и другие типы изделий. Обломки их в небольшом количестве обнаружены в отвалах. Так, несомненно уникальным является глиняный широкогорлый кувшин с дугообразной, как у ведра, ручкой, найденный в мастерской 7.

Это подтверждается и этнографическими наблюдениями за характером гончарного производства в Средней Азии, в частности в Хорезме.

²² Акишев К. А., Байпаков К. М., Ермакович Л. Б. Позднесредневековый Отрар. С. 137—138.

²³ Лунина С. Б. Формы специализации в средневековом гончарном ремесле Средней Азии. С. 136.

²⁴ Пещерева Е. М. Гончарное производство в Средней Азии //ТИЭ. 1959. Т. XLII. С. 208.

Одни гончары делали посуду, другие — трубы для арыков, третьи — тандыры. В свою очередь, гончары, изготавливавшие посуду, делились на таких, кто делал мелкую поливную керамику и вообще керамику на круге, и таких, кто специализировался на производстве крупных форм²⁵.

Повсеместно в Средней Азии отмечалась специализация на производстве неполивной и поливной посуды, ассортименте глазурированной керамики. Среди риштанских мастеров одни выпускали посуду только с белой поливой, другие — только с желтым фоном²⁶. Инструментарий, в частности формы для изготовления штампованной керамики, мастера делали для себя сами. Все мастера, независимо от специализации, изготавливали такие мелкие формы, как детские игрушки, курительные приборы.

В средневековом городе отсутствовала четкая граница между ремесленниками и торговцами, большинство из них сами продавали свои изделия прямо в мастерской²⁷. В позднее время в Хорезме отмечена частичная продажа товарной продукции на месте и на базаре²⁸. Продукция могла реализовываться и через скупщиков — вафуруш²⁹. Отсутствие в раскопанных на рабаде Отрара мастерских XIII—XV вв. запасов готовой продукции заставляет предполагать существование где-то поблизости базара, куда отвозили продукцию на продажу. Гончары же, в XVII в. населявшие квартал на территории города, могли сбывать товар непосредственно на месте, через лавки, выходящие на магистральные улицы³⁰. Поэтому в домах квартала обнаружены ямы — склады для посуды.

Таким образом, гончарное ремесло в позднесредневековом южно-казахстанском городе развивалось в общем русле керамического производства среднеазиатско-казахстанского региона. И если вопросы организации гончарного ремесла в предшествующее время во многом гипотетичны, а его специализация еще только намечается, то во второй половине XIII—XV в. и особенно в XVI—XVII вв. наблюдается специализация мастеров на изготовлении тех или иных видов керамической продукции, выявляется внутренняя структура ремесленного производства. Археологические материалы позднесредневекового Отрара позволяют также глубже понять технологию самого процесса производства, изучить быт гончаров.

²⁵ Екимова В. В. Гончарное производство в Хивинском районе. С. 347; Джаббаров И. М. Новые материалы к истории гончарного ремесла в Хорезме. С. 394—395; Развадовский Б. А. Опыт исследования гончарного и некоторых других кустарных промыслов в Туркестанском крае // Туркестанское сельское хозяйство. 1916. № 3—8. С. 710—714.

²⁶ Пещерева Е. М. Гончарное производство в Средней Азии. С. 208; Рахимов М. К. Художественная керамика Узбекистана. Ташкент, 1961. С. 24.

²⁷ Большаков О. Г. Город во второй половине VIII — начале XIII в. С. 298.

²⁸ Екимова В. В. Гончарное производство в Хивинском районе. С. 374.

²⁹ По мнению С. Б. Луниной, гончары Мерва X—XII вв. сбывали продукцию вне мастерских. (См.: Лунина С. Б. Ремесло в средневековом Мерве. С. 169).

³⁰ Торговые лавки отмечены в городской застройке (См.: Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Позднесредневековый Отрар. С. 196).

Производство керамики

Большой керамический материал, собранный в жилых кварталах Отрара, в мечети, керамических и кирпичеобжигательных мастерских, общественной бане, датируется с помощью монет различного чекана, в том числе отрарского, и может быть разделен на две хронологические группы.

Керамика второй половины XIII — первой половины XIV в. характеризуется наличием группы посуды, продолжающей традиции предшествующего времени, но отличающейся в первую очередь огрублением теста изделий, самих форм, качеством поливы. Значительные изменения претерпевает неполивная керамика. Постепенно исчезают такие формы, как крышки, украшенные оттисками штампов, налепами, резьбой, переносные очажки. Вся посуда изготавливалась на гончарном круге, из плотного серого, желтого, светло-коричневого или красноватого в изломе теста, снаружи покрывалась светлым ангобом. Красный ангоб использовался при покрытии чаш, тарелок, тагор, кувшинов.

Горшкообразные сосуды производились двух типов. К первому относятся крупные широкогорлые сосуды с венчиком диаметром до 20 см, изготовленные из плотного, с небольшими примесями песка теста, обожженного до красноватого цвета. Их отличает короткая суживающаяся горловина, иногда с легким раструбом, прямая или с небольшим треугольным в сечении утолщением закраина. Горшки имеют выпуклый корпус, в верхней части тулова, как правило, находятся по две плоских петлеобразных ручки с небольшим утолщением в середине на внешней поверхности. Горловины отделаны двумя поясками неглубоких каннелюр. Встречаются пояски вмятин, нанесенных пальцем, или врезной орнамент в виде пояска насечек, прочерченные волнистые линии (рис. 59).

Ко второму типу относятся безручные горшкообразные сосуды с высокой прямой горловиной диаметром 9—11 см, заканчивающейся закраиной, отогнутой наружу в виде площадки или треугольной. Сосуды этого типа тонкостенные, тщательной крутой выделки, тесто почти без примесей, черепок в изломе красноватый. Распространен орнамент в виде рядов волнистых линий.

Тагоры — это массивные, обычно трапециевидные в разрезе открытые сосуды с венчиком в виде площадки, отогнутой наружу под прямым или тупым углом. На площадке венчика, как правило, располагается поясок волнистого прорезного орнамента (иногда он встречается на внешней поверхности тулова). Внутренняя или обе поверхности сосудов очень часто покрыты красным ангобом с радиальным полосчатым лощением внутри.

Встречаются тагоры двух видов: неглубокие, с тонкими стенками, без орнамента и массивные, глубокие, с широкой площадкой венчика, отогнутого чаще под тупым углом.

Все сосуды изготовлены из глины с небольшой примесью дресвы.

Встречены *хумы* (верхние части и донца) и *хумчи*. Интересен фраг-

мент горловины хума диаметром 28 см. Закраина отогнута под прямым углом наружу в виде широкой площадки с глубокими насечками по краю. В средней части горловины имеется массивный выступ с двумя рядами насечек, расположенных под углом друг к другу.

Кувшины имеют узкие цилиндрические горловины с треугольным утолщением на закраине. Плоские широкие коленчатые ручки, несколько приподнятые кверху, прикрепляются к венчику или в центральной части тулова. Некоторые из кувшинов расписаны краской черного и красного цветов. Элементы росписи — завитки, s-видные и струйчатые

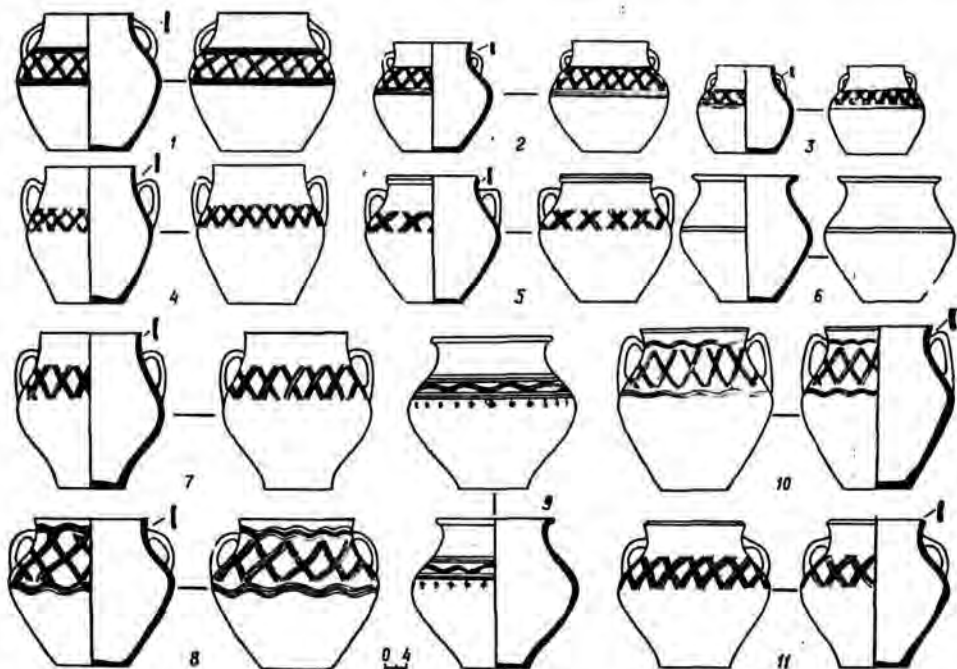

Рис. 59. Горшкообразные сосуды XIII—XIV вв.

линии, стилизованные буквы арабского алфавита. Особо выделяется фрагмент с росписью черной краской. Он являлся частью кувшина с шаровидным туловом, заканчивающимся высокой цилиндрической горловиной с прямой закраиной. Массивная коленчатая ручка, плоская в сечении, прикреплена к верхней части горловины и плечикам тулова. В этой части кувшина идет поясok из наклонно расположенных прямых линий, а выше и ниже пояса — орнамент в виде чередующихся спиралевидных розеток и комбинаций из пяти вертикальных волнистых линий. В средней части ручки сделано утолщение, по гребню которого

расположены каплевидные точки, заканчивающиеся внизу тремя параллельными линиями.

Крышки широко использовались в быту и поэтому являются одним из распространенных видов керамики. Крышки рассматриваемого периода в основном сферические, плоские, диаметром 25—35 см, толщиной 3—5 см. Поверхность их покрывали ангобом светлого, красного либо розового цвета. Орнамент резной, штампованный, наклепной — геометрический либо солярный. Это оттиски кругов, обрамленных точками, concentрические волнистые линии. Ручки имеют вид столбика с разду-

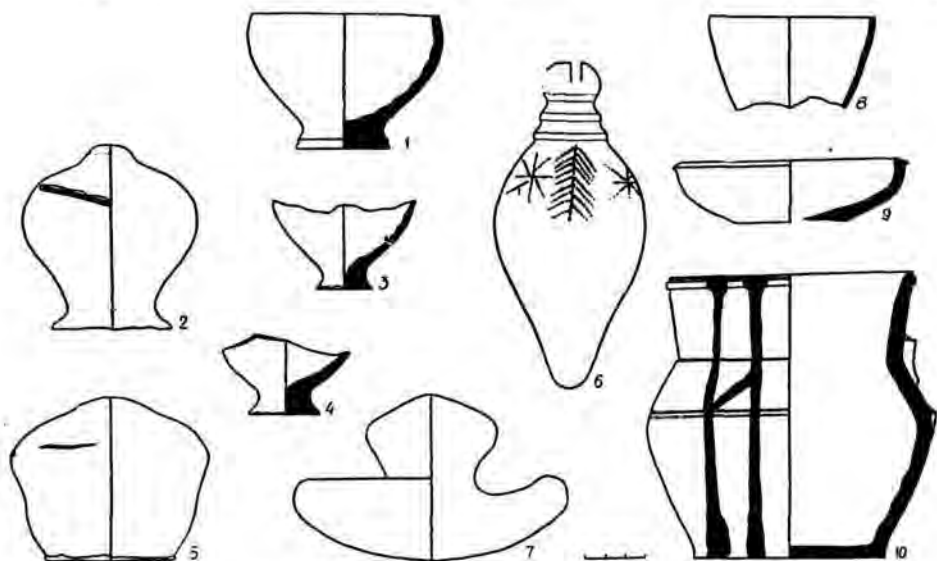

Рис. 60. Керамическая посуда из мастерской 8: 1, 3, 4 — бокаловидные сосуды, 2, 5 — копилки, 6 — сфероконус, 7 — наковаленка, 8—10 — обломки посуды

тым туловом, плоской либо округлой шляпкой, украшенной оттисками штампа. Обычно это вихревая розетка, шести- либо восьмиугольная розетка, налепы гофрированных шишечек.

К редким видам керамики относятся *ведра*. Это широкогорлые сосуды с дуговидной пластинчатой ручкой. Сохранились лишь верхние части ведер.

Не часто встречаются *бокаловидные сосуды*, представляющие собой конусообразные чаши на плоском выделенном поддоне. Высота их колеблется от 5 до 6 см, диаметр — от 3 до 4 см (рис. 60, 1, 3, 4).

Копилки сделаны в виде округлых коробочек с прорезями для монет (рис. 60, 2, 5).

Из глины изготавливались также фигурные решетки на окна — панджара. Обломки их были найдены в мастерской 8.

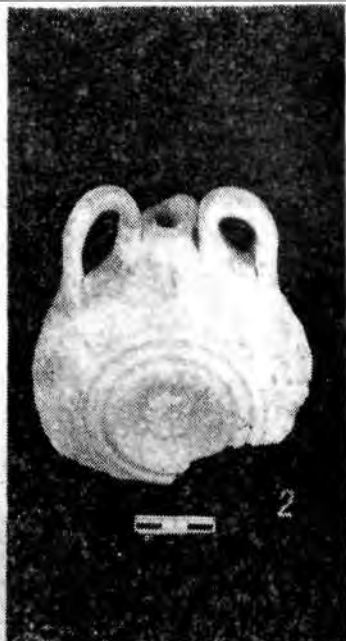

Рис. 61. Штампованные фляги

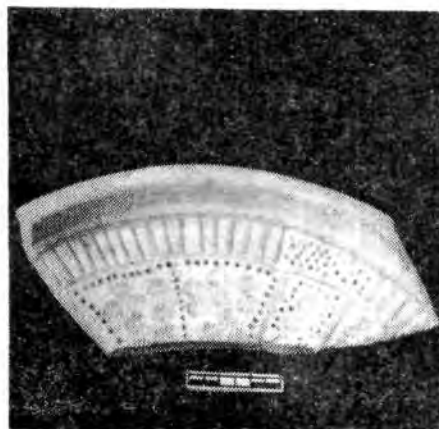

Рис. 62. Обломки калыбов

Штампованная керамика, судя по количеству изделий, а также форм-калыбов, производилась на месте, главным образом в мастерских 8 и 9 квартала гончаров.

Штампованным орнаментом украшали фляги, кувшины, обычно верхнюю часть их тулова (см. рис. 61). Для этого мастера использовали глиняные калыбы, представляющие собой выпуклые чашеобразные формы. На внутренней поверхности калыбов вырезали орнамент (рис. 62). Когда такой калыб надевали сверху на «сырой» кувшин, то отпечатывался выпуклый штампованный узор.

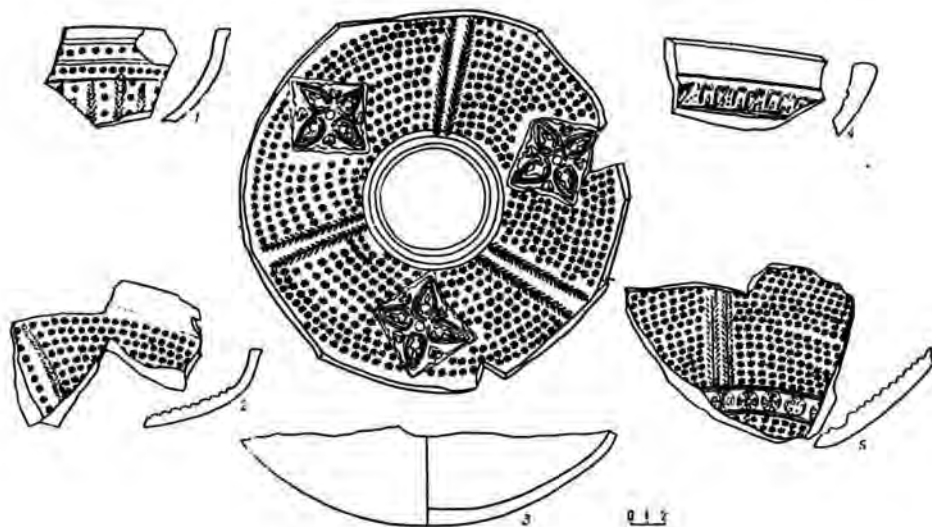

Рис. 63. Калыбы

Найден целый калыб диаметром 20 см, с отверстием диаметром 5 см. Внутренняя поверхность его разделена на три части двумя елочко-видными полосами. В центре каждого сектора выдавлена, видимо, металлическим штампом четырехлепестковая розетка, заключенная в прямоугольную рамку. Вся остальная поверхность заполнена маленькими шести-семилепестковыми розетками, расположенными концентрическими рядами (рис. 63, 3). Обломки штампов, а их собрано около двух десятков, свидетельствуют о том, что фон из маленьких розеток характерен для большинства калыбов (рис. 63, 1, 2, 4, 5). На этом фоне располагались крупные розетки, надписи, изображения животных. В мастерской 9 в заполнении гончарной печи был найден кувшин с носиком, украшенный расположенными в ряд по кругу изображениями коня и герарда (рис. 64). Высота этой части сосуда — 23 см, горловины — 15 см, диаметр тулова — 20 см, горла — 8 см. Горловина украшена двумя волнистыми линиями и соединена с туловом пластинчатой ручкой

с наделом на верхней площадке. Носик длиной 7,5 см поставлен под острым углом к горловине. Пояс с чередующимся изображением животных составляет в ширину 10 см. Всего изображено 6 фигур.

Конь имеет удлинённые пропорции, передние ноги согнуты в беге. Чтобы показать задние ноги, художник развернул круп животного. Морда у коня горбоносая, вытянутая, глаз выпуклый. Грива изображена выпуклыми полосками, хвост — в виде изогнутой «еловой ветки». Туловище покрыто выпуклыми точками, видимо, имитирующими шерсть. Конь взнуздан и под седлом. Передняя лука седла прямая, задняя, более длинная, отогнута наружу. На передней луке сидит птица, видимо, сокол. Повод подходит к ноге птицы (рис. 65).

Гепард также изображен бегущим. У него поджарое тулово, длинные ноги, маленькая кошачья головка и закрученный в кольцо хвост. Тулово покрыто кружками с точкой посередине (рис. 66).

Фон, на котором изображены животные, «расцвечен» выпуклыми розетками, тревовидными нащепками и выпуклыми точками (см. рис. 65, 66). Ниже идет узкий пояс с изображениями птиц, разделенными розетками, и еще ниже — волнистая линия.

Можно с полным основанием считать, что середина XIII в. является рубежом существования двух стилей в изготовлении поливной керамики. Исчезает керамика с прозрачной свинцовой поливой, положенной на белый ангоб, и с подглазурными росписями коричневым, зеленым, красным, а также керамика, покрытая темно-коричневой поливой. Дискovidные поддоны чаш уступают место кольцевым и кольцевым с выступом. Черепок, как правило, красноватого, серого и светло-желтого цвета (лессово-глиняный). Ангоб преимущественно красный, реже розовый, желтый. Полива прозрачная и окрашенная в красный, коричневый, зеленый, болотный, розовый, голубой и синий цвета. Росписи растительные, геометрические, буквенные. Сочетание красного ангобного покрытия и поливы позволило выделить несколько групп керамики.

Рис. 64. Кувшины со штампованным орнаментом

Рис. 65. Кувшин со штампованным орнаментом. Фрагмент

Рис. 66. Кувшин со штампованным орнаментом. Фрагмент

Посуда с *желтой поливой* и подглазурной росписью по красному ангобу. Роспись зеленым, коричневым, красным. Рисунок в виде радиальных лучей, сетки, треугольников, ромбов, точек и штриховки. Снаружи полива чуть захватывает стенки. Под поливой по светлому ангобу — роспись в виде арок (рис. 67).

Керамика с *зеленой поливой*. Орнамент, если он есть, выполнен техникой подглазурной гравировки. Элементы его — завитки, спирали, образующие растительно-геометрические композиции.

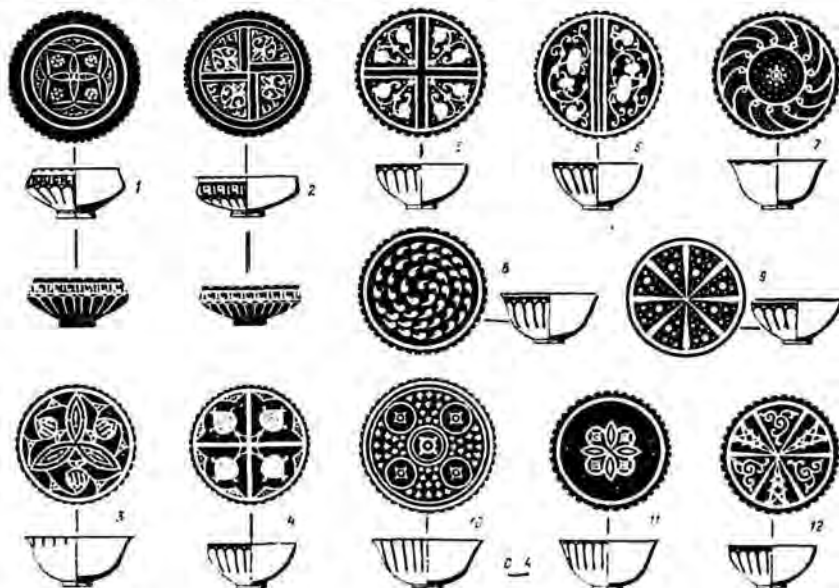

Рис. 67. Красноангобированная керамика второй половины XIII — первой половины XIV в.

Посуда с *разноцветной двусторонней поливой*. Одна сторона изделий покрыта зеленой, другая — желтой поливой, или наоборот.

Изделия с *прозрачной поливой*, положенной на красный, точнее, красно-коричневый ангоб. Подглазурные росписи монохромные, выполнены зеленой или желтой краской. Элементы росписи — различные квадратные медальоны, геометризированные виньетки, розетки.

Распространена керамика с *зеленой поливой* поверх красного ангоба.

Посуда, покрытая *поливой болотного цвета*, характеризуется отсутствием подглазурной росписи.

Керамика с *черной глухой* или *синей поливой* имеет роспись черной и коричневой красками, с прозрачной поливой — роспись синим и марганцем.

Некоторые из названных групп находят аналогии в соседних регионах. В среднеазиатских городах производилась керамика с зеленой и желтой глазурью и подглазурной гравировкой; бесцветные поливы сочетались с мраморовидной и пятнистой росписями, синяя и голубая глазурь — с черной росписью³¹. Однако такого многообразия цвета полив в сочетании с красным ангобом, как в Южном Казахстане, нигде пока не встречено. Для керамики южноказахстанских центров характерен плотный светло-желтый или красный в изломе черепок.

Как известно, в Средней Азии начиная с XIII в. получает массовое распространение кашинная посуда, призванная заменить дорогостоящий привозной фарфор³². Однако в сырдарьинских городах, в том числе и в Отраре, кашина нет.

Своеобразна форма поддона у чаш типа пиалы и кесе. Если в аналогичных среднеазиатских изделиях преобладает кольцевой поддон, то для южноказахстанских характерен поддон кольцевой с выступом в центре. Превалирует геометрический орнамент или геометрический в сочетании с растительным. Редки росписи зооморфного плана, характерные для Хорезма и Поволжья или Сарайчика³³. Лишь при раскопках мастерской 2 на Отраре встречена тагора с росписью в виде фигур летящих гусей (?) и лошади.

Технологическое изучение керамики этого периода показало, что по-прежнему использовались свинцовые поливы и «старые» красители, однако чистые свинцово-кремнеземистые поливы отсутствуют. Чаше встречаются свинцово-известковые поливы, более сложные по технологии приготовления, но дающие более качественное глазурное покрытие. В качестве красителей использовались окиси меди, хрома, никеля, железа, сурьмы³⁴.

Отмечая инновации в искусстве керамического производства, следует отметить прямую преемственность между керамикой XIII—XIV вв. и керамикой домонгольского времени. Ряд традиционных элементов в расписной керамике X—XIII вв. сохраняется в поливной керамике XIII—XIV вв. Это «вихревая» розетка, спирали, геометрические фигуры³⁵. По-прежнему широко используется красный ангоб, который получил распространение в Южном Казахстане в эпоху раннего средневековья (кангарская керамика).

В описываемый период продолжается производство керамики с изображением традиционного сырдарьинского животного — барана.

³¹ Сайко Э. В. Среднеазиатская глазурованная керамика XII—XV вв. Душанбе, 1969. С. 22—73.

³² Пугаченкова Г. А. Самаркандская керамика XV в. // Труды САГУ, 1950. Вып. XI. С. 121.

³³ Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960. Рис. 8.

³⁴ Тепловодская Т. М. Некоторые результаты изучения технологии позднесредневековой керамики Отрара // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983. С. 200.

³⁵ Агеева Е. И. Общий обзор находок // Археологические исследования на северных склонах Каратау: Труды ИИАЭ АН КазССР. 1962. Т. 14. С. 203.

Это навершия крышек в виде фигурок барана, выполненных в реалистической манере, а также слив водолея. Фигурки покрыты коричневым и зеленым ангобом с росписью желтым³⁶. Второй распространенный образ на керамике — птица — встречается в качестве украшения на посуде (рис. 68). В одном случае фигурка птицы венчала ручку чернильницы (?). Третий образ — это конь. Фигурка найдена при раскопках гончарной мастерской 2 на центральном бугре Отрара. Она имеет 10—15 см в длину и 3—5 см в высоту, покрыта голубой и прозрачной поливами. Такие изображения отличает выразительная посадка головы на крутой

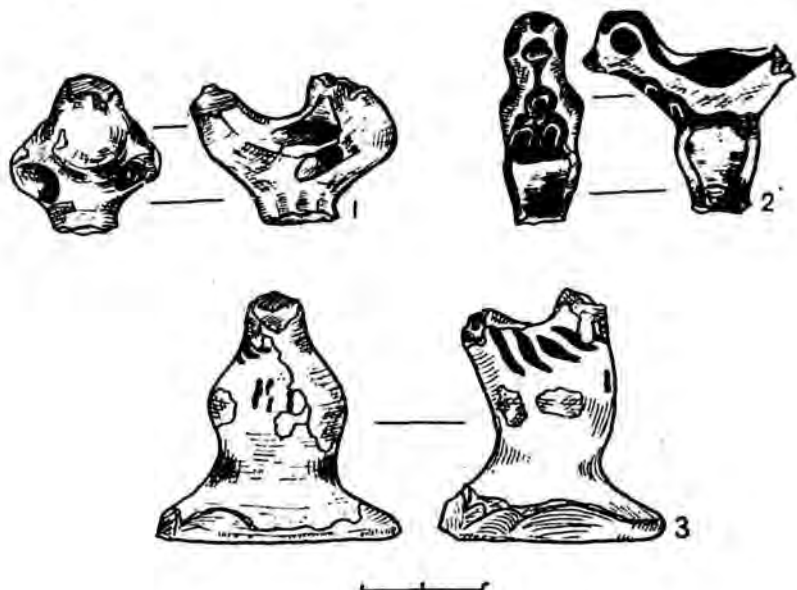

Рис. 68. Изображения птиц на посуде

«лебединой» шее, грива, показанная налепом либо росписью. Росписью изображена и узда.

Керамика второй половины XIV — первой половины XV в. В производстве неполивной керамики традиционно сохраняются прежние формы и типы, но они отличаются большей стандартизацией. Это горшки, хумы, хумчи, кувшины и кумганы.

Поливная керамика становится более разнообразной. По сравнению с предшествующим периодом сокращается производство керамики с окрашенными поливами, положенными на красный ангоб, и росписями зеленым и желтым. Широкое распространение получает посуда с жел-

³⁶ Байпаков К. М. Культ барана у сырдарьинских племен // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980. С. 37. Рис. 4.

той поливой и полихромной подглазурной росписью по светлому ангобу. В росписях встречается сочетание зеленого и коричневого цветов; темно-коричневого и светло-коричневого; красного, зеленого и темно-коричневого.

Группа высокохудожественных желтополивных чаш дает представление о принципах и стиле орнаментации керамики этого времени. В помещении 3 на раскопе V (мастерская на центральном бугре) найдена чаша с желтой поливой и росписью темно-коричневой, красной и зеле-

Рис. 69. Желтополивная чаша. Вторая половина XIV — первая половина XV в.

ной красками. Диаметр ее 20 см, высота стенок 9 см, поддон кольцевой, с выступом. Основой орнаментальной композиции является свастикообразная плетенка, контур которой обведен красным. Желтый фон заполнен коричневыми точками, зелеными чешуйками, окаймленными коричневыми точками, и стилизованными растительными побегами. По венчи-

ку идет ряд точечных вдавлений. Снаружи сделана роспись в виде полос красного и коричневого цветов.

Еще одна чаша, покрытая желтой поливой, найдена в помещении 6 того же раскопа. Диаметр ее 20—25 см, высота 10 см. Поддон дисковидный, с выступом. Чаша изготовлена из теста, принявшего при обжиге светло-коричневый цвет. На внутренней ее плоскости изображена шестилепестковая розетка с внутренним переплетением красной полосы. Контур розетки коричневый. Внутри лепестков даны контурные прорисовки треугольников и ромбов, заполненных коричневыми точками. По бортику идет пунктирная линия (рис. 69).

Желтой прозрачной поливой были покрыты два хорошо сохранившихся кувшина, найденных вместе с чашами в помещении 6 этого же раскопа. Один из них широкогорлый, высотой 17,5 см, с раздутым приземистым туловом на дисковидном поддоне. Диаметр венчика больше, чем диаметр дна: соответственно 10,5 и 8,5 см. В месте перехода шейки к тулову имеется кольцевой выступ. Ручка толщиной 0,8 см соединяет верхнюю часть горловины и плечики (рис. 70). Полива положена на кремевый ангоб. Орнамент расположен в двух зонах. Горло украшено полоской, оконтуренной коричневыми линиями и заполненной зелеными овалами и коричневыми треугольниками с растительными побегими внутри. Затем идет полоска красного цвета, ряд коричневых точек по валику и лента, заполненная зелеными и красными полосами, внутри которой находятся коричневые заштрихованные кружки. Еще ниже расположен узор в виде коричневой аркады. Он покрывает сосуд, оставляя свободной лишь его нижнюю часть.

Желтой поливой покрыт безручный кувшин, выполненный явно в подражание металлическим прототипам. Высота его 23 см, диаметр тулова 17 см. Верхняя часть отбита. Горло украшено вертикальными полосами зеленого цвета и растительными побегими в прямоугольных рамках. Тулово расписано красными и зелеными аркадами, внутри которых изображены сложные медальоны, заполненные стилизованным

Рис. 70. Желтополивной кувшин. Вторая половина XIV — первая половина XV в.

эпиграфическим орнаментом и четырехлепестковыми цветами в окружении штрихов и точек. Вся композиция сверху и снизу замкнута красными полосами (рис. 71).

Еще один небольшой столовый кувшинчик покрыт на две трети желтой поливой поверх розоватого ангоба. Formой он напоминает кубышку. Высота его 16 см, диаметр горла 4 см, донца 6,5 см. Поддон плоский, со слегка намеченным кольцевым выступом.

Рис. 71. Желтополивной кувшини. Вторая половина XIV — первая половина XV в.

Рис. 72. Краснополивная чаша. Вторая половина XIV — первая половина XV в.

Получает распространение керамика с ярко-зеленой поливой различных оттенков по светлому ангобу. Полива покрывает внутреннюю и частично внешнюю поверхности пиал, чаш. Встречаются также толстостенные блюда с бортиком, отогнутым наружу. На внутренней поверхности их орнамент чаще отсутствует, но встречаются фрагменты с подглазурной гравировкой. На внешней поверхности сосудов со светло-зеленой поливой, как правило, имеется орнамент в виде арок, выполненных коричневой краской.

Один из фрагментов тонкостенной пиалы был покрыт внутри темно-зеленой поливой с подглазурным гравированным линейным орнаментом. Внешняя поверхность до середины покрыта светло-зеленой поливой с коричневым арочным орнаментом и вертикальной полосой посередине более темного зеленого цвета. Закраина выделена широкой линией темно-зеленого цвета и двумя тонкими коричневыми линиями.

Встречаются, как и прежде, изделия, одна сторона которых покры-

та зеленой поливой, другая — желтой. На внешней поверхности имеется роспись в виде арочек, внутренняя поверхность, по-видимому, чаще без росписей. На одном из фрагментов внутри под желтой поливой сделана роспись темно-коричневой краской в виде коротких вертикальных линий на закраине.

Значительная группа поливной керамики покрыта свинцовой поливой по красновато-коричневому ангобу, которым облита внутренняя и частично (до середины тулова) внешняя поверхность. Сочетание окрашенной или бесцветной поливы с красным или коричневым ангобом создает темный фон различных оттенков, на котором очень красочно выделяется роспись.

Выделяется несколько групп красноангобированной керамики, различающейся по цвету поливы.

Керамика с прозрачной желтой поливой и монохромной росписью по густому красновато-коричневому ангобу. Роспись наносилась светлыми красками, иногда невысоким рельефом. Встречаются неорнаментированные фрагменты с желтой поливой по красно-коричневому ангобу.

Керамика с зеленой поливой по красно-коричневому ангобу аналогична предыдущей группе. Украшением группы служит чаша, найденная в помещении 3 на раскопе V. Диаметр ее 20 см, высота 10,5 см. Чаша покрыта зеленой поливой, поверх красного ангоба расписана желтым и зеленым. Орнамент внутри состоит из расположенных под углом 120° стилизованных арабских букв алиф и мим, выполненных в виде красивого завитка желтой краской с пятнами зеленого. Три сектора заполнены коричневыми точками. По венчику идет красная полоса с желтыми точками (рис. 72). Снаружи сосуд покрыт поливой наполовину. Роспись зеленым и коричневым состоит из стилизованных арабских букв.

Среди керамических изделий с зеленой поливой привлекает внимание также чаша из помещения 6. Диаметр ее 21 см, высота 13 см. Поддон кольцевой с выступом. Чаша сделана из теста светло-коричневого обжига. Внутри она украшена гравированным орнаментом. В центре ее медальон, заполненный ромбической сеткой, вокруг которого идет полоса из круглых завитков. Снаружи чаша расписана зелеными и желтыми кругами, обрамленными коричневыми линиями.

Там же найдена еще одна чаша с зеленой поливой поверх красного ангоба. Диаметр ее венчика 14 см, высота 6,5 см. Поддон дисковидный. Чаша сделана из хорошо отмученного теста светло-коричневого цвета. В центре чаши широкими, до 1,5 см, красными полосами изображены круг и вписанный в него треугольник. В круг вписан также круг меньшего диаметра, а в треугольник — еще один, заполненный коричневыми завитками.

Получает распространение керамика с прозрачными поливами и росписью кобальтом (рис. 73), коричневой, черной, зеленой красками. Среди изделий встречаются высокохудожественные образцы. Например, чаша, покрытая прозрачной глазурью и украшенная росписью кобаль-

том и марганцем, найдена в помещении 13 на раскопе V. Диаметр чаши 20 см, высота 9,5 см. Поддон кольцевой, с уступом. По внутреннему полю сделана роспись синим — в виде трех бутонов, соединенных сложной виньеткой. Четыре небольших кружка внутри виньетки заполнены си-

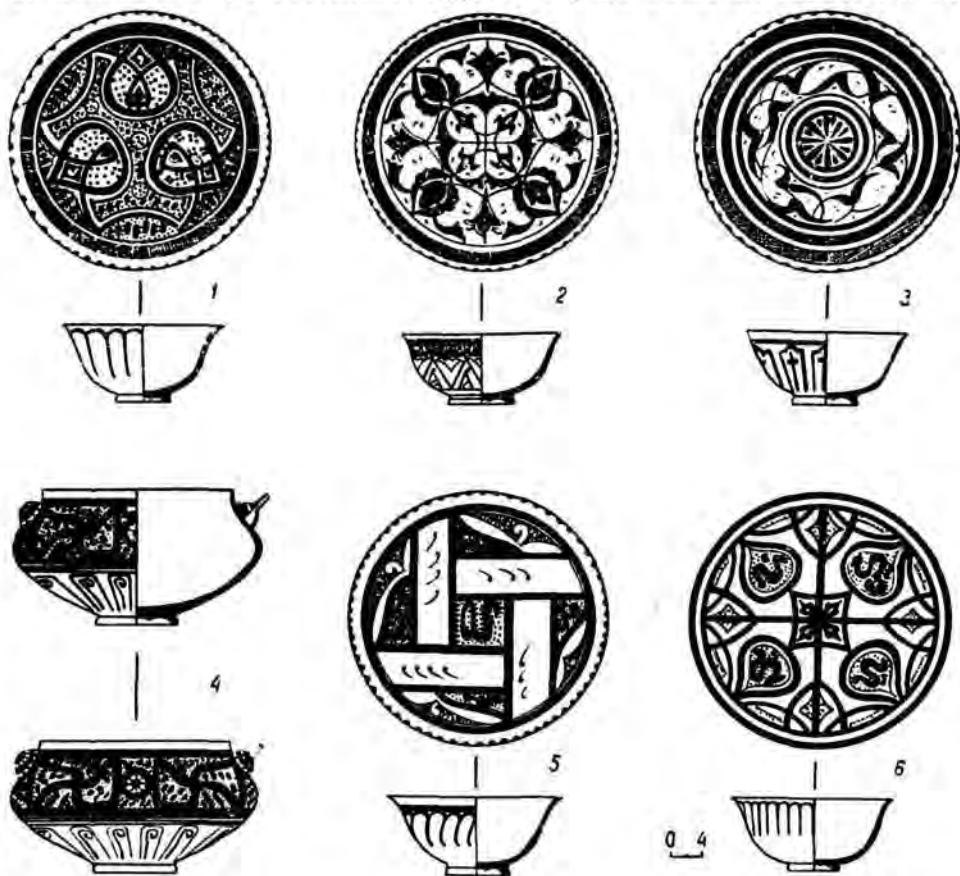

Рис. 73. Керамика с прозрачной поливой и синей росписью. Вторая половина XIV — первая половина XV в.

ними точками, тогда как все остальное поле — крупными пятнами и точками марганца. По краю чаши идет полоса, заполненная синей косой штриховкой. Поясок разделен на четыре отрезка. По самому краю марганцем нанесены полуовалы. Снаружи чаша украшена узором, расположенным в двух зонах. В верхней наклонные пересекающиеся зеленые линии образуют узор из ромбов и треугольников. Каждый из них имеет коричневую точку внутри. Нижняя зона отделена от верхней дву-

мя коричневыми линиями, состоит из комбинации зеленых и коричневых треугольников, полуovalов и растительных побегов.

Интересна чаша с прозрачной поливой и трехцветной росписью синей, голубой краской и марганцем. Диаметр чаши 19 см, высота 9,3 см.

Рис. 74. Чаша с прозрачной поливой и синей росписью. Вторая половина XIV — первая половина XV в.

Рис. 75. Чаша с голубой росписью. Вторая половина XIV — первая половина XV в.

Поддон кольцевой, с выступом. Внутри чаша украшена изящной композицией, образованной сочетанием трилистников в окружении растительных побегов. Фон белый, трилистники темно-коричневые с синим, побеги голубые и синие с коричневыми штрихами. Вся композиция оконтурена лентой, заполненной пересекающимися наклонными линиями. По венчику идут каплевидные коричневые точки. Снаружи тоже на белом фоне изображена аркада из коричневых и голубых линий (рис. 74).

Найдена чаша, покрытая прозрачной поливой и росписью голубым и коричневым. Диаметр чаши 21 см, высота 10 см. Поддон кольцевой, с выступом, тесто кремового обжига. Края чаши обломаны, но по сохранившимся фрагментам можно получить представление о всей орнаментальной композиции. Пересечением коричневых линий получен контур шестилепестковой розетки с треугольником в центре. Поле треугольника голубое, заполненное коричневыми точками. Лепестки у розетки белые, в них вписаны голубые контурные треугольнички, заполненные коричневыми точками. По венчику идет ряд коричневых точек. Снаружи

чаша украшена аркадой коричневого цвета. Сочетание голубого и коричневого цветов придает чаше яркий, красочный вид (рис. 75).

Чаша, покрытая прозрачной поливой и росписью синей и марганцевой красками, украшена свастикообразным орнаментом из четырех белых лент, оконтуренных коричневыми линиями. Оставшееся в центре прямоугольное поле заполнено коричневыми точками. По периметру в

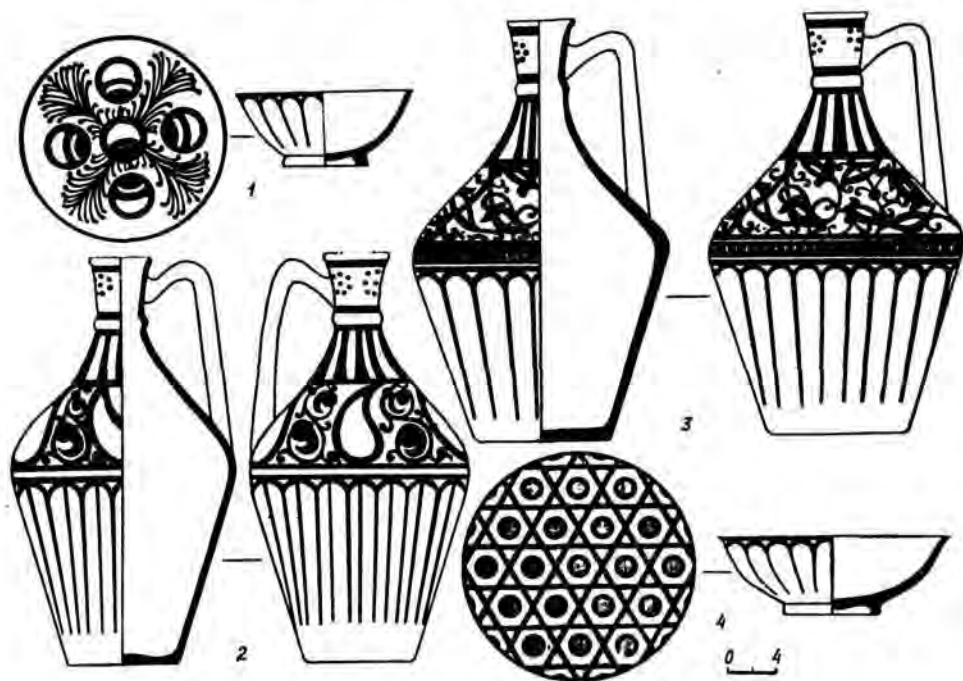

Рис. 76. Керамика с голубой поливой и синей росписью. Вторая половина XIV — первая половина XV в.

четырёх сегментах расположены треугольники, заполненные растительными побегами синего цвета. По краю венчика идет ряд штрихов. Снаружи нанесен орнамент в виде аркад.

Распространены кувшины и чаши с голубой поливой и росписью кобальтом и черной краской (рис. 76). Своеобразна чаша с голубой поливой, диаметром 20 см и высотой стенок 9,5 см. Она сделана из глины желтого обжига и покрыта сверху голубой поливой, за исключением наружной части поддона. Роспись выполнена черной краской. Внутри в центре чаши составлен медальон из двух concentric lines черной краской. В нем изображены два вписанных квадрата с вогнутыми краями. Поле меньшего заполнено точками и оконтурено тонкой линией. Свободные сектора медальона заняты стилизованным эпиграфическим

узором. Медальон, в свою очередь, является центром шестиконечной звезды, лучи которой имеют арочные очертания. Они заполнены растительными завитками. Пространства между лучами заполнены точками и оконтурены треугольниками. По краю венчика идет ряд точек. Снаружи чаша украшена узором из ромбовидных лепестков и арок (рис. 77).

Еще одна чаша с голубой поливой была найдена в помещении 6. Диаметр ее 20 см, высота стенок 10 см, поддон кольцевой, с выступом. Четырьмя синими полосами, по две перпендикулярно друг другу, все поле чаши разделено на девять частей, заполненных синими точками.

Рис. 77. Чаша с голубой поливой и синей росписью. Вторая половина XIV — первая половина XV в.

В целом формы сосудов, принципы и мотивы орнаментации (меридиональное расчленение поверхности сосудов, преимущественно геометрический характер росписей, линейно прорисованные аркады снаружи) весьма характерны для керамического стиля XIV—XV вв. Средней Азии, Поволжья, Казахстана. В то же время керамика Отрара и сопредельных территорий Южного Казахстана имеет некоторые локальные отличия: полное отсутствие кашина, использование только глины, распространение желтой поливной посуды, отсутствие в росписях изображений птиц, рыб, животных.

Кирпичеобжигательное ремесло

Письменные источники повествуют об активном строительстве в сырдарьинских городах в конце XIII—XVI в., в частности, медресе, ханака, мечети и прочих благотворительных учреждений в Отраре, Дженде, Барчкенте³⁷, мавзолея в Сауране. Широко известны монументальные постройки эпохи Тимура — мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви в Туркестане и Арслан-Баба вблизи Отрара³⁸. Позднее культовые постройки и мавзолей сооружались в других городах, например мавзолеем Кок-Кесене³⁹.

Для строительства общественных и жилых построек необходим был жженный кирпич, а следовательно, и специальные печи.

К настоящему времени на Отраре и расположенном поблизости городище Куйруктобе открыто семь печей XIII—XIV вв., причем одна в комплексе с жилыми постройками.

Комплекс отрарской кирпичеобжигательной мастерской находился на южной окраине города, приблизительно в 500 м от центрального бугра, на берегу водохранилища. Жилые и производственные помещения, обнесенные стенками из сырцового кирпича, группировались вокруг кирпичеобжигательной печи. Два строительных периода, зафиксированных здесь, определяются в пределах второй половины XIII — середины XIV в.

Центральной постройкой комплекса была печь (рис. 78), двухъярусная, прямоугольная в плане, размером 5,7×7,7 м по внешнему обводу. Длинные стены обжиговой камеры сложены из прямоугольного сырцового кирпича размером 36×24×8 см и имеют толщину до 1 м. Короткие стены более тонкие — до 0,5 м.

Топочная камера печи сооружена из жженных кирпичей размерами 24×24×5, 26×26×5 и 36×36×8 см. Размер ее 2,9×4,7 м. Устье топки в виде овального отверстия находится с фронтальной стороны (рис. 79, 1). Внутри топка оштукатурена. Обмазка внутренней плоскости кирпичей прокалена и ошлакована. Топка была перекрыта пятью арками из жженого кирпича размером 36×36×8 см. Сохранились лишь две крайние. Ширина верхних плоскостей арок 0,7 м, крайней северной — 1 м. Пазухи арок заполнены также жженным кирпичом. Высота от уровня пола до замка арок 2 м. Между арками сделаны продухи, разделенные перемычками, шириной 20—21 см. По длинной оси топки проходит дымоходный желоб из жженных кирпичей размером 26×26×5 см, поставленных на ребро и положенных плашмя сверху, нижняя ее часть имеет вид канавки глубиной 0,2 м. Между кирпичами, поставленными

³⁷ СМИЗО. М.: Л., 1941. Т. II. С. 129, 153.

³⁸ Массон М. Е. Мавзолеем Ходжа Ахмеда Ясеви. Ташкент, 1930.

³⁹ Пугаченкова Г. А. Зодчество Центральной Азии. XV в. Ташкент, 1976. С. 81—82.

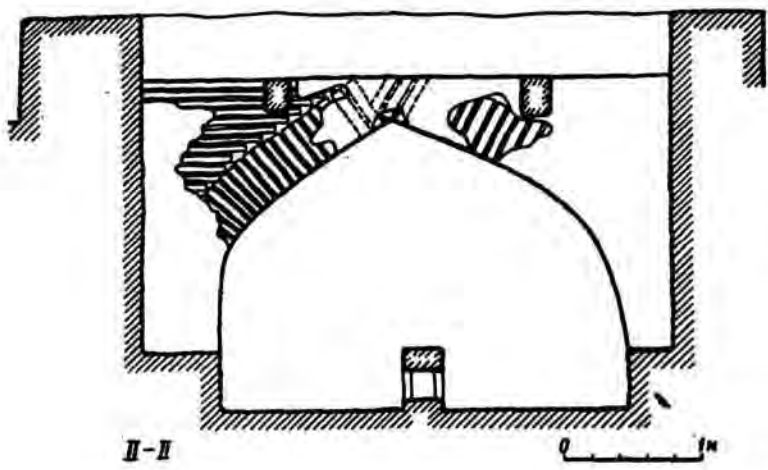
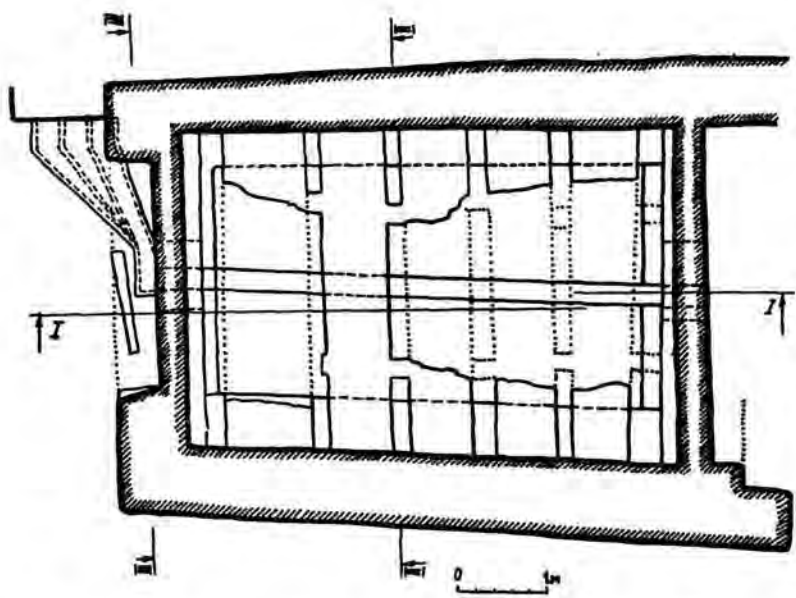

Рис. 78. План и разрез кирпичеобжигательной печи

Рис. 79. Кирпичеобжигательная печь: 1 — устье топки, 2 — дымоходные каналы

на ребро, имелись щели шириной 2—3 см (рис. 80, 1). Желоб соединялся с четырьмя выведенными почти вертикально воздуховодами, которые служили для регулирования температурного режима печи. Располагались они снаружи, в верхних углах топки. Дымоходы в верхней части быстро изнашивались и потому заменялись новыми. В каждом из углов прослеживается не менее трех разновременных каналов (рис. 79, 2; 80, 2).

Рис. 80. Дымоходный желоб кирпичеобжигательной печи

Обжиговая камера почти не сохранилась. Подом ее служили верхние плоскости арок. Размер камеры 5,5×4 м, сохранившаяся высота стенок — 0,4 м. Перекрытие камеры, видимо, было коробовым. Высота свода установлена лишь предположительно. Основываясь на средневековых миниатюрах с изображением кирпичеобжигательных печей, Е. Б. Пругер определяет ее в 3,5 м⁴⁰. Загрузка кирпича производилась через устья в торцовых стенах. Перед устьем топки имеется углубление диаметром около 2 м.

⁴⁰ Пругер Е. Б. Кирпичеобжигательное производство средневекового Мерва // ТЮТАКЭ. Ашхабад. 1969. Т. XIV. С. 238.

С фасада печи находится проход шириной до 3,5 м, видимо, игравший роль айвана. С противоположной стороны удалось проследить незастроенную площадку с твердым, утрамбованным полом. Здесь, скорее всего, выгружали и складировали готовую продукцию. С западной стороны печи идут два ряда помещений. В каждом ряду насчитывается по три комнаты. Судя по находкам (поливная керамика — чаши, блюда, чираги) и устройству (наличие очагов на полах, суф, ниш в стенах, качественная обмазка полов), все они жилые.

Слева от печи расположен ряд жилых помещений. Выяснилось, что в первый период здесь были два двухкомнатных дома. Одно помещение с тандыром было жилым, в другом располагались закрома. Во второй период один из домов превратили в производственный комплекс. Тандыр был заложен. По монетам, найденным при раскопках, комплекс датируется второй половиной XIII — серединой XIV в., а по находкам (керамике, бронзовому зеркалу, нашивным бляшкам) — XIII—XIV вв.

Этот комплекс — первый объект такого рода, раскопанный в Средней Азии и Казахстане. Печи же, подобные отарской, известны в Самарканде⁴¹ (XIII—XIV вв.), Талайхан-Ате (Хорезм, конец XIV — начало XV в.)⁴². Правда, печь Отрара отличается размером и деталями, в частности дымоходом. Печь, раскопанная на северном рабаде и датируемая концом XIII—XIV в., имела топку размером 2,7×5 м, частично впущенную в культурный слой XI—XII вв. Верхняя часть топки сложена из жженого квадратного кирпича размерами 22×25×4, 26×26×5, 24×24×5 см. Из 10 арок сохранились 6 в виде выступов у стен (рис. 81). Ширина верхних плоскостей арок 30 см, ширина продухов 15—18 см.

Еще две печи раскопаны в 2 км западнее центрального бугра Отрара. Сохранность их плохая: у одной расчищена лишь топочная камера и часть обрушившихся арок, у другой — часть топки. Печи идентичны. Общие размеры по внешнему обводу 5×5,5 м. Толщина коротких стен 1 м и длинных — 0,5 м. Топки размером 1,4×3,5 м впущены в землю на глубину до 1,3 м. Стенки сложены из квадратного жженого кирпича. Восемь арок с заложенными пазами образовывали под обжиговой камеры, опираясь на уступы. Ширина верхних плоскостей арок 25—26 см, ширина продухов 20 см.

Устье топки в виде проема овальной формы размером 60×70 см находилось с западной стороны. Высота топки от пола до замка арок 2 м. Обжиговая камера размером 3,5×4 м сложена из сырцового прямоугольного кирпича размером 30×20×10 см.

Собранный при раскопках комплекс керамики позволил отнести функционирование печей к концу XIII — первой половине XIV в. Ана-

⁴¹ Шарахимов Ш. Кирпичеобжигательная печь средневекового Самарканда // Афрасиаб. Ташкент, 1974. Вып. 3. С. 84—89.

⁴² Вишневецкая О. А. Раскопки караван-сараяв Ак-Яйла и Талайхан-Ата // ТХАЭЭ. М., 1958. Т. II. С. 462—466.

2

Рис. 81. Кирпичеобжигательная печь на северном рабаде. Остатки арок

логии этим печам многочисленны. Например, печь XIII в. в Сарайчике⁴³, печи XIII—XIV вв. в Мерве⁴⁴.

Двухъярусная кирпичеобжигательная печь раскопана на территории рабада городища Куйруктобе. Обжиговая камера ее разрушена, сохранилась лишь топка. Это заглубленная в землю, почти квадратная в плане постройка, вытянутая по линии север — юг. Длина печи — 2,9 м, ширина — 2,8 м. Высота стен до пода 1,5 м. Вход в топку в виде арки находился с северной, фасадной стороны и имел ширину 1 м, высоту — 1 м. Под обжиговой камеры опирался на семь арок, от которых сохранились пристенные обломки. Толщина арок стандартная — 30 см, промежутки между ними равны 16 см.

При расчистке печи собрана коллекция керамики. Поливная керамика представлена фрагментами чаш на фигурном кольцевом поддоне, покрытых красной и зеленой поливой поверх красного ангоба. Снаружи по красному ангобу красной краской более темного тона нанесен рисунок в виде аркады. Такая керамика характерна для второй половины XIII — первой половины XIV в.

При сравнении печей Отрара между собой и с печами других родов обнаруживается общий принцип их устройства, восходящий к более раннему времени. Все печи двухъярусные, четырехугольные в плане. Топки их перекрыты арочными конструкциями, которые выполняли роль пода. Продухи служили для подачи в обжиговую камеру жара. Дым выводился или через отверстие в своде, или же по специальному дымоходу. Разная ширина верхних плоскостей арок позволяла получать кирпич разных размеров. На широких полках умещались по два кирпича размером 40×40×5 см.

Сложное устройство вывода дыма и терморегулирующая система давали возможность в этой же печи производить обжиг поливных изразцов и плит, используемых в строительстве.

Производство кыра

В 200 м южнее от основного бугра Отрара, напротив угловой (южной) башни находился округлый в плане бугор диаметром 30 м и высотой 3 м. Прямоугольный раскоп (30×20 м), вытянутый с юга на север с небольшим отклонением, выявил верхний слой (20 см) из дерна, надувного лесса и рыхлой корки, а под ним в центральной и южной частях — кирпичную кладку. После расчистки выяснилось, что это не что иное, как ташнау со сливным отверстием. В дальнейшем был обнаружен тандыр-очаг плохой сохранности, диаметром у дна 82 см. Топка, полностью разрушенная, находилась в восточной стороне. Отверстие дымохо-

⁴³ Пацевич Г. И. Гончарная печь на городище Сарайчик // Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 1: Археология. Алма-Ата, 1956. С. 221—224.

⁴⁴ Фругер Е. Б. Кирпичеобжигательное производство средневекового Мерва. С. 227—241.

да обнаружить не удалось. На внутренней стороне тандыра имеется рисунок в виде прямых насечек. По-видимому, в последнее время тандыр использовался не по назначению, так как был забит фрагментами керамики. Площадка ташнау неправильной четырехугольной формы, размером 105×145 см, вымощена обломками жженого кирпича. В центре находился кирпич (38×38×5 см) с отверстием.

Стены постройки толщиной в один сырцовый кирпич сохранились плохо. Западная стена почти не прослеживается, и поэтому дымоход или лятно дымохода не выявлено. Это помещение можно отнести к первому строительному горизонту. Ниже выявлен ряд помещений.

Помещение 1 размером 5×3 м плохой сохранности. Стены его выложены из серого кирпича, положенного плашмя вперевязку. Глиняный раствор приготовлен из некачественной серой глины. Тандыр сдвинут к центру. Дымоход выведен к колодцу в восточной стене. В южной части помещения находилась круглая ванночка из жженого кирпича. Назначение ее определить трудно, но при расчистке обнаружилось, что дно ванны покрыто слоем кыра толщиной 1—1,5 см. Диаметр ванны 110 см, глубина 20—23 см.

В помещении 6 размером 7,05×4,9 м хорошо прослеживались южная и восточная стены. В северном углу находился закром размером 1,7×0,75 м. Пол его выложен жженым кирпичом. В заполнении, кроме фрагментов керамики, ничего обнаружить не удалось. В южном углу находилась хозяйственная яма диаметром сверху 80 см, глубиной 42—45 см.

Помещение 5 (7×3,95 м) прямоугольное в плане. В северном углу его обнаружена массивная крышка тандыра. Диаметр ее 70 см, толщина 3,5 см. В том же углу сохранилась дугообразная перегородка из жженого кирпича. Все помещение заполнено битым сырцовым кирпичом.

Помещение 2 имело размер 4×2,95 м, помещение 3 — 3×3 м и помещения 4—6,03×3 м. Все они заполнены золой, битым кирпичом. Помещения 1, 2, 3, 4, 5, 6 условно объединены в комплекс А. Этот комплекс, видимо, состоял из двух домов. Первый включал помещения 6, 5, 4, из которых помещение 6 — кладовая, помещение 5 — зимнее, помещение 4 — летнее открытого типа, в виде айвана. Второй дом состоял из помещений 1, 2, 3. Первое помещение зимнего типа, помещения 2 и 3 сохранились плохо.

В южной части раскопа обнаружена выкладка из жженого кирпича. После зачистки были выявлены две ванны, похожие на закрома. Левая (южная) размером 1,4×0,6 м разделялась перегородкой, причем передняя часть была заполнена кыром. Вторая (северная) ванна, без перегородки, полностью заполнена кыром. Высота стен ванны 22—25 см.

К северу от правой ванны располагалась подковообразная перегородка из жженого кирпича (длина 1,28 м, высота 0,3 м).

В центре площадки-выкладки находилась круглая в плане ванночка диаметром 56 см. Как сама ванночка, так и ободок выложены из обломков жженого кирпича.

В западной части раскопа также обнаружена ванна, круглая в плане, диаметром 1 м при высоте стенок 15 см. Она также заполнена кыром. Южнее находилась еще одна круглая ванна таких же размеров. Полы площадок и дно ванны выложены битым кирпичом. Целый квадратный (25×25×5 см) кирпич встречается крайне редко.

Слева от прямоугольных ванн находилась подковообразная перегородка диаметром 122 см.

Помещение 7 прямоугольное в плане, размером 4,4×2,7 м. Стены его, плохо сохранившиеся, образованы из сырцового кирпича без обмазки. В центре помещения обнаружена также плохо сохранившаяся кладка из жженого кирпича. Заполнение помещения составляют в основном битый сырцовый кирпич, слои зольника, несколько фрагментов поливной керамики.

Помещение 8 почти квадратное в плане, размером 3,4×3,2 м. Стены также плохой сохранности, выложены в два кирпича, положенных плашмя вперевязку. Высота лучше сохранившегося участка южной стены — 30 см. Возле этой стены обнаружены хум (диаметр горловины 26 см) и хумча (диаметр горловины 18 см, диаметр донца 15 см), заполненные кыром.

Помещение 9, прямоугольное в плане, имело размер 4,8×3,8 м. В северной его части находился тандыр, рядом — вымостка ташнау. Тандыр плохой сохранности, небольшой по размеру — диаметром 0,5 м. Топочное и дымоходное отверстия обнаружить не удалось. Ташнау круглое, диаметром 68 см. Между ним и тандыром стоял сосуд, тоже с кыром. Пол ташнау выложен из обломков жженого кирпича.

Стены помещений 10 размером 3,55×3,4 м и 11 размером 3,5×2 м сделаны из некачественного сырцового кирпича.

Помещения 7, 8, 9, 10, 11 и вымощенная площадка с ваннами объединены в комплекс Б, который условно можно назвать производственным. Об этом говорит наличие ванн со строительным материалом, сосудов с тем же материалом, отсутствие или почти полное отсутствие фрагментов керамики, в частности кухонной. Вымощенная площадка с ваннами — это непосредственно мастерская, а помещения 7 и 8 — подсобные. К ним можно было бы причислить и помещения 10, 11, но плохая сохранность стен не дает возможности точно определить их назначение.

Без сомнения, выявлена мастерская по изготовлению кыра — строительного материала, используемого в качестве связующего раствора при возведении построек из жженого кирпича. Кыр широко использовался также в банях как влагозащитный материал.

Керамика из мастерской характерна для второй половины XIV—XV в. К этому же времени относятся три найденные здесь монеты.

Металлургическое ремесло и изготовление изделий из железа

Впервые при исследовании средневековых городищ Южного Казахстана выявлены и исследованы кварталы ремесленников-металлургов, выплавлявших кричное железо. Остатки этого вида производства обнаружены на территории рабада городища Куйруктобе, расположенного в 5 км северо-западнее Отрара и входившего в число поселений, тяготеющих к Отрару. Центральная часть городища в это время была обитаема лишь на отдельных участках, но территория рабада домонгольского времени продолжала активно функционировать. В 2 км юго-восточнее центральных развалин Куйруктобе находился вододелитель, функционировавший начиная с VI в. и распределявший воду по каналам, идущим к городищам Куйруктобе, Алтынтобе, Мардан-Куюк, Джалпактобе. Как выяснилось, он продолжал функционировать и в XIII—XV вв. Магистральный канал разделялся в 0,5 км юго-восточнее центрального бугра Куйруктобе и обтекал городище с западной и восточной сторон.

Вдоль каналов находятся бугры прежних построек, ремесленных мастерских. Поверх них и в осыпях видны шлаки гончарного производства, печной припас, бракованная керамика. На участке западного канала, у подошвы центрального бугра находится группа холмов шириной 20—25 м, вытянувшихся в западном направлении почти на 200 м. На поверхности их собрано большое количество криц, в том числе спекшихся в стопки, шлаков, окалины.

Раскоп на одном из бугров, постепенно расширявшийся, охватил площадь 800 кв. м. Были выявлены остатки мастерских в двух строительных горизонтах. Основная масса построек раскопана на уровне верхнего строительного горизонта.

Жилые постройки этого горизонта представлены домами с тандырами и располагаются группами по сторонам улочки, разделявшей два массива застройки — северо-западный и юго-восточный. Ширина ее 1,8—2 м, протяженность — 20 м. Выделено 4 мастерских, в которых жилье совмещалось с производством (рис. 82).

Мастерская 1. В северо-западной части в группе открытых помещений выделяется дом 1 из пяти помещений. Он включает жилое помещение, двор с айваном и хозяйственные помещения.

Помещение 1 — входное. Через него попадали во двор и жилое помещение 2 размером 4×3 м. Большая часть последнего занята суфой, в которую вмазан тандыр диаметром 0,5 м с дымоходом, проложенным в суфе и подведенным к вертикальному колодцу, устроенному в углу. Помещение погибло в результате пожара. Обугленные балки и жерди перекрытия вместе со слоем сгоревших циновок расчищены на суфе и на площадке ташнау возле устья тандыра. Помещение сообщалось прохо-

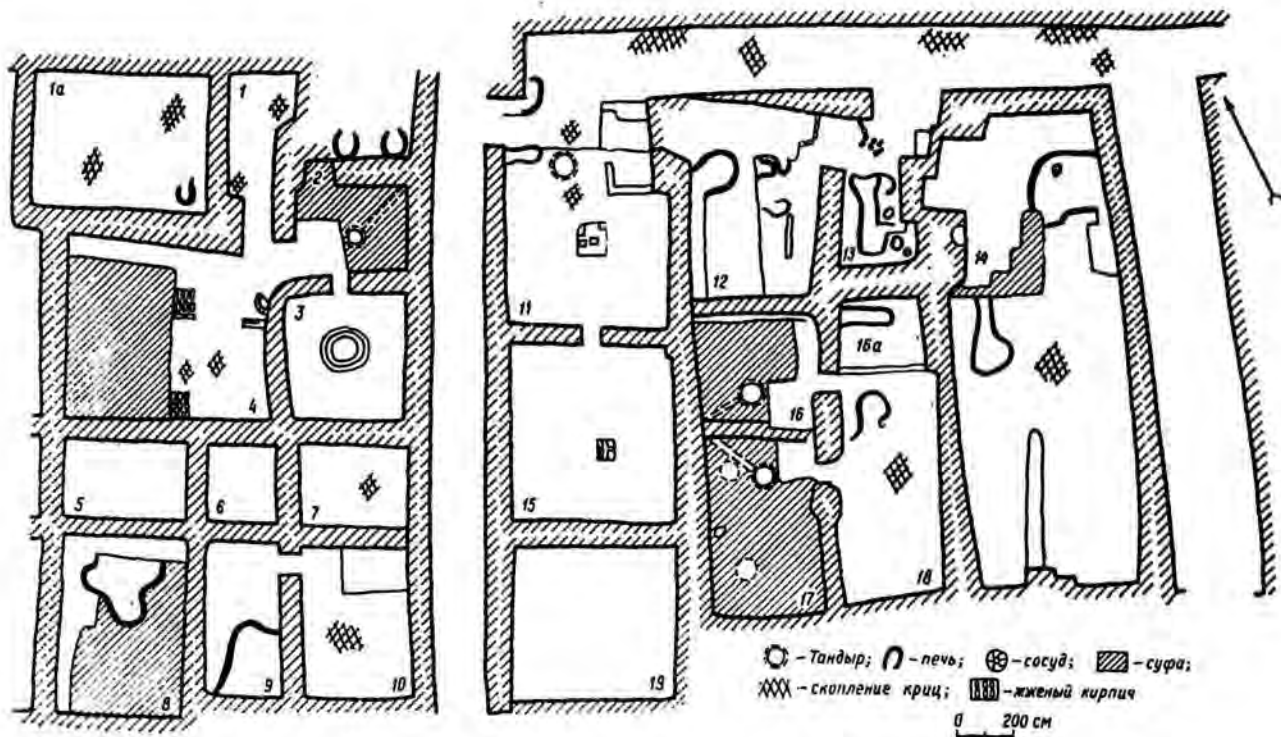

Рис. 82. План комплекса железодельных мастерских

дом с помещением 3, пол которого находился на уровне площадки ташнау. Серого цвета пол хорошо утрамбован. В центре помещения находится углубление диаметром 1 м с глиняным бортиком шириной 30 см, окруженное кольцевой выемкой. Стены помещения, сохранившиеся на высоту 0,5—0,6 м, сложены из сырцового кирпича на фундаменте из квадратного жженого кирпича.

Во дворе дома размером 7×5,8 м располагалась суфа шириной 3,5 м, длиной 5 м, высотой 20 см, примыкавшая к северо-западной стене. Поверхность ее обмазана слоем желтой глины. На суфе имелся айван, открытый в сторону дома. Он опирался на две колонны, которые, в свою очередь, основывались на базах из жженого кирпича в один ряд. Размер баз 60×80 см. Во дворе у стены помещения 3 на вымостке из жженого кирпича стояла тагора. В помещении 1а, также относящемся к дому, на полах было собрано свыше 60 криц. Каждая из них представляет собой конусовидную болванку с углублением на торцевой стороне. Диаметр криц от 12 до 18 см, вес от 0,5 до 1,2 кг. Крицы найдены также во дворе, в помещении 3 и в коридоре. Всего собрано 80 штук.

Юго-восточный массив построек состоял из 10 помещений, которые объединяются в три комплекса.

Мастерская 2. С улочки попадали в помещение 11 площадью 18 кв. м. Восточная стена его не сохранилась. Большая часть помещения занята суфой, в которую вмазан тандыр, выходящий на уровень пола и заполненный мелкими крицами (20 штук). На суфе высотой 0,4 м имелась вымостка вокруг базы, на которую опирался центральный столб, поддерживающий кровлю. Здесь же расчищен слой пожарища с остатками балок перекрытия. Из помещения 11 проход с порогом из жженого кирпича вел в помещение 15 размером 6×5,8 м, совершенно пустое. Лишь в центре на полу расчищена база опорного столба, подпиравшего кровлю.

Помещения 13 и 12, видимо, составляли с помещениями 11 и 15 единый комплекс. Для них характерно наличие в полах и на суфах углублений (0,5—0,7 м) с прогоревшими стенами в сочетании с желобами и ямками, по всей вероятности, как-то связанных между собой. В заполнении их найдены куски прокаленной обмазки, кусочки древесного угля, шлаки, зола, большое количество криц.

Мастерская 3 объединяет помещения 16, 16а, 17 и 18. Помещение 16 размером 4,5×3,5 м почти все занято суфой высотой 0,3—0,4 м. В край суфы вмазан тандыр, выходящий на площадку ташнау, плотно утрамбованную, серого цвета. В помещении 17 размером 3,5×6 м также устроена суфа с вмазанным тандыром, имеющим дымоход. Через площадки ташнау оба помещения соединялись с помещениями 16а и 18. Первое, отгороженное тонкой стенкой от всего дома, видимо, служило двориком. Размер его 3,2—3,5×10 м. Устья обнаруженных здесь ям заполнены углем, кусками прокаленной земли и золы. В центре помещения 18 расчищено скопление криц. Они также встречены в завалах, на полах помещений — всего 60 штук.

Мастерская 4 состоит из помещения 14, вытянутого на 16 м, шири-

ной 5—6 м. В полу расчищены аморфные ямы, заполненные золой и крицами, а на поверхности собрано около 40 криц (всего 50 штук, или 400 кг железа).

Большое количество криц (100) обнаружено и на улочке к северу от застройки. Всего же на площади раскопа собрано не менее 2 т железа в крицах.

При раскопках помещений, в завалах, на полах, собрано большое количество керамики. Поливная керамика верхнего строительного горизонта представлена чашами, покрытыми голубой и желтой поливами с росписями растительного и геометрического характера.

На суфе помещения 16 найден кладик монет, спекшихся в столбики. После очистки и расслоения получилось 9 экземпляров танга-и мири весом 1,35—1,5 г и 12 монет «нимданговая тангача» весом $\frac{1}{3}$ мири и $\frac{1}{12}$ танги. Танга-и мири чеканились от имени Тимура и хана Суюргатмыша в 787—788 г. х., хана Махмуда 790, 793 г. х., Мухаммада Джахангира и амира Халил-Султана (даты стерты) в Самарканде⁴⁵.

Таким образом, керамика и монеты датируют верхний строительный горизонт второй половиной XIV — началом XV в.

Среди посуды, относящейся к нижнему горизонту, преобладают чаши на кольцевом с выступом поддоне, покрытые желтой, зеленой, болотного цвета поливами поверх красного ангоба. Джагатаидские дирхемы, найденные здесь же, позволяют датировать его второй половиной XIII—первой половиной XIV в.

Отсутствие в числе находок руды свидетельствует о том, что переплавка ее в металл производилась вблизи рудных разработок. Об этом свидетельствуют материалы по средневековой металлургии других районов⁴⁶.

По нашему мнению, в мастерские Куйруктобе доставлялось сырое железо в так называемых спецкрицах (рис. 83). Такую крицу необходимо было дополнительно обработать — выжечь шлак, сварить железо в монолитный кусок, поддающийся ковке. Отделение шлака могло происходить путем дробления спецкрицы и последующей ее сварке в специальных плавильнях⁴⁷. Такой путь получения чистого черного металла прослежен в процессе изучения металлургии чжурчженей⁴⁸ и на Востоке⁴⁹.

Из спецкрицы, как позволяют судить в первую очередь археологические исследования, получали также сталь. Чжурчженские мастера

⁴⁵ Определение В. Н. Настича и Р. З. Бурашевой.

⁴⁶ Массон М. Е. Ахангеран: Археолого-топографический очерк. Ташкент. 1953. С. 25, 38; Литвинский Б. А. Древнейшие страны горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии. Сталинабад, 1954. С. 165.

⁴⁷ Колчин Б. А., Круг О. А. Физическое моделирование сыродутного процесса в производстве металла // Археология и естественные науки. М., 1965. С. 209, 215.

⁴⁸ Ленков В. Д. Металлургия и металлообработка у чжурчженей в XII в.: (По материалам исследования Шайгинского городища). Новосибирск 1974, С. 98—100.

⁴⁹ Мариенбах Л. М. Развитие методов плавки в чугунолитейном производстве // Труды ин-та естествознания и техники. 1957. Т. 9. С. 19—20.

разогревали ее в горнах, а затем быстро погружали в холодную воду. Поверхность крицы становилась хрупкой и окалина легко скалывалась с тулова. Многократный прогрев, охлаждение и проковка постепенно превращали крицу в тонкую стальную пластинку⁵⁰. Такой способ получения стали в мастерских Куйруктобе подтверждается скоплением окалины и кусочков хрупкой неуглеродистой корки вблизи мест плавки, а также наличием во дворе комплекса мастерской I тагоры на специальном фундаменте для охлаждения криц.

Рис. 83. Крицы на полах железодельательной мастерской

Отсутствие специальных плавильных печей на Куйруктобе указывает на то, что плавка железа осуществлялась предельно простым способом, широко использовавшимся древними металлургами. Для этого в неглубокую грунтовую яму загружали шихту — смесь древесного угля с рудой или угля и сырых криц. Яму плотно закрывали, предварительно поджигая ее содержимое. В процессе горения происходило восстановление окислов железа, и получалась кондиционная крица. Такой процесс

---

⁵⁰ *Леньков В. Д.* Металлургия и металлообработка у чжурчженей в XII в. С. 101—102.

плавки характерен для оттарских металлургов и более позднего времени⁵¹.

Отсутствие в мастерских Куйруктобе сопел, флюсов наводит на мысль о применении естественного дутья и о тигельном способе плавки металла. В этом случае в печь ставили толстостенные тигли с сырьем, затем загружали ее топливом, процесс горения которого происходил за счет естественного притока воздуха. Находки в мастерских толстостенной «кухонной» посуды подтверждают применение такого способа плав-

Рис. 84. Остатки плавильных печей в помещениях 16 и 17

ки. Важно отметить, что тигельная плавка возможна в обычных очагах, как это зафиксировано на Шайгинском городище⁵². Для плавки металла в Куйруктобе использовались тандыры с дымоходами несколько специфической конструкции. Они характеризуются, во-первых, широким основанием из толстого, специально изготовленного, жженого кирпича, во-вторых, наличием обрушенного пода с продухами, что позволяет считать их двухъярусными, и, в-третьих, отсутствием на площадках ташнау сливных устройств. Именно такие тандыры обнаружены в помещениях 16 и 17 мастерской 3 (рис. 84). Тандыр в помещении 14 мастерской 2 был даже загружен крицами, видимо, подготовленными к переплавке. Таким образом, можно считать, что наряду с «земляными» ме-

⁵¹ Акишев К. А., Байпаков Қ. М., Ерзакович Л. Б. Позднесредневековый Отрар. С. 166.

⁵² Ленков В. Д. Металлургия и металлообработка у чжурчженей в XII в. С. 64—67.

таллургическими печами в мастерских функционировали двухъярусные тандеры-горны. В нижний ярус загружали топливо (древесный уголь), на под ставили тигли с сырьем.

В дальнейшем кузнецы из черного металла изготавливали различные бытовые и хозяйственные изделия, предметы вооружения. Так, при раскопках жилых кварталов, ремесленных мастерских были найдены изделия из железа: серпы, ножи, чоты, ножницы, клещи, различные крючки, гвозди, скобы, лопата. Из железа и чугуна изготавливали кетмени, наконечники пахотных орудий, удила, стремена и подковы для верховых и вьючных животных, котлы. Многочисленная коллекция наконечников стрел характеризуется преобладанием плоских черешковых, ромбовидной формы. Встречены наконечники, квадратные в сечении, но они единичны. Защитный доспех из железа представлен кусками кольчуги из железных колечек.

Пока очень мало данных о характере ремесел, связанных с обработкой черного металла, — кузнечного, слесарного и других. Видимо, существовала и развивалась специализация мастеров. Этнографические наблюдения за ремеслом среднеазиатского города XIX — начала XX в. свидетельствуют о том, что изготовление наконечников пахотных орудий, втулок для колес, котлов и светильников находилось в руках чугушников (чуянгар) и котельщиков (дегрес). Это был один из наиболее развитых видов ремесла. Обычно мастерские находились при жилье, и в центре их располагались печи для обжига форм, горны для плавки чугуна.

Наибольшая специализация наблюдалась в кузнечном ремесле. Так, выделялись группы кузнецов — специалистов по мелким изделиям (дверные цепи, подковы, гвозди, удила), мастеров, делавших инструменты для плотников и каменщиков, ремесленников, изготавливавших ножи, ножницы, бритвы. В Хорезме существовали группы мастеров, делавших лопаты и кетмени, теша и балта (топоры), подковы и гвозди. Некоторые специализировались на изготовлении серпов (урак)⁵³.

Медницкое и бронзолитейное ремесла

В монгольское и послемонгольское время значительно расширилось производство зеркал. Это связывают с перемещением населения, и прежде всего ремесленников. Появляются новые центры производства зеркал, в том числе в Средней Азии⁵⁴. Одним из них, видимо, стал Отрар.

⁵³ Джаббаров И. М. Ремесло узбеков Южного Хорезма в конце XIX — начале XX в.: Историко-археологический очерк // Занятия и быт народов Средней Азии: Труды ИЭ. 1971. Т. ХСVII. С. 78—82; Сухарева О. А. К вопросу о литье металлов в Средней Азии // Там же. С. 148—154. Рис. 3.

⁵⁴ Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М., 1975. С. 32.

Бронзовые зеркала, судя по грубости отливок, сглаженности рельефных выступов, изготавливались в самом городе, хотя некоторые из них, бесспорно, являются копиями привозных зеркал. Их отливали в формах из сплава оловянистой бронзы со свинцом. Качественный и количественный состав сплава зеркал однообразен, что подтверждает местное производство этого типа изделий.

По характеру украшающего оборотную сторону орнамента зеркала подразделяются на несколько типов. Зеркала с растительным орнаментом, в виде дисков диаметром 7,5—8 см, с бортиком и петелькой в центре оборотной стороны. Орнамент рельефный, представлен розеткой в центре, окруженной переплетающимися трилистниками на изогнутых стеблях и сердцевидными фигурами (рис. 85, 2). Похожее зеркало встречены в половецких захоронениях XIII—XIV вв., например зеркало в кургане 3 могильника Алебастрово II в Уральской области. В орнаменте его оборотной стороны использованы шестиугольник с вогнутыми сторонами, сердцевидные фигуры⁵⁵.

Зеркала с растительно-геометрическим орнаментом. У одного из них рельефный орнамент на оборотной стороне состоит из четырех (двух больших и двух малых) кругов, заполненных шестигранниками (рис. 85, 5). В пространство между кругами вписаны цветы лотоса. Похожие цветы лотоса изображены на зеркалах X—XIII вв., найденных в Сибири⁵⁶.

Зеркала с солярной орнаментикой характеризуются изображением солнечного круга в центре с лучами в виде переплетающихся линий (рис. 85, 1). Аналогов этому зеркалу немало⁵⁷.

Группа зеркал имеет зооморфный орнамент. Сохранились обломки, украшенные изображением рыбы в обрамлении растительных побегов (рис. 85, 4). Идентичные зеркала найдены в Павлодарском Прииртышье⁵⁸, Хорезме⁵⁹, Поволжье золотоордынского времени⁶⁰, в Сибири⁶¹, на Дальнем Востоке⁶².

Одно зеркало диаметром 14,2 см отличается сложным орнаментом (рис. 85, 3). Его плоскость разбита на три полосы. В центре, видимо, на-

⁵⁵ Кригер В. А., Железчиков Б. Ф. Позднечевичские погребения у поселка Алебастрово в Уральской области //СА. 1980. № 1. Рис. 2, 1.

⁵⁶ Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины. С. 65. Рис. 49, 50.

⁵⁷ Арсланова Ф. Х. Памятники Павлодарского Прииртышья //Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968. С. 110; Кригер В. А., Железчиков Б. Ф. Позднечевичские погребения у поселка Алебастрово в Уральской области. Рис. 3.

⁵⁸ Арсланова Ф. Х. Памятники Павлодарского Прииртышья. С. 110. Рис. 135.

⁵⁹ Кдыршиязов М. Ш. Ремесло Хорезма в XIII—XIV вв. //Археологические исследования в Каракалпакии. Ташкент, 1981. С. 127. Рис. 3, 5.

⁶⁰ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 82. Рис. 13.

⁶¹ Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины. С. 72. Рис. 56.

⁶² Шавкунов Э. В. Клад чжурчженских зеркал //Материалы и исследования по археологии СССР. 1960. № 86. С. 235. Рис. 6.

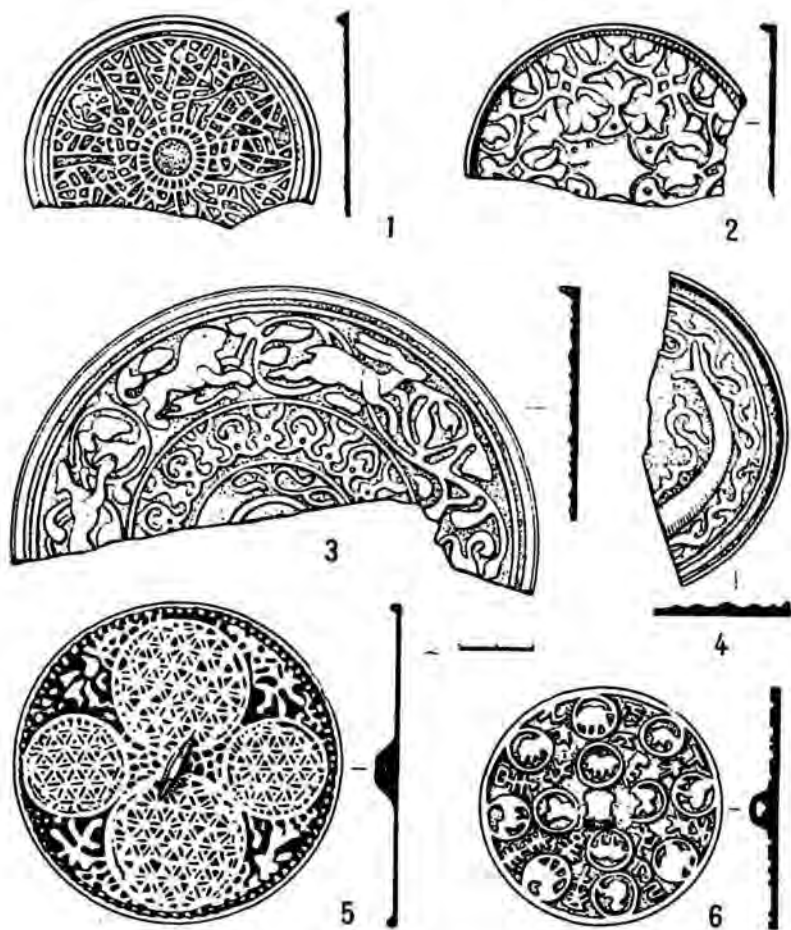

Рис. 85. Зеркала

ходился медальон. Внешняя полоса занята изображением «звериного гона». Различаются лев, олень и, видимо, собака. Изображения животных переплетаются с растительным орнаментом. Две другие полосы заполнены растительным орнаментом. Зеркала этого типа датируются XI—XIII вв. Аналогичное зеркало найдено в Минусинской котловине, но в отличие от оттарского у него есть поясик с благожелательной арабской надписью ⁶³.

⁶³ Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины, С. 104. Рис. 99.

Зеркало диаметром 6,5 см грубой отливки с краями разной толщины сделано на месте по отливке с импортного оригинала (рис. 85, 6). По внешнему его краю идет ободок из 8 медальонов, по внутреннему — из четырех. В каждом медальоне имеется изображение животного. В медальонах внешнего круга различаются кабан (свинья), собака, птица (петух), барс, внутреннего — лошадь, баран. Остальные изображения нечеткие. Между медальонами нанесены иероглифические циклические знаки. Всего их десять. Зеркало помимо своего утилитарного назначения выполняло роль календаря с распространенным на Востоке 12-летним животным циклом.

Зеркала с изображениями календарного животного цикла, относящиеся к более раннему времени, известны по коллекции из Минусинской котловины⁶⁴. Предметы же, связываемые исследователями с календарями, встречены в южноказахстанских и семиреченских городах в слоях XII—XIII вв.⁶⁵

Из бронзы и меди изготавливались различного рода украшения, амулеты. Интересной находкой является литой бронзовый медальон с рельефными изображениями всадника и дракона на обеих сторонах⁶⁶. Диаметр медальона 4,3 см. На его ободке имеется кольцевой выступ, петлевидное ушко протерто насквозь. Изображение выполнено в невысоком рельефе и очень схематично. На одной стороне показан всадник в островерхом шлеме или шапке с натянутым луком в руках. Повод коня, видимо, привязан к поясу наездника. На левом боку изображен колчан со стрелами наконечниками вверх. Между ногами коня бежит собака либо гепард. Конь показан скачущим, передние ноги выброшены вперед. На оборотной стороне изображен дракон в профиль. Тело его изогнуто в виде кольца, внутри которого находится голова. Тулово слегка перекручено, задние ноги направлены вверх. Лапы когтистые, трехпалые; оскаленная пасть обращена вверх (рис. 86, 3). Сейчас известно несколько абсолютно идентичных ему медальонов с территории Средней Азии, Южного Казахстана и Семиречья⁶⁷. Изображения на них находят широкие аналоги в памятниках прикладного искусства XIII—XIV вв.

Еще один бронзовый медальон, найденный в слое этого же времени, характеризуется наличием на лицевой стороне рельефного растительного орнамента в горизонтальных полосах.

При раскопках собраны коллекции различных медных и бронзовых поделок — бляшек, крючков, заклепок, обломков различных предметов (рис. 86, 1, 4, 7). Найденны куски бронзовых чаш. Есть и археологически целые изделия из бронзы. Например, бронзовый кувшин с подпрямом-

⁶⁴ Там же, С. 42. Рис. 12—13.

⁶⁵ *Сенигова Т. Н.* Шахристан // Археологические исследования на северных склонах Каратау: Труды ИИАЭ АН КазССР, 1962. Т. 14. С. 156—157. Рис. 34.

⁶⁶ *Акишев А. К., Байпаков К. М.* Медальон с изображением борьбы с драконом из Отрара // СА. 1981. № 4. С. 229—237.

⁶⁷ *Буряков Ю. Ф.* Медальон воина XIII—XIV вв. из Ташкента // ОНУз. 1983. № 1. С. 43—45. Еще один медальон, найденный в окрестностях г. Джамбула, хранится в коллекции Д. Ж. Кадырова.

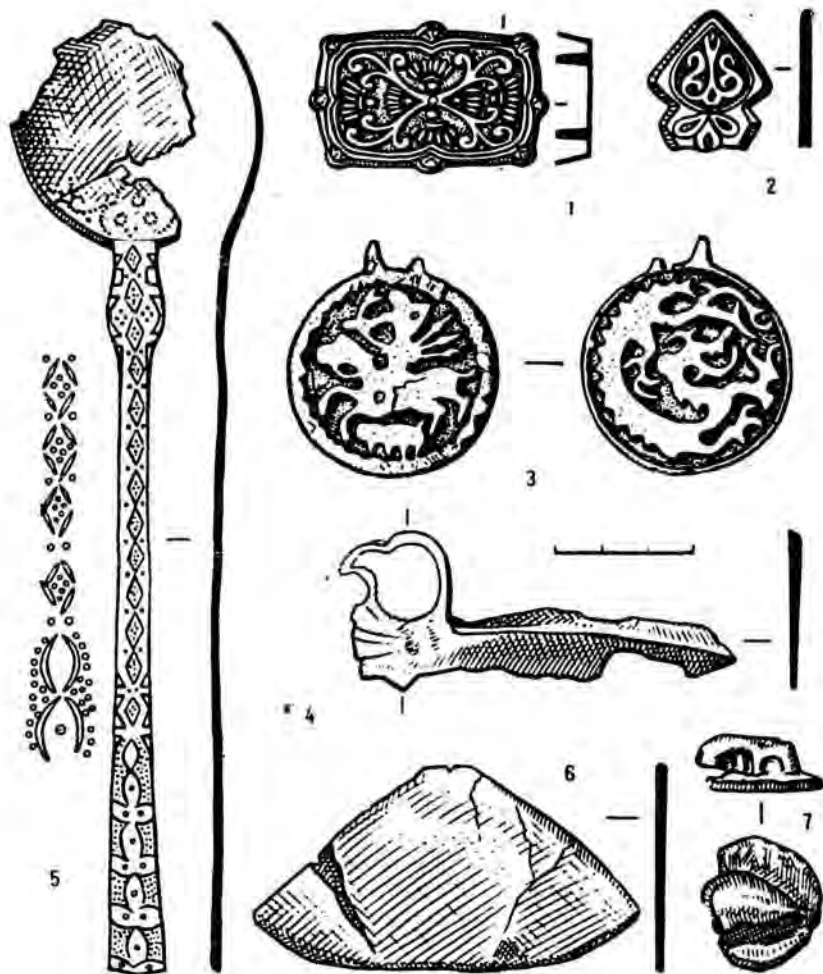

Рис. 86. Изделия из бронзы

угольным, слегка суживающимся книзу туловом, коротким горлом и высоким выделенным сливом. Изогнутая ручка прикреплена к горлу и тулову заклепками. Среди целых находок имеется небольшая бронзовая чашечка с отогнутым венчиком, а также ложка, украшенная гравированным орнаментом растительного и геометрического содержания (рис. 86, 5).

Из бронзы изготавливались и большие сосуды. От одного из них найдена выпуклая крышка, украшенная пятиугольной звездой.

Из бронзы делали инструменты для гончаров. При раскопках гон-

чарных мастерских найдены треугольные пластины для правки сформованных сосудов, а также штамп для оттисков орнамента на пятах чирогов (рис. 86, 2, б). Большое число поделок свидетельствует о важной роли медницкого и бронзолитейного ремесла в жизни населения Отрара XIII—XV вв.

Изготовление ювелирных изделий

Из бронзы, серебра, реже золота, цветных камней отрарские ювелиры изготавливали украшения: кольца, браслеты, серьги, височные подвески, застежки, ожерелья, наконечники и нагрудные украшения, бляхи для конской сбруи, бляхи и пряжки для мужских и женских поясов, предметы туалета. Найден клад серебряных вещей, датированный согласно монетному комплексу 60-ми гг. XIII в.⁶⁸ Часть ювелирных украшений из клада, безусловно, сделана ремесленниками Отрара.

Гладкие *браслеты* насчитывают 16 экземпляров (рис. 87), из них 12 парные. Техника их изготовления такова: подготовленную плоскую пластину обтягивали «рубашкой» из более высокопробного серебра, после чего путем проковки металл уплотняли и закрывали шов. На некоторых экземплярах швы прослеживаются довольно четко. Все браслеты однотипны, различаются лишь размерами и оформлением концов.

Наиболее массивные браслеты (весом по 110 г) слегка уплощены в сечении. Форма сечения одного близка к шестиугольной. Диаметр сечения наиболее массивной части 0,8—0,9 см. Внутренний диаметр самих браслетов 5,7—5,8 см, расстояние между концами — 2,5 см. Концы округлые или тупые, как бы обрубленные. Две пары браслетов имеют овальное сечение. Диаметр их составляет 4 см, расстояние между концами — 2 см.

Изящнее других выглядит пара браслетов, плавно утолщающихся к центру. Один из них с заостренными, почти плоскими концами, другой — с утолщенными. Диаметр сечения в наиболее толстой части 0,5—0,6 см, внутренний диаметр — 5 см.

Еще одна пара браслетов, видимо, была предназначена к переплавке. Один из них деформирован, с обломанным концом, свернут в спираль из двух завитков. Второй, с плоскими заостренными концами, разломан на половинки.

Самый маленький браслет имеет диаметр 4 см, диаметр сечения — 0,5 см. Он сильно уплощен, расширяется в центре, один конец его обломан.

Плетеные браслеты представлены двумя экземплярами, каждый диаметром 5,5 см (рис. 88, 4, б). Один сплетен из 3 серебряных прово-

⁶⁸ Байпаков К. М., Настич В. Н. Клад серебряных вещей и монет из Отрара // Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата, 1981. С. 20—60.

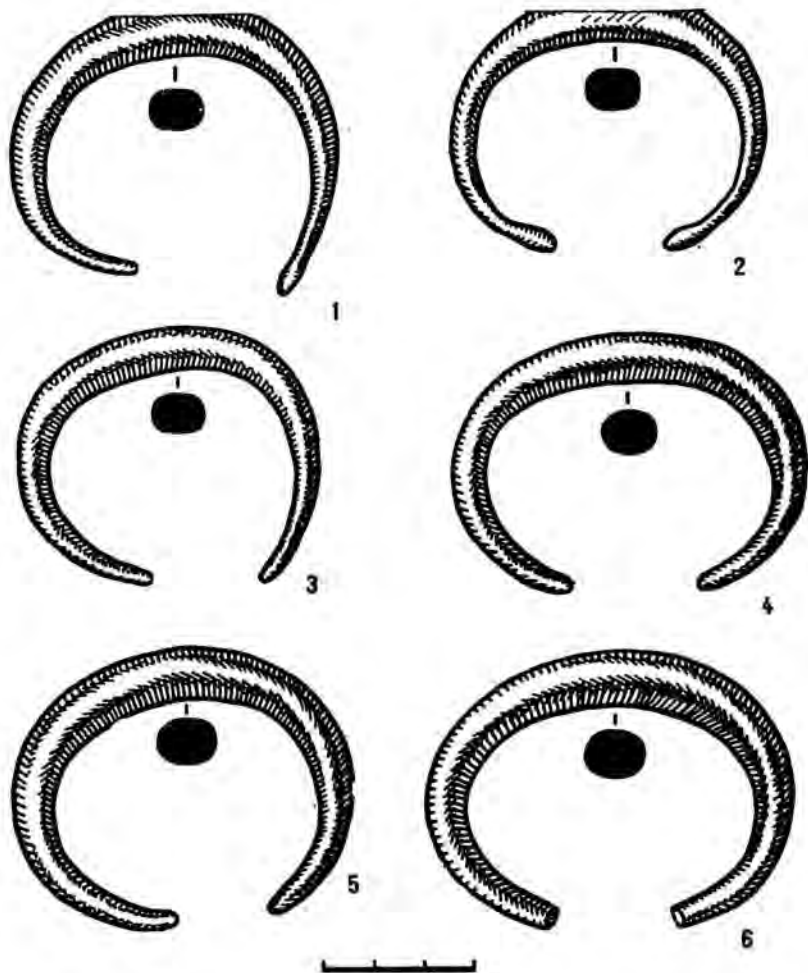

Рис. 87. Гладкие браслеты

лок, концы которых прокованы вместе и имеют форму шариков. Второй изготовлен из проволоки меньшего сечения, его концы расплющены в форме лепешки. Плетеные браслеты распространены достаточно широко и датируются XI—XIV вв. Наиболее близки отгарским браслеты, встречающиеся при раскопках городов Волжской Булгарии, в кладах предмонгольского и монгольского времени. Два из них отличаются от отгарских наличием пластинок на концах и шатонов с камнями⁶⁹.

⁶⁹ Смирнов А. П. Волжские булгары. М., 1951. С. 123—124. Табл. V, 73, 74.

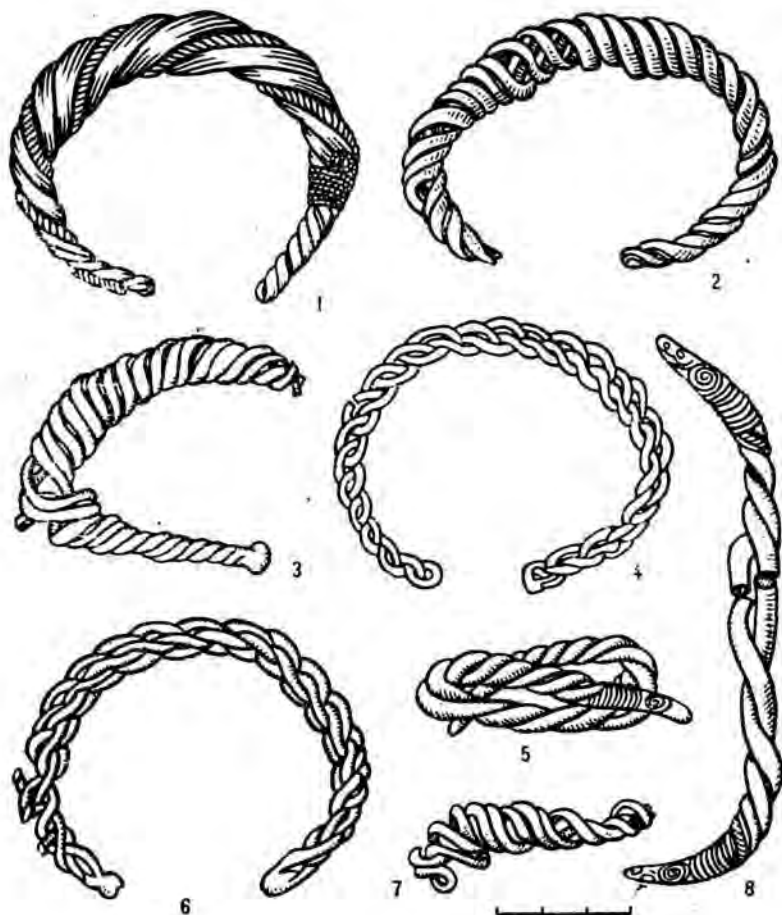

Рис. 88. Витые, спиралевидные и плетеные браслеты

Спиралевидные браслеты (2 экз.) изготовлены из витой с постепенным роспуском к центру серебряной проволоки. Концы закручены в шарики. Диаметр браслетов 6,5 см. Оба изделия деформированы, один из браслетов сломан (рис. 88, 2, 3, 7).

Витые браслеты насчитывают 3 экземпляра. Один из них массивный, диаметром 5 см, свит из 4 дров сечением до 0,4 см. Через каждые два витка в желобки впаяна витая проволока в виде веревочки. Концы браслета прокованы и на расстоянии 2 см от завершения обвиты скрученной проволокой в 7 рядов. Кроме того, к концам припаяны спиралевидные фигурки из той же проволоки (рис. 88, 1, 5).

Два других браслета свиты из двух рядов дров, слегка утолщен-

ных в середине. Один браслет смят, другой разрублен на две части (рис. 88, 5, 8). Концы их прокованы и украшены витыми проволочками, образующими спиралевидные завитки. За ними идет полоса из скрученных витых проволочек в несколько рядов (рис. 88, 8). Углубления между дротахми занимает плетенка, окаймленная проволочной тесьмой. Концы браслетов напоминают стилизованные головки змей. Браслеты (особенно первый) похожи на браслеты монетно-вещевого клада из Сайрамсу под Чимкентом. Интересно, что и в этом кладе вместе с целыми браслетами были специально разломанные. Монеты датируют клад из Сайрамсу X — началом XI в.⁷⁰ Этим же временем датируются браслеты из юго-западного Семиречья и браслеты из Чиназа⁷¹. Однако при сопоставлении отарские витые браслеты выглядят гораздо проще и грубее. Видимо, они характеризуют последнюю ступень эволюции этого типа браслетов.

Пластинчатые браслеты представлены одним целым изделием и многочисленными обломками. Целый браслет выкован из пластинки шириной 0,9 см. Диаметр его 5,5 см, расстояние между концами 2,5 см. Поверхность браслета украшена штампованным орнаментом из четырех каннелюр, гравировкой и чеканкой. Крайние каннелюры обработаны пунктирным чеканом в 2 ряда, что придает им вид плетенки. В центре браслета выгравированы две ромбовидные фигуры, бортики которых заполнены штрихами. На концах браслетов — штампованные волюты (рис. 89, 6).

Браслет из двух частей шириной 1,3 см украшен гравировкой. По центру идет выпуклая полоса, окаймленная двумя каннелюрами с насечкой, заполненная «чешуйками» и штриховкой. В центре выгравирован четырехлепестковый цветок, в венчике которого и на концах лепестков чеканом нанесены овальные углубления. На краях браслета выгравированы по два лепестка того же цветка (рис. 89, 1).

Четыре фрагмента составляют браслет шириной 1 см. Он сильно изношен, орнамент на поверхности, особенно на концах, стерся. Его украшали каннелюры в квадратной рамке с точкой в центре и четырьмя точками по углам рамки. Завершается браслет фигурами из крестообразно расположенных точек (рис. 89, 3).

На поверхности другого браслета, представленного двумя обломками, нанесены три каннелюры (рис. 89, 4). Концы изделия закруглены. Еще один браслет с закругленными концами был выполнен из гладкой пластины шириной 0,6 см (рис. 89, 7).

Интересен массивный обрубок, скорее всего, браслета. Толщина пластинки до 0,3 см. Она украшена гравировкой и точечным чеканом. От сложной орнаментальной композиции сохранились две прямоуголь-

⁷⁰ Отчеты Археологической комиссии за 1899—1901 гг. СПб., 1902. С. 124. Рис. 280, 281; Спицын А. Из коллекции Эрмитажа (Чимкентский клад) // Записки Русского археологического общества. 1906. Т. 8. Вып. 1. С. 249—258.

⁷¹ Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959. Табл. XI, 12, 13; Вархотова Д. П. Два серебряных браслета X—XI вв. из Чиназа // ИМКУз. 1963. Вып. 4. С. 116—119.

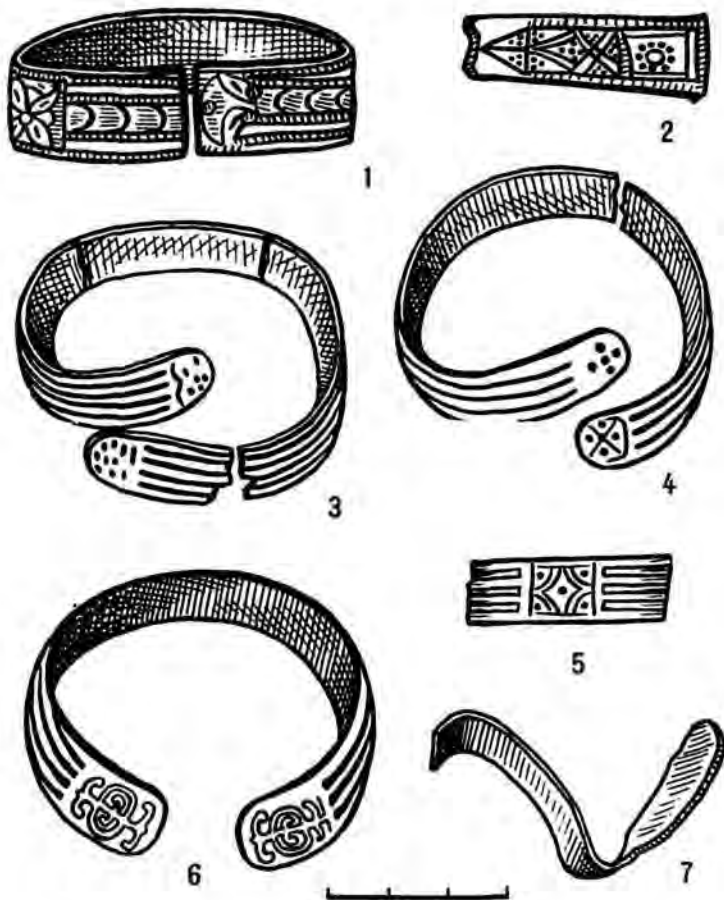

Рис. 89. Пластинчатые браслеты

ные рамки, внутри которых точечным чеканом выполнен орнамент в виде цветка, треугольников и крестообразных фигур (рис. 89, 2). Обычно браслеты с каннелюрами, украшенные резьбой и чеканом, встречаются в комплексах монгольского времени⁷². Браслету с орнаментом в виде 4-лепесткового цветка близки золотые браслеты, хранящиеся в Эрмитаже⁷³.

Перстни представлены в основном щитками, лишь один целиком сохранился, но без камня. Перстень с гнездом для камня имеет диаметр

⁷² Отчет Археологической комиссии за 1898 г. С. 114. Рис. 236, 237.

⁷³ Коллекция Гос. Эрмитажа. УЗ-960, УЗ-961.

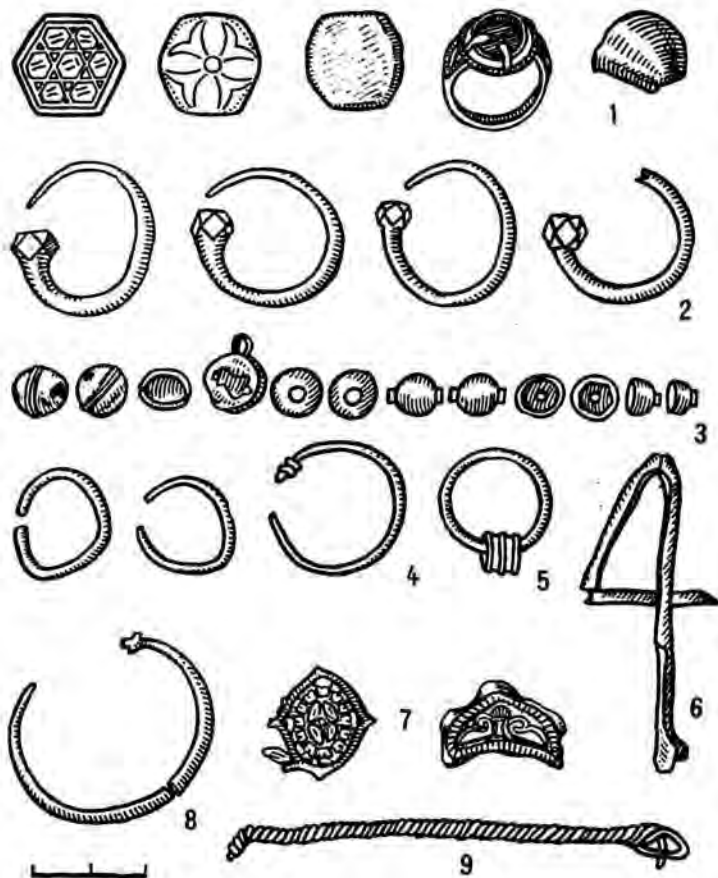

Рис. 90. Перстни, серьги, бусы и другие украшения

2 см. Кольцо его выковано из плоской проволоки с раздвоенными концами, к которым припаяна жуковина, украшенная по диаметру сканью. Камень, видимо, вынут: он удерживался 4 зажимами, 2 из них сохранились (рис. 90, 1, 91).

Три щитка перстней стандартны — имеют форму правильного шестиугольника со стороной 1 см. Один щиток гладкий, второй украшен штампованным изображением 4-лепесткового цветка, окаймленного точечной гравировкой. Третий щиток украшен сложной геометрической фигурой, образованной сочетанием 7 шестиугольников (орнамент типа «гирях»). Изображения нанесены точечным чеканом (рис. 90, 1, 91). В Эрмитаже, в коллекции вещей монгольского времени, есть похожий

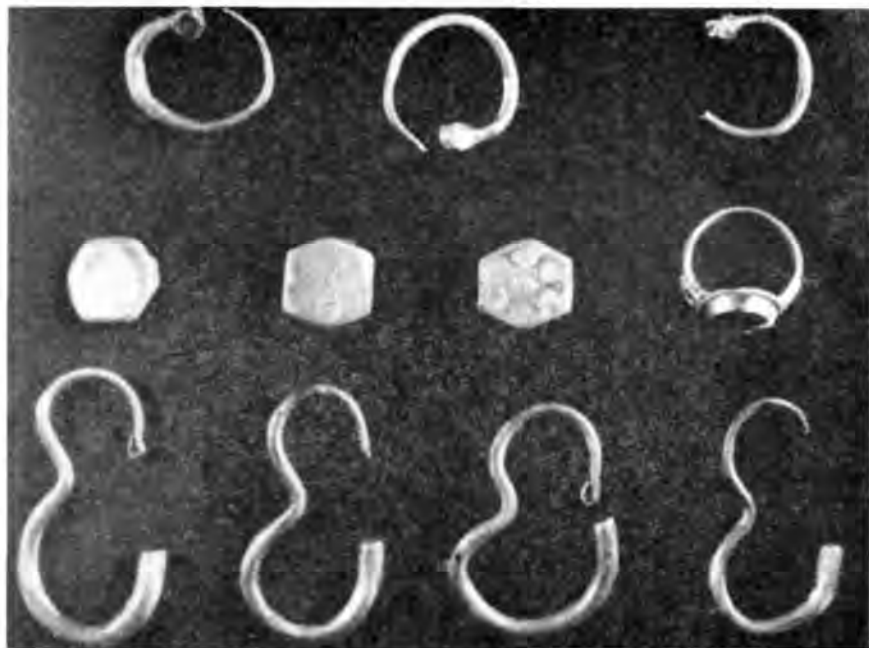

Рис. 91. Серьги (височные подвески?), перстни

на отрарский перстень с плоским щитком с прорезным 4-лепестковым цветком⁷⁴.

Серьги клада представлены четырьмя типами. К первому относятся *серьги из тонкой проволоки в виде знака вопроса* (рис. 90, 4). Найдена одна целая серьга этого типа и несколько в обломках. Такие серьги часто встречаются и в кочевнических погребениях, и на городищах. Относятся они в своем большинстве к XII—XIV вв. и обычно связываются с кыпчаками⁷⁵. Золотая серьга такой же формы была найдена на Отраре в стратиграфическом шурфе в слое, датированном XIII—XIV вв.⁷⁶

Ко второму типу отнесены круглые проволочные серьги. Один конец их острый, на другом напаяна бусина, украшенная по окружности шариками (зерну). Серьги с нанизанной на конце бусиной встречены при раскопках Саркела⁷⁷.

⁷⁴ Коллекция Гос. Эрмитажа. Сар-104.

⁷⁵ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью Золотой Орды. М., 1966. С. 37—41. Рис. 5; Вактурская Н. Н. О серьгах со средневекового городища Шехрлик // История и археология Средней Азии. М., 1968. С. 249—252. Рис. 1; Ллетнева С. А. Печенеги, тюрки и половцы в южнорусских степях // МИА. 1958. 62. С. 180. Рис. 16.

⁷⁶ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972. С. 67. Рис. 20.

⁷⁷ Артамонов М. И. Саркел — Белая Вежа // МИА. 1958. 62. С. 76—79. Рис. 57.

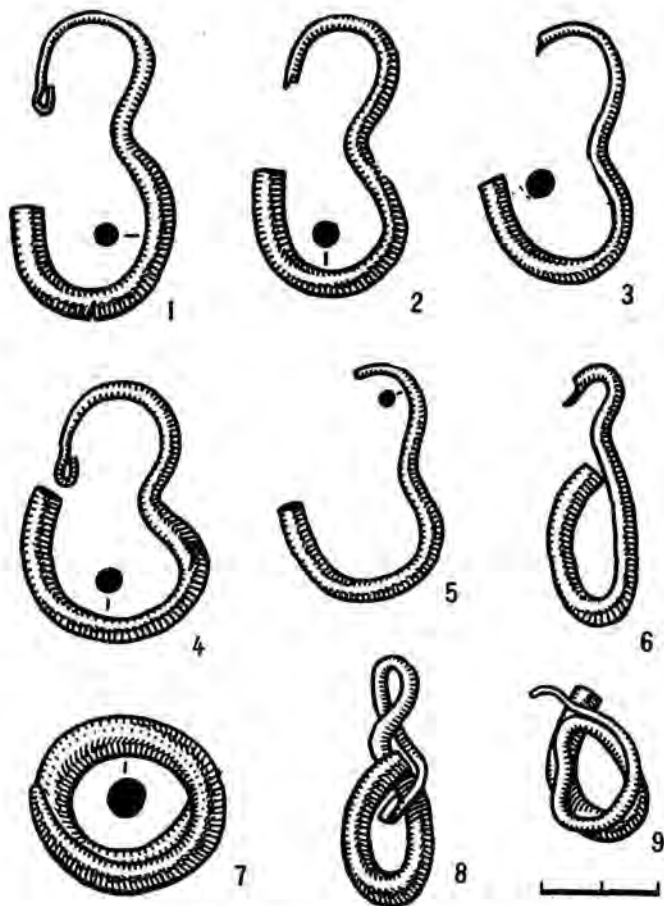

Рис. 92. Серьги (височные подвески?)

Серьги с многогранником на конце (третий тип) кованы из проволоки диаметром 2—2,2 см. Второй конец заострен (рис. 90, 2, 91).

Четвертый тип серег (височных подвесок) представлен 8 экземплярами. Хорошо сохранились две наиболее крупные серьги. Техника их изготовления такова: серебряный стержень круглого сечения обертывали пластинкой из серебра лучшего качества, затем заготовку проковывали, швы полировали и стержень изгибали в форме буквы З. Высота серьги 5,2 см, диаметр верхней полуокружности 1,8 см, нижней — 2,7 см. Верхняя часть тонкая, завершается петелькой. Нижняя — массивная, с плоским, как бы обрубленным концом (рис. 92).

Бусы круглые, полые, изготовлены из спаянных половинок. На шов

Рис. 93. Детали наборного пояса

напаяна витая проволока, на полюсах просверлены отверстия для напайки, края которых также украшены напайкой (рис. 92).

Подвески в виде шариков диаметром 1 см состоят из двух спаянных половинок. Шов закрыт припаянной витой проволокой. На одном из полюсов припаяна петелька для подвешивания (рис. 90, 3).

В кладе встречена группа полусферических *нашивок* диаметром 0,6—0,8 см с парой отверстий по краям.

Пуговицы гладкие, слегка выпуклые, диаметром 1,5 см, смяты и сплющены с краев. На оборотной стороне припаяна петля.

Из *деталей наборного пояса* сохранились пряжка, две накладки и кольцо (рис. 93). Пряжка литая, состоит из двух частей — прямоугольной рамки для крепления ремня и сердцевидной рамки, поверхность которой украшена гравировкой и пунктирным чеканом (рис. 94, 1—4). Концевое отверстие в пряжке служило для крепления к крючку, который нашивался на другой конец ремня. Две накладные бляхи имеют прямоугольную форму, передняя сторона сделана в виде фестончатой арки. Орнамент на бляхах выдавлен штампом, свободная поверхность обработана точечным чеканом, часть орнамента нанесена резцом. По краям накладок пробито по пять дырочек для крепления. Края рамок обработаны чеканом и имеют вид пружинок. В центре находится геометризованная фигура, состоящая из предмета кувшинообразной формы с примкнувшими к нему вершинами треугольниками и полумесяцем. Справа и слева располагается растительный орнамент. Выше и ниже фигуры в рамке сделана арабская надпись декоративным куфическим

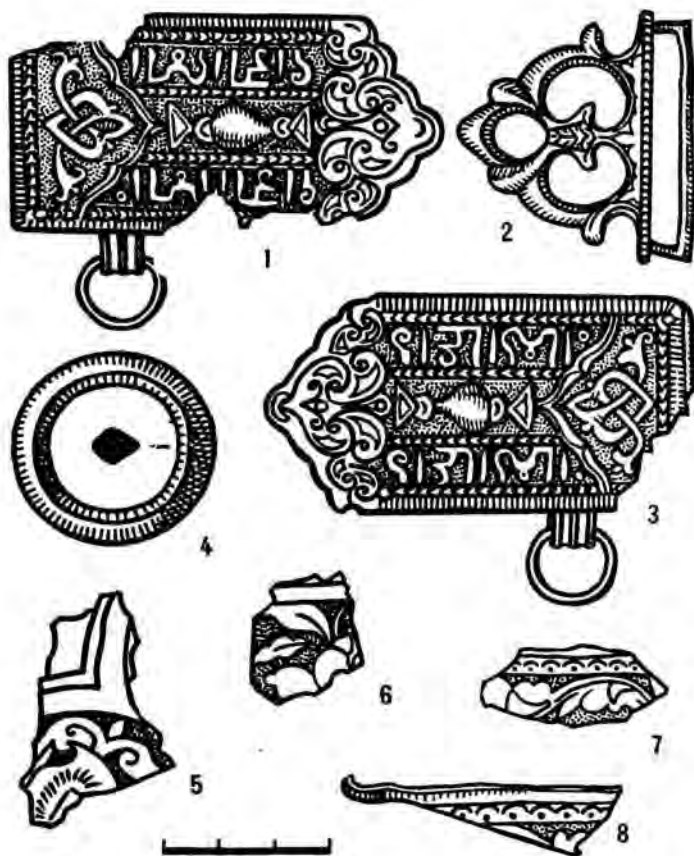

Рис. 94. Детали наборного пояса, фрагменты чаш

стилем, выдавленная в зеркальном отображении и читаемая с вогнутой стороны: «Вечное могущество или непреходящая слава».

Литое кольцо диаметром 2,5 см, видимо, служило для крепления к поясу различных предметов. Пряжка близка бронзовой пряжке, найденной на Царевском городище в Поволжье, датируемой XIV в.⁷⁸

В отдельную группу объединены обломки предметов с позолотой (рис. 95). Определить, что это были за изделия, невозможно. Выделяется фрагмент серебряной пластинки шириной 4,2 см (рис. 95, 2). Край ее украшен рамкой с «жемчужинами», а в середине гладкого поля располагается надпись уйгурским вертикальным письмом. Связное чтение

⁷⁸ Коллекция Гос. Эрмитажа. Сар-13.

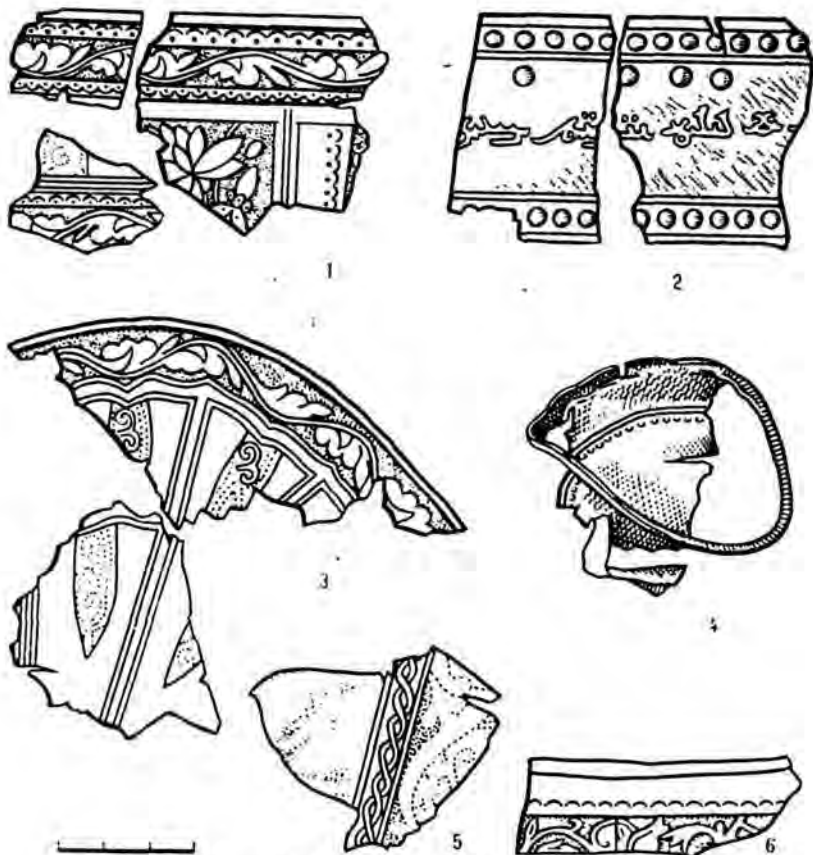

Рис. 95. Обломки изделий с позолотой

надписи невозможно, поскольку большая часть ее утрачена. Интересен фрагмент предмета дисковидной формы со штампованным орнаментом в сочетании с чеканкой и гравировкой (рис. 95, 3), а также фрагмент неизвестного трубчатого предмета (рис. 95, 4). Еще один фрагмент пластинки украшен растительным орнаментом и цветком лотоса (рис. 95, 1). Несколько обломков, возможно чаш, украшены резьбой, гравировкой и чеканом (рис. 94, 5—8, 95, 5, 6).

При раскопках Отрара собрана большая коллекция *бус* из цветного камня — сердолика, агата, яшмы, змеевика, лазурита, халцедона. Большой интерес представляют ромбовидные подвески из нефрита и лазурита.

Из цветного камня вытачивали *перстни*. Так, при раскопках гончарной мастерской найдены обломки двух перстней из сердолика и лазурита.

Стеклоделие

По-прежнему в городах было развито производство посуды из стекла зеленого цвета с различными оттенками, а также синего, голубого, красного, желтого и темно-коричневого. Ассортимент изделий достаточно широк — кружки, чаши, бокалы, рюмки, графины (рис. 96). Частая находка — грибовидные крышечки. Часть изделий украшена рельефным, образующимся при вдувании в форму, узором в виде вдавлений, кругов, ромбов, другая часть выглядит более нарядной благодаря наварным нитям, спиральям, манжетам из стекла этого же или другого цвета.

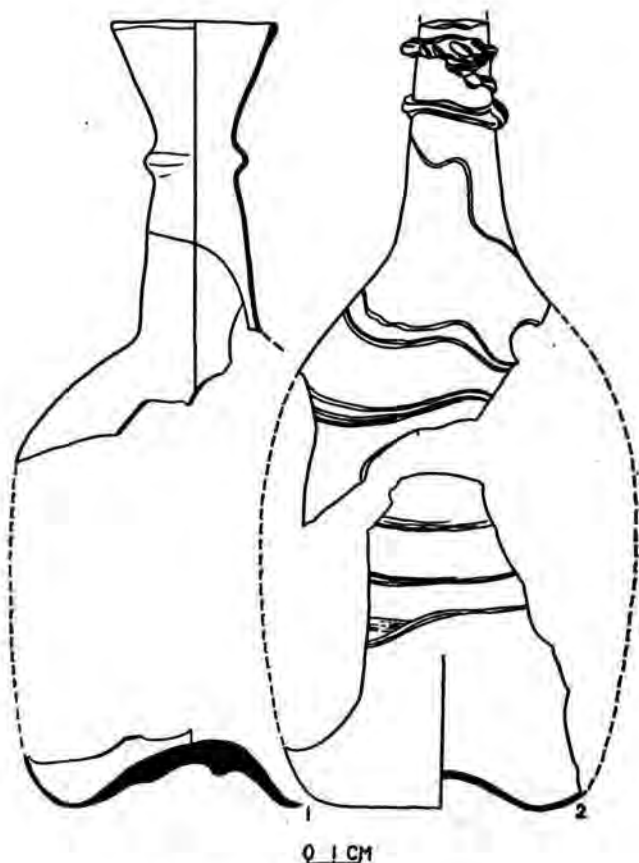

Рис. 96. Стекланные графины

Из стекла изготавливали также браслеты, украшенные глазками, браслеты из разноцветных стеклянных нитей, бусы, бисер.

В целом же для стеклоделия XIII — первой половины XV в. характерно уменьшение количества изделий по сравнению с предшествующим периодом.

Косторезное ремесло, обработка дерева и камня

Косторезное ремесло, традиционное для казахстанских городов, продолжает развиваться в рассматриваемый период. Среди находок из кости — ручки ножей, украшенные циркульным орнаментом, пуговицы и застежки. Из длинных берцовых костей лошадей и коров делали лощила для обработки шерсти, из лучевых костей баранов и коз — шилья

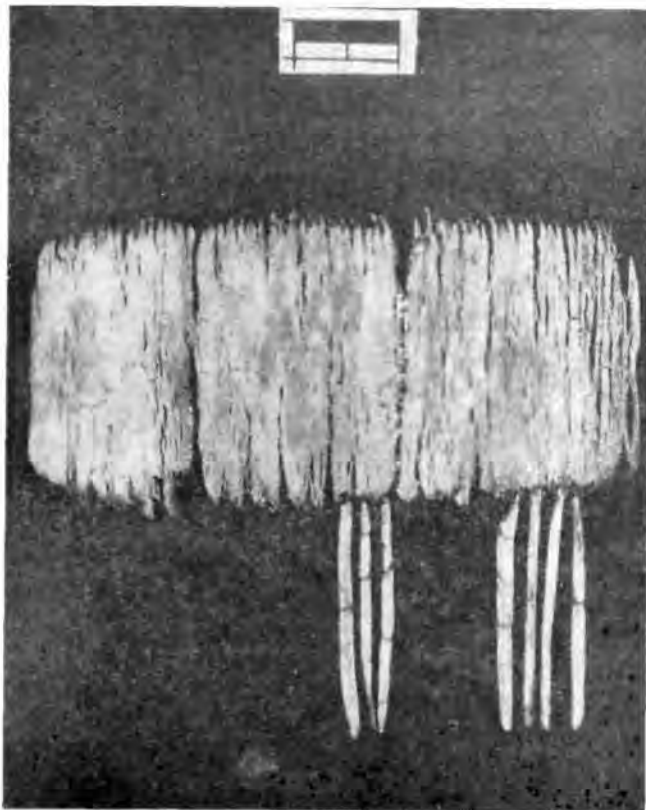

Рис. 97. Деревянный гребень

и проколки. В раскопах собрано много костяных напярсел. В качестве сырья использовали рога домашних и диких животных — сайги, джейранов, оленей.

Изделия из дерева сохранились плохо, находки их единичны. Это уже упоминавшийся фрагмент деревянного диска от гончарного круга и деревянный гребень (рис. 97).

Из камня изготавливали жернова, различные отбойники, песты, терочники, точильные бруски традиционных форм. К сожалению, сохранилось мало свидетельств распространения ткачества, ковроделия. В пользу их существования говорят находки, например, коробочек хлопка, напярсел в домах горожан.

Караванные пути, торговля, денежное обращение

Разгром городов, опустошение земледельческой полосы и степной зоны во время монгольских завоеваний отрицательно сказались на торговле города и округи, города и степи. Однако международные торговые пути продолжали функционировать⁷⁹.

По-прежнему оживленным был караванный путь, соединявший Китай, Монголию и Восточный Туркестан со Средней Азией, Средним и Ближним Востоком и проходивший через Семиречье. Так, в 1221 г. китайский монах Чан-Чунь через Монголию, Уйгурию, Кульджинский край и Семиречье попал в Самарканд, Кеш и оттуда проследовал в ставку Чингисхана. В 1223 г. этим же путем он вернулся назад. Описывая проделанный путь, путешественник сообщает о мостах через реки Чу и Талас⁸⁰. В 1246—1247 гг. по названному пути в столицу монголов Каракорум⁸¹ проехал армянский полководец Самбат Спарпет. В 1259 г. через долину Или, Семиречье и Среднюю Азию в Хорасан проследовал Чан Дэ⁸². В числе последних в 1278 г. по этому маршруту прошли два несторианских монаха — Мар Ябаллахи III и Раббан Саума. Они отправились в путь из Ханбалыка, пришли в Тангут, затем в Кашгар, а оттуда через Семиречье, сделав остановку в Таласе (Таразе), попали в Среднюю Азию, в Хорасан и далее на Кавказ⁸³.

При монголах важное значение приобрел дипломатический и кара-

⁷⁹ После Марко Поло. Путешествие западных чужеземцев в страны трех Индий //Пер., введ., прим. Я. М. Света. М., 1968. С. 24.

⁸⁰ Си-ю-пзи, или описание путешествия на Запад //Пер. с кит. и прим. архимандрита Палладия //Труды членов русской духовной миссии в Пекине. Спб., 1886. Т. IV. С. 307, 308, 336.

⁸¹ Армянские источники о монголах: Извлечение из рукописей XIII—XIV вв. //Пер., пред., прим. А. Г. Галстяна. М., 1962. С. 7, 48.

⁸² *Bretschneider E. Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources//Fragments towards the Knowledge of the geography and history of Central and Western Asia from the 13th to the 17th Century. London, 1910. Vol. 1. P. 129—130.*

⁸³ История Мар Ябаллахи III и Раббан Саумы. М., 1958.

ванный путь, соединявший Европу с Азией и пролежавший через южнорусские степи, Поволжье на Урал, далее в Хорезм, на Сырдарью и через Семиречье в Алмалык и Монголию. В 1246 г. Плано Карпини через Киев проследовал в ставку Бату Сарай-Бату, а оттуда через Хорезм, Семиречье и Тарбагатай прибыл в Каракорум. В отчете путешественника упоминается Сырдарья и множество разрушенных городов, среди которых Янкент, Бархин и Орнас (Янгикент, Барчкент и Аснас). Затем Плано Карпини прошел через Семиречье, переправился через Или, обогнул озеро Алакуль с юга и через Омал (Омыл) достиг Каракорума⁸⁴.

Частично путь Плано Карпини повторила миссия Андре де Лонжюмо—посла Людовика IX к Гуюку—в 1249 г. Через Акку и Мосул, вдоль южного берега Каспийского моря она пришла в Хорезм, оттуда через Семиречье прибыла в Омыл⁸⁵.

В 1253 г. этим же путем отправилась миссия Людовика IX к хану Мунке, возглавляемая Рубруком. Из Константинополя Рубрук морским путем достиг крымского города Сохдак (Судак), оттуда он прибыл в ставку хана Сартака, расположенную в трех переходах от Волги, затем через заволжские степи достиг р. Урал и через Приаральские степи добрался до низовьев Таласа⁸⁶. Поднимаясь вверх по течению реки, он проехал город Кинчат. Миновав Талас, миссия Рубрука прошла по семиреченскому участку Великого шелкового пути в Илийскую долину. После переправы через р. Или Рубрук проехал города Эквиус, Каялык—«столицу области», обогнул Алакуль, перевалил Тарбагатай и достиг Каракорума⁸⁷.

В 1254 г. в Каракорум из Килийской Армении направлялся армянский царь Гетум I. Из ставки Батыя Гетум поехал на восток, переправился через р. Айех (Яик—Урал) и прибыл в Ор. Потом он, видимо, пересек степи Центрального Казахстана и, переправившись через Ертич (Иртыш), достиг Монголии. Обратный путь Гетума в Далас (Тараз)⁸⁸ проходил через города Восточного Туркестана, Алмалык, Илибалык. Таким образом, Гетум проехал южно-илийским путем, которым за тридцать с лишним лет до него проследовал Чан-Чунь. Из Тараза Гетум отправился домой не коротким путем—через Среднюю Азию, а свернул на север, решив посетить ставку Сартака. Через Хутутчин и Паркет он проехал по маршруту, соединявшему города северных предгорий Каратау, достиг ставки Сартака, расположенной севернее Согнаха (Сыгна-

⁸⁴ Иоанн де Плано Карпини. История монгалов: Вильгельм де Рубрук. Путешествия в Восточные страны /Введ., пер., прим. А. И. Маленна. СПб., 1911. С. 24, 51.

⁸⁵ После Марко Поло. С. 22—23.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Подробно см.: Бернштам А. Н. Памятники старины Алма-Атинской области //Иzv. АН КазССР. Сер. археол. 1948. Вып. 1. С. 79—91; Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. //Соч. М., 1966. Т. IV. С. 77—87; Маргулан А. Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950. С. 55—62; Байпаков К. М. О локализации городов северо-восточного Семиречья //Вестник АН КазССР. 1968. № 7. С. 21—25.

⁸⁸ Гандзакеци Киракос. История Армении /Пер., пред., коммент. Л. А. Ханларян. М., 1976. С. 222—224.

ка), вновь вернулся в Сыгнак и оттуда через Савран (Сауран) и Асон (Ясы) доехал до Отрара, переправился через Сырдарью в Зурнук (Зернук) и по ханской дороге, минуя Самарканд, Бухару, Тус, попал в Армению.

После смерти хана Мунке на востоке и западе Монгольской империи разразились междоусобные войны⁸⁹. Стал опасным сквозной путь из Тебриза в Ханбалык через Среднюю Азию и Семиречье. Поэтому в 1291 г. миссия Монтекорвино отправилась в Ханбалык уже не освоенным путем, а круглым, через Индию⁹⁰. Купцы и миссионеры предпочитали этому долгому пути налаженную дорогу по сухопутью из Каффы в Тану, Старый или Новый Сарай, в Ургенч, Отрар, Алмалык и Ханбалык. По расчету Бальдуччи Пеголотти (1340), этот путь длился 290 дней⁹¹. Еще один путь проходил через Сарайчик, Ургенч, Бухару, Кашгар⁹². Обстановка, сложившаяся на этой трансзиатской магистрали в 20—30-х гг. XIV в., благоприятствовала международной торговле. Это в значительной мере было вызвано подъемом Золотой Орды, ростом Сарая-Бату и Сарая-Берке⁹³, а также расцветом экономической и культурной жизни в городах Ак-Орды.

Последним торгово-миссионерским предприятием европейцев в XIV в. в странах Востока стало путешествие Джованни Мариньоло, продлившееся 15 лет (1338—1353). Из Каффы через Тану он проследовал в Новый Сарай, оттуда в Ургенч и Алмалык⁹⁴.

К 1370 г. вся система трансзиатских путей пришла в полное расстройство. Войны на востоке сделали дороги через Мавераннахр и Семиречье опасными для торговли. В третьей четверти XIV в. всеобщая смута охватила Золотую Орду. Опустошительные походы Тимура в Поволжье, Крым, Семиречье положили конец международной торговле⁹⁵.

В первой половине XIV в. пришли в запустение семиреченские города. К середине XIV в. Алмалык — важнейший политический и экономический центр Илийской долины — утратил свое значение, еще раньше погибли Каялык, Тальхиз, Ики-огуз, Илибалык⁹⁶. Примечательно, что ни один из источников, описывающих походы Тимура в Семиречье, не называет ни городов, ни поселений⁹⁷. Семиреченское звено выпало из

⁸⁹ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 573—584.

⁹⁰ После Марко Поло. С. 74—85.

⁹¹ Sinor D. Communication sur les missionnaires hongrois dier les Mongols // Journal Asiatique. 1943—1945. Т. 234. Р. 439—440.

⁹² Бадян В. В., Чиперис А. М. Торговля Каффы в XIII—XIV вв. // Феодальная Таврика. Киев, 1974. С. 184.

⁹³ Греков Б. Д., Якубовский Ю. А. Золотая Орда. М., 1937. С. 157.

⁹⁴ После Марко Поло. С. 122.

⁹⁵ Пищулина К. А. Юго-восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI в. Алма-Ата, 1977. С. 41—89.

⁹⁶ Байпаков К. М. Периодизация городской и оседлой сельской жизни в Илийской долине // Бартольдовские чтения. Год 4-й. М., 1978. С. 8—10.

⁹⁷ Пищулина К. А. Юго-восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI в. С. 136—137.

цепи международных караванных путей. Замирает здесь и внутренняя торговля, прерывается движение ремесленной продукции и продукции торговли в степные и полустепные районы. Теперь шелк, предметы роскоши поступали из Китая и Средней Азии на Запад через Ургенч и Хорезм. В списке товаров, вывозимых генуэзцами из Каффы, значатся шелка хорезмский и ургенчский⁹⁸. По свидетельству Пеголотти, в Средней Азии и Китае закупались также шелковая и золотая парча, хлопчатобумажная ткань, шерсть, рис, шафран, сушеные фрукты, керамика, фаянс, фарфор. Из городов Ирана и Востока везли художественный металл, украшения, драгоценные камни, сандаловое дерево, жемчуг, из Евropy — полотняные ткани. Сохранились свидетельства, что Пеголотти советовал купцам брать с собой полотняные ткани, продавать их в Ургенче и запасаться сомами — слитками серебра, имевшими хождение в татарских странах⁹⁹. Именно такие слитки обнаружены в денежно-вещевом кладе Отрара, датированном 40—60-ми гг. XIII в. Самый крупный из них овальной формы, с загнутыми концами, размером 119×147 мм, весом 1410 г. Два брусковидных слитка имеют закругленные края (часть одного из них обрублена); еще два сделаны в виде конических палочек и несут следы проковки¹⁰⁰. Такого типа свинцовые палочки длиной 4—6 см и диаметром 2—3 см широко представлены в материалах золотоордынского времени из Поволжья¹⁰¹.

Все перечисленные товары, конечно, частично оседали в городах Южного Казахстана. Подтверждением широкой международной торговли может служить названный выше серебряный клад, где представлены монеты Алмалыка, Эмиля, Пулада, Дженда, Крыма, Сиваса. Часть изделий клада происходит из Средней Азии, Восточного Туркестана, Малой Азии, например детали описанного выше наборного пояса и пластинки с уйгурской надписью. Пряжка, как уже отмечалось, близка бронзовой пряжке, найденной на Царевском городище и датированной XIV в.¹⁰² Накладки и кольцо сходны по форме с серебряными бляшками поясного набора из монгольского погребения в Самарканде¹⁰³.

Таким образом, клад содержит своего рода «визитные карточки» областей и стран, через которые проходил трансказиатский путь.

Среди бронзовых зеркал XIII—XV вв. Отрара есть подражания зеркалам ближневосточного и китайского производства. На одном из них изображен гон зверей, на другом — фигуры крылатых львов с человеческими лицами en face с членистыми хвостами и шипом на конце.

⁹⁸ Старокадомская М. К. Солхат и Каффа в XIII—XV вв. Феодалная Таврика. Киев, 1974. С. 168—169.

⁹⁹ Бартольд В. В. Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XIV в. // Соч. М., 1965. Т. III. С. 59.

¹⁰⁰ Байпаков К. М., Настич В. Н. Клад серебряных вещей и монет из Отрара. С. 29—30.

¹⁰¹ Смирнов А. П. Волжские булгары. М., 1951. С. 120.

¹⁰² Коллекция Гос. Эрмитажа. Сар-13.

¹⁰³ Буряков Ю. А., Крамаровский М. Г. Поясной набор XIII в. из Самарканда // СА. 1974. № 2. С. 258—263.

Такие зеркала изготавливались мастерами Средней Азии и Ирана¹⁰⁴.

В товарно-денежные отношения этого периода была втянута кочевая периферия. Об этом свидетельствуют находки монет вкладах и погребениях кочевников, в частности в захоронении XIII—XIV вв. неподалеку от Джамбула¹⁰⁵, захоронении кипчаков из Центрального Казахстана¹⁰⁶.

В первые десятилетия после монгольского завоевания состояние хозяйства настолько ухудшилось, что говорить о денежной торговле в это время не приходится. Чтобы вывести страну из разрухи, восстановить хозяйство и оживить денежную торговлю, требовалась централизованная внутренняя политика. Начало реформаторской политике положил Менгу-хан, провозглашенный в 1251 г. великим ханом. Источники приписывают ему ряд мероприятий, якобы продиктованных заботой о благосостоянии народа. При нем был строго регламентирован подушный налог, ограждавший население от произвольных повинностей, декретирован регулярный чекан золотых динаров одинаковой пробы, что способствовало восстановлению и оживлению денежной торговли¹⁰⁷. Одним из главных вдохновителей и практическим проводником политики Менгу-хана в Мавераннахре и за его пределами стал купец-правитель Масудбек, сын Махмуда Ялвача — первого правителя Средней Азии при монголах.

Согласно Е. А. Давидович, денежное хозяйство империи Джагатаидов подразделяется на три этапа¹⁰⁸.

Первый этап — это четверть столетия от завоевания Средней Азии монголами и примерно до середины XIII в. На этом этапе более или менее регулярный выпуск монет осуществляли два города — Самарканд и Бухара. Применение этих монет было узколокальным, и поэтому они не способствовали ликвидации денежного кризиса.

Второй этап характеризуется регулярным чеканом низкопробной (60% золота) анонимной золотой монеты, имевшей хождение во всем Джагатаидском государстве независимо от места выпуска. Проба монет специально была назначена низкой, чтобы приблизить золотые монеты к уровню и объему реальной торговли того времени. При мелких расплатах могли использоваться фрагменты золотых монет, принимаемых на вес. Работали монетные дворы Бухары, Самарканда, Ходженда и Отрара. Оживилась и более мелкая денежная торговля. В Отраре с

¹⁰⁴ Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент, 1961. С. 162—163. Рис. 193, 194.

¹⁰⁵ Максимова А. Г. Погребение воина XIV в. // Вестник АН КазССР. 1965. № 6. С. 85—91; Массон М. Е. К вопросу об изучении языческих курганных погребений // Там же. 1965. № 1. С. 82—83.

¹⁰⁶ Маргулан А. X. Раскопки погребения воина XIV в. в долине р. Нуры // ТИИАЭ КазССР. 1959. Т. 7. С. 248—261; Массон М. Е. Серебряные монеты XIV в. из погребений кочевников в бассейне р. Нуры // Там же. С. 261—265; Кадырбаев М. К., Бурнашева Р. З. Погребения кипчака первой половины XIV в. из могильника Тасмола // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С. 42—53.

¹⁰⁷ Гафуров Б. Г. Таджики: Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. С. 458.

¹⁰⁸ Давидович Е. А. Денежное хозяйство Средней Азии в XIII веке. М., 1972.

649 г. х./1251—52 г. по 662 г. х./1264—65 г. почти ежегодно выпускались медные посеребренные дирхемы одного типа с надписями «менгу-хани» или «хани», указывающими, что монета ханская.

Недавно обнаружена еще одна разновидность монет с надписью «йарли хани»¹⁰⁹. Эти монеты обслуживали торговлю не только Отрара и его округи, но и районов Южного Казахстана, Ташкента и Ферганы. Клады медных посеребренных дирхемов с чеканом Отрара довольно часто встречаются и на территории Средней Азии.

В 1972 г. на Отраре найден клад посеребренных медных дирхемов (190 экз.), чеканенных в 50—60-х гг. XIII в. В нем оказались и медные фельсы отрарской чеканки этого же периода (19 экз.), аналогичные посеребренным дирхемам и отличающиеся от них только размерами¹¹⁰. В денежном обращении Отрара они выполняли функцию мелкой разменной монеты, что безусловно связано с расширением торгово-денежных отношений во второй половине XIII в. Этот факт очень важен, поскольку до сих пор считалось, что на втором этапе реорганизации денежного хозяйства Джатаидов только столичный город Алмалык выпускал одновременно золотую, серебряную и медную монеты. Наличие в кладе монет с именем Масуда ал Хорезми — сына Махмуда Ялвача — свидетельствует о большей значимости экономической власти Масудбека в Мавераннахре, чем это представлялось¹¹¹.

Третий этап начинается с денежной реформы Масудбека¹¹². Она была декретирована в 670 г. х. (1271—72 г.), но для полного ее осуществления потребовалось еще два десятилетия XIII в. Реформа вводила регулярный чекан настоящих серебряных монет во многих городах и областях Средней Азии, юга Казахстана и Семиречья. Любое частное лицо могло принести на монетный двор серебро для отливки в монету за определенную плату. Сейчас известно более 15 монетных дворов, работавших в последней четверти XIII в. Среди них монетные дворы Отрара, Тараза, Кендже (Кенджде), Дженда.

Серебряные монеты первым после Алмалыка стал выпускать Отрар (с 670 г. х./1271—72 г.), затем Тараз и еще несколько городов. С 677 г. х./1278—79 г. стал выдавать монетную продукцию Кендже.

Пореформенный чекан серебряных монет является важнейшим источником для сравнительной характеристики экономического состояния разных областей и районов Средней Азии. Нумизматические данные позволяют заключить, что с точки зрения денежной торговли в наи-

¹⁰⁹ *Настич В. Н.* Новые факты из истории монетного производства и денежного обращения в Южном Казахстане // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983. С. 146.

¹¹⁰ *Байпаков К. М., Настич В. Н.* Новые данные по истории Отрара X—XIII вв. // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1978. № 2. С. 49—50.

¹¹¹ *Бурнашева Р. З.* Клад чагатаидских монет второй половины XIII в. с городища Отрар // История материнской культуры Казахстана. Алма-Ата, 1980. С. 85, 90—92; *Она же.* Монетные находки с городища Отрар-тобе // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978. С. 163; *Настич В. Н.* Новые факты из истории монетного производства и денежного обращения в Южном Казахстане. С. 147—149.

¹¹² *Давидович Е. А.* Денежное хозяйство Средней Азии в XIII в. С. 141—142.

более благополучном положении находились юг Казахстана и юго-западное Семиречье.

Реформа Масудбека обеспечила государство серебряной монетой и дала гарантии (вес, проба) штучного обращения их независимо от места выпуска. Кроме того, был налажен регулярный чекан медных фельсов во многих городах, прекращен выпуск медных посеребренных дирхемов, которые изымались из обращения. Именно с успешным проведением денежной реформы 1271 г. можно связать ощутимый подъем во всех областях городской жизни. Этот подъем был закреплен новой денежной реформой Кебек-хана (1321 г.), которая ввела в оборот новые серебряные монеты — «кебеки».

Находки на Отраре медных и серебряных монет первой половины XIV в. свидетельствуют о функционировании монетного двора в городе. В коллекции имеются кружки, чеканенные при ханах Тармаширине (1326—1334), Дженкши (1334—1338), Есун-Тимуре (1338—1341) и Баянкули (1348—1358)¹¹³.

При Тимуре и Тимуридах с последней четверти XIV и до середины XV в. в Отраре по-прежнему продолжался выпуск монеты¹¹⁴. В денежном обращении, судя по находкам, находились также медные монеты, выпущенные во второй половине XIV — первой половине XV в. в Самарканде, Шахрухне, Бухаре, Андижане. Эти монеты обслуживали межобластную и местную торговлю. Показателем широких внешнеторговых связей Отрара может служить клад серебряных монет «танга-и шахрухи» (219 экз.), привезенный в Отрар из Ирана или Хорасана после 1430—1431 гг. Он состоял из монет Астрабада, Герата, Иезда, Кашана, Кума, Сабзевара, Шираза. Несколько монет относятся к эмиссиям Тимура и Махмуда, Мухаммеда Джахангира и Искандера Кара-Кюяну¹¹⁵.

Еще большего расцвета достигли экономика и торговля отрарского оазиса в середине XV — первой половине XVI в. В это время наблюдается максимальное развитие товарно-денежных отношений в Средней Азии¹¹⁶, а также, как свидетельствуют многочисленные находки монет, в Отраре, Туркестане и других городах на юге Казахстана.

¹¹³ *Массон М. Е.* Исторический этюд по нумизматике Джагатаидов: (по поводу таласского клада монет XIV в.) //Труды САГУ. Археология Средней Азии. 1957. Вып. 111. С. 50—63; *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Позднесредневековый Отрар. С. 151—152; *Настич В. Н.* К периодизации монетной чеканки Отрара и ее роли в денежном хозяйстве города и области //Ближний и Средний Восток: Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980. С. 168.

¹¹⁴ *Кочнев Б. Д.* Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. 3: (Караханиды, Масудбек, Чагатаиды, Тимуриды, Джаниды) //ИМКУз. 1981. Вып. 16. С. 83—85; *Настич В. Н.* Новые факты из истории монетного производства и денежного обращения в Южном Казахстане. С. 149—151.

¹¹⁵ *Настич В. Н.* К периодизации монетной чеканки Отрара и ее роли в денежном хозяйстве города и области. С. 167—168.

¹¹⁶ *Давидович Е. А.* О времени максимального развития товарно-денежных отношений в средневековой Средней Азии: (К постановке проблемы) //Народы Азии и Африки. 1965. № 6. С. 89—91.

Земледелие

Монгольское нашествие отрицательным образом сказалось на развитии сельского хозяйства. В Семиречье, в Илийской долине, в долинах Чу и Таласа земледельческая культура погибла. Земли, освоенные под пашни, были превращены в пастбища. К концу XIII в. Илийская, а к середине XIV в. Чуйская и Таласская долины становятся районами кочевого и полукочевого скотоводства.

На юге Казахстана постепенно происходит подъем сельского хозяйства, что сыграло важную роль в жизни городов XIII—XV вв. К середине XIII—XV в. относится восстановление оросительных систем в Сыгнаке, на левобережье Сырдарьи, вблизи Отрара¹¹⁷. В отрарском оазисе на магистральных каналах, выведенных из Арыси, в четырехугольнике городищ Отрар — Куйруктобе — Алтынтобе и Куюк-Мардан в конце XIII—XIV в. складывается земледельческая зона. Здесь располагались сотни усадеб, концентрирующихся в земледельческие поселения.

Раскопки Отрара свидетельствуют о наличии в домах горожан специальных амбаров с емкими хранилищами. Остатки зерен пшеницы, ячменя, маша, семян бахчевых и плодовых культур, косточек винограда, обгоревших коробочек хлопка свидетельствуют о возделывании этих культур и горожанами, и сельскими жителями.

---

¹¹⁷ *Грошев В. А.* Ирригация Южного Казахстана в средние века. Алма-Ата, 1985. С. 129—134.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Большой материал, полученный в результате исследования Отрара, дал возможность проследить динамику развития южноказахстанского города на протяжении трех столетий.

Период со второй половины XIII в. характеризуется постепенным выходом Отрара из кризиса, наступившего после монгольского нашествия. Первоначальное восстановление городской жизни приходится на середину XIII в., а ее быстрому расцвету способствовала денежная реформа Масудбека в 1271—1272 гг. В целом реформа смогла обеспечить государство серебряной монетой, которая обращалась повсюду, независимо от места выпуска. Новые нумизматические данные по Отрару подтверждают, что в Южном Казахстане денежная торговля находилась в лучшем состоянии, чем в районах Средней Азии.

Несмотря на опустошения, произведенные монголами, традиционные линии развития городской культуры Южного Казахстана не были прерваны. Появившиеся в культуре XIII—XV вв. инновации не нарушили динамики развития культуры предшествующего периода. Такое явление характерно и для других завоеванных монголами территорий с развитыми городами. Так было в Хорасане, Мавераннахре, Хорезме, где локальные традиции городской культуры сохранялись.

На юге Казахстана это прослеживается повсеместно и в архитектуре общественных построек, и в домостроительстве, в развитии керамического и ювелирного ремесел, где традиционализм прослеживается наиболее отчетливо. Строительное искусство XIV—XV вв. историки архитектуры считают одним из наиболее ярких явлений мирового зодчества. Ведущие мастера по сооружению зданий являлись носителями и передатчиками опыта предшествующих поколений. При этом они не замыкались в рамках собственного опыта, а обогащали его находками первооткрытий.

Из архитектурных построек XV в. на территории Южного Казахстана наиболее известен мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви, а также уже разрушившийся мавзолей Қок-Кесене в Сыгнаке.

К концу XIV — началу XV в. относится и перестройка мавзолея Арслан-Баба вблизи Отрара. От него сохранились лишь две резные колонны из карагача, некогда поддерживающие перекрытия примыкающей к мавзолею мечети. Как сейчас ясно, они воплощают традиции резьбы по дереву, распространенные в Отрарском оазисе в период раннего средневековья. О существовании этих традиций свидетельствуют и находки резного дерева в парадном зале VI — первой половины IX в., располагавшемся в цитадели городища Куйруктобе.

Строительство мечетей, медресе, мавзолеев, зафиксированное в письменных источниках и подтвержденное остатками архитектурных построек, свидетельствует о дальнейшем распространении мусульманства. В среде горожан наиболее популярным являлся суфизм, который был приспособлен к местным условиям. Так, учение Ходжа Ахмеда Ясеви являло собой пример приспособленности мусульманской догматики и даже некоторых обрядов к местным языческим верованиям. О распространении суфизма дают представление находки керамики с надписями, например, чаши, обнаруженной в отрарской бане, с изречениями суфийского характера.

В то же время по-прежнему сохраняются такие реликты языческих верований, как культ барана и огня. Находки керамических фигурок барана, а также декоративных плит с характерной символикой, украшавших тандыры, — яркое тому свидетельство.

В XIII—XV вв. в Отраре продолжается традиция застройки городской территории изолированными один от другого кварталами, состоящими из 6—20 домов, входы которых обращены на внутреннюю улочку-тупичок либо на участок магистральной улицы. Сохраняется традиционная сеть магистральных улиц, сформировавшаяся, видимо, еще в период раннего средневековья. Скорее всего, она была жесткой и определяла скелет города в течение нескольких столетий. По крайней мере, направление магистральных улиц Отрара сохраняется и в XVI—XVIII вв.

Центральная часть городища была застроена жилыми домами и общественными сооружениями. Во второй половине XIII в. выстроена общественная баня — монументальное сооружение из жженого кирпича. В конце XIV — начале XV в. — соборная мечеть.

В домостроительстве, в характере планировки и интерьера жилищ XIII—XV вв. сохраняются традиции предшествующего периода. Продолжает развиваться анфиладная и крестообразная планировка жилищ с суфами, открытыми очагами, поставами для жерновов, закромами в хозяйственных, жилых помещениях. Новым является устройство тандыра с коротким дымоходом, выведенным под суфой в вертикальный колодец в стене. Такие дома продолжали строить в Отраре и в XVI — начале XVIII в.

Пригород во второй половине XIII — первой половине XV в. был занят комплексами различных производственных мастерских. В юго-восточной части находился «квартал» гончаров. К производственным помещениям мастерских с обжиговыми печами примыкали двух- и трех-

комнатные дома гончаров. Отмечены специализация мастеров-керамистов, элементы кооперации и цеховых объединений.

Для обеспечения нужд городского строительства во второй половине XIII в. в южной части пригорода возникает кирпичеобжигательная мастерская.

Отрарский оазис в XIII—XV вв. являлся одним из центров металлургии. Об этом свидетельствуют раскопки железоплавильных мастерских на городище Куйруктобе. Получили развитие также стеклоделние, медницкое, ювелирное ремесла, обработка кости, камня.

Преимственность прослежена и при сравнении керамических комплексов домонгольского и послемонгольского времени, украшений. Так, в орнаментике посуды XI—XII вв. и керамики XIII—XIV вв. широко используется мотив вихревой розетки; в технологии применяется красный ангоб. Традиционные линии развития прослеживаются в неполивной керамике. Широко распространены такие виды керамики, как горшки, банкообразные сосуды, крышки, дастарханы.

Витые браслеты с концами, оформленными в виде головок змей, повсеместно носили на юге Казахстана и в Семиречье еще в домонгольское время. Серьги в виде знака вопроса встречены в материалах XI—XII вв. и связываются с кипчаками. Почти такие же браслеты, перстни, серьги изготавливались казахским населением XIX — начала XX в.

Пока из-за недостатка археологических материалов XIII—XV вв. для городов Средней Азии трудно судить об общих чертах и локальных особенностях развития материальной культуры Южного Казахстана и Отрара. Можно с уверенностью говорить лишь о распространении в это время новых типов домов в городах Южного Казахстана и Хорезма. И там и здесь увеличивается площадь суфы, становится обязательным устройством площадка ташнау. Однако дымоходы в тандырах Отрара отличаются от канов в домах Хорезма или Золотой Орды. В отрарском оазисе тандыр имел короткий дымоход, обогревавший лишь небольшой участок суфы. Каны же в Поволжье и Хорезме сооружались по периметру помещения и отапливали таким образом всю комнату.

Наряду со сходством некоторых групп поливной керамики Южного Казахстана, Средней Азии и Поволжья уже выявляется своеобразие южноказахстанской керамики, для которой было характерно полное отсутствие кашина, богатство цветной гаммы полив.

Сближение, сходство поливной керамики Южного Казахстана и Средней Азии наблюдается во второй половине XIV—XV в., когда широко распространяются новые типы ее, применяются синяя и голубая поливы, росписи кобальтом. Однако по-прежнему отсутствует кашин, сохраняются своеобразные формы поддона и элементы росписи.

Высокого уровня развития достигла торговля: международная, внутриобластная, с кочевниками. Клад серебряных вещей и монет XIII в. характеризует город как важный торговый центр, имеющий связи с Восточным Туркестаном, Мавераннахром, Хорезмом, Поволжьем, Крымом, Ближним и Средним Востоком. Внутриобластная, местная торговля и торговля со степью обслуживалась монетами, чеканенными

на отрарском монетном дворе. Отрарская монета имела хождение и на территории Средней Азии.

Отмечается развитие сельского хозяйства, строительство новых ирригационных каналов. Вся территория к северо-востоку от Отрара, между Отраром, Куйруктобе и Алтынтобе, до Сырдарьи была орошена и застроена комплексами усадеб, состоявших из нескольких жилых секций. К каждой усадьбе примыкал земельный участок. Усадьбы группировались по обе стороны каналов, отходящих от магистральных и регулировавшихся при помощи сложных вододелителей. Один из них сохранился севернее Куйруктобе.

Таким образом, период XIII—XV вв. является одним из этапов в общей линии развития средневековой городской культуры Отрара и всего Южного Казахстана.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КАТАЛОГ МОНЕТ ГОРОДИЩА ОТРАР-ТОБЕ (1979-1985 гг.)

Предлагаемый каталог является продолжением работы, обобщившей результаты нумизматических изысканий на городище за период с 1971 по 1977 г.¹ По этой причине, а также в силу того, что описываемый материал структурно и морфологически однороден с опубликованным ранее, мы сочли возможным не только сохранить основные принципы описания, принятые в упомянутой работе, но и продолжить сквозную каталожную нумерацию монет и монетных кладов. Так, описание монет из ежегодных раскопов (раздел I) продолжается с № 403, кладов (раздел II) серебряных — с № 5 и медных или бронзовых — с № 6. В каталог вошли только монетные клады, происходящие непосредственно с центрального бугра городища (а именно из раскопа III) и примыкающих к нему рабадов. Материалы полевых сезонов 1977 и 1978 гг. сюда не включены, так как еще находятся на обработке. Кроме того, из каталога намеренно исключены описания монет из раскопа IV и других объектов, где археологические работы еще не завершены.

Регистрация монет в пределах каждого полевого сезона, начиная с 1976 г., велась не по инвентарным книгам с групповыми дробными номерами, как прежде, а по ежегодным полевым записям, независимым друг от друга.

Около половины всего комплекса полной типологической атрибуции не поддается ввиду значительного окисления монет. Атрибуция дефектных экземпляров в каталоге по возможности сведена к констатации факта находки и сопровождается лишь указанием сохранности, размеров и, если есть хотя бы косвенные основания, приблизительной датировкой. Если сохранность монеты позволяет без сомнений отнести ее к определенному типу или варианту, известному по публикациям, полное описание такого экземпляра заменяется максимально возможным для данного типа определением (династия, правитель, место, время изготовления, номинал) и ссылкой на его издание. (Для монетных типов, публиковавшихся неоднократно, мы старались указывать либо первое издание, либо, наоборот, позднейшую, наиболее доступную работу, предпочтительно обобщающего характера.) Когда же видимых на монете изображений недостаточно для ее однозначного отождествления с опубликованным типом либо она представляет новый тип или вариант известного типа, то наряду с определяемыми выпускными сведениями, насколько позволяет сохранность, приводится и краткое описание экземпляра с чтением сохранившихся фрагментов надписей. Арабские надписи и их фрагменты, где только возможно, даны в русском переводе, в отдельных случаях приводится фонематическая транскрипция надписей (выделена курсивом без кавычек).

Все монеты, вошедшие в настоящий каталог, издаются впервые, поэтому в последней графе приведены указания на публикации представляемых ими типов и вариантов монет. Ссылки на указатель литературы, помещенный в конце каталога, даны по общей кодированной схеме, включающей номер издания по списку (выделен полужирным шрифтом), страницу текста с описанием, упоминанием или воспроизведением данного типа монет²; после двоеточия — номер описания (типа) в данном тексте. За косой чертой указывается (при наличии такового) номер рисунка, графической или фототаблицы; далее в скобках — страница, на которой данная таблица или рисунок помещены.

¹ См.: *Настич В. Н., Бурнашева Р. З.* Каталог монет из раскопов и сборов на городище Отрар-тобе (1971—1977) // Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Позднесредневековый Отрар. Алма-Ата, 1981. С. 289—342. Рис. 116—118 (далее в зависимости от источника поступления материала, по разделам — I, 2: см. Указатель литературы).

² Ссылки на каталог 1981 г. (№ 1 и 2 по Указателю литературы), а также на публикации В. М. Алексеева (4), О. И. Смирновой (21, 22) и Х. М. Френа (25) даются по номерам описаний без указания страниц.

Для удобства пользования каталогом в нем применяется система внутренних перекрестных отсылок к однотипным или типологически близким экземплярам отрарского комплекса: за единичными исключениями, обусловленными все тем же фактором сохранности, такие отсылки даются на первые из описываемых монет данного типа. Преемственность сквозной нумерации позволяет использовать для этого кодовые обозначения, принятые для трех разделов издания 1981 г. Правда, в данном случае первая цифра, совпадающая с номером соответствующего раздела каталога, набрана не полужирным, а светлым шрифтом: например, помета «Ср. I:417» расшифровывается как № 417 в разделе I «Монеты из раскопов Отрара» настоящей работы, тогда как «1:299» будет относиться к одноименному разделу в «Позднесредневековом Отраре».

Все остальные характеристики изложены во введении к изданию 1981 г.

Принятые сокращения: пом. — помещение, гор. — горизонт, кв. — квартал, д. — дом.

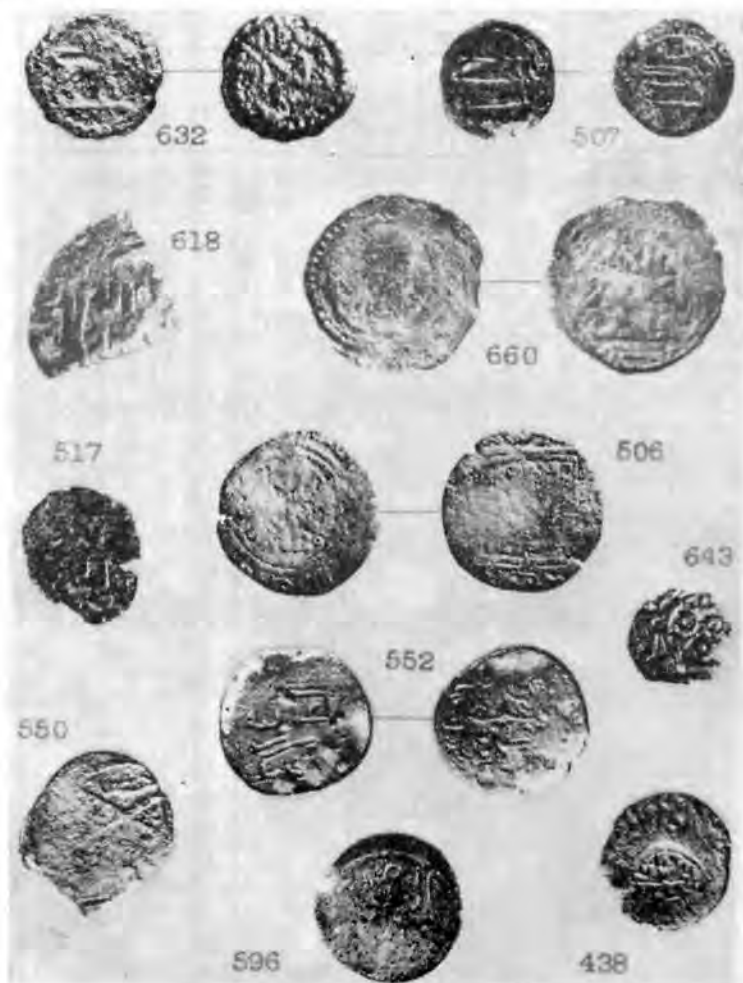

Рис. 98. Монеты из раскопа III

I. МОНЕТЫ ИЗ РАСКОПА III (1979—1985 гг.)

№ п/п	№ полевой записи	Место находки	Определение или описание	Размер, мм	Вес, г	Публикации типа; другие примечания
1	2	3	4	5	6	7
1979 г.						
403	3м	Гор. III, кв. «И», д. 3, пом. 3, верхний пол	Л. остатки надписи в линейном (?) ободке; О. утрачена. Предположительно чекан <i>Дарвиш-хана</i> (2-я пол. XVI в.).	25×28	3,32	Ср. 2 : 135—137
404	6м	»	Тонкий медный кружок с неровным краем, вырезанный из пластины большего размера. Без явных следов чекана.	18—19	0,60	
405	7м	»	Обломок. Не определяется.	До 16	—	
406	8м	Гор. III, кв. «И», д. 1, пом. 6, нижний пол.	Л. в фигурном 6-лепестковом картуше <i>Герат</i> (?), между лепестками надпись, как на медных «адлия» бухарской эмиссии 832/1428—29 г. (сохранилось «чекан»). О. дата словами: 86(?)4 (соотв. 1459—60 г.). По публикациям неизвестна.	21—23	3,49	Тип Бухары 832 г. х. см. 1:417 и ниже; Герат 858 г. х.: 18, с. 672 : 172
407	9м	Гор. III, кв. «И», д. 1, пом. 19, нижний пол	Тип, как Бухара 832 г. х., но между лепестками картуша вместо надписи по 3 крупных точки; О. дата словами: 8xx (стерта). Следы перечекана? С крупным 6-угольным (?) падчеканом на Л. (фрагментарный оттиск, надписи не читаются). <i>Не ранее 3 четв. XV в.</i>	23—24	3,71	Ср. 10, с. 118—121:1а
408	13м	Гор. III, кв. «И», улица	Типовые признаки утрачены. <i>Не ранее XV в.</i>	25—27	2,56	
409	14м	Гор. II, кв. «И», улица, яма	Л. остатки надписи в линейном ободке (<i>чекан Ясы</i>); О. утрачена. XVI в.?	17×20	1,70	Ср. 1:250
410	15м	Гор. III, кв. «Ж», улица	Шейбаниды. Анонимный чекан Самарканда 918/1512—13 г. <i>Динар[и] Фулус</i> .	19—22	1,76	18, с. 698:26—27; 10, с. 75:28/6 (с. 74)
411	16м	»	Л. остатки надписи в звездчатом картуше; О. следы маленького 6-угольного надчекана (<i>хуб?</i>). <i>Начало XVI в.</i>	16—18	1,50	Ср. 10, с. 111—113: 4/15
412	17м	Гор. II, кв. «И», улица, яма	На обеих сторонах неразборчивые следы надписей в линейных (?) ободках. <i>Не ранее XV в.</i>	19	2,88	
413	18м	Гор. III, кв. «Ж», д. 1, пом. 8, верхний пол	Следы надписей на обеих сторонах. Напоминает чекан Саурана посл. четв. XVI в.	17—18, Толщ. 2	4,41	Ср. 2 : 1 и 140

414	19м	В отвале	Не определяется.	15×18	—	
415	20м	»	Неясные следы надписей. Напоминает медный чекан Шейбанидов 1-й четв. XVI в.	20—23	3,15	
416	21м	Гор. II, кв. «И», д. 3, пом. 21, верхний пол	Л. два надчекана: ромбовидный (<i>хуб?</i>) поверх круглого («Чекан...»); О. фрагмент 6-угольного надчекана, надписи не сохранились. <i>Не ранее 1-й четв. XVI в. Деформирована.</i>	17×20	2,02	Ср. 10, с. 111—113: 3 и 5
417	22м	В отвале	Тимуриды. Анонимный чекан Бухары 832/1428—29 г. ^г Адлийа- и фулус.	24—25	4,63	25:445/XV.18; 10, с. 79—80:3; 1:295
418	23м	Гор. IV, кв. «И», д. 5, пом. 29, верхний пол	Бухара, тип 832 г. х. Л. квадратный надчекан «Данги/Чекан/Самарканда». <i>Не позднее 861/1456—57 г.</i>	24×28	4,76	10, с. 121:2; см. также 1:59
1980 г.						
419	2м	Гор. III, кв. «И», д. 10, пом. 80, верхний пол	Следы надписей, напоминающие медный чекан Шейбанидов XVI в. (Ташкент?).	19—21	2,67	
420	3м	В отвале	Типовые признаки утрачены. <i>Не ранее XV в.; следы надчекана?</i>	23—25	3,68	
421	4м	Гор. IV, кв. «И», д. 2, пом. 5, верхний пол	Бухара, тип 832/1428—29 г. Л. следы крупного надчекана квадратной (?) формы. <i>Не ранее 3-й четв. XV в.</i>	23	2,74	Ср. 1:418
422	5м	»	Тип утрачен, не определяется	19—20	—	
423	6м	Гор. IV, кв. «И», д. 1, пом. 1, нижний пол	Тимур, чекан Самарканда, дата утрачена (80-е гг. XIV в.).	25—26	3,42	25:443/XV.15(785 г. х.); см. также 1:2,259; 2:16
424	7м	Гор. IV, кв. «И», д. 1, пом. 2А, верхний пол	Л. многолопастный картуш со следами надписи (монетный двор — <i>Самарканд</i> или <i>Карши?</i>), вокруг и на О. — цветочный орнамент в линейном ободке. Без даты (<i>кон. XV в.</i>). Динар.	23—26	3,29	Ср. 10, с. 76—77:39/7 и там же, с. 195—196
425	8м	Гор. IV, кв. «И», д. 9, у входа в пом. 22, верхний пол	Серебро. Тимуриды, Шахрух (1405—1447). Чекан Самарканда, год стерт. Танга-и шахрухи. Край обломан.	23—26	4,56	Тип: 23, с. 53—54:1/1 (835/1431—32 г.)
426	9м	В отвале	Чингизиды, анонимный чекан Отрара, год стерт (3-я четв. XIII в.). Дирхем, вариант хани. Следы серебряния.	38—39	6,52	11, с. 36—37; 1:222 и 225/116
427	11м	Гор. IV, кв. «И», д. 5, пом. 28, яма нижнего пола	Тимур, чекан Хорезма, без даты (791/1389—90 г.?). Пул.	15—16	0,57	18, с. 665:4; 24, с. 193:39/IV (с. 223)
428	12м	Гор. IV, кв. «И», д. 6, пом. 22, завал	Бухара, тип 832/1428—29 г. ^г Адлийа-и фулус.	23,5—26	5,68	Как 1:417

1	2	3	4	5	6	7
429	13м	Гор. IV, кв. «И», д. 6, пом. 13, нижний пол	Тимур, чекан Самарканда, год стерт (80-е гг. XIV в.).	24	2,99	Как 1:423
430	15м	Гор. III, кв. «Ж», д. 2, пом. 9, верхний пол	Неправильной формы. Остатки надписей и орнаментов, характерных для тимуридской меди. Следы надчекана 6-угольной (?) формы. Не ранее 3-й четв. XV в.	20×24	4,12	
431	16м	В отвале	Тимур, чекан Самарканда, дата утрачена (80-е гг. XIV в.). Обломок, погнут.	До 24	—	Как 1:423
432	17м	Гор. IV, кв. «И», улица, яма	Следы крупных надписей в поле и за широким линейным ободком. Предположительно посеребренный дирхем Отрара 3-й четв. XIII в. Погнут, обломан.	37—38	4,23	Как 1:426?
433	18м	Гор. IV, кв. «И», улица	Династия Сун, император Шэнь-цзун. Период Си-нин (1068—1077). Цянь. Почерк сяо-чжуань? С дефектом литья.	24	3,55	Ср. 4:150—152 (нероглиф или без нижнего «крючка»)
434	21м	Гор. IV, кв. «Ж», д. 1, пом. 60, верхний пол, завал	Тимур, чекан Самарканда, дата утрачена (80-е гг. XIV в.).	24—25	2,56	Как 1:423
435	22м	Гор. IV, кв. «И», д. 7, пом. 40, нижний пол	Династия Сун, император Чжэ-цзун. Период Шао-шэн (1094—1096). Цянь. Почерк цзе-шу.	24,5	3,19	4:173
436	23м	Гор. III, кв. «Ж», д. 3, пом. 11, верхний пол, завал	Следы фигурного картуша, как на среднеазиатских медных динарах конца XV—XVI в.	16—18	1,38	
437	24м	Гор. IV, кв. «Ж», д. 7, пом. 12, верхний пол	Следы куфических надписей в точечных ободках. Караханиды, 2-я пол. XI в. Край обломан.	24—25	3,65	Ср. 2:24
438	25м	Гор. IV, кв. «И», улица	Тимуриды, тип 823/1420 г. с надчеканом чечевицеобразной формы на О.: «Полданга./Термез». Около сер. XV в. (рис. 98).	20,5	3,12	Ср. 10, с. 121—122:3
439	26м	»	Неправильной формы (кружок согнут вдвое и прокован как двухслойный). Следы надписи на одной стороне и растительного орнамента — на другой. Не ранее 2-й четв. XV в. Край обломан, с трещиной.	15×22	2,13	
440	28м	»	Часть литого кружка со скошенным гуртом. Следы точечного ободка. Караханиды, втор. пол. XI в.	17×23	—	Ср. 1:344; 2:43—46

441	29м	Гор. IV, яма, верхний слой	Неправильной формы, с выступом на гурте. Л. в линейном ободке (?) «чекан Ташкенда»; О. следы штемпеля (зверь?). XVI—XVII вв.	15—17	3,25	
442	30м	»	Бесформенный фрагмент, разломан надвое. Не определяется.	До 19 (общий)	—	
443	31м	Гор. III, кв. «Ж», д. 3, пом. 23, завал	Прокислена насквозь и распадается. Не определяется.	До 17	—	
444	32м	Гор. III, кв. «Ж», д. 3, пом. 11, завал	Бухара, 832/1428—29 г. «Адлия-и фулус.	24—27	8,20	Как 1:417
445	33м	В отвале	Обломок. Не определяется.	До 17	—	
446	34м	Гор. IV, яма, верхний слой	Неправильной формы, разной толщины. Без следов чекана. Аналогичные экземпляры встречаются в составе кладов, датированных 2-й пол. XVI — сер. XVII в.	14×17, толщ. до 3	3,32	Ср. 3, с. 338—339 (клады 2 и 5)
447	35м	Гор. IV, кв. «Ж», д. 3, пом. 51, верхний пол, завал	Следы линейно-точечного ободка на одной стороне, фрагмент надчекана неясной формы — на другой. Не ранее сер. XV в.	24—25	3,47	
448	36м	Гор. IV, кв. «И», улица	Бухара, тип 832/1428—29 г. О. фрагмент 6-угольного надчекана, надпись неразборчива. 3-я четв. XV в.	22—23	3,02	Наподобие 1:407
449	37м	В отвале	Кружок литой, по гурту двухслойный. Обе стороны полностью сглажены или не чеканены. Караханиды, втор. пол. XI в. Обломан с краю.	23—24	4,19	Ср. 1:159
450	38м	Гор. IV, кв. «И», д. 5, пом. 28, верхний пол	Л. следы кufической надписи в двойном линейном ободке; О. полностью стерта или не чеканена. Караханиды, 2-я пол. XI в. Трещины и обломы. Тимуриды. Самарканд, [81]3 г. х. (1410—11 г.). Дробный номинал (пул?).	19×22,5	3,63	Ср. 1:437
451	41м	Гор. IV, кв. «И», д. 8, пом. 70, верхний пол	Гладкий кружок без чекана. XVI—XVII вв.	18	1,93	10, с. 78:45/8(77)
452	43м	Гор. III, яма, верхний слой	Гладкий кружок без чекана. XVI—XVII вв.	15—16	1,59	Ср. 1:446
453	45м	Гор. IV, кв. «И», д. 1, в стене пом. 2	Бухара, 832/1428—29 г. «Адлия-и фулус.	24	3,98	Как 1:417
454	46м	Гор. IV, яма, верхний слой	«Заготовка» в виде цилиндрика, вырубленного из толстой медной проволоки. Аналогичные экземпляры также обращались в качестве денег, содержатся в кладах конца XVI—XVII в.	7, толщ. 4	1,59	См. 1:321; 3, с. 338—339 (клады 2 и 5)
455	47м	В отвале	Л. неясные остатки надписей; О. цветочный орнамент в линейном ободке. 1-я четв. XVI в. Обломана.	21	3,16	
456	48м	»	Желтая бронза. Обломок 4-угольной формы без явных следов чекана. Возможно, имеет немонетное происхождение.	19×24	4,12	

1	2	3	4	5	6	7
457	52м	Гор. IV, кв. «И», д. 9, пом. 21, завал	Тимуриды, тип 823/1420 г. «Адлия-и фулус. Обломана по краю.	21—24	2,02	18, с. 666:33—34 (Самарканд); 14, с. 111/1 (разные монетные дворы)
458	53м	Гор. III, кв. «Ж», д. 1, под стеной	Край обломан. Не определяется.	19—20	—	
459	54м	Гор. III, кв. «Ж», улица	Без явных следов чекана. <i>Не ранее XV в.</i>	16—18	—	
460	55м	Гор. IV, кв. «И», улица	Л. следы широкого линейно-точечного ободка, крупный 6-угольный (?) надчекан Самарканда; О. утрачена. 3-я четв. XV в. Край обломан.	21—23,5	4,26	Ср. 1:407
461	56м	В отвале	Мелкая, подпрямоугольной формы. Л. следы изображения в линейном ободке (?); О. утрачена или без чекана, XVI—XVII вв.	10×13	1,65	
462	57м	Гор. III, кв. «И», д. 8, пом. 61, в заполнении суфы	Тимуриды, анонимный чекан Отрара 818/1415—16 г. «Адлия? Обломана почти наполовину.	18×21	1,23	Ср. 15, с. 83—85/4
463	58м	Гор. III, кв. «Ж», улица	Основной тип утрачен. Круглый надчекан с неясной надписью (<i>хуб?</i>), перекрытый другим (6-угольным?) надчеканом. 1-я четв. XVI в. Обломана по краю.	17—19	1,24	Ср. 10, с. 111—113:5
464	59м	Гор. IV, кв. «И», улица	Обломана. Не определяется.	16×20	—	
465	60м	Гор. II, кв. «И», д. 1, пом. 166, нижний пол	Чекан Саурана (<i>Сабран</i>) с именем «Аб[даллах]-хана, без даты (стерта?). Посл. четв. XVI в.	18—21	4,36	Ср. 2:139
466	61(2) м*	В отвале	Тимуриды, анонимный чекан Отрара 818/1415—16 г. Дробный номинал.	20—21	2,15	20, с. 149—151/4
467	61(3)м	»	Тонкая (возможно, от окисления). Едва заметные остатки надписи (?). Не определяется. Погнута.	18	—	
468	61(4)м	»	Неправильной формы, тонкая (от окисления). Тип монет Бухары 832/1428—29 г., но штемпели выполнены грубо и с искажениями.	21—23	1,75	Ср. 1:347
469	62(1)м	Гор. IV, кв. «Ж», улица	Подобна предыдущей, но в штемпелях явные признаки имитации: слово <i>Бухара</i> в круглом картуше воспроизведено вместе с частично перекрывающим его словом <i>зарб</i> («чекан»), которое на оригинале могло быть только в надчекане. Предположительно не ранее 3-й четв. XV в.	22—26	3,35	

* Конвертик с № 0—80/III—61 (1) м отсутствует.

470	62(2)м	»	Монета Бухары конца XV в. с фигурным надчеканом (остатки надписи неразборчивы). <i>Не позднее 907/1501—02 г.</i>	25—26	4,30	Основной тип — 10, с. 82:21/10 (без года); надчекан — 10, с. 108—109:17/14(97) Ср. 1:407
471	62(3)м	»	Монета Бухары 832/1428—29 г. с крупным (6-угольным?) надчеканом на О. (надпись утрачена). <i>Не ранее 3-й четв. XV в.</i>	26—27	5,31	
472	62(4)м	»	Тонкая, Тимур, чекан Самарканда, год стерт (80-е гг. XIV в.).	24—26	2,13	Как 1:423
473	63(1)м	Гор. IV, кв. «И», улицы	Следы надписей в линейных ободках. Напоминает чекан Дарвиш-хана <i>посл. четв. XVI в.</i>	25—29	3,32	Наподобие 1:403
474	63(2)м	»	Основной тип утрачен. На одной стороне — остаток надчекана многолопастной формы со следами надписи ^с ад[ил]/зар[б]/[Сама]рк[анд]. <i>Около 917—918 гг. х. /1511—13 гг.</i>	21—22,5	1,87	Ср. 10, с. 101:2/14 (с. 97)
475	63(3)м	»	Неправильной формы. Не определяется. Обломана.	14×16,5	—	
476	63(4)м	»	Несколько обломков прокисленной насквозь и раскрошившейся монеты. Не определяется.	—	—	
477	64(1)м	»	Тонкая (от окисления). Тип утрачен, следы надчекана? Не определяется.	25—27	—	
478	64(2)м	»	Л. едва заметные следы тамги 8 — в центре, надписей по ее сторонам и за двойным линейным ободком; О. утрачена. Чагатаиды, анонимный чекан Отрара (?), <i>посл. четв. XIII — нач. XIV в.</i>	До 28	1,87	Ср. 1:506
479	64(3)м	»	Тимур, чекан Самарканда [7]8х г.-х. (80-е гг. XIV в.). Глубокий разрез (до 8 мм).	24—27	2,91	Как 1:423
480	64(4)м	»	Тип неясен. <i>Не ранее XIV в.</i>	16—17	2,66	
481	64(5)м	»	Не определяется. Погнута.	18—20,5	1,46	
482	64(6)м	»	Подпрямоугольной формы. Неясные следы чекана (?). <i>XVI—XVII вв.</i>	11×17	2,66	Ср. 1:198
483	64(7)м	»	Остатки изображений соответствуют самаркандскому чекану Тимура, но в сегментах Л. дата не словами, а цифрами (сохранилось хх5 = 785/1383—84 г.). Дробный номинал. Обломана по периметру.	До 18	0,67	Наподобие 1:423, но мельче
484	64(8)м	»	Мелкая Л. остатки картуша и надписи, напоминающие чекан Бухары типа 832 г. х.; О. закрыта окислом. Дробный номинал. Край обломан.	14—15	0,73	Как 1:417 или 468

1	2	3	4	5	6	7
485	64(9)м	*	Мелкая, неправильной формы, обломана. Не определяется.	11×13	—	
486	65(1)м	Гор. III, кв. «И», переулок северного направления	Основной тип утрачен. На одной стороне надчекан в 4-лепестковом картуше <i>«адил[шир]мард/... Около 914/1508—09 г.</i>	25—28	2,69	10, с. 111:1/15
487	65(2)м	*	Тимуриды, чекан Самарканда 819/1416—17 г. <i>«Адлийа-и нимданг»?</i>	21—22	4,30	10, с. 70:5/4(69); см. также 1:117/117 (год разобран неверно)
488	65(3)м	*	Л. в круглом орнаментальном картуше — название монетного двора (неразборчиво); О. дата словами: 91 х или 92 х г. х. (1-я четв. XVI в.).	19—21	1,91	По публикациям не обнаружена.
489	65(4)м	*	Неправильной формы. Основной тип утрачен. Надчекан в 4-лопастном картуше <i>«ади]л[Та]шкенд. Не ранее 918/1512—13 г.</i>	19×22	2,03	Ср. 10, с. 100:1 (вариант); там же, с. 338, прим. 247.
490	65(5)м	*	Типовые признаки утрачены. По фактуре соответствует эмиссии <i>Караханидов 2-й пол. XI в.</i>	23—25	3,81	Ср. 1:437
491	65(6)м	*	Л. «чекан Ташкенда», остальное стерто; О. неясно (дата словами?). След надчекана 6-угольной (?) формы. <i>Не ранее 1-й четв. XVI в.</i> Края обломаны.	21—22	2,36	
492	65(7)м	*	Типовые признаки утрачены. Кружок литой, со скошенным гуртом. <i>Не позднее XI в.</i> Обломана.	20—21	3,77	
493	65(8)м	*	Саманиды, Наср [II] б. Ахмад (914—943). Выпускные данные утрачены (чекан <i>Бухары?</i> год стерт). Фельс.	24	4,12	
494	66 м	Гор. III, кв. «И», д. 4, пом. 26, завал	Чагатаиды, анонимный чекан Отрара, дата утрачена (<i>не позднее 685/1286 г.</i>). Фельс. Обломан.	20	0,90	Ср. 1:299; 2:47 и 124
495	67 м	Гор. III, кв. «И», улица	Мелкая. Без явных следов чекана. <i>XVII в.</i>	12—15	0,56	
496	68 м	Гор. III, кв. «Ж», д. 3, пом. 1, в заполнении суфы	Серебро. Раскрошившийся фрагмент монеты; вероятнее всего, дирхем чагатайского чекана посл. четв. XIII — нач. XIV в.	Первоначально до 22	—	
497	69 м	Гор. IV, кв. «И», д. 5, пом. 27, завал	Мелкая. Неясные следы чекана (надпись?). Предположительно <i>XVI в.</i> Пул?	13—14	0,50	
498	70 м	В отвале	Мелкая. Неясные следы чекана. <i>XVI—XVII вв.</i> Пул?	13—15	0,55	
499	71 м	Гор. III, кв. «И», д. 3А, пом. 16, под уровнем пола	Следы надписей и цветочных орнаментов, напоминающие среднеазиатский чекан Шейбанидов. <i>1-й четв. XVI в.</i>	23—24	3,10	

500	72м	Гор. IV, кв. «И», д. 9, пом. 46, завал	Неправильной формы. Тип, как Бухара 832 г. х., изображения и надписи грубые, с искажениями.	22—24	4,42	Ср. 1:468
501	73м	Гор. IV, кв. «И», д. 9, пом. 22, верхний пол, завал	Л. в квадратной рамке «Чекан... (стерто)», по сторонам — виньетки; внешний ободок точечный. О. в линейно-точечном круговом ободке — дата словами: «Месяцы/года/х ⁹ /7 ⁶ (или 7 ⁶ /70?)». Не ранее сер. XIV в.	17—20	2,51	По публикациям не обнаружена
502	74м	В отвале	Тип не определяется; следы надчекана? Не ранее сер. XV в.	23—26	—	
503	75м	Гор. IV, кв. «И», д. 2, пом. 3, верхний пол	Бухара, 832/1428—29 г. Тонкая, погнута.	22—25	1,49	Как 1:417
504	76м	Гор. IV, яма, верхний слой	Овальной формы, с неровными, слегка выпуклыми поверхностями. Без чекана? XVI—XVII вв.	16—19	2,64	
1981 г.						
505	1м	Гор. IV, кв. «И», д. 4, пом. 30, завал верхнего пола	Не определяется. С пробитым отверстием в центре.	21—24, отв. 4	—	
506	2м	Гор. IV, кв. «И», д. 4, пом. 32, между двумя полами	Л. остатки надписи куфи /... (тамга) /... в двойном линейном ободке, за которым видны следы круговой легенды; О. в двухлинейной квадратной рамке с переплетениями посередине каждой стороны крупным «цветущим» куфи — «Справедливый, величайший», в сегментах виньетки; остальное стерто. Чагатанды, анонимный чекан Отрара рубежа XIII—XIV вв. (рис. 98).	24—25	3,12	См. также 1:478
507	3м	Гор. IV, кв. «И», д. 1, пом. 1, ранний пол	Л. и О. надписи архаичным куфи, характерные для эмиссий ранних Аббасидов. Выпускные данные и имя правителя утрачены; по сохранившимся очертаниям предположительно читается дата 165/781—82 (?). Фельс. (Рис. 98).	17—18	1,29	По публикациям не обнаружена
508	4м	Гор. IV, кв. «И», улица	Типовые признаки утрачены. Не ранее XV в.	20—23	3,83	
509	8м	Гор. IV, кв. «И», д. 4, пом. 43, в заплн. суфы верхнего пола	Тимуриды, 823/1420 г. (название монетного двора стерто). ^с Адлия-и фулус. Обломана.	20—22	3,95	Ср. 1:457
510	9м	В отвале	Подпрямоугольной формы. На обеих сторонах — неясные остатки надписей. Чекан Ясы? XVI в.	17×20	3,43	
511	10м	Гор. IV, кв. «Ж», д. 3, пом. 65, завал	Бухара, 832/1428—29 г. ^с Адлия-и фулус. Обломана.	До 24,5	2,78	Как 1:417

1	2	3	4	5	6	7
512	11м	»	Предположительно <i>Караханиды</i> , 2-я пол. XI в.	23—24	4,32	Ср. 1:490
513	12м	Гор. IV, кв. «И», д. 6, пом. 13, завал	Не определяется. В центре пробито овальное отверстие с неровными краями.	25—27, отв. до 5	—	Ср. 1:505
514	13м	Гор. IV, кв. «И», д. 5; пом. 29, в стене	Чагатаиды, анонимный чекан Отрара, дата утрачена (тип 698/1298—99 г.). <i>Фельс</i> .	23—25	2,30	1:119/116; 18, с. 551:101—103
515	14м	Гор. III, кв. «З», д. 1, пом. 25, нижний пол	Название монетного двора в круглом картуше стерто (<i>Бухара</i>), О. дата словами: [9]18/1512—13 г.	19—21	2,07	Ср. 10, с. 81:16/10 (с. 82)
516	15м	В отвале	Типовые признаки утрачены, <i>Не ранее XV в.</i>	20—22	4,27	
517	16м	Гор. IV, яма, верхний слой	Фрагмент медного посеребренного дирхема Отрара 3-й четв. XIII в., чеканенный на кружке меньшего размера или вырезанный из обычной (крупной) монеты под размер позднего фельса (?). (Рис. 98).	18—21	1,33	См. 1:426 (поле, строки 3—4 справа)
518	17м	Гор. IV, кв. «И», улица	<i>Караханиды</i> , 2-я пол. XI в. Края с трещинами.	22—24	3,50	Как 1:490
519	18м	В отвале	Тип утрачен. <i>Не ранее XIV в.</i>	20—22	—	
520	19м	Гор. IV, кв. «И», д. 6, пом. 48, завал верхнего пола	Л. в круглом ободке, обрамленном орнаментом, «Чекан Сабрана» (Сауран); О. неясно (дата словами?). XV в. Дробный номинал.	17—19	1,35	По публикациям не обнаружена
521	21м	Гор. IV, кв. «И», д. 4, пом. 44, яма	Бухара, тип 832/1428—29 г. (грубый чекан).	23—24	6,86	Как 1:468
522	22м	»	Литая, симметричные следы обрубки литников. <i>Караханиды</i> , 2-я пол. XI в.	18×22	3,00	Ср. 1:382
523	23м	Гор. IV, кв. «И», д. 7, пом. 9, ранний пол, завал	Л. неясный фрагмент надписи (<i>Шахрухия?</i>) в орнаментальном картуше с плетенкой в углу; О. дата словами: 81х (над словом <i>ашар</i> плетенка). Тип соответствует 819/1416—17 г. Дробный номинал?	18	2,06	Напоминает 12, с. 436:10/8, но мельче (часть штемпеля); ср. также 1:23 и 50
524	24м	Гор. III, кв. 3, улица	Мелкая. Без чекана. XVI—XVII вв.	10—11	0,78	Ср. 1:26 и 146
525	25м	Гор. III, кв. «З», улица	Неправильной формы. Остатки надписей, напоминающие чекан Дарвиш-хана 2-й пол. XVI в. Обломана.	22×26	2,86	Как 1:403
526	26м	»	Л. следы 6-лучевой звезды (гексаграмма) с надписью (?) в центре; О. следы надписи в линейной рамке и за ней. <i>Не ранее XIV в.</i>	17—18	1,56	По публикациям не обнаружена

527	27м	*	Подквадратной формы. Остатки надписей, соответствующие медному чекану Самарканда (?) или Саурана посл. четв. XVI в. (с датами 995—1001 г. х. или без дат).	21×24	4,07	Ср. 18, с. 699—700: 53—57, 60—70; см. также 1:155 и 253/117; 2:9, 138 и 141	
528	28м	>	Тимур. Выпускные данные утрачены (<i>Самарканда</i> , 80-е гг. XIV в.).	16—19	0,97	Как 1:483 (в сегментах иначе?)	
529	31м	Гор. III, кв. «И», д. 5, в стене	Тимуриды, тип 823/1420 г. (название монетного двора утрачено). ^с Адлия-и фулус. Край обломан.	20—22	3,38	Как 1:457	
530	32м	Гор. IV, кв. «II», д. 4, пом. 30, в стене	<i>Караханиды</i> , 2-я пол. XI в.	22—24	4,49	Как 1:437	
531	33м	Гор. IV, улица северного направления	Односторонняя. Л. (условно) в поле — окончание калимы с именем Мухаммада, внизу и вокруг стерто; О. углубления на месте надписей Л. Без выпускных данных; почерк архаичный (VIII—IX вв.). Фельс.	20—22	1,34		
532	42м	Гор. IV, кв. «И», улица	Обломок. Не определяется.	До 23	—		
533	45м	>	Л. неясные следы чекана, напоминающие 5-лучевую звезду с орнаментом между лучами; О. утрачена. <i>Не ранее XV в.</i>	17—18,5	2,11		
534	49м	Гор. IV, кв. «И», д. 6, пом. 15, завал	Тимуриды, чекан Самарканда 819/1416—17 г. ^с Адлия-и нимданг?	21—23	1,54	Как 1:487	
535	50м	Гор. IV, кв. «И», д. 7, пом. 17, верхний пол	Следы чекана на обеих сторонах, тип утрачен. <i>Не ранее XIV в.</i>	17—19	—		
536	51м	Гор. IV, кв. «Ж», д. 2, пом. 51, завал	Основной тип утрачен. Фрагмент надчекана в 4-лепестковом картуше, частично перекрытого другим (неясной формы). <i>Не ранее 1-й четв. XVI в.</i>	20—21	2,60	Ср. 1:486	
537	53м	Гор. IV, кв. «И», д. 10, пом. 30А, завал	Л. следы надписи в круглом картуше, напоминающем чекан Бухары 832 г. х.; О. искажено, неясно. <i>Не ранее XV в.</i> Дробный номинал? (обломок).	До 19	—	Ср. 1:468 и 484	
538	54м	Гор. IV, яма, верхний слой	Мелкая. Без чекана. XVI—XVII вв.	10×12	0,80		
1982 г.							
539	1м	Гор. IV, кв. «Ж», д. 1, пом. 58, завал	Династия Южная Сун, император Ли-цзун. Период Цзя-си (1237—1240). О. следы стертого иероглифа юань (соотв. 1-му году периода = 1237). Цзянь двойной ценности? Почерк сяо-чжуань?	24,5	3,27	Ср. 4:217 (иероглифы = 4, соотв. 1240 г.)	
540	2м	Гор. IV, кв. «И», д. 4, пом. 34, нижний пол	Несколько обломков насквозь проокисленной монеты. Не определяется.	До 16	—		

1	2	3	4	5	6	7
541	3м	Гор. IV, кв. «И», д. 4, пом. 38, ремонтная кладка после позднего пожара	Неправильной формы, разной толщины. Основной тип утрачен, на одной стороне — маленький 6-угольный надчекан (надпись неразборчива). <i>Не ранее 3-й четв. XV в.</i> Трещины и обломы по краю.	16—18	1,99	Ср. 10, с. 102:4 (ок. 917 г. х.) или 10, с. 119:1 в
542	4м	Гор. IV, кв. «И», д. 4, в заполнении суфы	Литой кружок с косым гуртом и выступом от литника. <i>Караханиды, 2-я пол. XI в.</i>	22—24	5,93	Как 1:440
543	5м	Гор. IV, кв. «И», д. 5, пом. 27, завал	Распалась на мелкие кусочки.	—	—	
544	6м	Гор. IV, кв. «Ж», улица	Бухара, год утрачен (тип 832/1428—29 г.). «Адлия-и фулус.	22—24	3,91	Как 1:417
545	7м	»	Тип утрачен. <i>Не ранее XIV в.</i>	22—24	—	
546	8м	Гор. IV, кв. «И», улица	Распалась на мелкие кусочки.	—	—	
547	9м	Гор. IV, кв. «Ж», д. 3, пом. 55, завал	Л. остатки надписи, напоминающие медный чекан Отрара при Тимуридах; О. дата словами: 81х или 82х? Распалась на фрагменты.	До 18	—	Ср. 1:462 (818 г. х.)
548	10м	Гор. IV, кв. «И», д. 7, пом. 11А, между ранним и поздним полами	Остатки чекана, соответствующие тимуридскому чекану, тип 823/1420 г.	21	4,31	Как 1:457
549	11м	Гор. IV, кв. «И», д. 4, пом. 35, нижний пол	Остатки надписей, соответствующие самаркандскому чекану начала XV в. с именами Мухаммада Джахангира и амира Халил-Султана (1405—1409). Пул.	17—18	1,82	Ср. 1:48 и 121/117
550	12м	Гор. IV, кв. «И», переулок северного направления	Неправильной формы. Л. гексаграмма (6-конечная звезда, образованная наложением двух равно-сторонних треугольников), в лучах по 3 точки, в центре неясно (стерто). Между лучами сохранилось <i>Хиса[r]</i> . О. дата словами 823 (соотв. 1420 г.), частично перебитая фрагментом; Л. с тем же словом <i>Хисар</i> . «Адлия-и фулус? (Рис. 98).	21×25	3,20	По публикациям не обнаружена; тип монет 823 г. х. других монетных дворов см. 14, с. 111/1. См. также 1:457 и ниже.
551	13м	»	Бухара, тип 832 г. х. «Адлия-и фулус.	22—25	3,88	Как 1:417
552	14м	Гор. IV, кв. «Ж», д. 1, пом. 53, пол	Л. в квадратной рамке в 3 строки сильно искаженная надпись « <i>Адлия</i> . /Чекан/ ... (?); О. искаженная дата словами 818 (соотв. 1415—16 г.). Подделка местного (отрарского) производства? (Рис. 98).	22—23	4,74	Наподобие 1:462; ср. также 10, с. 70:3/4 (с. 69) и с. 332, прим. 172.

553	15м	Гор. III, кв. «И», д. 4, пом. 44, яма	Остатки растительного орнамента в линейно-точечном ободке. Среднеазиатский чекан конца XV — <i>перв. четв. XVI в.</i> Динар?	24—25	4,51	
554	16м	»	Следы куфических надписей. Караханиды, 2-я пол. XI в. Трещины по краю.	24—26	3,62	Как 1:437
555	17м	Гор. IV, кв. «Ж», д. 3, пом. 1А, под полом	Следы чекана (надписи в линейно-точечном ободке), тип неясен. Предположительно Чагатаиды, 1-я пол. XIV в. В центре пробито отверстие.	26—29, отвл. до 5,5	3,53	Ср. 1:505 и 513
556	18м	Гор. IV, кв. «И», д. 4, пом. 44, яма	Тимур, чекан Самарканда, дата утрачена (80-е гг. XIV в.).	23—26	3,15	Как 1:423
557	19м	Гор. IV, кв. «Ж», д. 1, пом. 60, завал	Гладкая, с косым гуртом. <i>Караханиды</i> , 2-я пол. XI в.	18—20	4,24	Ср. 1:440
558	20м	Гор. IV, кв. «И», д. 7, пом. 11А, уровень после пожара 2	Тимуриды, чекан Самарканда 81[9]/1416—17 г. <i>«Адлия-и нимданг»?</i>	21—23	4,02	Как 1:487
559	21м	»	Остатки надписей на обеих сторонах, напоминающие позднетимуридский чекан конца XV в.	21—23	—	
560	22м	»	Л. в сложном ободке (точечный между двумя двухлинейными с переплетениями) конец надписи «цветущим» куфи... <i>хям</i> (?); О. утрачена. Предположительно Караханиды, Кадыр или Усман б. Ибрахим (нач. XIII в.). Обломок (около четверти кружка).	18×24 (первонач. диаметр до 30)	—	
561	23м	В отвале	Андиган, год утрачен (тип 832 г. х.). Следы квадратного надчекана (надпись не читается). <i>Не позднее 861/1456—57 г.</i> Данги.	25—26	6,42	Основной тип: 12, с. 453:1/17; надчекан: 10, с. 121:2
562	24м	Гор. IV, кв. «Ж», д. 1, пом. 58, третий период	Основной тип — недатированный чекан до 901/1495—96 г. (<i>Самарканд</i> , <i>Бухара</i> или <i>Кариш</i>). Следы фигурного надчекана, надписи не видны. <i>Конец XV в.</i>	22—25	4,24	Ср. 10, с. 108—109: 17/14 (97), даты до 907/1501—02 г.
563	25м	»	Распалась на мелкие обломки. Не определяется.	—	—	
564	26м	Гор. IV, кв. «И», д. 4, пом. 36, ранний пол	Тимур, чекан Самарканда 7[8]5/1383—84 г.	24—26	3,00	18, с. 665:1—3; тип как 1:423
565	27м	Гор. IV, кв. «И», д. 7, пом. 52, поздний пол	Тимуриды, чекан Термеза [8]23/1420 г. <i>«Адлия-и фулус</i> . Обломана.	20×22	1,25	14. с. 111/1
566	28м	»	Неправильной формы. Не определяется.	14,5×18	—	
567	29м	Гор. IV, кв. «И», д. 4, пом. 30, между ранним и поздним полами	Тимур, чекан Самарканда, дата утрачена (80-е гг. XIV в.). Края обломаны.	22—27	2,69	Как 1:423
568	30м	»	Неясные следы чекана. <i>Не ранее XV в.</i>	22—25	—	
569	31м	»	Обломок. Не определяется.	14×19	—	

1	2	3	4	5	6	7
570	32м	В отвале	Неправильной формы. Возможно, Караханиды, 2-я пол. XI в. Обломок.	20×23	—	
71	33м	Гор. IV, кв. «Ж», улица	Едва заметные следы широкого линейного ободка. Предположительно фрагмент посеребренного дирхема XIII в. Деформирован.	24×29 (первонач. диаметр до 38)	—	
572	34м	Гор. III, завал, под ранним полом в пэм. кв. «Ж»	Основной тип утрачен. Небольшой квадратный надчекан с надписью <i>хуб. Между 907/1501—02 и 911/1508—09 гг.</i>	18—19	1,55	См. 10, с. 111—113:3
573	35м	»	Основной тип утрачен. Надчекан, как на предыдущей монете? (надпись неясна). 1-я четв. XVI в.	18—20	2,36	Ср. 1:572
574	36м	»	Подобна предыдущим, но надчекан 6-угольный <i>ним данги</i> [...](?). 3-я четв. XV в.	18—19	1,82	Ср. 10, с. 118—121:1 в
575	37м	»	Обломок. Не определяется.	16×21	—	
576	38м	»	Обломок, распадается. Не определяется.	До 20	—	
577	39м	»	Тимуриды, тип 832 г. х. (Бухара?).	23—25	4,95	Подобна 1:417
578	40м	»	Неясные следы надписи. Не ранее XV в.	23—25	4,16	
579	41м	»	Основной тип утрачен. Крупный квадратный надчекан (Шахрухия?). Не позднее 861/1456—57 г. Данги.	23—25	6,08	10, с. 121:2
580	42м	»	Джучиды, анонимный чекан Хорезма без даты (80е гг. XIV в.). Пул. Перечекан!	21	1,74	24, с. 193:36/IV (с. 223)
581	45м	Гор. IV, кв. «Ж», д. 1, пом. 60, завал позднего пола	Бухара, тип 832 г. х. Фрагментарный оттиск бухарского же надчекана в квадратной рамке. Не позднее 861/1456—57 г. Данги.	20—23	2,54	10, с. 121:2
582	46м	Гор. IV, кв. «Ж», д. 3, пом. 51, под уровнем раннего пола	Тонкая (от окисления), тип утрачен. Не ранее XIV в.	20—22	—	
583	48м	Гор. IV, кв. «Ж», д. 3, пом. 61, ранний пол	Бухара, 832/1428—29 г. ^с Адлия-и фулус.	21—23	3,92	Как 1:417
584	49м	В отвале	Продолговатой формы. Основной тип — Бухара 832 г. х., штемпели грубой работы. Фрагмент квадратного надчекана с обрывками надписи (Самарканд?). Не позднее 861/1456—57 г. Данги.	23—28	4,94	Ср. 1:418
585	50м	Гор. IV, кв. «Ж», улица	Мелкий обломок. Не определяется.	До 16	—	

586	52м	В отвале	Неправильной формы. Следы куфических надписей. Караханиды, 2-я пол. XI в. Обломана.	20×23	2,77	Наподобие I:437
587	53м	Гор. IV, кв. «Ж», улица	Бухара, 832 г. х. (штемпели грубой работы). О. фрагмент надчекана 6-угольной формы, название монетного двора не оттиснулось. 3-я четв. XV в. Данги.	21—22,5	3,99	Ср. I:407
588	54м	В отвале	Обломок. Не определяется.	До 17	—	
589	55м	Гор. IV, кв. «И», д. 8, пом. 66, заполнение суфы	Следы куфических надписей, соответствующие медному чекану Саманидов X в. Дробный номинал (пашиз?). Обломок, погнут.	15×21	—	
590	56м	Гор. IV, кв. «И», д. 8, пом. 70, поздний пол	Квадратный надчекан «Данги./Чекан/Самарканда» на монете Бухары 832 г. х. Не позднее 861/1456—57 г. Данги.	20—21	2,83	Как I:418
591	57м	Гор. IV, кв. «Ж», д. 3, пом. 55, ранний пол	Л. стерта; О. стилизованная тамга Тимура (3 овала в фигурном обрамлении). Самарканд, тип 813/1410—11 г. Дробный номинал.	17	1,62	Как I:451
592	*	»	Мелкий обломок. Не определяется.	До 14,5	—	
593	58м	В отвале	То же.	До 11	—	
594	59м	Гор. IV, кв. «И», д. 8, пом. 69, в восточной стене	Л. в квадратной рамке геометризованным письмом куфи «Чекан Хорезма»; О. неясные следы надписи или орнамента. 2-я пол. XIV в.	19—20,5	1,71	Ср. I:580
595	60м	Гор. IV, кв. «И», д. 8, пом. 70, подстилающая прослойка поздн. пола	Тимуриды, тип 823/1420 г. «Адлийа-и фулус.	20—22	4,26	Ср. I:457
596	61м	Гор. IV, кв. «И», д. 2, пом. 59, в 10 см над поздним полом	Л. в квадратной рамке «Чекан Сыгнака», по сторонам — остатки надписи в круговом линейном ободке, не читаются; О. в круговом линейном ободке — неясные остатки крупной надписи почерком сульс: ... (стерто). Предположительно XV в. Погнута (рис. 98).	22,5	1,52	По публикациям не обнаружена
597	62м	Гор. IV, д. 9, у прохода	Обломок. Не определяется.	15×23	—	
598	63м	Гор. IV, д. 3, пом. 51, забутовка раннего пола	Бухара, 832/1428—29 г. Следы надчекана неясной формы. Не ранее сер. XV в. С широкой трещиной.	23—25	3,56	
599	64м	Гор. IV, д. 2, пом. 59, забутовка раннего пола	[Тер]мез, 823/1420 г. «Адлийа-и фулус.	22	3,91	Как I:565
600	65м	Гор. IV, яма на улице кв. «И»	Мелкие обломки распавшейся монеты.	—	—	
601	66м	»	Тип неясен. Бухара? Не ранее XV в.	22—24	5,29	
602	67м	Гор. III, улица	Следы куфических (?) надписей. Не позднее XI в. Обломан.	18×24	—	

1	2	3	4	5	6	7
603	68м	В отвале	Бесформенный обломок. Не определяется.	До 17	—	
604	69м	Гор. IV, кв. «Ж», д. 3, пом. 1А, забутовка раннего пола	Следы чекана. <i>Не ранее XV в.</i>	18—21	2,45	
605	70м	В отвале	Л. в поле остатки калимы архаичным куфи, по кругу за линейным ободком — следы обломанной надписи (выпускные сведения); О. изъедена. Предположительно чекан аббасидских наместников Мавераннахра, 2-я пол. VIII в. Фельс. Обломана.	До 22	1,45	Внешне сходна с 21:915/XVII, но иной почерк и соотношение графических элементов
606	72м	Гор. IV, кв. «И», д. 6, пом. 13, в западной стене	Косой гурт, на месте литника неровный облом. <i>Караханиды, 2-я пол. XI в.</i>	22—24	5,96	Как 1:440
607	73м	Гор. IV, кв. «Ж», улица, поздний уровень	Бухара, 832/1428—29 г., грубого чекана; следы надчекана или двойной удар? <i>Около сер. XV в. С трещиной.</i>	21—24	2,90	Ср. 1:468
608	74м	В отвале	Овальной формы. Чекан Самарканда (?), год стерт или без даты; имя хана утрачено. <i>Посл. четв. XVI в.</i>	21—26	3,95	Как 1:527
609	75м	Гор. IV, западный участок раскопа	Бухара (?), 832/1428—29 г. ⁶ Адлийа-н фулус.	21	5,83	Как 1:417
			1983 г.			
610	1м	Гор. IV, яма; возможно, верхний слой	Основной тип утрачен. Едва заметный след крупного 6-угольного (?) надчекана. <i>Не ранее 3-й четв. XV в.</i>	20—24	2,39	Ср. 1:407
611	2м	»	Толстая, овальной формы. Без явных следов чекана. <i>XVI—XVII вв.</i>	15—17, толщ. до 3	3,75	
612	3м	Гор. V, улица	Кружок литой, с косым гуртом и обрубленным литником. Л. в квадратной рамке (?) калима, вокруг утрачено; О. в круговом линейном ободке — неясные обрывки 4 строк необычным почерком группы куфи (... <i>Арслан-хан?</i> ...). <i>Караханиды, 2-я пол. XI — 1-я пол. XII в?</i>	23—25	7,77	Ср. 1:440 и 522
613	4м	Гор. V, пом. 16, пол 1	Подобна предыдущей, но надписи почти не видны. <i>Караханиды, 2-я пол. XI в.</i>	23—24,5	6,89	Как 1:440

16-147	614	5м	Гор. IV, кв. «И», улица	Тонкая. Л. остатки куфической надписи <i>сикка</i> /... в линейном многолопастном (?) картуше; О. следы двухлинейного ободка, остальное утрачено. Чагатанды, 1-я пол. XIV в. Фельс? Обломана.	21×26	—	Ср. 1:234
	615	6м	Гор. IV, кв. «Ж», улица	Династия Сун, император Чжэнь-цзун. Период Тянь-си (1017—1021). Цянь. Почерк бафэнь. О. неровный ободок шириной 3—4 мм.	24	2,06	4:117
	616	7м	Гор. V, улица	Около половины кружка. Л. остатки калимы; справа, образуя сторону квадрата, дата словами [4]45 или 45х; О. следы надписи в поле и за двойным линейным ободком; имя халифа ал-Каима (1031—1075). Караханиды, ферганский (?) чекан 3-й четв. XI в. <i>Посеребрянный дирхем</i> . У края просверлено маленькое отверстие для подвешивания в качестве украшения или талисмана.	16×24	—	Ср. 17, с. 183—185 (Куба, Маргинан и Узгенд, 445/1053—54 г.)
	617	8м	Гор. V, мусорные слои под стенами гор. IV	Саманиды Наср II б. Ахмад (914—943) и «Али, чекан Параб 310/922—23 г. Фельс.	17×18,5	2,49	13, с. 115:106—107/28;
	618	9м	Гор. V, пом. 2, пол 1	Около четверти кружка. Л. и О. фрагменты надписей и ободков, соответствующие чекану Параб 60-х г. х. с именем Хасана б. «Абд ал-Халика. <i>Перв. десятилетие XIII в.</i> Дирхем основного номинала. (Рис. 98).	До 28 (первонач. ок. 39)	1,68	5, с. 45:2—3 16, с. 98:1/3
	619	10м	Гор. V, мусорные слои под стенами гор. IV	Свинец. Массивный кружок (утрачено около трети) со следами надписей и юстировочных (?) надчеканов. Вероятно, экзагий или торговый вес. XI в.?	До 37	12,93	
	620	23м	»	Тимур, чекан [Самар]канда [78]5 г. х. (1383—84 г.).	23—24	—	Как 1:564
	621	24м	Гор. V, яма, верхний слой	Тимуриды, чекан Самарканда без даты (<i>конец XV в.</i>).	23—24	3,83	10, с. 77 и 195—196:39/7 (с. 76)
	622	25м	Гор. IV, кв. «И», д. 7, пом. 39, под запад. стеной	Полностью изъедена. Не определяется.	19—23	—	
	623	26м	Гор. V, пом. 14, завал пола 1	Л. калима в 3 строки в линейном круге, заключенном в квадрат, с фестонами в углах; снаружи утрачено; О. следы надписей в линейном круговом ободке и за ним. Оформление близко дирхам с именем Хасана б. «Абд ал-Халика (Параб, 60-х г. х.). Дирхем <i>половинного</i> (?) номинала. Край обломан.	26—29	2,18	Ср. 16, с. 98:2 (ободок, как у типа 1!); ср. также 1:618, но меньше размером

1	2	3	4	5	6	7
624	27м	Гор. IV, кв. «И», д. 4, пом. 31, в восточной стене по уровню позднего пола	Бухара, год стерт (тип 832 г. х.). Следы крупного 6-угольного (?) надчекана. <i>Не ранее 3-й четв. XV в.</i>	22—25	3,38	Как 1:407?
625	28м	Гор. IV, кв. «И», д. 4, пом. 49, завал позднего пола	Основной тип неясен (на обеих сторонах следы растительного орнамента). Небольшой надчекан в форме вертикального прямоугольника или квадрата «Чекан Хисара». <i>Не ранее 918/1512—13 г.</i>	24—25	4,85	Ср. 10, с. 101—102:3
626	29м	В отвале	Слабые следы штемпелей, напоминающие самаркандский (?) чекан Шейбанидов <i>1-й четв. XVI в.</i> Обломана.	До 22	—	
627	30м	»	Овальной формы. Бухара, 832/1428—29 г. «Адлиа-и-фулус. Перечекан!	21—25	3,69	Ср. 1:417
628	31м	Гор. V, яма, верхний слой	Тимур, чекан Самарканда 7[8]5/1383—84 г. (дата цифрами). Обломана по краю.	23—25	2,89	Как 1:483, но крупнее
629	32м	»	Бухара, тип 832 г. х., штемпели грубой работы. <i>3-я четв. XV в.</i>	20—22	2,47	Наподобие 1:537
630	33м	»	Неправильной формы. Следы надписей в линейных ободках, тип неясен. <i>XV—XVI вв.</i> Обломок.	18×24	—	
631	34м	Гор. V, улица	Л. в поле, между двух сабель рукоятками вниз—3 строки куфи (сильно искажены, не читаются); за линейным ободком — «[э]тот дирхем]?...» (обломано); О. остатки 3 строк искаженной кувической надписи в точечном ободке и за ним (?). Предположительно Караханиды, <i>втор. пол. XI—перв. пол. XII в.</i> Обломана.	19×21	2,71	По публикациям не обнаружена; ср. 1:159 (сходное оформление и композиция Л).
632	35м	»	Л. лев вправо; О. тамга в виде рунической монограммы «н+уш», вокруг надпись согдийским письмом (стерта). Все в точечных ободках. Засырдарьинские тюрки, <i>VIII в.</i> (Рис. 98).	19—21	1,77	6, с. 86:4; 22:1578
633	40м	Гор. IV, кв. «И», д. 2, пом. 3А, поздний пол	Следы надписей в линейных ободках и за ними (?). Тип утрачен. <i>Не ранее 2-й пол. XIV в.</i> Обломана.	21×24	—	
634	42м	В отвале	Следы кувических надписей в линейном (Л.) и точечном (О.) ободках и за ними. Саманиды, <i>1-я четв. X в.</i> Обломана.	21×25	—	
635	*	»	Обломок, погнут. Не определяется.	20×23	—	

636	43м	Гор. V, в стене на южной стороне улицы	Династия Тан, тип <i>Кай-юань тунбао</i> (отливались с незначительными модификациями с 621 г. н. э. до сер. X в.). Цянь. Почерк да-чжуань. Разломана надвое, часть утрачена.	24,5	—	4:95; 7, с. 69—67/X
637	44м	Гор. V, улица	Сохранилось около 60% кружка. Надписи стерты и закрыты окислами, выпускные данные утрачены. Саманиды, <i>1-я пол. X в.</i> (Наср II б. Ахмад?). Фельс.	17×23	—	
638	45м	Гор. IV, кв. «И», д. 4, пом. 38, завал	Мелкая, овальной формы. Остатки чекана в виде небольшого кружка с дополнительными элементами (орнамент или тамга?). <i>XVI в.</i> ?	10,5×14	0,70	
639	46м	Гор. V, улица	Состоит из фрагментов двух спекшихся вместе монет, поверхности сглажены. <i>Караханиды, XI в.</i> ?	До 22, толщ. 2,5	—	Ср. 1:328
640	48м	Гор. IV, кв. «И», д. 4, пом. 49, мусорный слой под поздним полом	Следы штемпелей грубой работы, напоминающие чекан Бухары типа 832/1428—29 г.	21—23	4,55	
641	52м	Гор. V, пом. 14, зольник пола 2	Серебро. Чеканена по типу драхм Варахрана V (бухархуддатских), вариант «ал-Махди» (?). <i>Сер. VIII — нач. IX в.</i> Обломок.	18×25	—	25:434—435/XVI; 12, с. 443:2—3/7
1984 г.						
642	42м	Гор. V, пом. 18, пол 1	Края неровные, слегка скошенные. Без явных следов чекана. <i>Караханиды, 2-я пол. XI в.</i>	25	4,66	Как 1:440
643	43м	Гор. V, яма, верхний слой	Тонкая (от окисления). Л. в квадратной рамке — «Чекан /Хорезма/. Год...», в сегментах утрачено; О. три кольца (тамга Тимура) в орнаментальном картуше. <i>90-е гг. XIV в.</i> Пул. (Рис. 98).	До 15,5	—	18, с. 665:4 (?); ср. 1:427
644	44м	В отвале	Л. следы надписи (калима?); О. остатки 3 строк «цветущим» куфи [ал-]малик (?) ал-а ^л зам ал... (?), остальное утрачено. Предположительно Чагатаиды, <i>1-я пол. XIV в.</i> Фельс? Обломан.	22×27	—	По публикациям не обнаружена
645	*	*	Неправильной формы. Бухара, 832/1428—29 г.	20×25	4,38	Ср. 1:417
646	45м	*	Край обломан. Не определяется.	23—25,5	—	
647	46м	Гор. IV, кв. «Ж», д. 1, пом. 60, завал	Тип неясен, сохранилось только <i>би-тарих... /ва... на О. Конец XV — перв. четв. XVI в.</i>	20	2,48	
648	47м	Гор. IV, яма, верхний слой	Мелкая, подпрямоугольной формы. Без явных следов чекана. <i>XVI—XVII вв.</i>	9×13	0,47	Как 1:482
649	*	*	Обломок. Не определяется.	10×15	—	
650	48м	*	Без следов чекана. <i>XVII в.</i>	12—13	0,52	
651	*	*	Тонкая (от окисления). Следы чекана? <i>XVII в.</i>	11—12	0,33	

1	2	3	4	5	6	7
652	»	»	Край обломан. Без явных следов чекана. <i>XVII в.</i>	10,5—13	0,52	
653	49м	В отвале	Л. фрагмент изображения в виде 3 неровных концентрических дуг, внешняя из которых пересекается в беспорядке группой косых черточек; О. неясно, поверхность с округлыми выпуклостями. <i>XVII в.?</i>	12—13	0,47	Наподобие 1:171 или 2:85, вариант
654	50м	Гор. V, яма, верхний слой	Тимур, чекан Самарканда 785/1383—84 г.	23—25	3,31	Как 1:564
655	51м	Гор. V, завал пола в западной части раскопа	Толстый неровный кружок со слегка скошенным гуртом. Без явных следов чекана (стерт?). <i>Караханиды, 2-я пол. XI в.</i>	24—25	7,32	Как 1:440
656	52м	Гор. IV, яма верхний слой	Продолговатая, неправильной формы. Л. неясное изображение, наподобие 1:638; О. утрачена. <i>XVI в.?</i>	10×16	1,37	
657	53м	Гор. IV, завал позднего пола в южной части раскопа	Полностью изъедена. Не определяется.	18—20	—	
658	54м	В отвале	Основной тип неясен. С небольшим круглым надчеканом «Чекан/Хисара». Не ранее 906/1500—01 г. Динар?	18—21	2,30	10, с. 105:10/14 (с. 97).
659	»	»	Следы надписей (?) в ободке. Не ранее <i>XVI в.</i>	19—26	2,35	
660	55м	Гор. V, пом. 14, пол 2	Л. следы калмы в сложном ободке (точечный между двумя линейными), вокруг стерто; О. в линейном ободке «...справедливый Шамс (?) ад-ду/ния вад-дин», внизу <i>Билга</i> (перевернуто); сверху и по сторонам стерто. <i>Караханиды, Хасан б. Абд ал-Халик (Кутлуг Билга-хан), чекан Пароба (?) нач. XIII в. Посеребрянный дирхем? (Рис. 98).</i>	27	3,23	Ср. 16, с. 98:2 (вариант); см также 1:623
661	56м	Гор. V, пом. 20, на полу 3 в проходе на улицу	С косым гуртом и обрубленными литниками. <i>XI в.</i>	22—24	6,76	Как 1:522
662	»	»	Косой гурт, крупный выступ от литника (часть соседнего кружка из отливавшихся «цепочкой»). Без чекана. <i>XI в.</i>	До 29	5,19	То же

1985 г.

663	4м	В отвале	Остатки изображений, напоминающие чекан Бухары 832/1428—29 г., но в очень грубом исполнении. Дробный номинал?	16—18	1,22	Наподобие 1:417, но мельче; ср. также 1:484
664	5м	Гор. V, стратиграфия неясна	Два обломка, составляющие вместе около 40% монетного кружка. Остатки чекана напоминают бронзовые фельсы Саманидов посл. четв. IX — сер. X в.	До 21	—	
665	6м	Гор. V, пом. 6, в южной стене	С косым гуртом, трещинами и дефектами литья. Л. и О. следы куфических надписей. <i>Караханиды, 2-я пол. XI в.</i>	22—23	6,04	Как 1:440
666	7м	Гор. V, завал пола 1 в северной части раскопа	Династия Сун, император Чжэнь-цзун. Период Цзин-дэ (1004—1007). Цянь.	25	3,52	4:114
667	8м	Гор. V, шурф под уровнем пола 3	Саманиды, Наср II б. Ахмад и *Али. Чекан Параба 310/922—23 г. Фельс. Разломан на две части.	23,5	1,92	Как 1:617
668	9м	Гор. V, завал пола 1 в северной части раскопа	<i>Караханиды, XI в.</i> Обломок.	14×19	—	
669	10м	»	Литая. Л. лев вправо на «подставке», ободок из слитых точек; О. тамга тюркешей в виде ромба с «коромыслом» в линейном ободке. Засырдарьинские тюрки, Отрар (?), 1-я пол. VIII в.	17—18	1,48	6, с. 85—86:1—3/III.1 (с. 87); 22: 1580/XLIV; ср. 1:45/116
670	11м	В отвале	Саманиды, Наср II б. Ахмад и *Али. Параб. 310/922—23 г. Фельс. Края выщерблены.	21—24	2,78	Как 1:617
671	12м	Гор. V, шурф под уровнем пола 3	Чеканена по типу драхм Варахрана V (бухархуддатских), вариант «ал-Махди». По виду чисто медная, т. н. гитриф. Не ранее 1-й четв. IX в.; обращение зафиксировано до сер. XII в. Дирхем. Распадается.	25	—	6, с. 92:7/III.4 (с. 87); ср. 1:641
672	13м	Гор. V, пом. 7, пол 2	Мухаммад Джахангир и амир Халил-Султан (1405—1409). Самарканд, тип 810/1407—08 г. Пул.	18—19	1,82	Как 1:549
673	»	Гор. IV, южная часть раскопа, яма верхн. слоя	На обеих сторонах остатки растительного орнамента. Не ранее 1-й четв. XVI в.	20—23	4,12	
674	»	»	Следы растительного орнамента. XVI в.	18—20	—	

1	2	3	4	5	6	7
675	14м	»	Тимуриды, чекан Шахрухий, год стерт (тип 832/1428—29 г.). ^с Адлия-и фулус.	20—22	3,55	12, с. 453:6/17
676	15м	Южная бровка раскопа, гор. IV, поздний пол	Не определяется. У края просверлено отверстие для подвешивания.	19	—	
677	16м	Гор. IV, кв. «И», пом. 39, завал позднего пола	Л. следы куфической надписи в двойном точечном ободке и за ним; О. следы надписи за точечным ободком, внутри стерто. <i>Не позднее XIII в.</i>	22—23	2,05	
678	*	Гор. V, яма, верхний слой	Основной тип утрачен. На обеих сторонах — фрагментарные оттиски крупного надчекана ромбической (?) формы, надписи неразборчивы. <i>Не ранее сер. XV в.</i>	22—23	3,64	
679	17м	»	Неправильной формы, с косым гуртом. Л. следы надписи в линейном ободке и за ним; О. стерта или без чекана. Караханиды, 2-я пол. XI в. Край обломан.	20×23	6,44	Ср. 1:440
680	18м	Гор. V, шурф под уровень пола 3	Тимуриды, тип 823/1420 г. (название монетного двора утрачено). ^с Адлия-и фулус.	22—23	4,02	Как 1:457
681	*	Гор. V, яма, верхний слой	Л. контур человеческой головы с пышной прической; О. остатки фигурного знака (тамги) с согдийской надписью вокруг. Восточный Согд (Самарканд?), VI в. Обломана.	21—22	2,44	22:33—36/II и LXI

II. МОНЕТНЫЕ КЛАДЫ ИЗ РАСКОПОВ (1982—1984 гг.)³

Серебро

5. 0—82/III—43 м. Найден в 1982 г. в виде спекшегося комка окисленного серебра зеленовато-серого цвета. После химической очистки распался на 20 целых кружков (из них 4 с незначительной дефектностью) и более 20 фрагментов и мелких обломков, из которых при реставрации подобались 1 целый и 4 дефектных экземпляра. Монеты относятся к чекану Тимура при Суюргатмыше (1370—1388) и Махмуде (1388—1403), Халил-Султана при Мухаммаде Джахангире (1405—1409) и неустановленных правителей (2 экз. плохой сохранности). Они представлены разными типами в двух номиналах— танга (15 экз. вес от 4,96 до 6, 13 г, не считая дефектных) и дирхем, или танга-и-мири (10 экз., вес 1,22—1,40 г).

Не только разломанные, но и большинство целых монет имеют дефекты чеканки и обращения: неполные оттиски и сдвиги штемпелей, трещины, более или менее сильную потертость и т. п., что препятствует их полному и точному определению, поскольку на монетах имеющихся в кладе типов при повреждениях страдают в первую очередь выпуклые данные, часто изображавшиеся мелким почерком и близко от края штемпеля.

В приведенной ниже таблице сведены данные об отдельных монетах клада с той степенью определенности, насколько позволяет их сохранность. Перечень монет дан в хронологической последовательности имен правителей и устанавливаемых дат чеканки, поэтому их порядковые номера описания не совпадают с рабочими пометками на конвертах, произведенными до их систематизации.

Медь или бронза

6. 0—82/III—51 м. Три монеты, найденные вместе и на этом основании рассматриваемые нами как «микрорклад». Сильно стертые, имеют неправильную форму и рваные, вышербленные края; один кружок толще других, носит бесспорные признаки литья в двустворчатой изложнице «цепочкой» (скошенный гурт, наплывы металла, параллельно срубленные выступы от сквозного литника). Надписи кувфическим письмом, сохранились в обрывках, выпуклые данные на всех трех монетах утрачены. По общему типу, учитывая разобранное на одном экземпляре имя халифа ал-Қаима би-амри-ллаха (1031—1075), монеты представляют собой медные дирхемы Караханидов типа ферганских (Узгенд, Куба, Маргинан, Ахсикет и др.), выпускавшиеся в третьей четверти XI в. и после реформы Ибрахима Тафгач-хана в массовом порядке уходящие в города Семиречья, где они до сих пор встречаются как отдельными находками и небольшими группами, так и в составе многотысячных кладов⁴. Судя по регулярным находкам аналогичных монет на Отрарском городище⁵, они активно проникали и на рынки городов Южного Казахстана.

Размеры монет — от 22 до 26 мм, вес — 3,35, 5,49 и 6,52 г.

Точная датировка отложения невозможна; с учетом сохранности монет, имеющих

³ В разделе также продолжается нумерация, начатая в издании 1981 г., отдельно для серебряных и медных комплексов. В описание включены лишь данные о кладах, выявленных Л. Б. Ерзаковичем на территории раскола III и в рабаде. Пять небольших кладов на раскопе IV будут изданы в специальной работе. Кроме этих находок есть еще несколько кладов из других раскопов Отрара, они обрабатываются и готовятся к публикации Р. З. Бурнашевой.

⁴ См. 9, с. 242; 17, с. 179—182; 8, с. 67—72, и др.

⁵ 1:11, 124, 159 и др.; 2:3, 24, 43—46 и др.; наст. каталог, 1:437, 440, 449 и сл.; 2:179, 195 и др. — всего более 50 экз.

Клад № 5

№ п/п	№ пред-вар. регистра-ция	Сохранность	Прозвители	Монетный двор	Дата чеканки	Размер, мм	Вес, г	Публикации типа, другие примечания
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	23	Окислена, потерта, разломана на 7 крупных и ряд мелких обломков, составляющих вместе около 4/5 кружка	Суюргатмыш и Тимур (771—790/1370—1388)	Утрачен	Нет (утрачена?)	До 30	3,50 (об-щия)	Қалима в 7-лопастном (?) картуше с «петлями» на стыках дуг; О. ободки не видны
2	19	Склеена из 2 фрагментов	Махмуд и Тимур (790—806/1388—1403	То же (Самарканд?)	790	15—17,5	1,32	12, с. 451:2/15; ср. 18, с. 564:357. Нуль в дате изображен овалом
3	15	»	»	Обрезан (Самарканд?)	[7]91	15—17	1,37	Ср. 18, с. 564:361 (тип, как № 2)
4	21	Обломок	»	[Самар]канд	[79]1	9×14,5	0,65	Как предыдущие
5	5	Стерта	»	[Самарканд]	[7]91?	17	1,29	То же
6	11	»	»	Нет	792	25—27,5	5,73	Ср. 18, с. 565:368
7	13	Край выщерблен	»	Самарканд?	[79]6?	16—17	1,22	Ср. 18, с. 565:377
8	7	»	»	Самарканд	799	15—16	1,22	18, с. 565:389
9	2	»	Махмуд и Тимур	Стерт	80[3]	26—27,5	6,13	Дата словами
10	6	Край слегка обломан	»	Мардин?	Утрачена	17—18	1,40	Ср. 18, с. 566:419
11	21	Фрагмент, склеен из двух обломков	»	Утрачен (Самарканд?)	»	до 17	0,64	
12	18	Стерта	»	Утрачен	хх5?	27—28	5,72	Тип, как 19, с. 54:6 (чекан Мараги)
13	20	»	»	»	Стерта	25—27	5,42	Похожа на № 12, но часть надписей иначе
14	10	Стерта более чем на две трети	»	Решт?	»	25—27	5,83	
15	9	»	»	Стерт	»	25—28	5,58	
16	1	»	»	»	»	26,5	5,82	
17	14	Л. сильно потерта	»	Стерт или не указан	»	25	4,96	Часть надписей Л. зеркально перевернута

18	4	С отверстием для подвешивания в качестве украшения	•	Стерт	•	27	5,50	
19	22	Склеена из 5 фрагментов, часть кружка утрачена	•	•	—	30	5,11	
20	8	Стерта	Неясно (то же?)	Стерт	—	24—27	5,80	Напоминает чекан Герата (19, с. 54:3/1), но надписи иные
21	24	Край выщерблен	Мухаммад Джадигир и амир Халид-Султан (807—812/1405—1409)	Самарканд	707 (ошибочно вместо 807 или 808?)	15—16	1,38	Ср. 18, с. 665:6—11 (вариант?)
22	3	»	»	Самарканд	809	23,5	5,69	С титулом «амирзада» и благопожеланием в двойственном числе
23	12	Часть надписей сбита или не прочеканена	•	Самарканд	807 (или 809?), дата словани	23—25	5,87	Тип, как 19, с. 54:11/1
24	16	»	•	Самарканд	80х	23—25	5,80	Надписи, как № 23, но в другом исполнении
25	17	Стерта, край слегка обломан	Неясно	Самарканд	Утрачена	17—18	1,37	

явные признаки долгого обращения, их можно считать средством городского обращения на протяжении всей второй половины XI и, очень возможно, какой-то части XII в.

7. 0—83/111—22. Клад состоит из 48 целых или с незначительными дефектами кружков, 28 фрагментов разной величины, 20 обломков бронзовых предметов немонетного происхождения и 3 крупных фрагментов монетообразных изделий из свинца. Сохранность монет клада в целом неудовлетворительная: лишь около 20 экземпляров, включая один свинцовый обломок, сохранили обрывки стертых надписей и изображений (ободки, орнаментальные элементы), которые ни на одной монете не читаются полностью. Остальные экземпляры стерты, изъедены окислами и практически утратили признаки чеканки. Несколько кружков и обломков, вполне возможно, вообще миновали стадию наложения штемпелей и обращались сразу после придания им монетовидной формы в литейной форме — изложнице — или под молотком кузнеца.

Из сохранившихся обрывков надписей, имеющих атрибуционное значение, можно выделить имена халифов ал-Каима (1031—1075) и ал-Муктади (1075—1094), а также несколько титулов и почетных прозвищ (лакабов), принадлежавших караханидским правителям второй половины XI в.: *ас-султан ал-му'аззам, ал-малик... хакан Шихаб*

..., *Шуджа'*... и др. Выпускные сведения утрачены на всех монетах, но по остаткам надписей и сопутствующим внешним данным (металл, техника чеканки, почерк, композиционные особенности штемпелей и т. п.) можно заключить, что монеты клада представляют собой медные дирхемы караханидского чекана второй половины XI в., типологически близкие эмиссиям городов Ферганы⁶. Впрочем, установленный нами недавно на монетном материале с городища Красная Речка (Киргизская ССР) и полностью подтвержденный синхронными находками из Отрара факт изготовления кружков для этих монет способом литья в двусторчатых изложницах и последующей вырубке (или выламывания) отдельных экземпляров из отлитых «цепочек»⁷ может указывать на их «местное» производство — в городах Семиречья и Присырдарьи, где именно такие литые, растрескавшиеся, с неровными краями и почти исключительно стертыми или непрочеканенными надписями монеты встречаются как в кладах, так и массовыми отдельными находками. Свинцовые монетовидные кружки большого диаметра, вероятно, служили юстировочными гирьками — экзегиями⁸; к сожалению, сохранность этих обломков не позволяет установить их первоначальный вес: надо полагать, он был кратным бытовавшим в то время значениям весового (монетного или ювелирного) дирхема, предположительно около 3,36 г, или мискаля — около 4,8 г. Представленные в кладах обломки бронзовых предметов (судя по сохранившимся на них следам механической обработки, первоначально имевших круглую форму и относительно большой диаметр — возможно, плоских чаш, подносов и т. п.) в условиях, когда на рынке обращается масса практически полностью стертых и часто обломанных денег из подобного сплава, вне всякого сомнения, тоже могли быть составной частью монетного обращения; о том же свидетельствуют находки на городище таких же обломков в раскопах и подъемах⁹.

Как и предыдущий № 6, этот клад можно датировать лишь в широких пределах — втор. пол. XI—[нач.?] XII в.

8. 0—84/57 м. Небольшой кладик (8 экз.), найден на рабаде. Сохранность монет в целом удовлетворительная. 2 монеты представляют бронзовый чекан Хорезма 771/1369—70 г. (24, с. 191—192:22/111) и недатированный (24, с. 193:36/IV, вариант — в надписях иначе). Еще 5 экземпляров перечеканены из хорезмских же пулов разных типов наложением штемпелей с именем эмира Тимура и тремя кольцами, обозначенных как чекан Самарканда. На одной монете сохранилась дата перечекана — 785/1383—

⁶ Ср. состав клада № 6 и библиографические ссылки к нему.

⁷ См.: *Настич В. Н.* Монетные находки с городища Красная Речка (1978—1983 гг.) // *Бурана и Красная Речка: Археол. сб. Фрунзе, 1987. Описание, № 8, 14, 15, 22, 24 и пр. [В печати].*

⁸ См. также 1:619.

⁹ 1:69 и 149; 1:456.

84 г.¹⁰ По сохранившимся частично на двух из них следам прежних изображений, перебитых новыми штампами, можно определить хорезмские типы 7 (750 г. х.) и 20 (767 г. х.) (соотв. 24, с. 189 и 191/111). На трех остальных монетах признаки первоначальных типов в общих чертах тоже напоминают чекан Хорезма, но из-за фрагментарности элементов точному определению не поддаются. Одна монета стерта практически полностью и не определяется, метрологически относится к этой же группе.

Размеры монет — от 18 до 23 мм, вес — от 2,09 до 3,01 г.

Отложение клада можно датировать последним десятилетием XIV в.

---

¹⁰ Тип как 1:423 или 564, но диаметр штемпелей меньше (приспособлен к реальным размерам монет Хорезма). Представляется, что перечекан был произведен не в Самарканде, как указано в штемпелях, а в самом Хорезме и не в 785 г. х., а, вероятно, позднее — во время одного из очередных захватов области Тимуром, скорее всего, в 791/1389 г. (ср. 24, с. 187). Учитывая же типологическую компактность кладника, можно практически без сомнений считать, что в Отрар он был привезен целиком и одновременно из Хорезма.

УКАЗАТЕЛИ К КАТАЛОГУ МОНЕТ¹

Периодический указатель

- Согдийские правители (VI в.) I. 681
Династия Тан (VII — нач. X в.) I. 636
Тюркские правители (перв. пол. VIII в.) I. 632, 669
Аббасидские наместники (3 четв. VIII — нач. IX в.) I. 507, 531?, 605, 641
Саманиды (втор. пол. IX—X в.) I. 493, 589, 617, 634, 637, 664?, 667, 670, 671?
Династия Сун (сер. X — посл. четв. XIII в.) I. 433, 435, 539, 615, 666
Караханиды (XI в.) I. 437, 440, 449, 450, 490, 492, 512, 518, 522, 530, 542, 554, 557, 570?, 586, 602, 606, 613, 616, 619?, 639, 642, 655, 661, 662, 665, 668, 679; см. также в разделе II; (кон. XI — перв. пол. XII в.) I. 612, 631?; (втор. пол. XII — нач. XIII в.) I. 560, 618, 623, 660
Хорезмшахи (перв. четв. XIII в.) I. 677?
Чингизиды (3 четв. XIII в.) I. 426, 432, 517, 571?
Чагатаиды (посл. треть XIII — сер. XIV в.) I. 478, 494, 496, 506, 514, 555, 614, 644?, 677?
Джучиды (XIV в.) I. 580, 594; см. также в разделе II
Тимуры (посл. четв. XIV — нач. XV в.) I. 423, 427, 429, 431, 434, 472, 479, 483, 528, 556, 564, 567, 620, 628, 643, 654; см. также в разделе II
Тимуриды (перв. четв. XV в.) I. 451, 457, 462, 466, 487, 509, 523, 529, 534, 547—550, 552, 558, 565, 591, 595, 596?, 599, 672, 680; см. также в разделе II; (832/1428—29 г. — кон. XV в.) I. 406, 417, 424, 425, 428, 439, 444, 453, 468, 470, 484, 500, 503, 511, 520, 521, 544, 551, 559?, 577, 583, 596?, 601?, 607?, 609, 621, 627, 629, 640, 645, 647?, 663, 675; (с надчеканами) I. 407, 418, 420?, 421, 430, 438, 447, 448, 460, 469—471, 502, 541, 561, 562, 574, 579, 581, 584, 587, 590, 598, 607?, 610, 624, 658, 678?
Шейбаниды (XVI в.) I. 410, 415, 419, 436?, 455, 488, 499, 515, 527?, 553, 608?, 626, 647?, 659?, 673; (с надчеканами) I. 411, 416, 463, 474, 486, 489, 491, 536, 572, 573, 625
Монеты с именами ханов (втор. пол. XVI—XVII в.) I. 403, 413, 465, 473, 525, 527, 608?
Монеты городских эмиссий XVI—XVII вв.
а) с надписями I. 409, 441, 497, 498, 510;
б) анэпиграфные (с изображениями животных, тамгами и пр.) I. 461, 482, 628, 651, 653, 656?, 674;
в) нечеканенные и «заготовки» I. 446, 452, 454, 495, 504?, 524, 538, 611, 648, 650, 652.

Указатель монетных дворов

Андиган I. 561

Бухара I. 407?, 417, 418, 421, 428, 444, 448, 453, 468—471, 484, 493?, 500, 503, 511, 515,

¹ Составлены по тому же принципу, что и в издании 1981 г.

521, 537?, 544, 551, 562?, 577?, 581, 581*², 583, 584, 587, 590, 598, 601?, 607, 609?, 624, 627, 629, 640?, 645, 663?

Герат I. 406?

Ясы см. Ясы

Карши I. 424?, 562?

Отрар I. 426, 432?, 462, 466, 478?, 494, 506, 514, 517, 547?, 552?, 669?, 677?

Параб I. 617, 618, 623, 660?, 667, 670

Сабран см. Сауран

Самарканд I. 410, 418*, 423, 424?, 425, 429, 431, 434, 451, 460*, 472, 474*, 479, 483, 487, 527?, 528, 534, 549, 556, 558, 562?, 564, 567, 584*?, 590*, 591, 608?, 620, 621, 626?, 628, 654, 672, 681? см. также в разделе II

Сауран I. 413?, 465, 520, 527?

Сыгнак I. 596

Ташкент I. 419?, 441, 489*, 491

Термез I. 438*, 565, 599

Хисар I. 550, 625*, 658*

Хорезм I. 427, 580, 594, 643; см. также в разделе II

Шахрухия I. 523?, 579?, 675

Ясы I. 409, 510?

Указатель литературы

1. *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ермакович Л. Б.* Позднесредневековый Отрар. Алма-Ата, 1981. Приложение: Каталог монет из раскопов и сборов на городище Отрар-тобе (1971—1977 гг.), I. Монеты из раскопов Отрара (1971—1976 гг.). С. 291—319.
2. Там же, II. Подъемные монеты и случайные находки (1971—1977 гг.). С. 320—333.
3. Там же, III. Монетные клады из раскопов Отрара (1971—1977 гг.). С. 333—339.
4. *Алексеев В. М.* Описание китайских монет и монетовидных амулетов, находящихся в нумизматическом отделении Имп. Эрмитажа. Спб., 1907.
5. *Байпаков К. М., Настич В. Н.* Новые данные по истории Отрара X—XIII вв. //Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1978. № 2. С. 44—50.
6. *Бурнашева Р. Э.* Монеты с городища Отрар-тобе и Отрарского оазиса: (Материалы 1969—1970 гг.) //Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973. С. 81—96.
7. *Быков А. А.* Монеты Китая. Л., 1969.
8. *Винник Д. Ф., Федоров М. Н.* Два клада караханидских дирхемов с городища Шиш-Тюбе //Киргизия при Караханидах. Фрунзе, 1983. С. 64—75.
9. *Давидович Е. А.* Ак-Бешимский клад караханидских монет XI в.: (Краткое заключение) //Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, М., 1959. Т. 2. С. 242.
10. *Она же.* История денежного обращения средневековой Средней Азии: (Медные монеты XV — первой четверти XVI в. в Мавераннахре). М., 1983.
11. *Она же.* Клад медных джагатаидских монет XIII в. //Докл. АН УзССР. 1949. № 6. С. 35—38.
12. *Она же.* Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М., 1979.
13. *Она же.* Новые данные по истории Саманидов: (Клад медных монет IX—X вв. из Самарканда) //Средняя Азия в древности и средневековье: (история и культура). М., 1977. С. 112—125.
14. *Она же.* По поводу двух кладов медных монет XV в. из Таджикистана //Эпиграфика Востока. 1966. XVII. С. 111—119.
15. *Кочнев Б. Д.* Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. 3: (Караханиды, Мас'уд-бек, Чагатанды, Тимуриды, Джаниды) //История материальной культуры Узбекистана. Ташкент, 1981. Вып. 16. С. 71—87.
16. *Она же.* Новые нумизматические данные по истории Караханидов второй половины XII — начала XIII в. //Киргизия при Караханидах. Фрунзе, 1983. С. 75—103.

² Номера, помеченные звездочкой, означают, что к данному монетному двору относятся не основной тип монеты, а ее надчекан.

17. *Кочнев Б. Д., Федоров М. Н.* Два клада караханидских дирхемов середины XI в. из Киргизии // *Нумизматика и эпиграфика*. 1974. Т. XI. С. 179—195.
18. *Марков А. К.* Инвентарный каталог мусульманских монет Имп. Эрмитажа. Спб., 1896.
19. *Массон М. Е.* К истории монетного чекана Средней Азии периода правления Тимура и Халил-Султана // *Общественные науки в Узбекистане*. 1969. № 8—9. С. 51—63.
20. *Настич В. Н.* Новые факты из истории монетного производства и денежного обращения в Южном Казахстане (XIII—XVII вв.) // *Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии: Материалы Всесоюзного совещания*, 13—15 мая 1981 г., г. Алма-Ата. Алма-Ата, 1983. С. 143—152.
21. *Смирнова О. И.* Каталог монет с городища Пенджикент: (Материалы 1949—1956 гг.). М., 1963.
22. *Она же.* Сводный каталог согдийских монет: Бронза. М., 1981.
23. *Федоров М. Н.* Клад монет Улугбека и Шахруха из Самарканда // *Общественные науки в Узбекистане*. 1969. № 3. С. 53—57.
24. *Федоров-Давыдов Г. А.* Нумизматика Хорезма золотоордынского периода // *Нумизматика и эпиграфика*. 1965. Т. V. С. 179—224.
25. *Френ Х. М.* Монеты ханов улуса Джучиева, или Золотой Орды, с монетами различных мухаммеданских династий в прибавлении ... Спб., 1832.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРОВ	3
ВВЕДЕНИЕ	5
Глава I. ЖИЛАЯ ЗАСТРОЙКА ОТРАРА	
Стратиграфия и хронология слоев	15
Особенности застройки шахристана	35
Своеобразие застройки рабада	93
Глава II. ОБЩЕСТВЕННЫЕ СООРУЖЕНИЯ ГОРОДА	
Соборная мечеть	103
Баня	112
Мавзолей	124
Глава III. ГОРОДСКИЕ РЕМЕСЛА, ТОРГОВЛЯ, СЕЛЬСКОЕ ХО- ХОЗЯЙСТВО	
Гончарное ремесло	129
Производство керамики	160
Кирпичеобжигательное ремесло	178
Производство кыра	184
Металлургическое ремесло и изготовление изделий из железа	187
Медницкое и бронзолитейное ремесла	193
Изготовление ювелирных изделий	198
Стеклоделие	209
Косторезное ремесло, обработка дерева и камня	210
Караванные пути, торговля, денежное обращение	211
Земледелие	218
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	219
ПРИЛОЖЕНИЕ	
Каталог монет городища Отрар-Тобе	224
Указатели к каталогу монет	252
Периодический	—
Монетных дворов	—
Литературы	253

Кемаль Акишевич Акишев,
Карл Молдахметович Байпаков,
Лев Борисович Ерзакович

ОТРАР В XIII—XV ВЕКАХ

*Утверждено к печати Ученым советом
Института истории, археологии и этнографии
им. Ч. Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР*

Рецензенты: кандидаты исторических наук
С. М. Ахинжанов, С. Жолдасбаев

Зав. редакцией Г. М. Ким
Редактор В. В. Сирождинова
Художественный редактор В. М. Грущак
Оформление художника Л. Г. Мироненко
Технический редактор В. М. Муромцева
Корректор Х. Б. Искакова

ИБ № 1886

Сдано в набор 21.07.87. Подписано в печать 09.11.87.
УГ10128. Формат 70×90^{1/16}. Бум. тип. № 1.
Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. п. л. 18,72.
Усл. кр.-отт. 19,60. Уч.-изд. л. 18,97. Тираж 2000.
Заказ 147. Цена 2 р. 40 к.

Издательство «Наука» Казахской ССР
480100, Алма-Ата, ул. Пушкина, 111/113
Типография издательства «Наука» Казахской ССР
480021, Алма-Ата, ул. Шевченко, 28.

